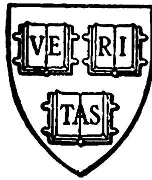

VE
RI
TAS

ЛѢТОПИС

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІ

ЖУРНАЛЪ

№ 11

НОЯБРЬ

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

I. М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ 9

II. И. БАБЕЛЬ. Мама, Римма и Алла. Элья Исааковичъ и Маргарита Прокофьевна 32

III. ВЯЧ. ШИШКОВЪ. Тайга 45

IV. Л. ТОЛСТОЙ. Ненапечатанныя главы изъ романа „Воскресенье" 68

V. П. СУХОТИНЪ. Стихотвореніе 77

VI. П. ЛЮИСЪ. Отчаявшаяся. Пер. съ фр. Ю. Ж. . 79

VII. Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ. Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна. Авт. пер. съ англ. М. ЛИКІАРДОПУЛО. . 84

VIII. Э. ГЕРМАНЪ. Стихотворенія 143

IX. А. ТИМИРЯЗЕВЪ. Старое и новое въ физикѣ . . 145

X. М. ПОКРОВСКІЙ. Константинополь 171

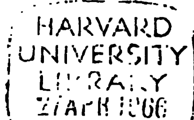
XI. Т. ТАМАНИНЪ. Разговоръ 190

XII. В. БАЗАРОВЪ. О національномъ вопросѣ . . . 206

XIII. ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ. В. ВОЛГИНЪ. Изъ иностранной хроники. М. СМИТЪ. Продовольственный вопросъ въ Англіи. Н. СОВСКІЙ. Политическій кризисъ въ Даніи. Т. ГНѢВИЧЪ. Независимая Польша 223

XIV. ПО РОССІИ. П. СУРОЖСКІЙ. На Дону . . . 259

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. НИКИТСКІЙ. Бюджетъ 1917 года. М. ПЕТРОВЪ. Муниципальная продовольственная кампанія. І. ДРОЗДОВЪ. Какъ создать у насъ чистую, независимую, народную газету? 273



стр.

XVI. БИБЛІОГРАФІЯ. *Статьи и обзоры:* **В. ЗЕЛЕНКО.** Обзоръ дѣтской литературы. **А. КУДРЯВЦЕВЪ.** Г. В. Плехановъ. Исторія русской общественной мысли. *Рецензіи:* **А. СЕРЕБРОВЪ.** Гюлистанъ. Альманахъ II. **Д. ВЫГОДСКІЙ.** «Памятники міровой литературы.» **Н. ВЕНГРОВЪ.** Ал. Ширяевецъ. «Запѣвка.» **Д. В.** Клементій Бутковскій. «Кавалерійскія побѣды.» **ВЯЧ. ПОЛОНСКІЙ.** Н. С. Сергѣевъ-Ценскій. «Наклонная Елена». **БРИКЪ.** С. Ауслендеръ. «Сердце воина». **Л. РЕЙСНЕРЪ.** Шарль де-Костеръ. «Уленшпигель». **А. БѢЛОЖЕНКО.** «Збірник памяти Т. Шевченка». **С. ДУБНОВА-ЭРЛИХЪ.** Леопольдъ Стаффъ. «Посѣвъ Судьбы». **РАФ. ГРИГОРЬЕВЪ.** Габріель д'Аннунціо. «Леда безъ лебедя». **А. ЛУНАЧАРСКІЙ.** Benedetto Croce. «Letteratura della nuova Italia». **В. ШКЛОВСКІЙ.** К. Фолль. «Опыты сравнительнаго изученія картинъ». **А. К-ВЪ.** Пр. Н. Фирсовъ. «Чтенія по исторіи Сибири». **А. ЛОЗОВСКІЙ.** Compte de Fels. «L'imperalisme Français». **Н. СОВСКІЙ.** «Selskabet for Social Forsken of Krigens Fölger». **Р. АРСКІЙ.** В. Майскій, Энзисъ, Velox. «Марксизмъ и вопросы войны и мира». **Г. ЗЕЗЕМАНЪ.** И. А. Михайловъ. «Война и денежное обращеніе». **М. ПЕТРОВЪ.** В. М. Хижняковъ. «Воспоминанія земскаго дѣятеля». *Замѣтки* 300

XVII. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ . . . 331

XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 334

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ гг. авторовъ представлять рукописи, переписанными на пишущей машинкѣ, или совершенно четко перомъ.

Редакція оставляетъ за собой право исправлять или сокращать рукописи по своему усмотрѣнію.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи—по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Пріемъ секретаря—по понедѣльн. и четверг. съ 3 до 5 час.

При этой книгѣ «Лѣтописи» разсылаются: почтовый переводный бланкъ для подписки на «Лѣтопись» въ 1917 году и почтовый переводный бланкъ журнала «Вѣстникъ Знанія» и летучка о подпискѣ на 1917 г. на журналъ «Солнце Россіи».

ТИПОГРАФІЯ
Акціонернаго О-ва Издательскаго Дѣла
«КОПѢЙКА».
Петроградъ, Сайкинъ пер., 6, собств. домъ.

ВЪ ЛЮДЯХЪ.

(Продолженіе). *

Въ общемъ, въ городѣ жилось не очень интересно; старая хозяйка относилась ко мнѣ враждебно, какъ раньше, молодая смотрѣла на меня подозрительно; Викторушка, еще болѣе порыжѣвшій отъ веснушекъ, фыркалъ на всѣхъ, чѣмъ-то неизлѣчимо обиженный.

Чертежной работы у хозяина было много; не успѣвая одолѣть ее вдвоемъ съ братомъ, онъ пригласилъ въ помощники вотчима моего.

Однажды я пришелъ съ Ярмарки рано, часовъ въ пять, и, войдя въ столовую, увидалъ забытаго мною человѣка у чайнаго стола, рядомъ съ хозяиномъ. Онъ протянулъ мнѣ руку.

— Здравствуйте...

Я ошалѣлъ отъ неожиданности, сразу пожаромъ вспыхнуло прошлое, обожгло сердце.

— Испугался даже, — крикнулъ хозяинъ.

Вотчимъ смотрѣлъ на меня съ улыбкой на страшно худомъ лицѣ; его темные глаза стали еще больше, весь онъ былъ потертый, раздавленный. Я сунулъ руку въ его тонкіе горячіе пальцы.

— Ну, вотъ, снова встрѣтились, — сказалъ онъ покашливая.

Я ушелъ, ослабѣвъ, какъ избитый.

Между нами установились какія-то осторожныя и неясныя отношенія — онъ называлъ меня по имени и отчеству, говорилъ со мною, какъ съ равнымъ.

— Когда пойдете въ лавку, пожалуйста, купите мнѣ четверть фунта табаку Лафермъ, сотню гильзъ Викторсонъ и фунтъ вареной колбасы...

Деньги, которыя онъ давалъ мнѣ, всегда были непріятно нагрѣты его горячей рукой. Было ясно, что онъ — чахоточный и не жилецъ на землѣ. Онъ зналъ это и говорилъ спокойнымъ баскомъ, закручивая острую черную бородку:

---

*) См. «Лѣтопись» №№ I—X за 1916 г.

— У меня болѣзнь почти неизлѣчимая. Впрочемъ, если много употреблять мяса, то — можно поправиться. Можетъ быть, я поправлюсь.

Ѣлъ онъ невѣроятно много, ѣлъ и курилъ папиросы, выпуская ихъ изо рта только во время ѣды. Я каждый день покупалъ ему колбасу, ветчину, сардины, но сестра бабушки увѣренно и, почему-то, злорадно говорила:

— Смерть закусками не накормишь, ее не обманешь, нѣтъ!

Хозяева относились къ вотчиму съ обиднымъ вниманіемъ, упорно совѣтовали ему попробовать то или иное лекарство, но за глаза высмѣивала его.

— Дворянинъ! Крошки, говоритъ, надобно чаще сметать со столовъ, мухи, дескать, разводятся отъ крошекъ, — разсказывала молодая хозяйка, а старуха ей вторила:

— Какъ-же, дворянинъ! Сюртучишко-то весь протерся, залоснился, а онъ его все еще щеткой шаркаетъ. Привередникъ, чтобы — ни пылинки!

А хозяинъ точно утѣшалъ ихъ:

— Погодите, звѣри-курицы, умретъ онъ скоро!..

Это безсмысленное враждебное отношеніе мѣщанъ къ дворянину невольно сближало меня съ вотчимомъ. Мухоморъ — тоже поганый грибъ, да хоть — красивъ!

Задыхавшійся среди этихъ людей, вотчимъ былъ похожъ на рыбу, случайно попавшую въ куриный садокъ, — нелѣпое сравненіе, какъ нелѣпа была вся эта жизнь.

Я сталъ находить въ немъ черты «Хорошаго дѣла», — человѣка, незабвеннаго для меня; его и Королеву я украшалъ всѣмъ лучшимъ, что мнѣ давали книги, имъ отдавалъ я чистѣйшее мое, всѣ фантазіи, порожденныя чтеніемъ. Вотчимъ, такой же чужой и нелюбимый человѣкъ, какъ «Хорошее дѣло». Онъ держался со всѣми въ домѣ ровно, никогда не заговаривалъ первый отвѣчалъ на вопросы какъ-то особенно вѣжливо и кратко. Мнѣ очень нравилось, когда онъ училъ хозяина: стоитъ у стола, согнувшись вдвое и, постукивая сухимъ ногтемъ по толстой бумагѣ, спокойно внушаетъ:

— Здѣсь необходимо связать стропила ключомъ. Это пересѣчетъ силу давленія на стѣны, иначе стропила будутъ распирать стѣны.

— Вѣрно, чортъ возьми! — бормоталъ хозяинъ, а жена говорила ему, когда вотчимъ уходилъ:

— Просто удивляюсь, какъ ты позволяешь учить себя!

Ее почему-то особенно раздражало, когда вотчимъ после ужина чистилъ зубы и полоскалъ ротъ, выгибая острый кадыкъ.

— По-моему, — кислымъ голосомъ говорила она, — вамъ, Евгеній Васильичъ, вредно такъ загибать голову!

Онъ, вѣжливо улыбаясь, спрашивалъ:

— Почему-же?

— Да... такъ ужъ...

Онъ начиналъ чистить костяной палочкой свои синеватые ногти.

— Скажите, ногти еще чиститъ! — волновалась хозяйка. — Умираетъ, а туда-же...

— Эхе-хе! — вздыхалъ хозяинъ. — Сколько на васъ, звѣри-курицы, глупости наросло...

— Да ты что это говоришь? — возмущалась супруга.

А старуха по ночамъ пылко жаловалась Богу:

— Господи, вотъ повѣсили мнѣ на шею гнилого этого, а Викторушка — опять въ сторонѣ...

Викторушка сталъ подражать манерамъ вотчима, его медленной походкѣ, увѣреннымъ движеніямъ барскихъ рукъ; его умѣнью какъ-то особенно пышно завязывать галстукъ и ловко, не чавкая, ѣсть. Онъ то и дѣло грубо спрашивалъ:

— Максимовъ, какъ по-французски — колѣно?

— Меня зовутъ Евгеній Васильевичъ, — спокойно напоминалъ вотчимъ.

— Ну, ладно! А — грудь?

За ужиномъ Викторушка командовалъ матери:

— Ма меръ, донне муазанкоръ солонины!

— Ахъ ты, французикъ, — умилялась старуха.

Вотчимъ невозмутимо, какъ глухонѣмой, жевалъ мясо, ни на кого не глядя.

Однажды старшій братъ сказалъ младшему:

— Теперь, Викторъ, когда ты по-французски выучился, тебѣ надо любовницу завести...

Это былъ единственный разъ, когда, я помню, вотчимъ, молча улыбнулся.

А хозяйка возмущенно бросила ложку на столъ и закричала мужу:

— Какъ тебѣ не стыдно пакости при мнѣ говорить!

Иногда вотчимъ приходилъ ко мнѣ въ черныя сѣни:

тамъ, подъ лѣстницей на чердакъ, я спалъ, на лѣстницѣ, противъ окна, читалъ книги.

— Читаете? — спрашивалъ онъ, выдыхая дымъ; въ груди у него шипѣли головни. — Что это?

Я показывалъ книгу.

— Ахъ, — говорилъ онъ, взглянувъ на титулъ, — это я, кажется, читалъ! Хотите курить?

Курили, поглядывая въ окно на грязный дворъ; онъ говорилъ:

— Очень жаль, что вы не можете учиться, у васъ, кажется, есть способности...

— Вотъ, я учусь, читаю...

— Этого мало, нужна — школа; система...

Хотѣлось сказать ему:

— У васъ, сударь мой, и школа, и система была, а — что толку?

Но онъ, какъ-бы подозрѣвая мои мысли, добавлялъ:

— При наличіи характера, — школа хорошо воспитываетъ. Жизнь могутъ двигать только очень грамотные люди...

Но однажды онъ совѣтовалъ мнѣ:

— Вы-бы лучше ушли отсюда, не вижу здѣсь смысла и пользы для васъ...

— Мнѣ нравятся рабочіе.

— А... Чѣмъ-же?

— Интересно съ ними.

— Можетъ быть...

А однажды онъ сказалъ:

— Какая, въ сущности, дрянь, эти наши хозяева, дрянь...

Вспомнивъ, какъ и когда произнесла это слово моя мать, я невольно отодвинулся отъ него — онъ спросилъ, улыбаясь:

— Вы не такъ думаете?

— Такъ.

— Ну, да... Я это вижу.

— Хозяинъ, все-таки, нравится мнѣ...

— Да, онъ, пожалуй, добрый мужикъ... Но — смѣшной.

Мнѣ хотѣлось говорить съ нимъ о книгахъ, но онъ, видимо, не любилъ книгъ и не однажды совѣтовалъ мнѣ:

— Вы — не увлекайтесь, въ книгахъ все очень прикрашено, искажено въ ту или иную сторону. Большинство пишущихъ книги, это люди вродѣ нашего хозяина—мелкіе люди.

Подобныя сужденія казались мнѣ смѣлыми и подкупали меня.

Какъ-то разъ онъ спросилъ меня:

— Вы читали Гончарова?

— «Фрегатъ Паллада».

— Это очень скучно, Паллада. Но, вообще, Гончаровъ — самый умный писатель въ Россіи. Совѣтую прочитать его романъ «Обломовъ». Это наиболѣе правдивая и смѣлая книга у него. И вообще въ русской литературѣ — лучшая книга...

О Диккенсѣ онъ говорилъ:

— Это — чепуха, увѣряю васъ... А вотъ въ приложеніяхъ къ газетѣ «Новое Время» печатается весьма интересная вещь «Искушеніе святаго Антонія» — это вы прочитайте! Вы, кажется, любите церковь и все это, церковное. «Искушеніе» вамъ будетъ полезно...

Онъ самъ принесъ мнѣ пачку приложеній, я прочиталъ мудрую работу Флобера; она напомнила мнѣ безчисленныя житія святыхъ, кое-что изъ исторій, разсказанныхъ начетчикомъ, но особенно глубокаго впечатлѣнія не вызвала, гораздо болѣе мнѣ понравились напечатанные рядомъ съ нею «Мемуары Упиліо Файмали, укротителя звѣрей».

Когда я сознался въ этомъ вотчиму, онъ спокойно замѣтилъ:

— Значитъ — вамъ еще рано читать такія вещи! Но — не забывайте объ этой книгѣ...

Иногда онъ долго сидѣлъ со мною, не говоря ни слова, только покашливая и непрерывно исходя дымомъ. Его красивые глаза жутко горѣли. Я тихонько смотрѣлъ на него и забывалъ, что этотъ человѣкъ, умирающій такъ честно и просто, безъ жалобъ, когда-то былъ близокъ моей матери и оскорблялъ ее. Я зналъ, что онъ живетъ съ какой-то швейкой, и думалъ о ней съ недоумѣніемъ и жалостью: какъ она не брезгуетъ обнимать эти длинныя кости, цѣловать этотъ ротъ, изъ котораго тяжко пахнетъ гнилью? Такъ-же, какъ бывало «Хорошее дѣло», вотчимъ неожиданно говорилъ, что-то очень свое:

— Я люблю гончихъ собакъ, онѣ — глупыя, но я ихъ люблю. Очень красивы. Красивыя женщины часто бываютъ глупы...

Я не безъ гордости думалъ:

«Зналъ-бы ты Королеву Марго!»

— У всѣхъ людей, которые долго живутъ, въ одномъ

домѣ, лица становятся одинаковыми, — сказалъ онъ однажды, я записалъ это въ свою тетрадь.

Я ждалъ этихъ изреченій, какъ благостыни, — пріятно было слышать необычныя сочетанія словъ въ домѣ, гдѣ всѣ говорили безцвѣтнымъ языкомъ, закостѣнѣвшемъ въ истертыхъ, однообразныхъ формахъ.

Вотчимъ никогда не говорилъ со мною о матери, даже, кажется, имени ея не произнесъ никогда; это очень нравилось мнѣ, возбуждая чувство, близкое уваженію къ нему.

Какъ-то разъ я спросилъ его о Богѣ, — не помню что именно; онъ взглянулъ на меня и спокойно очень сказалъ:

— Не знаю. Я въ Бога не вѣрю.

Я вспомнилъ Ситанова и разсказалъ о немъ, а вотчимъ, внимательно выслушавъ меня, замѣтилъ все такъ же спокойно:

— Онъ разсуждаетъ, а разсуждающій все-таки вѣритъ во что-то... Я просто — не вѣрю!

— А развѣ это можно?

— Почему же нельзя? Вотъ видите — не вѣрю...

Я видѣлъ одно — онъ умираетъ. Едва ли я жалѣлъ его, но впервые почувствовалъ острый и естественный интересъ къ умирающему ближнему, къ тайнѣ смерти.

Вотъ — сидитъ человѣкъ, касаясь меня колѣномъ, горячій, думающій; увѣренно разставляетъ людей по линіямъ своихъ отношеній къ нимъ; говоритъ обо всемъ, какъ имущій власть судить и разрѣшать, — въ немъ есть нѣчто нужное мнѣ, или нѣчто хорошее, оттѣняющее ненужное для меня. Это — существо непостижимой сложности, вмѣстилище безконечнаго вихря мыслей; какъ бы я ни относился къ нему, онъ является частью меня самого, живетъ гдѣ-то во мнѣ, я о немъ думаю, и тѣнь души его лежитъ на моей душѣ. Завтра онъ весь исчезнетъ, весь, со всѣмъ, что скрыто въ его головѣ, сердцѣ, что я, — мнѣ кажется, — умѣю читать въ его красивыхъ глазахъ. Когда онъ исчезнетъ — порвется одна изъ живыхъ нитей, связующихъ меня съ міромъ, останется воспоминаніе, но — оно цѣликомъ во мнѣ, навсегда ограничено, неизмѣнно. А живое, измѣняющееся — уйдетъ...

Но это — мысли, а за ними лежитъ то невыразимое

словами, что родитъ и питаетъ ихъ, что властно понуждаетъ всматриваться въ явленія жизни, отъ каждаго изъ нихъ требуетъ отвѣта — зачѣмъ?

— Кажется, я скоро лягу, знаете, — сказалъ вотчимъ однажды, въ дождливый день. — Такая глупая слабость! И ничего не хочется...

На другой день за вечернимъ чаемъ онъ особенно тщательно сметалъ со стола и съ колѣнъ крошки хлѣба, отстранялъ отъ себя что-то невидимое, а старуха-хозяйка, глядя на него исподлобья, говорила снохѣ шопотомъ:

— Гляди — ощипывается, чистится...

Дня черезъ два онъ не пришелъ работать, а потомъ старая хозяйка сунула мнѣ большой бѣлый конвертъ, говоря:

— На-ко, вчера еще бабенка принесла, о полдень, да забыла я отдать. Миленькая бабенка-то, а ужъ какъ она тебѣ приходится — не знаю, право!

Въ конвертѣ, на листѣ бумаги съ бланкомъ больницы, было написано крупными буквами:

«Будете имѣть свободный часъ — придите повидаться. Я въ Мартыновской. Е. М.».

На другой день, утромъ, я сидѣлъ въ больничной палатѣ, на койкѣ вотчима; онъ былъ длиннѣе койки, и ноги его, въ сѣрыхъ, сбившихся носкахъ, торчали сквозь прутья спинки. Красивые глаза, мутно плутая по желтымъ стѣнамъ, останавливались на моемъ лицѣ и на маленькихъ рукахъ дѣвушки, сидѣвшей на табуретѣ у изголовья. Она положила руки на подушку, и вотчимъ терся щекой о нихъ, открывъ ротъ. Дѣвушка была полненькая, въ темномъ гладкомъ платьѣ; по ея овальному лицу медленно стекали слезы; мокрые голубые глаза, не отрываясь, смотрѣли въ лицо вотчима, на острыя кости, большой, заострившійся носъ и темный ротъ.

— Священника бы, — шептала она, — а онъ не велитъ... не понимаетъ ничего...

И, снявъ руки съ подушки, она прижала ихъ къ груди, точно молясь.

На минуту вотчимъ пришелъ въ себя, посмотрѣлъ въ потолокъ, серьезно нахмурясь и словно вспоминая что-то, потомъ подвинулъ ко мнѣ свою тощую руку.

— Вы? Спасибо. Вотъ, видите... Чувствую очень глупо... себя...

Это его утомило, онъ закрылъ глаза; я погладилъ его длинные, холодные пальцы съ синими ногтями, дѣвушка тихо попросила:

— Евгеній Васильичъ, согласитесь, пожалуйста!

— Вотъ — познакомьтесь, — проговорилъ онъ, указавъ на нее глазами. — Милый человѣкъ...

Замолчалъ, все шире открывая ротъ, и вдругъ вскрикнулъ, хрипло, точно воронъ; завозился на койкѣ, сбивая одѣяло, шаря вокругъ себя голыми руками, — дѣвушка тоже закричала, сунувъ голову въ измятую подушку.

Умеръ вотчимъ быстро; умеръ и тотчасъ похорошѣлъ.

Я вышелъ изъ больницы подъ руку съ дѣвушкой. Она качалась, какъ больная, плакала. Въ рукѣ у нея былъ сжатый въ комъ платокъ, поочередно прикладывая его къ глазамъ, она свертывала платокъ все туже и смотрѣла на него такъ, какъ будто это было самое драгоцѣнное и послѣднее ея.

Вдругъ остановилась, прижавшись ко мнѣ, говоря съ упрекомъ:

— И до зимы не дожилъ... ахъ, Господи, Господи, что же это такое?

Потомъ протянула мнѣ руку, мокрую отъ слезъ.

— Прощайте. Онъ васъ очень хвалилъ. Хоронить — завтра.

— Проводить васъ до дому?

Она оглянулась.

— Зачѣмъ же? Теперь—день, не ночь.

Изъ-за угла переулка я посмотрѣлъ вслѣдъ ей, — шла она тихонько, какъ человѣкъ, которому некуда торопиться.

Былъ августъ, уже съ деревьевъ падалъ листъ.

У меня не нашлось времени проводить вотчима на кладбище, и я никогда больше не видѣлъ эту дѣвушку...

XVII.

Каждое утро, въ шесть часовъ, я отправлялся на работы, на Ярмарку. Тамъ меня встрѣчали интересные люди: плотникъ Осипъ, сѣденькій, похожій на Николая Угодника, лов-

кій работникъ и острословъ; горбатый кровельщикъ Ефимушка; благочестивый каменщикъ Петръ, задумчивый человѣкъ, тоже напоминавшій святого; штукатуръ Григорій Шишлинъ, русобородый, голубоглазый красавецъ, сіявшій тихой добротой.

Я зналъ этихъ людей во второй періодъ жизни у чертежника; каждое воскресенье они, бывало, являлись въ кухню, степенные, важные, съ пріятною рѣчью, съ новыми для меня, вкусными словами. Всѣ эти солидные мужики тогда казались мнѣ четкими, насквозь хорошими; каждый былъ по своему интересенъ, всѣ выгодно отличались отъ злыхъ, вороватыхъ и пьяныхъ мѣщанъ слободы Кунавина.

Больше всѣхъ мнѣ нравился тогда штукатуръ Шишлинъ, я даже просился въ артель къ нему, но онъ, почесывая золотую бровь бѣлымъ пальцемъ, мягко отказалъ мнѣ:

— Рано для тебя, наша работа — нелегкая, погоди годъ-другой...

Потомъ, взметнувъ красивой головою, спросилъ:

— Али не ладно живется? Ну, ничего, потерпи, сожмись крѣпче въ самомъ себѣ, тогда — стерпишь!

Не знаю, что далъ мнѣ этотъ добрый совѣтъ, но я благодарно запомнилъ его.

Они и теперь приходили къ моему хозяину утромъ каждаго воскресенья, разсаживались на скамьяхъ вокругъ кухоннаго стола и, ожидая хозяина, интересно бесѣдовали. Хозяинъ шумно и весело здоровался съ ними, пожимая крѣпкія руки, садился въ передній уголъ. Появлялись счеты, пачка денегъ, мужики раскладывали по столу свои счеты, измятыя записныя книжки, — начинался расчетъ за недѣлю.

Шутя и балагуря, хозяинъ старался обсчитать ихъ, а они — его; иногда крѣпко ссорились, но чаще — дружно смѣялись.

— Эхъ, милый человѣкъ, жуликомъ ты родился! — говорили мужики хозяину.

Онъ отвѣчалъ, сконфуженно посмѣиваясь:

— Ну, и вы, звѣри-курицы, тоже довольно жуликоваты!

— Да вѣдь какъ иначе, другъ? — сознавался Ефимушка, а серьезный Петръ говорилъ:

— Тѣмъ и живъ, что украдешь, а что выработаешь — Богу, да царю...

— Вотъ и мнѣ охота объегорить васъ! — смѣялся хозяинъ.

Они добродушно поддерживали его:

— Поддедюлить, значитъ?

— Подкузьмить?

Григорій Шишлинъ, прижимая руками ко груди пышную бороду, пѣвуче просилъ:

— Братцы, а давайте просто дѣла дѣлать, безъ обмана? Вѣдь ежели честно жить, — такъ вѣдь. какъ хорошо, спокойно, а? Народъ родной, а?

Голубые глаза его темнѣли, увлажнялись; былъ онъ въ эти минуты удивительно хорошъ; всѣхъ, какъ будто, немножко смущала его просьба, всѣ сконфуженно отворачивались отъ него.

— Мужикъ на много не омманетъ, — вздыхая, ворчалъ благообразный Осипъ, какъ-бы жалѣя мужика.

Темный каменщикъ, согнувъ надъ столомъ сутулую спину, густо говорилъ:

— Грѣхъ, что болото — чѣмъ далѣ, тѣмъ вязче!

И въ тонъ рѣчамъ ихъ хозяинъ бормочетъ:

— Я — что-же? Откликаюсь, какъ аукнется...

Пофилософствовавъ, снова пытаются надуть другъ друга, а расчитавшись, потные и усталые отъ напряженія, идутъ въ трактиръ пить чай, пригласивъ съ собою и хозяина.

На Ярмаркѣ я долженъ былъ слѣдить, чтобы эти люди не воровали гвоздей, кирпича, тесу; каждый изъ нихъ, кромѣ работы у моего хозяина, имѣлъ свои подряды и каждый старался стащить что-нибудь изъ-подъ носа у меня на свое дѣло.

Они встрѣтили меня ласково, а Шишлинъ сказалъ:

— Помнишь, ты просился въ артель ко мнѣ? А теперь — эвонъ, куда тебя вознесло, будешь надо мной начальникомъ, а?

— Ну, ну, — балагурилъ Осипъ, — стереги да береги, Богъ тебѣ помоги!

Петръ недружелюбно замѣтилъ:

— Нарядили молодого журавля управлять старыми мышами...

Мои обязанности жестоко смущали меня; мнѣ было стыдно передъ этими людьми, — всѣ они казались знающими

что-то особенное, хорошее и никому, кромѣ нихъ, не вѣдомое, а я долженъ смотрѣть на нихъ, какъ на воровъ и обманщиковъ. Первые дни мнѣ было трудно съ ними, но Осипъ скоро замѣтилъ это и однажды, съ глазу на глазъ, сказалъ мнѣ:

— Вотъ, что, паренекъ, ты не надувайся, это ни къ чему— понялъ?

Я, конечно, ничего не понялъ, но почувствовалъ, что старикъ понимаетъ нелѣпость моего положенія, и у меня быстро наладились съ нимъ отношенія откровенныя.

Онъ поучалъ меня гдѣ нибудь въ уголкѣ:

— Середь насъ, коли хочешь знать, главный воръ — каменщикъ Петруха; онъ человѣкъ многосемейный, жадный. За нимъ — гляди въ оба, онъ ничѣмъ не брезгуетъ, ему все годится: фунтъ гвоздей, десятокъ кирпича, мѣшокъ известки, — все подай сюда! Человѣкъ онъ — хорошій, богомолъ, мыслей строгихъ и грамотенъ, ну, а — воровать любитъ! Ефимушка — въ бабъ живетъ, онъ — смирный, онъ для тебя — безобидный. Онъ тоже умный, горбатые — всѣ не дураки! А вотъ Григорій Шишлинъ — этотъ придурковатъ, ему не то, чужое взять, абы свое — отдать! Онъ работаетъ вовсе въ пустую, его всякъ можетъ омманyть, а онъ — не можетъ! Безъ ума руководится...

— Онъ — добрый?

Осипъ посмотрѣлъ на меня какъ-то издали и сказалъ памятныя слова:

— Вѣрно, добрый! Лѣнивому добрымъ быть — самое простое; доброта, парень, ума не проситъ...

— Ну, а самъ ты? — спросилъ я Осипа. Онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Я — какъ дѣвушка, — буду бабушкой, тогда про себя и скажу, ты погоди, покуда! А то — умомъ поищи, гдѣ я спрятанъ — поищи-ко, вотъ!

Онъ опрокидывалъ всѣ мои представленія о немъ и его друзьяхъ. Мнѣ трудно было сомнѣваться въ правдѣ его отзывовъ, — я видѣлъ, что Ефимушка, Петръ, Григорій считаютъ благообразнаго старика болѣе умнымъ и свѣдующимъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, чѣмъ сами они. Они обо всемъ совѣтовались съ нимъ, выслушивали его совѣты внимательно, оказывали ему всякіе знаки почтенія.

— Сдѣлай милость, посовѣтуй ты намъ, — просили они

его, но послѣ одной изъ такихъ просьбъ, когда Осипъ отошелъ, каменщикъ тихо сказалъ Григорію:

— Еретикъ.

А Григорій, усмѣхаясь, добавилъ:

— Паяцъ.

Штукатуръ дружески предупреждалъ меня:

— Ты гляди, Максимычъ, со старикомъ — надо жить осторожно, онъ тебя въ одинъ часъ вокругъ пальца обернетъ! Эдакіе, вотъ, старички ѣдучіе — избави Боже до чего вредны!

— Чѣмъ вредны?

— Да ужъ — такъ! — отвѣтилъ красивый мужикъ, подмигивая.

Я ничего не понималъ.

Мнѣ казалось, что самый честный и благочестивый человѣкъ — каменщикъ Петръ; онъ обо всемъ говорилъ кратко, внушительно, его мысль чаще всего останавливалась на Богѣ, адѣ и смерти.

— Эхъ, ребята-братцы, какъ ни бейся, на что ни надѣйся, а гроба да погоста никому не миновать-стать!

У него постоянно болѣлъ животъ, и бывали дни, когда онъ совсѣмъ не могъ ѣсть; даже маленькій кусочекъ хлѣба вызывалъ у него боли до судорогъ и мучительную тошноту.

Горбатый Ефимушка казался тоже очень добрымъ и честнымъ, но всегда — смѣшнымъ, порою — блаженнымъ, даже безумнымъ, какъ тихій дурачокъ. Онъ постоянно влюблялся въ разныхъ женщинъ и обо всѣхъ говорилъ одними и тѣми-же словами:

— Прямо скажу: не баба, а цвѣтокъ въ сметанѣ, ей-бо-о!

Когда бойкія кунавинскія мѣщанки приходили мыть полы въ лавкахъ, Ефимушка спускался съ крыши и, становясь гдѣ-нибудь въ уголокъ, мурлыкалъ, прищуривъ сѣрые, живые глаза, растягивая большой ротъ до ушей.

— Экую бабочку ядреную привелъ мнѣ Господь; эдакая радость низошла до меня; ну, и что-же это за цвѣтокъ въ сметанѣ, да и какъ-же мнѣ судьбу благодарить за эдакій подарокъ? Да я отъ такой красоты живъ — сгорю!

Сначала бабы смѣялись надъ нимъ, покрикивая одна другой:

— Глядите-ко, какъ горбатый таетъ, а — батюшки!

Насмѣшки ни мало не задѣвали кровельщика, его ску-

ластое лицо становилось соннымъ, онъ говорилъ, точно въ бреду, сладкія слова текли пьянымъ потокомъ и замѣтно опьяняли женщинъ. Наконецъ, какая-нибудь постарше говорила удивленно подругамъ:

— Вы послушайте, какъ мужикъ мается, чисто молодой парень!

— Птицей поетъ...

— Али нищимъ на паперти, — не сдавалась упрямая.

Но Ефимушка не былъ похожъ на нищаго; онъ стоялъ крѣпко, точно коренастый пень, голосъ его звучалъ все призывнѣе, слова становились заманчивѣе, бабы слушали ихъ молча. Онъ, дѣйствительно, какъ-бы таялъ ласковой, дурманной рѣчью.

Кончалось это тѣмъ, что во время паужина, или послѣ шабаша, онъ, покачивая тяжелой, угловатой головою, говорилъ товарищамъ изумленно:

— Ну, и какая-же бабочка сладкая, да милая, — первой разъ въ жизни коснулся эдакой!

Разсказывая о своихъ побѣдахъ, Ефимушка не хвастался, не насмѣшничалъ надъ побѣжденной, какъ всегда дѣлали другіе, онъ только радостно и благодарно умилялся, а сѣрые глаза его удивленно расширялись.

Осипъ, покачивая головою, восклицалъ:

— Ахъ, ты, неистребимый мужчина! Который тебѣ годокъ пошелъ?

— А годовъ мнѣ — четыре на сорокъ. Да это — ничего! Я сегодня лѣтъ на пятокъ помолодѣлъ, какъ въ рѣкѣ искупался въ живой водѣ, оздоровѣлъ весь, на сердцѣ — спокойно! Нѣтъ, — вѣдь какія женщины бываютъ, а?

Каменщикъ сурово говорилъ ему:

— Какъ шагнешь за пятый десятокъ, гляди, — горькосолоны будутъ тебѣ похабныя привычки твои!

— Безстыдникъ ты, Ефимушка, — вздыхалъ Григорій Шишлинъ.

А мнѣ казалось, что красавецъ завидуетъ удачѣ горбатаго.

Осипъ смотрѣлъ на всѣхъ изъ подъ ровненько закрученныхъ серебряныхъ бровей и балагурилъ:

— У всякой Машки — свои замашки, эта любитъ чашки да ложки, а другая — пряжки, да сережки, — и всѣ Машки будутъ бабушки...

Шишлинъ былъ женатъ, но жена у него оставалась въ деревнѣ, онъ тоже засматривался на поломоекъ. Всѣ онѣ были легко доступны, каждая «прирабатывала»; къ этому роду заработка въ голодной слободѣ относились такъ же просто, какъ ко всякой иной работѣ. Но красавецъ мужикъ не трогалъ женщинъ, онъ только смотрѣлъ на нихъ издали особеннымъ взглядомъ, точно жалѣя кого-то, себя или ихъ. А когда онѣ сами начинали заигрывать съ нимъ, соблазняя его, онъ, сконфуженно посмѣиваясь, уходилъ прочь...

— Ну, васъ...

— Что ты, чудачекъ? — удивлялся Ефимушка. — Развѣ можно случай терять?

— Я — женатый, — напоминалъ Григорій.

— Да развѣ жена узнаетъ?

— Жена всегда узнаетъ, ежели нечестно жилъ, ее братъ, не обманешь!

— Да какъ узнаетъ?

— Это мнѣ неизвѣстно — какъ, а — должна узнать, ежели сама она честно живетъ. А ежели я честно живу, а она согрѣшитъ — я про нее узнаю...

— Да — какъ? — кричитъ Ефимушка, но Григорій спокойно повторяетъ:

— Это мнѣ неизвѣстно.

Кровельщикъ возмущенно разводитъ руками.

— Вотъ — пожалуйте! Честно, неизвѣстно... Эхъ ты, голова!

Рабочіе Шишлина, семь человѣкъ, относились къ нему просто, не чувствуя въ немъ хозяина, а за глаза называли его теленкомъ. Являясь на работу и видя, что они лѣнятся, онъ бралъ соколокъ, лопату и артистически принимался за дѣло самъ, ласково покрикивая:

— Наддай, ребятки, наддай!

Однажды, исполняя сердитое порученіе хозяина моего, я сказалъ Григорію:

— Плохіе у тебя работники...

Онъ какъ будто удивился:

— Да ну?

— Эту работу надо-бы еще вчера до полудня кончить, а они и сегодня не успѣютъ...

— Это вѣрно — не успѣютъ, — согласился онъ и помолчавъ, осторожно сказалъ:

— Я, конечно, вижу, да совѣстно подгонять ихъ — вѣдь все свои, изъ одной деревни со мной. Опять-же и то возьми: наказано Богомъ — въ потѣ лица ѣшь хлѣбъ, такъ что — для всѣхъ заказано, для тебя, для меня. А мы съ тобой менее ихъ трудимся, ну — неловко, будто, подгонять-то ихъ...

Онъ жилъ задумчиво; идетъ по пустымъ улицамъ Ярмарки и вдругъ, остановясь на одномъ изъ мостовъ Обводнаго канала, долго стоитъ у перилъ, глядя въ воду, въ небо, въ даль за Оку. Настигнешь его, спросишь:

— Ты что?

— А? — просыпаясь, смущенно улыбается онъ. — Это я такъ... присталъ, поглядѣлъ немножко...

— Хорошо, братъ, устроено все у Бога, — нерѣдко говорилъ онъ. — Небушко, земля, рѣки текутъ, пароходы бѣжатъ. Сѣлъ на пароходъ, и куда хошь: въ Рязань, али въ Рыбинской, въ Пермь, до Астрахани! Въ Рязани я былъ, ничего — городокъ, а скушный; скушнѣе Нижняго, Нижній у насъ — молодецъ, веселый! И Астрахань — скушнѣе. Въ Астрахани, главное, калмыка много, а я этого не люблю. Не люблю никакой мордвы, калмыковъ этихъ, персіанъ, нѣмцевъ и всякихъ народцевъ...

Онъ говоритъ медленно, слова его осторожно нащупываютъ согласно мыслящаго человѣка и всегда находятъ ихъ въ каменщикѣ Петрѣ.

— Не народцы они, а — мимородцы, — увѣренно и сердито говоритъ Петръ, — мимо Христа родились, мимо Христа идутъ...

Григорій оживляется, сіяетъ.

— Такъ-ли, нѣтъ-ли, а я, братцы, люблю чистый народъ, русскій, чтобы глазъ былъ прямой! Жидовъ я тоже не люблю и даже не понимаю, зачѣмъ Богу народцы? Премудро устроено...

Каменщикъ добавляетъ сумрачно:

— Премудро, а — быдто лишняго многонько!..

Прислушавшись къ ихъ рѣчамъ, вступаетъ Осипъ, насмѣшливо и ѣдко:

— Лишнее — есть, вотъ рѣчи эти ваши — вовсе лишнія! Эхъ, вы, сехта! Пороть-бы васъ всѣхъ-то.

Осипъ держится самъ по себѣ, но нельзя понять, — съ чѣмъ онъ согласенъ, противъ чего будетъ спорить? Иногда кажется, что онъ равнодушно согласенъ со всѣми людьми,

со всѣми ихъ мыслями; но чаще видишь, что всѣ надоѣли ему, онъ смотритъ на людей, какъ на полуумныхъ и говоритъ Петру, Григорію, Ефимушкѣ:

— Эхъ, вы, щенки свинячьи...

Они усмѣхаются, не очень весело и охотно, а все таки, усмѣхаются.

Хозяинъ выдавалъ мнѣ на хлѣбъ пятачекъ въ день; этого не хватало, я немножко голодалъ; видя это, рабочіе приглашали меня завтракать и паужинать съ ними, а иногда и подрядчики звали меня въ трактиръ чай пить. Я охотно соглашался, мнѣ нравилось сидѣть среди нихъ, слушая медленныя рѣчи, странные разсказы; имъ доставляла удовольствіе моя начитанность въ церковныхъ книгахъ.

— Наклевался ты книжекъ до сыта, набилъ зобъ туго,— говорилъ Осипъ, внимательно глядя на меня васильковыми глазами; трудно уловить ихъ выраженіе, — зрачки у него всегда точно плавятся, таютъ.

— Ты береги это прикапливай, годится; выростешь — иди въ монахи народъ словесно утѣшать, а то — въ милліонеры...

— Мисіонеры, — поправляетъ каменщикъ почему-то обиженнымъ голосомъ.

— Ась? — спрашиваетъ Осипъ.

— Мисіонеры говорится, вѣдь знаешь! И не глухъ ты...

— Ну, ладно, въ мисіонеры, съ еретиками спорить. А то въ самые еретики запишись, — тоже должность хлѣбная! При умѣ и ересью прожить можно...

Григорій сконфуженно смѣется, а Петръ говоритъ въ бороду:

— Вотъ колдуны тоже не плохо живутъ, безбожники разные...

Но Осипъ тотчасъ возражаетъ:

— Колдунъ грамотенъ не живетъ, грамота колдуну не ко двору...

И разсказываетъ мнѣ:

— Вотъ, погляди, послушай: жилъ въ нашей волости бобылекъ одинъ, Тушкой звали, захудящій мужиченко, пустой; жилъ — перомъ, туда-сюда, куда вѣтеръ дуетъ, а — ни работникъ, ни бездѣльникъ! Вотъ, пошелъ онъ единожды, отъ нечего дѣлать, на богомолье и плуталъ два года срока, а послѣ вдругъ объявился въ новомъ видѣ: волосы —

до плечъ, на головѣ — скуфеечка, на корпусѣ — рыженькая ряска чортовой кожи; глядитъ на всѣхъ окунемъ и предлагаетъ упрямо: покайтесь, треклятые! Чего-жъ не покаяться, а особливо — бабамъ? И пошло дѣло на ладъ: Тушка сытъ, Тушка пьянъ, Тушка бабами черезъ мѣру доволенъ...

Каменщикъ сердито перебиваетъ:

— Да развѣ въ томъ дѣло, что — сытъ да пьянъ?

— Въ чемъ, ино?

— Дѣло — въ словѣ!

— Ну, въ слова его я не вникалъ, словами — я и самъ преизбыточно богатъ.

— Мы Тушникова, Дмитрія Васильича, довольно хорошо знаемъ, — обиженно говоритъ Петръ, а Григорій молча опустилъ голову и смотритъ въ свой стаканъ.

— Я — не спорю, — примирительно заявляетъ Осипъ. — Это вотъ я все Максимычу нашему говорю про разные пути-дороги до куска...

— По инымъ дорогамъ и въ острогъ попадаютъ...

— Рѣдко-ли? — соглашается Осипъ. — Не со всякой тропы попадешь въ попы, надо знать, гдѣ свернуть...

Онъ всегда немножко поддразниваетъ благочестивыхъ людей — штукатура и каменщика; можетъ быть, онъ не любитъ ихъ, но ловко скрываетъ это. Его отношеніе къ людямъ вообще неуловимо.

На Ефимушку онъ смотритъ, какъ будто, мягче, добрѣе. Кровельщикъ не вступаетъ въ бесѣды о Богѣ, правдѣ, о сектахъ, о горѣ жизни человѣческой — любимыя бесѣды его друзей. Поставивъ стулъ бокомъ къ столу, — чтобы спинка стула не мѣшала горбу, — онъ спокойно пьетъ чай, стаканъ за стаканомъ, но вдругъ настораживается, оглядывая дымную комнату, вслушиваясь въ несвязный шумъ голосовъ, вскакиваетъ и быстро исчезаетъ. Это значитъ, что въ трактиръ пришелъ кто-то, кому Ефимушка долженъ, а кредиторовъ у него — добрый десятокъ, и, — такъ какъ нѣкоторые бьютъ его, — бѣгаетъ отъ грѣха.

— Сердются, чудаки, — недоумѣваетъ онъ, — да вѣдь, кабы я имѣлъ деньги, али-бы не отдалъ я?

— Ахъ, сухостой горькій... — напутствуетъ его Осипъ.

Иногда Ефимушка долго сидитъ задумавшись, ничего не видя, не слыша; скуластое лицо смягчается, добрые глаза смотрятъ еще добрѣе.

— О чемъ задумался, служивый? — спрашиваютъ его.

— Думаю, — быть-бы мнѣ богатому, , эхъ — женился-бы на самой настоящей барынѣ, на дворянкѣ-бы, ей Богу, на полковницкой дочери, примѣрно, любилъ-бы ее — Господи! Живъ сгорѣлъ-бы около нея... Потому что, братцы, крылъ я однова крышу у полковника на дачѣ...

— И была у него дочь вдовая, — слыхали мы это! — недружелюбно прерываетъ Петръ.

Но Ефимушка, растирая ладонями колѣни, покачивается, долбля горбомъ воздухъ, и продолжаетъ:

— Бывало, выйдетъ она въ садъ, вся бѣлая, да пышная, гляжу я на нее съ крыши и — на что мнѣ солнышко, и — зачѣмъ бѣлый свѣтъ? Такъ-бы голубемъ подъ ноги ей и слетѣлъ! Просто — цвѣтокъ лазоревый въ сметанѣ! Да съ эдакой-бы госпожей, хоть на всю жизнь — ночь!

— А жрать чего стали-бы? — сурово спрашиваетъ Петръ, но это не смущаетъ Ефимушку.

— Господи! — восклицаетъ онъ. — Да много-ли намъ надобно? Къ тому-же она — богатая...

Осипъ смѣется:

— И когда ты, Ефимушка, расточишь себя въ дѣлахъ этихъ, расточитель?

Кромѣ женщинъ, Ефимушка ни о чемъ не говоритъ, и работникъ онъ неровный, то работаетъ отлично, споро, то у него не ладится, деревянный молотокъ клеплетъ гребни лѣниво, небрежно, оставляя свищи. Отъ него всегда пахнетъ масломъ, ворванью; но у него есть свой запахъ, здоровый и пріятный, онъ напоминаетъ запахъ свѣже срубленнаго дерева.

Съ плотникомъ интересно говорить обо всемъ; интересно но не очень пріятно, его слова всегда тревожатъ сердце, и трудно понять, когда онъ говоритъ серьезно, когда шутитъ?

Съ Григоріемъ-же всего лучше говорить о Богѣ, онъ любитъ это и въ этомъ твердъ.

— Гриша, — спрашиваю я, — а знаешь: есть люди, которые не вѣрятъ въ Бога?

Онъ спокойно усмѣхается:

— Какъ это?

— Говорятъ: нѣтъ Бога!

— О! Вона что! Это я знаю.

И отмахиваясь рукою отъ невидимой мухи, говоритъ:

— Еще царемъ Давыдомъ, помнишь, сказано: «рѣче безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ», вонъ — когда еще говорили про это безумные! Безъ Бога — никакъ нельзя обойтись....

Осипъ какъ будто соглашается съ нимъ:

— Отними-ко у Петрухи Бога-то — онъ те покажетъ Кузькину мать!

Красивое лицо Шишлина становится строгимъ, перебирая бороду пальцами съ засохшей известью на ногтяхъ, онъ таинственно говоритъ:

— Богъ вселенъ въ каждую плоть; совѣсть и все внутреннее ядро — отъ Бога дано!

— А — грѣхи?

— Грѣхи — отъ плоти, отъ Сатаны! Грѣхи, — это снаружи, какъ воспа, не болѣ того! Грѣшитъ всѣхъ сильнѣй тотъ, кто о грѣхѣ много думаетъ; не поминай грѣха — не согрѣшишь! Мысли о грѣхѣ — Сатана, хозяинъ плоти, внушаетъ....

Каменщикъ сомнѣвается.

— Что-то не такъ, будто-бы...

— Такъ! Богъ — безгрѣшенъ, а человѣкъ — образъ и подобіе Его. Грѣшитъ — образъ, плоть; а подобіе грѣшить не можетъ, оно — подобіе, духъ...

Онъ побѣдно улыбается, а Петръ ворчитъ:

— Это, будто-бы, не такъ...

— А по твоему, — спрашиваетъ Осипъ каменщика, — не согрѣшишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься?

— Такъ-то надежнѣе будто! Чорта забудешь, — Бога разлюбишь, говорили старики...

Шишлинъ не пьющій, онъ пьянѣетъ съ двухъ рюмокъ; тогда лицо его становится розовымъ, глаза дѣтскими, голосъ поетъ.

— Братцы мои, какъ все это хорошо! Вотъ, живемъ, работаемъ немножко, сыты, слава Богу, — ахъ, какъ хорошо!

Онъ плакалъ, слезы стекали ему на бороду и свѣтились на шелкѣ волосъ стеклянными бусами.

Его частыя похвалы жизни и эти стеклянныя слезы были непріятны мнѣ, — бабушка моя хвалила жизнь убѣдительнѣе, проще, не такъ навязчиво.

Всѣ эти разговоры держали меня въ постоянномъ напряженіи, возбуждая смутную тревогу. Я уже много прочиталъ разсказовъ о мужикахъ и видѣлъ, какъ рѣзко непохожъ книжный мужикъ на живого. Въ книжкахъ всѣ мужики несчастны; добрые и злые, всѣ они бѣднѣе живыхъ словами и мыслями. Книжный мужикъ меньше говоритъ о Богѣ, о сектахъ, церкви, — больше о начальствѣ, о землѣ, о правдѣ и тяжестяхъ жизни. О женщинахъ онъ говоритъ тоже меньше, не столь грубо, болѣе дружелюбно. Для живого мужика баба — забава, но забава опасная, съ бабой всегда надо хитрить, а то она одолѣетъ и запутаетъ всю жизнь. Мужикъ изъ книжки или плохъ, или хорошъ, но онъ всегда весь тутъ, въ книжкѣ; а живые мужики ни хороши, ни плохи, они удивительно интересны. Какъ-бы передъ тобою ни выболтался живой мужикъ, всегда чувствуется, что въ немъ осталось еще что-то, но этотъ остатокъ — только для себя, и, можетъ быть, именно въ этомъ несказанномъ, скрытомъ — самое главное.

Изо всѣхъ книжныхъ мужиковъ мнѣ наибольше понравился Петръ «Плотничьей артели»; захотѣлось прочитать этотъ разсказъ моимъ друзьямъ, и я принесъ книгу на Ярмарку. Мнѣ часто приходилось ночевать въ той, или другой артели; иногда потому, что за день я уставалъ и не хватало силъ идти домой.

Когда я сказалъ, что вотъ у меня есть книга о плотникахъ, это всѣхъ живо заинтересовало, а Осипа — особенно. Онъ взялъ книгу изъ рукъ у меня, перелисталъ ее, недовѣрчиво покачивая иконописною головой.

— А и впрямь, будто, про насъ написано! Ишь, ты шельмы! — Кто писалъ — баринъ? Ну, я такъ и подумалъ. Баре да чиновники на все горазды! Гдѣ Господь не догадется, тамъ чиновникъ домыслитъ; на то они и живы есть...

— Неосторожно ты, Осипъ, про Бога говоришь, — замѣтилъ Петръ.

— Ничего! Для Господа мое слово — меньше, какъ мнѣ на лысину снѣжинка, али капля дождевая. Ты — не сумнѣвайся, намъ съ тобой до Бога не дотронуться....

Онъ вдругъ безпокойно заигралъ, разбрасывая, словно кремень искры, острыя словечки, состригая ими, какъ ножницами, все, что противорѣчило ему. Нѣсколько разъ въ теченіе дня онъ спрашивалъ:

— Читаемъ, Максимычъ? Ну, дѣло, дѣло! Это ладно придумано.

Пошабашивъ, пошли ужинать къ нему въ артель, а послѣ ужина явились Петръ со своимъ работникомъ Ардальономъ и Шишлинъ съ молодымъ парнемъ Фомою. Въ сараѣ, гдѣ артель спала, зажгли лампу, и я началъ читать; слушали молча, не шевелясь, но скоро Ардальонъ сказалъ сердито:

— Ну, съ меня довольно!

И ушелъ. Первымъ заснулъ Григорій, удивленно открывъ ротъ; за нимъ заснули плотники, но Петръ, Осипъ и Фома, пододвинувшись ко мнѣ, слушали съ напряженіемъ.

Когда я кончилъ читать, Осипъ тотчасъ погасилъ лампу, — по звѣздамъ было уже около полуночи.

Петръ спросилъ во тьмѣ:

— Къ чему-жъ это написано? Противъ кого?

— Теперь — спать! — сказалъ Осипъ, снимая сапоги.

Фома молча отодвинулся въ сторону.

Петръ повторилъ требовательно:

— Я говорю — супроти кого написано это?

— Ужъ они знаютъ! — выговорилъ Осипъ, укладываясь спать на подмостки.

— Ежели противъ мачехъ, такъ это совсѣмъ пустое дѣло: отъ этого мачехи лучше не станутъ, — настойчиво говорилъ каменщикъ. — А противъ Петра, тоже зря: его грѣхъ, — его отвѣтъ! За убійство — въ Сибирь, больше ничего! Книжка — лишняя въ такомъ грѣхѣ... лишняя, будто, ась?

Осипъ молчалъ. Тогда каменщикъ добавилъ:

— Дѣлать имъ нечего, вотъ и разбираютъ чужія дѣла! Вродѣ бабъ на посидѣлкахъ. Прощайте, инъ, спать надо...

Онъ на минуту задержался въ синемъ квадратѣ открытой двери и спросилъ:

— Осипъ, спишь? Ты какъ думаешь?

— Ой? — сонно отозвался плотникъ.

— Ну, ладно, спи...

Шишлинъ свалился на бокъ тамъ, гдѣ сидѣлъ. Фома легъ на измятой соломѣ рядомъ со мною. Слобода спала, издали доносился свистъ паровозовъ, тяжелый гулъ чугунныхъ колесъ, звонъ буферовъ. Въ сараѣ разноголосо хра-

пѣли. Мнѣ было неловко, — я ждалъ какихъ-то разговоровъ, а — ничего нѣтъ...

Но вдругъ Осипъ заговорилъ тихо и четко:

— Вы, ребята, не вѣрьте ничему этому, вы — молодые, вамъ долго жить, копите свой разумъ! Свой умъ — чужимъ двумъ! Фома, спишь?

— Нѣтъ, — охотно отозвался Фома.

— То-то! Вы оба грамотны, такъ вы — читайте, а вѣры ничему не давайте. Они все могутъ напечатать, это дѣло — въ ихнихъ рукахъ!

Онъ спустилъ ноги съ подмостковъ, уперся руками въ край доски и, наклонясь къ намъ, продолжалъ:

— Книжку, — ее какъ надо понимать? Это — доношеніе на людей, книжка! Дескать, глядите, каковъ есть человѣкъ, плотникъ, али кто другой, а вотъ — баринъ, такъ это — иной человѣкъ! Книжка — не зря пишется, а во чью-нибудь защиту...

Фома густо сказалъ:

— Петръ правильно убилъ подрядчика-то!

— Ну, это — напрасно, человѣка убивать никогда не правильно. Я знаю, ты Григорья не любишь, только эти мысли ты брось. Мы всѣ-люди не богатые, сегодня — я хозяинъ, завтра — опять работникъ...

— Я не про тебя, дядя Осипъ...

— Это все едино...

— Ты — справедливый.

— Погоди, я те разскажу, къ чему написано сочиненіе, — перебилъ Осипъ сердитыя слова Фомы, — это очень хитрое сочиненіе! Вотъ те-баринъ безъ мужика, вотъ — мужикъ безъ барина! Теперь гляди: и барину плохо, да и мужику не хорошо. Баринъ ослабъ, одурѣлъ, а мужикъ сталъ хвастунъ, пьяница, хворый, сталъ обиженный — вотъ оно какъ! А въ крѣпости у баръ, было, дескать, лучше: баринъ за мужика прятался, мужикъ — за барина, и кружились оба сытно, спокойные... Я — не спорю, вѣрно, при господахъ было спокойнѣе жить — господамъ не къ выгодѣ, коли мужикъ бѣденъ, имъ хорошо, коли онъ богатъ, да не уменъ, вотъ, что имъ на руку. Я это знаю, я вѣдь самъ въ крѣпости господской почти сорокъ лѣтъ прожилъ, у меня на шкурѣ много написано.

Я вспомнилъ, что вотъ такъ-же говорилъ о господахъ

[illegible]чикъ Петръ, который зарѣзался, и мнѣ было очень непріятно, что мысли Осипа совпадаютъ съ мыслями того злого старика.

Осипъ потрогалъ рукою мою ногу, продолжая:

— Книжки и всякія сочиненія надо понимать! Зря никто ничего не дѣлаетъ, это одна видимость, будто зря. И книжки не зря пишутся, — а чтобы голову мутить. Все творится съ умомъ, безъ ума — ни топоромъ тяпать, ни ковырять лапоть...

Говорилъ онъ долго, ложился и снова вскакивалъ, разбрасывая тихонько свои складныя прибаутки, во тьмѣ и тишинѣ.

— Говорится: господа мужику чужіе люди. И это — невѣрно. Мы — тѣхъ-же господъ, только — самый исподъ; конешно, баринъ учится по книжкамъ, а я — по шишкамъ, да у барина бѣлѣе задница — тутъ и вся разница. Нѣ-ѣтъ, парни, пора міру жить по новому, сочиненія-то надобно бросить, оставить! Пускай каждый спроситъ себя: я — кто? Человѣкъ. А онъ кто? Опять человѣкъ. Что-же теперь: али Богъ съ него на семишникъ лишняго требуетъ? Нѣ-ѣтъ, въ податяхъ мы оба предъ Богомъ равны...

Наконецъ, по утро, когда разсвѣтъ погасилъ всѣ звѣзды, Осипъ сказалъ мнѣ:

— Видалъ, какъ я сочинять могу? Вотъ, чего наговорилъ — чего и не думалъ никогда! Вы, ребята, не давайте мнѣ вѣры, это я больше отъ безсонницы, чѣмъ въ сурьезъ. Лежишь-лежишь, да и придумаешь чего нибудь для забавы: во время оно, жила-была ворона, летала съ поля до горы, отъ межи до межи, дожила до своей поры; Господь ее накажи: издохла ворона и засохла! Какой тутъ смыселъ? Нѣту никакого смысла... Ну-те-ко, — поспимъ: скоро вставать пора...

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Горькій.

МАМА, РИММА И АЛЛА.

Съ самаго утра день выдался хлопотливый.

Наканунѣ раскапризничалась и ушла прислуга. Варварѣ Степановнѣ пришлось все дѣлать самой. Во-вторыхъ, рано утромъ прислали счетъ на электричество. Въ третьихъ, квартиранты, братья Растохины, студенты, предъявили совершенно неожиданную претензію. Ночью ими была, якобы, получена изъ Калуги телеграмма о томъ, что отецъ ихъ боленъ и необходимо къ нему выѣхать. Поэтому они освобождаютъ комнату и просятъ возвратить имъ 60 рублей, выданныя Варварѣ Степановнѣ заимообразно.

Варвара Степановна на это отвѣтила, что странно освобождать комнату въ апрѣлѣ, когда никто ее снимать не станетъ, и что деньги она затрудняется возвратить, потому что онѣ были даны ей не заимообразно, а въ видѣ платы за помѣщеніе, платы, выданной, правда, впередъ.

Растохины съ Варварой Степановной не согласились. Разговоръ принялъ замедленный и недружелюбный характеръ. Студенты были упрямые и недоумѣвающіе остолопы въ длиннополыхъ и чистенькихъ сюртукахъ. Имъ показалось, что плакали ихъ денежки. Старшій предложилъ тогда, чтобы Варвара Степановна заложила у нихъ свой буфетъ изъ столовой и трюмо.

Варвара Степановна побагровѣла и возразила, что она не позволитъ разговаривать съ собой въ такомъ тонѣ, что предложеніе Растохинское совершеннѣйшая дичь, что законы она знаетъ, мужъ ея членомъ окружнаго суда на Камчаткѣ и прочее. Младшій Растохинъ, вспыливъ, отвѣтилъ, что наплевать имъ съ высокаго дерева на то, что мужъ ея членомъ окружнаго суда на Камчаткѣ, что если попадетъ къ ней копейка, то ее ужъ когтями не выдерешь, что пребываніе свое у Варвары Степановны — весь этотъ сумбуръ, грязь, безтолковщину — они никогда не забудутъ и что окружный судъ на Камчаткѣ далеко, а мировой судья на Москвѣ близко...

Такъ эта бесѣда и окончилась. Растохины ушли надутые, злобно-тупые, а Варвара Степановна направилась въ кухню варить кофе другому своему квартиранту, студенту Станиславу Мархоцкому. Изъ комнаты его ужъ нѣсколько минутъ доносились рѣзкіе и длительные звонки.

Варвара Степановна стояла въ кухнѣ передъ спиртовой машинкой, на толстомъ носу ея было разъѣхавшееся отъ старости никкелевое пенснэ, сѣдоватые волосы растрепались, утренняя розовая кофта была въ пятнахъ. Она варила кофе и думала, что никогда эти мальчишки не разговаривали бы съ ней въ такомъ тонѣ, если бы не вѣчный недостатокъ въ деньгахъ, если бы не эта несчастная необходимость перехватывать, прятаться и хитрить.

Когда кофе и яичница Мархоцкаго были готовы, она отнесла завтракъ ему въ комнату.

Мархоцкій былъ полякъ — высокій, костлявый, бѣловолосый, съ холеными ногтями и длинными ногами. Въ то утро на немъ была домашняя щегольская сѣрая куртка съ брандебурами.

Встрѣчена была Варвара Степановна съ неудовольствіемъ.

— Мнѣ надоѣло, — сказалъ онъ,—то, что никогда нѣтъ прислуги, приходится звонить по часу и опаздывать на лекціи...

Прислуги, дѣйствительно, часто не бывало, и звонилъ Мархоцкій подолгу, но на этотъ разъ причина его неудовольствія была въ другомъ.

Наканунѣ вечеромъ онъ сидѣлъ съ Риммой, старшей дочерью Варвары Степановны, на диванѣ въ гостиной. Варвара Степановна видѣла, какъ они поцѣловались раза три и въ темнотѣ обнимались. Сидѣли они до одиннадцати, затѣмъ до двѣнадцати, потомъ Станиславъ положилъ голову на грудь Риммы и заснулъ. Кто въ молодости не дремалъ въ углу дивана на груди случайно встрѣтившейся на жизненномъ пути гимназисточки? Худа въ этомъ большого нѣтъ, послѣдствій часто тоже не бываетъ, но все же надо считаться съ окружающими, съ тѣмъ, что дѣвочкѣ, можетъ быть, въ гимназію на слѣдующее утро надо.

Только въ половинѣ второго Варвара Степановна довольно кисло заявила, что пора бы и честь знать. Мархоцкій, исполненный польскаго гонора, поджалъ губы и обидѣлся. Римма метнула на мать негодующій взглядъ.

Тѣмъ дѣло и обошлось. Но Станиславъ, очевидно, и на слѣдующее утро помнилъ объ этомъ. Варвара Степановна подала ему завтракъ, посолила яичницу и вышла.

Было 11 часовъ утра. Варвара Степановна открыла въ комнатѣ дочерей шторы. Легкіе, блестящіе лучи нежаркаго солнца легли на грязноватый полъ, на разбросанную повсюду одежду, на запыленную этажерку.

Дѣвушки уже проснулись. Старшая, Римма, была худенькая, маленькая, быстроглазая, черноволосая. Алла была моложе на годъ — всего семнадцать лѣтъ — крупнѣе сестры, бѣлая, медлительная въ движеніяхъ, съ нѣжной, рыхловатой кожей, съ сладостно-задумчивымъ выраженіемъ голубыхъ глазъ.

Когда мать вышла, она заговорила. Полная голая рука ея лежала на одѣялѣ, бѣлые пальчики едва шевелились.

— Я видѣла сонъ, Римма, — сказала она. — Представь себѣ — странный городокъ, маленькій, русскій, непонятный... Свѣтло-сѣрое небо стоитъ очень низко и горизонтъ совсѣмъ близко. Пыль на уличкахъ тоже сѣрая, гладкая, покойная. Все мертво, Римма. Ни откуда ни звука, нигдѣ ни одного человѣка. И вотъ мнѣ кажется, что я иду по незнакомымъ мнѣ переулочкамъ, вдоль маленькихъ, тихихъ деревянныхъ домиковъ. То упираюсь въ тупички, то выхожу на дорогу, изъ которой мнѣ видны только десять шаговъ пути и все же я иду по ней безконечно. Впереди меня гдѣ-то вьется легкая пыль. Я подхожу ближе и вижу свадебныя кареты. Въ одной изъ нихъ Михаилъ съ невѣстой. Невѣста въ фатѣ и лицо у нея счастливое. Я иду рядомъ съ каретами, мнѣ кажется, что я выше всѣхъ, и сердце у меня побаливаетъ. Потомъ всѣ замѣчаютъ меня. Кареты останавливаются. Михаилъ подходитъ ко мнѣ, беретъ меня за руку и медленно уводитъ въ переулокъ. «Мой другъ, Алла, — говоритъ онъ монотонно, — все грустно, я знаю. Ничего нельзя сдѣлать, потому что я не люблю васъ».— Я иду рядомъ съ нимъ, сердце у меня все вздрагиваетъ, и новыя сѣрыя дорожки открываются передъ нами.

Алла замолкла.

— Дурной сонъ, — прибавила она. — Кто знаетъ? Можетъ быть, потому что худо — все пойдетъ къ лучшему и получится письмо.

— Чорта съ два, — отвѣтила Римма, — раньше надо было умнѣе быть и не бѣгать на свиданія. А у меня, знаешь, съ мамой сегодня разговоръ будетъ...— неожиданно сказала она.

Римма встала, одѣлась, пошла къ окну.

Весна была на Москвѣ. Теплой сыростью блестѣлъ длинный, мрачный заборъ, тянувшійся на противоположный сторонѣ почти во всю длину переулка.

У церкви, въ полисадникѣ, трава была влажная, зеленая. Солнце мягко золотило потускнѣвшія ризы, мелькало по темному лику иконы, поставленной на покосившемся столбикѣ у входа въ церковную ограду.

Дѣвушки перешли въ столовую. Тамъ сидѣла Варвара Степановна и много, и внимательно ѣла, поочередно пристально вглядываясь черезъ очки въ бисквитики, въ кофе, въ ветчину. Кофе она пила громкими и короткими глотками, а бисквиты съѣдала быстро, жадно, точно украдкой.

— Мама, — сурово сказала ей Римма и гордо подняла маленькое личико, — я хочу поговорить съ тобой. Не надо вспыхивать. Все будетъ спокойно и разъ навсегда. Я не могу жить съ тобой больше. Дай мнѣ свободу.

— Пожалуйста, — спокойно отвѣтила Варвара Степановна, поднимая на Римму безцвѣтные глаза. — Это за вчерашнее?

— Не за вчерашнее, а по поводу него. Я задыхаюсь здѣсь.

— Что же ты дѣлать будешь?

— На курсы пойду, изучу стенографію, теперь спросъ...

— Теперь стенографистками хоть прудъ пруди. Ухватятся за тебя...

— Я не прибѣгну къ тебѣ, мама, — визгливо проговорила Римма, — я не прибѣгну къ тебѣ. Дай мнѣ свободу.

— Пожалуйста, — еще разъ сказала Варвара Степановна, — я не задерживаю.

— И паспортъ дай мнѣ.

— Паспорта я не дамъ.

Разговоръ былъ неожиданно тихій. Теперь Римма почувствовала, что изъ-за паспорта можно раскричаться.

— Это мнѣ нравится, — саркастически захохотала она,— гдѣ же меня пропишутъ безъ паспорта?

— Паспорта я не дамъ.

— Я на содержаніе пойду, — истерически закричала Римма, — я жандарму отдамся...

— Кто тебя возьметъ? — Варвара Степановна крити-

чески осмотрѣла дрожащую фигурку и пылающее лицо дочери. — Не найдетъ жандармъ получше...

— Я на Тверскую пойду, — кричала Римма, — я къ съ старику пойду. Я не хочу жить съ ней, съ этой дурой, дурой, дурой....

— Ахъ, вотъ какъ ты съ матерью разговариваешь, — съ достоинствомъ поднялась Варвара Степановна, — въ домѣ нужда, все разваливается, недостатокъ, я хочу забыться, а ты... Папа это будетъ знать...

— Я сама напишу на Камчатку, — въ изступленіи прокричала Римма, — я получу у папки паспортъ....

Варвара Степановна вышла. Маленькая и взъерошенная Римма возбужденно шагала по комнатѣ. Отдѣльныя гнѣвныя фразы изъ будущаго письма къ отцу носились въ ея мозгу.

«Милый папка! — напишетъ она, — у тебя свои дѣла, я знаю, но я должна все сказать тебѣ... Оставимъ на маминой совѣсти утвержденіе, будто Стасикъ спалъ на моей груди. Онъ спалъ на вышитой подушечкѣ, но центръ тяжести въ другомъ. Мама твоя жена, ты будешь пристрастенъ, но дома я не могу оставаться, она тяжелый человѣкъ.. Если хочешь, я пріѣду къ тебѣ на Камчатку, но паспортъ мнѣ нуженъ, папка...»

Римма шагала, а Алла сидѣла на диванѣ и смотрѣла на сестру. Тихія и грустныя мысли ложились ей на душу.

«Римма суетится, — думала она, — а я несчастна. Все тяжело, все непонятно...»

Она пошла къ себѣ въ комнату и легла. Мимо нея прошла Варвара Степановна въ корсетѣ, густо и наивно напудренная, красная, растерянная и жалкая.

— Я вспомнила, — сказала она, — Растохины съѣзжаютъ сегодня. Надо отдать 60 рублей. Грозятся въ судъ подать. На шкапчикѣ яйца лежатъ. Завари себѣ, а я схожу въ ломбардъ.

Когда часовъ въ шесть вечера Мархоцкій пришелъ съ лекцій домой — онъ засталъ въ передней упакованные чемоданы. Изъ комнаты Растохиныхъ доносился шумъ; очевидно, ссорились. Тамъ же, въ передней, Варвара Степановна какъ то молніеносно и съ отчаянной рѣшимостью одолжила у него 10 рублей. Только очутившись въ своей комнатѣ, Мархоцкій разсудилъ, что сдѣлалъ глупость.

Комната Мархоцкаго отличалась отъ прочихъ помѣщеній въ квартирѣ Варвары Степановны. Она была чисто убрана, уставлена бездѣлушками и увѣшана коврами. На столахъ въ порядкѣ были разложены принадлежности для черченія, щегольскія трубки, англійскій табакъ, костянные бѣлые ножи для разрѣзыванія бумаги.

Станиславъ не успѣлъ еще переодѣться въ свой домашній костюмъ, когда въ комнату тихо вошла Римма. Пріемъ она встрѣтила сухой.

— Ты сердишься, Стасикъ? — спросила дѣвушка.

— Я не сержусь, — отвѣтилъ полякъ, — я попросилъ бы только избавить меня отъ необходимости быть свидѣтелемъ эксцессовъ вашей матери.

— Скоро все кончится, — сказала Римма, — скоро я буду свободна, Стасикъ...

Она сѣла рядомъ съ нимъ на диванчикъ и обняла его.

— Я мужчина, — началъ тогда Стасикъ, — это платоническое прозябаніе не для меня, у меня карьера впереди...

Онъ раздраженно говорилъ всѣ тѣ слова, съ которыми обычно, въ концѣ концовъ, обращаются къ нѣкоторымъ женщинамъ. Говорить съ ними не о чемъ, нѣжничать съ ними скучно, а переходить къ существенному онѣ не хотятъ.

Стасикъ говорилъ, что его снѣдаетъ желаніе; это мѣшаетъ ему работать, вселяетъ безпокойство; надо кончить въ ту или иную сторону; каково будетъ рѣшеніе — ему почти все равно, лишь бы рѣшеніе.

— Отчего сейчасъ же эти слова? — задумчиво промолвила Римма, — отчего сейчасъ же «я мужчина» и что то «надо кончить», отчего такое злое и холодное лицо? Неужели нельзя говорить ни о чемъ другомъ? Вѣдь это тяжело, Стасикъ. На улицѣ весна, такъ красиво, а мы злимся...

Стасикъ не отвѣтилъ. Оба молчали.

У горизонта потухалъ пламенный закатъ, заливая алымъ блескомъ далекое небо. Съ другого конца его нависала легкая, медленно густѣвшая тьма. Комната была озарена послѣднимъ румянымъ свѣтомъ. На диванѣ Римма все нѣжнѣе склонялась къ студенту. Происходило то, что случалось у нихъ, обычно, въ этотъ прекраснѣйшій часъ дня.

Станиславъ поцѣловалъ дѣвушку. Она положила голову на подушечку и закрыла глаза. Оба воспламенялись. Черезъ нѣсколько минутъ Станиславъ цѣловалъ ее безпре-

рывно и въ порывѣ злобной, неутоленной страсти моталъ по комнатѣ худенькое и горячее тѣло. Онъ порвалъ ей кофточку и лифъ. Римма, съ запекшимися губами и съ кругами подъ глазами, подставляла поцѣлуямъ свои губы и съ искривленной, скорбной гримасой защищала дѣвственность. Въ одну изъ этихъ минутъ кто-то постучалъ. Римма заметалась по комнатѣ, прижимая къ груди висѣвшіе куски растерзанной кофточки.

Они открыли дверь не скоро. Оказалось, что къ Станиславу пришелъ товарищъ. Онъ проводилъ плохо скрытымъ насмѣшливымъ взглядомъ проскользнувшую мимо него Римму. Украдкой она пробралась къ себѣ, перемѣнила кофточку и постояла у холоднаго оконнаго стекла, чтобы остыть.

Въ ломбардѣ за фамильное серебро Варварѣ Степановнѣ выдали всего сорокъ рублей. Десять рублей она одолжила у Мархоцкаго, за остальными деньгами пѣшкомъ бѣгала къ Тихоновымъ, отъ Страстного на Покровку. Въ растерянности упустила даже изъ виду, что можно было поѣхать въ трамваѣ.

Дома, кромѣ бушевавшихъ Растохиныхъ, ее ждалъ по дѣлу помощникъ присяжнаго повѣреннаго Мирлицъ, высокій молодой человѣкъ съ гнилыми корешками вмѣсто зубовъ и съ влажными сѣрыми глуповатыми глазами.

Нѣсколько времени тому назадъ, Варвара Степановна, изъ-за недостатка денегъ, затѣяла заложить по довѣренности домикъ мужа на Коломнѣ. Мирлицъ принесъ текстъ закладной. Варварѣ Степановнѣ казалось, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ ладно, что слѣдовало бы посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь, прежде, чѣмъ кончать дѣло, но слишкомъ много всякихъ тревогъ, — сказала она себѣ, — выпало на ея долю... Богъ съ ними совсѣми, съ квартирантами, съ дочерьми, съ грубостями.

Послѣ дѣлового разговора Мирлицъ раскупорилъ, принесенную имъ съ собой, бутылку крымскаго Мускатъ-Люнеля — онъ зналъ слабость Варвары Степановны. Выпили по стаканчику, готовились къ повторенію. Голоса зазвенѣли громче, мясистый носъ Варвары Степановны покраснѣлъ, кости отъ корсета выпирали и были всѣ наперечетъ. Мирлицъ разсказывалъ что то веселое и заливался.

Римма, въ новой, перемѣненной кофточкѣ безмолвно сидѣла въ уголкѣ.

Послѣ того, какъ выпили Мускатъ-Люнель, Варвара Степановна и Мирлицъ вышли погулять. Варвара Степановна почувствовала, что она чуть-чуть опьянѣла, ей было стыдно этого и въ то же время было все равно, потому, что слишкомъ много тягости въ жизни, Богъ съ ней совсѣмъ.

Вернулась Варвара Степановна раньше, чѣмъ предполагала, потому что не застала Бойко, къ которымъ ходила въ гости. Вернувшись, была поражена тишиной, господствовавшей въ квартирѣ. Обыкновенно въ это время дѣвочки дурачились со студентами, хохотали, бѣгали. Только изъ ванной комнаты доносилась возня. Варвара Степановна пошла въ кухню, черезъ оконце которой можно было видѣть, что дѣлается въ ванной...

Она подошла къ окошку и увидѣла необыкновенную, странную картину, увидѣла вотъ что:

Печка, въ которой нагрѣваютъ воду, была накалена докрасна. Ванна была наполнена кипящей водой. У печки на колѣняхъ стояла Римма. Въ рукахъ ея были щипцы для завиванія волосъ. Она накаливала ихъ на огнѣ. У ванны стояла Алла, нагая. Длинныя косы ея были распущены. Изъ глазъ катились слезы.

— Подойди сюда, — сказала она Риммѣ. — Послушай, можетъ быть, бьется...

Римма приложила голову къ ея чуть вздутому, нѣжному животу.

— Не бьется, — отвѣтила она. — Все равно. Сомнѣваться нельзя.

— Я умру, — прошептала Алла. — Вода обожжетъ меня. Я не выдержу. Не надо щипцовъ. Ты не знаешь, какъ дѣлается.

— Всѣ такъ дѣлаютъ, — проговорила Римма. — Не хнычь, Алла. Не рожать же тебѣ.

Алла собралась ужъ сѣсть въ ванну, но не успѣла, потому что въ эту минуту прозвучалъ незабываемый, тихій хрипловатый голосъ матери:

— Что вы дѣлаете, дѣти?

Часа черезъ два Алла, укутанная, обласканная и оплаканная, лежала въ широкой кровати Варвары Степановны. Она разсказала все. Ей было легко. Она казалась себѣ маленькой дѣвочкой, у которое было смѣшное дѣтское горе.

Римма безшумно, безмолвно двигалась по спальнѣ, убирала, сварила матери чай, заставила ее поужинать, сдѣлала такъ, чтобы въ комнатѣ было чисто. Потомъ зажгла лампадку, въ которую недѣли двѣ ужъ забывали влить масла, раздѣлась, стараясь не шумѣть, и легла рядомъ съ сестрой.

Варвара Степановна сидѣла у стола. Ей видна была лампадка, темно-красный ровный пламень ея, тускло озарявшій Дѣву Марію. Опьяненіе, какъ то странно и легко, бродило еще въ головѣ. Дѣвочки скоро заснули. У Аллы было бѣлое, большое и спокойное лицо. Римма приникла къ ней, вздыхала во снѣ и вздрагивала.

Около часу ночи Варвара Степановна зажгла свѣчу, положила передъ собой листокъ бумаги и написала письмо мужу:

«Милый Николай! Сегодня приходилъ Мирлицъ, очень порядочный еврей, а завтра будетъ господинъ, который даетъ деньги за домъ. Я думаю, что поступаю, какъ слѣдуетъ, но становлюсь все безпокойнѣе, потому что не полагаюсь на себя.

Я знаю — у тебя свои огорченія, служба, и не надо бы объ этомъ писать, но домъ нашъ, Николай, какъ то не налаживается. Дѣти становятся взрослыми, жизнь нынче многаго требуетъ — курсы, стенографію — дѣвочки хотятъ больше свободы. Нуженъ отецъ, накричать, можетъ быть, нужно, но на меня нечего полагаться. Мнѣ все кажется, что это была ошибка — твой отъѣздъ на Камчатку. Будь ты здѣсь, мы переѣхали бы въ Староколѣнный, тамъ очень свѣтлая квартирка сдается.

Римма похудѣла и дурно выглядитъ. Цѣлый мѣсяцъ брали въ молочной, напротивъ, сливки, дѣти очень поправились, но теперь перестали брать. Печень моя то даетъ себя чувствовать, то не болитъ. Пиши чаще. Послѣ твоихъ писемъ я остерегаюсь, не ѣмъ селедокъ и печень не тревожитъ. Пріѣзжай, Коля, мы бы отдохнули. Дѣти кланяются. Цѣлую тебя крѣпко. Твоя Варя».

И. Бабель.

ИЛЬЯ ИСААКОВИЧЪ И МАРГАРИТА ПРОКОФЬЕВНА.

Гершковичъ вышелъ отъ надзирателя съ тяжелымъ сердцемъ. Ему было объявлено, что если не выѣдетъ онъ изъ Орла съ первымъ поѣздомъ, то будетъ отправленъ по этапу. А выѣхать — значило потерять дѣло.

Съ портфелемъ въ рукѣ, худощавый и неторопливый, шелъ онъ по темной улицѣ. На углу его окликнула высокая женская фигура:

— Котикъ, зайдешь?

Гершковичъ поднялъ брови, посмотрѣлъ на нее черезъ блеснувшіе очки, подумалъ и сдержанно отвѣтилъ:

— Зайду.

Женщина взяла его подъ руку. Они пошли за уголъ.

— Куда же мы? Въ гостиницу?

— Мнѣ надо на всю ночь, — отвѣтилъ Гершковичъ, — къ тебѣ.

— Это будетъ стоить трешницу, папаша.

— Два, — сказалъ Гершковичъ.

— Расчета нѣтъ, папаша. . . . .

Сторговались за два съ полтиной. Пошли дальше.

Комната проститутки была небольшая, чистенькая, съ порваными занавѣсками и розовымъ фонаремъ.

Когда пришли, женщина сняла пальто, разстегнула кофточку, ... и подмигнула.

— Э, — поморщился Гершковичъ, — какое глупство.

— Ты сердитый, папаша.

Она сѣла къ нему на колѣни.

— Нивроко, — сказалъ Гершковичъ, — пудовъ пять въ васъ будетъ?

— Четыре тридцать.

Она взасосъ поцѣловала его въ сѣдѣющую щеку. . . .
. . . .

— Э, — снова поморщился Гершковичъ, — я усталъ, хочу уснуть.

Проститутка встала. Лицо у нея сдѣлалось скверное.

— Ты еврей?

Онъ посмотрѣлъ на нее черезъ очки и отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— Папашка, — медленно промолвила проститутка, — это будетъ стоить десятку.

Онъ поднялся и пошелъ къ двери.

— Пятерку, — сказала женщина.

Гершковичъ вернулся.

— Постели мнѣ, — устало сказалъ еврей, снялъ пиджакъ и осмотрѣлся, куда его повѣсить. — Какъ тебя зовутъ?

— Маргарита.

— Перемѣни простыню, Маргарита.

Кровать была широкая, съ мягкой периной.

Гершковичъ сталъ медленно раздѣваться, снялъ бѣлые носки, расправилъ вспотѣвшіе пальцы на ногахъ, заперъ дверь на ключъ, положилъ его подъ подушку и легъ. Маргарита, позѣвывая, неторопливо сняла платье, скосивъ глаза, выдавила прыщикъ на плечѣ и стала заплетать на ночь жиденькую косичку.

— Какъ тебя зовутъ, папашка?

— Эли, Элья Исааковичъ.

— Торгуешь?

— Наша торговля..., — неопредѣленно отвѣтилъ Гершковичъ.

Маргарита задула ночникъ и легла . . . .

. . . .

— Нивроко,—сказалъ Гершковичъ. — Откормилась.

Скоро они заснули.

На слѣдующее утро яркій свѣтъ солнца залилъ комнату. Гершковичъ проснулся, одѣлся, подошелъ къ окну.

— У насъ море, у васъ поле, — сказалъ онъ. — Хорошо.

— Ты откуда? — спросила Маргарита.

— Изъ Одессы — отвѣтилъ Гершковичъ, — первый городъ, хорошій городъ, — и онъ хитро улыбнулся.

— Тебѣ, я вижу, вездѣ хорошо, — сказала Маргарита.

— И правда, — отвѣтилъ Гершковичъ. — Вездѣ хорошо, гдѣ люди есть.

— Какой ты дуракъ, — промолвила Маргарита, приподнимаясь на кровати. — Люди злые.

— Нѣтъ, — сказалъ Гершковичъ, — люди добрые. Ихъ научили думать, что они злые, они и повѣрили.

Маргарита подумала, потомъ улыбнулась.

— Ты занятный, — медленно проговорила она и внимательно оглядѣла его.

— Отвернись. Я одѣнусь.

Потомъ завтракали, пили чай съ баранками. Гершковичъ научилъ Маргариту намазывать хлѣбъ масломъ и по особенному накладывать поверхъ колбасу.

— Попробуйте, а мнѣ, между прочимъ, надо отправляться.

Уходя, Гершковичъ сказалъ:

— Возьмите три рубля, Маргарита. Повѣрите, негдѣ копейку заработать.

Маргарита улыбнулась.

— Жила ты, жила. Давай три. Придешь вечеромъ?

— Приду.

Вечеромъ Гершковичъ принесъ ужинъ — селедку, бутылку пива, колбасы, яблокъ. Маргарита была въ темномъ глухомъ платьѣ. Закусывая, разговорились.

— Полсотней въ мѣсяцъ не обойдешься, — говорила Маргарита. — Занятія такая, что дешевкой одѣнешься — щей не похлебаешь. За комнату отдаю пятнадцать, возьми въ расчетъ...

— У насъ въ Одессѣ, — подумавши отвѣтилъ Гершковичъ, съ напряженіемъ разрѣзывая селедку на равныя части, — за десять рублей вы имѣете на Молдаванкѣ царскую комнату.

— Прими въ расчетъ, народъ у меня толчется, отъ пьянаго не убережешься...

— Каждый человѣкъ имѣетъ свои непріятности, — промолвилъ Гершковичъ и разсказалъ о своей семьѣ, о пошатнувшихся дѣлахъ, о сынѣ, котораго забрали на военную службу.

Маргарита слушала, положивъ голову на столъ, и лицо у нея было внимательное, тихое и задумчивое.

Послѣ ужина, снявъ пиджакъ и тщательно протеревъ очки суконкой, онъ сѣлъ за столикъ и, придвинувъ къ себѣ лампу, сталъ писать коммерческія письма. Маргарита мыла голову.

Писалъ Гершковичъ неторопливо, внимательно, под-

нимая брови, по временамъ задумываясь, и, обмакивая перо, ни разу не забылъ отряхнуть его отъ лишнихъ чернилъ.

Окончивъ писать, онъ посадилъ Маргариту на копировальную книгу.

— Вы, нивроко, дама съ вѣсомъ. Посидите, Маргарита Прокофьевна, проше пана.

Гершковичъ улыбнулся, очки блеснули, и глаза сдѣлались у него блестящіе, маленькіе, смѣющіеся.

На слѣдующій день онъ уѣзжалъ. Прохаживаясь по перрону, за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда, Гершковичъ замѣтилъ Маргариту, быстро шедшую къ нему съ маленькимъ сверткомъ въ рукахъ. Въ свертке были пирожки и жирныя пятна отъ нихъ проступили на бумагѣ.

Лицо у Маргариты было красное, жалкое, грудь волновалась отъ быстрой ходьбы.

— Привѣтъ въ Одессу, — сказала она, — привѣтъ...

— Спасибо, — отвѣтилъ Гершковичъ, взялъ пирожки, поднялъ брови, надъ чѣмъ-то подумалъ и сгорбился.

Раздался третій звонокъ. Они протянули другъ другу руки.

— До свиданія, Маргарита Прокофьевна.

— До свиданья, Элья Исааковичъ.

Гершковичъ вошелъ въ вагонъ. Поѣздъ двинулся.

И. Бабель.

ТАЙГА.

(Продолженіе)*.

XXX.

Тихо плетется въ гору рыжая кобылка, надсадисто: въ телѣгѣ трое. Невеселы идутъ по бокамъ телѣги люди.

— Образумься, Аннушка... Дитятко... — говоритъ осунувшійся Провъ.

— Подай мнѣ Андрюшу, — тихо вскрикиваетъ прикрученная къ телѣгѣ Анна..

— Я здѣсь, Анна... Съ тобой...

— Уйди!..

Андрей-политикъ, путаясь въ армякѣ Прова, идетъ возлѣ Анны и гладитъ ей волосы. Но та мотаетъ головой и самое обидное слово силится крикнуть, но слово это забыто

Возлѣ Анны, поджавъ руками животъ, сидитъ Антонъ Выраженіе лица дѣтское, удивленное: глаза цѣлуютъ каждаго и каждаго благодарятъ.

Ванька Свистоплясъ, причмокивая, правитъ лошадью Запухшая нога его вытянута вдоль телѣги, а лѣвая рука нѣтъ-нѣтъ да и пощупаетъ больное ухо. Онъ, какъ волкъ, исподлобья озирается на Крысана, глаза бѣгаютъ и боязливо ширятся на показавшуюся изъ деревни толпу.

— Анна... — ужъ который разъ подавленнымъ голосомъ начинаетъ Андрей. Изсиня-блѣдное лицо его подергивается, на правомъ вискѣ прыгаетъ живчикъ, упорный взглядъ прикованъ къ Аннѣ. Въ его глазахъ появилось что-то новое, пугающее. Когда онъ переводитъ ихъ на Прова, тотъ отворачивается, шумно вздыхаетъ и никнетъ головой.

Братаны Власовы тоже здѣсь. Только бывшаго каторжника Науменка нѣтъ — убѣжалъ, и нѣтъ Тюли съ Лѣхманомъ.

Но Крысанъ, какъ на яву, видитъ стараго бродягу. На

---

* См. «Лѣтопись», № VII—X, за 1916 г.

Анну взглядъ направитъ — не Анна — Лѣхманъ лежитъ и хрипло кричитъ несуразное; взглянетъ на Антона, — Лѣхманъ сидитъ, раскачиваясь; зажмурится — вновь Лѣхмана видитъ, его мертвые глаза, его раскрытый беззубый ротъ, его прострѣленную, залитую кровью грудь.

И ужъ нѣтъ въ Крысанѣ злобы, не ходятъ за щеками желваки, глаза погасли, пересохшій ротъ открытъ. Онъ весь какъ-то обвисъ, осѣлъ, покривился, еле ноги тащитъ, вздымая пыль.

— Плохо вамъ будетъ, — говоритъ Андрей.

— А ты какъ-нибудь, Андрей Митричъ... тово... заступись... — просятъ мужики, — знамо, спьяну...

— Спьяну? Не въ этомъ дѣло...

И мужики опять идутъ молча и тяжело сопятъ.

До деревни съ версту осталось. Какъ спустились съ горки, скрылась приближающаяся толпа, въ зеленыхъ потонула кустахъ.

— Тятенька, гдѣ ты? — тихо зоветъ Анна, — развяжи меня, тятенька...

Но Провъ едва понимаетъ, что говоритъ дочь. Онъ вопросительно смотритъ на мужиковъ, съ ними взоромъ совѣтуется:

— Да до-о-ченька, да потерпи...

А самъ о надвигающейся и уже нависшей тучѣ думаетъ. Не о Лѣхманѣ, брошенномъ въ тайгѣ, не о пьяной сходкѣ мужиковъ, не о зарѣзанныхъ своихъ коровахъ, не о тюрьмѣ, не о каторгѣ — о жизни своей думаетъ Провъ: рехнулась дочь ума, кончилась и его, Прова, жизнь. Пропадай пропадомъ все: и Матрена, и хозяйство, и хромой сивый меринъ, и деревня, и тайга, и бѣлый свѣтъ, въ могилу-бы скорѣй, въ домовину бы скорѣй, подъ крестъ лечь...

— Тятенька...

Провъ не слышитъ: высокой стѣной скорбь его окружила, какъ ночь среди бѣла дня, окутала. Но гдѣ-то огонекъ дрожитъ: можетъ, оклемается, можетъ, придетъ въ себя Анна. А эти двое — пусть живутъ, міръ бродягъ пріютитъ, пусть только помалкиваютъ, а старика того убіеннаго погребенію всей деревней предадутъ, чтожъ, дѣло Божье, Судъ Божій. Міръ смолчитъ, сору не вынесетъ: другъ за дружку отвѣтъ держать будутъ, порука круговая. Андрея

можно упросить, поклониться ему: голова у него не мужиковская, научитъ...

— Ну, ну... — вслухъ роняетъ Провъ и ужъ веселѣй поглядываетъ на кудрявую возлѣ часовни рощу.

По дорогѣ отъ деревни мужикъ скачетъ. По дорогѣ отъ деревни впереди всѣхъ Матрена бѣжитъ, за ней ребята, за ними толпа съ горы спускается.

XXXI.

Въ это время подвыпившая Даша въ ногахъ валялась у Устина:

— Дѣдушка ты мой свѣтлый... Ослобони мою душеньку... Съ панталыку я сшиблась, дѣдушка...

— Никто, какъ Богъ...

А ужъ толпа вливалась въ деревню. Всѣ, кто оставался съ Устиномъ, поспѣшили навстрѣчу.

Даша ничего не видѣла, кромѣ добрыхъ глазъ Устина.

— Судите меня, люди добрые... я, потаскуха, съ Бородулинымъ жила... Солдатка я... Воровка я... — она громко сморкалась, утирала слезы и, ползая, хваталась за Устиновы босыя ноги. Устинъ присѣдалъ, удерживая равновѣсіе и, весь нахохлившись, скрипѣлъ своимъ стариковскимъ, съ огонькомъ, голосомъ:

— Совѣсть, мать, забыла... Безстыжая ты...

— У Бородулина деньги я украла... А не бузуи... Охъ, свѣты мои...

Устинъ весь затрясся и отскочилъ отъ Даши:

— Вѣдь, ты... Чортъ ты... Вѣдь, бузуевъ-то... Ахъ, ты, вѣдьма!..

— Хорошень меня... Задави... Убей...

Вдругъ, испугавъ Устина, Даша взвизгнула и бросилась къ подъѣхавшей телѣгѣ:

— Аннушка! Дѣвонька!..

— Тпру!.. — пробасилъ Обабокъ. — Пріѣхали...

— Молись, ребята, Богу, — выдвигаясь изъ вновь выросшей толпы, проговорилъ какой-то старикъ.

— Чего — Богу... Айда домой, — сказалъ Провъ. — Понужай, Матренъ, кобылу-то.

— Стойте! — крикнулъ Устинъ съ крыльца часовни и сердито одернулъ рубаху.

А тѣмъ временемъ Анну сняли съ телѣги, напоили хо-

лодной водой. Она всѣмъ улыбалась и что-то говорила торопливымъ, не своимъ голосомъ, проглатывая слова.

Къ дому повели ее.

— Стой, Провъ! Вернись!.. — кричитъ Устинъ.

— Я чичасъ приду, Устинъ... Ишь, дочерь-то...

— Стой ты... До-о-очерь... А гдѣ еще двое, гдѣ они?...— и Устинъ мотнулъ рукой на Антона съ Ванькой.

Даша къ Устину, къ Прову, къ Андрею лѣзла, что-то выкрикивала и голосила, но ее оттирала толпа.

— Куда старика дѣли? Гдѣ еще молодой, толсторожій?..

Толпа молчала.

Цыганъ сказалъ:

— Одного только кончили... Старика...

— Та-а-акъ... — протянулъ Устинъ.

— А другой, однако, убѣгъ... Толсторожій-то... — закончилъ Цыганъ и нырнулъ въ народъ.

Толпа перешептывается и угрюмо гудитъ.

— Такъ, молодцы, такъ... — затихая, говоритъ Устинъ, вкладываетъ руки въ рукава и опускаетъ низко голову.

— Значитъ, убили?! — вскидывая вдругъ голову, рѣзко сѣчетъ толпу.

Толпа мнется и ежится. Мужики переглядываются, переступаютъ съ ноги на ногу, растерянно покашливая и поправляя шапки.

— Хороши молодчики... Лловко... Ай да Провъ Михалычъ... Ай да староста...

Провъ трясущимися руками прицѣпляетъ на грудь мѣдную бляху и, кланяясь одной головой и Устину, и Андрею-политику, и бродягамъ, и всей толпѣ, тихо говоритъ:

— Бсгъ попустилъ... Терпѣнья нашего не стало, — голосъ дрожитъ, брови высоко взлетѣли.

Въ толпѣ закричали:

— Онъ не своей волей... Міръ такъ порѣшилъ...

— Съ согласья... Міръ... Міръ...

— Значитъ, собча...

— Эфто вѣрно, что...

Провъ перевелъ глаза на толпу и вразъ почувствовалъ въ ней что-то родное и кровное. Онъ часто замигалъ, передернулъ могучими плечами, загребъ въ горсть бороду и вдругъ повалился передъ Андреемъ на колѣни:

— Мы люди темные... Мы люди забытые... Обернитесь, батюшка, на насъ...

Толпа недовольно зашумѣла. Ей непонятно было, что долгобородый, могутной Провъ, староста, упрашиваетъ какого-то бродяжку, человѣка никудышнаго.

Тамъ, въ тайгѣ, Андрей все повѣдалъ Прову, всю душу открылъ. Коротко сказалъ Андрей, но слова его въ самое сердце Прова пали.

И потому Провъ, плача, шепчетъ:

— Обернитесь на насъ, батюшки... Защитите.

У Андрея зарябило въ глазахъ. Онъ пытался приподнять съ земли Прова, но тотъ трясъ головой и, крѣпко сжимая на груди руки, не переставая, твердилъ:

— Кланяйся, міръ хрещеный... Всѣ кланяйтесь... И бродягамъ кланяйтесь...

— Стой! — кричитъ властно Устинъ. — Слушай...

Ванька съ Антономъ приподнялись дубомъ на телѣгѣ, впились въ Устина и разинули рты.

Всѣ затаились, замолкли. Всѣ почуяли теперь большую за собой вину и грѣхъ. Всѣмъ не по себѣ сдѣлалось. Замерла толпа.

Огромный Кешка утиралъ рукавомъ глаза, стараясь остановить прыгающій подбородокъ. Сморкались бабы, кряхтѣли, виновато почесываясь, мужики. Только Тимоха-звонарь весело улыбался и смотрѣлъ на все, какъ на петрушку о ярмаркѣ.

Устинъ прошелъ проворно въ часовню, опять вышелъ, держа псалтирь.

— Вотъ что, православные... — высоко поднявъ книгу и потрясая ею, началъ Устинъ. — Я все попалилъ... Пожарищемъ васъ съ разбою возворотить пыталъ... огнемъ... Я все сожегъ... Мнѣ, православные, ничего не надо. Я уйду отъ васъ.

Онъ переступилъ съ ноги на ногу и горько вздохнулъ.

— Вы, хрещеные, какъ волки... Это не жисть, робяты... Это одинъ грѣхъ...

И вмѣстѣ съ древнимъ Устиномъ многіе вздохнули горько и стыдились поднять отъ земли взглядъ.

— А тутъ еще эвона что затѣяли: человѣка убили!.. — возвысилъ до конца свой голосъ Устинъ. — Эхъ, вы-ы-ы...

Антонъ, стоя на телѣгѣ, низко Устину поклонился. Поклонился и Ванька Свистоплясъ.

— Вы эвонъ какую напраслину на нихъ взвалили...

— Какъ напраслину!?. Чего мутишь?!. — раздались возмущенные крики.

Толпа зашумѣла, зарокотала, какъ по камнямъ, рѣка.

— Слушай!! — махнулъ Устинъ. — Развѣ они, деньги-то, у купца украли?.. Нѣтъ, врешь!.. Энъ, тутъ баба въ ногахъ валялась изъ Назимова, каялась... А коровъ... Спросите-ка Варьку Силину... Кто?..

— Какъ кто? Они же...

— Сенька Козырь... А не они... Эхъ, вы, твари!..

Толпу въ жаръ бросило, ахнула толпа и качнулась.

Провъ, теребя волосы и широко открывъ глаза, съ одеревенѣвшимъ лицомъ стоялъ возлѣ Андрея. Антонъ на телѣгѣ крестился и кланялся Устину, а Обабокъ въ заднимъ рядахъ, запрокинувъ голову, булькалъ изъ бутылки.

Въ Андреѣ закипала кровь. Онъ окинулъ взглядомъ хмурую, понуро стоявшую толпу, и ему вспомнилась вдругъ Россія. Не Акулька съ Дунькой, не Провъ, не Устинъ — Русь поднялась передъ его глазами, такая же корявая и нескладная, съ звѣринымъ обличьемъ, съ тоскующими добрыми глазами, изъѣдающая и растлѣвающая себя, дремучая, сѣдая Русь, дикая въ своей тьмѣ, но такая близкая и родная его сердцу.

Стоялъ предъ Устиномъ народъ, какъ предъ судьей — безъ вины преступникъ. Встала предъ Андреемъ Русь и ждала отъ него золотыхъ словъ. Но что-жъ слова?

Глянулъ Андрей на тайгу. Темная-темная, густымъ дремучимъ моремъ охватила она Кедровку. Кто-то кричитъ: «Уйду...»

Андрей померкъ. Потные, съ разинутыми ртами и ощетинившіеся, тяжело пыхтѣли мужики, обдавая Андрея сивушнымъ перегаромъ.

— Жаль мнѣ васъ... Вотъ какъ жаль... А уйду... Прощай, робяты... — Устинъ земно поклонился міру и, прижавъ къ груди псалтирь, сталъ опускаться съ крыльца. — Съ вами мнѣ не жить... Горько мнѣ съ вами... Я въ тайгу уйду... Я къ звѣрямъ уйду... Легче...

Всколыхнулись, заголосили кедровцы, напирая со всѣхъ сторонъ на сгорбленнаго стараго Устина.

— Дѣдушка, ты нашъ, милый, ты нашъ, — кричали бабы.

— Куда? Стой! — гудѣли мужики, загораживая дорогу.

— Избу тебѣ спрохаемъ, живи...

— Нѣтъ, робяты, нѣтъ...

— Пьянству зарокъ дадимъ...

— Душа требоваетъ... Не держите меня... Раздайсь!.. Душа въ лѣсъ зоветъ... Со звѣрьемъ легче...

По шагу, потихонечку, подвигается Устинъ впередъ, а съ нимъ толпа, какъ возлѣ пчелиной матки рой.

Улыбающійся Тимоха во всѣ колокола хватилъ. Но подбѣжавшій Кешка сгребъ его за шивортъ и отбросилъ.

А Устинъ все дальше и дальше подается и, обернувшись, громко кричитъ отстававшему отъ него народу.

— Ну, робяты!.. Въ послѣдній вамъ говорю!.. Заруби это, робяты, на носу. По правдѣ живите: смерть не ждетъ. Пуще молитесь Богу... Пуще!

— Бо-о-гу?!.. Святоша чортовъ!.. — вдругъ грянулъ Обабокъ. — Мнѣ жрать нечего... У меня шестеро ребятъ... У меня баба пузатая. Подыхать, што ли?!.

— Вѣрно, Обабокъ, правильно...

— На сборню, ребяты...

— Староста, собирай сходъ!.. — загалдѣли голоса.

Устинъ переступилъ ногами и настороржился. Взглянулъ на заходящее солнце, взглянулъ на Обабка, на разбредавшихся недовольныхъ кедровцевъ и разслабленно опустился на лежащій при дорогѣ камень.

Обабокъ круто повернулъ и направился невѣрными шагами къ накрѣпко запертому Федотову двору.

— Ай-ха! — рявкнулъ онъ медвѣжьей своей глоткой и, загребая пыль, на всю деревню безсмысленно заоралъ:

«Стари-инное ка-аменно зданья-аа
Раздало-ося у дѣвы въ груди-и-и-и!..»

Въ ушахъ у Устина гудѣло и невыносимо ныло сердце.

— Эй ты, чортъ плѣшатый! — донеслось до него пьяное слово. — Ну, и проваливай къ дьяволу...

Сразу въ двухъ мѣстахъ кто-то охально и зло засвисталъ, кто-то заулюлюкалъ и крѣпко, сплеча, выругался.

— Лѣшій съ нимъ!..

— По его бородѣ, давно ему быть въ водѣ...

— Ту-у-да ему и дорога... — и снова рѣзкій свистъ и ругань.

— Богомо-олъ!!.

Все вмигъ всколыхнулось въ Устинѣ: померкло вдругъ небо, померкъ свѣтъ въ глазахъ, застыла въ жилахъ кровь.

Онъ обхватилъ руками свою лысую голову и, какъ пристукнутый деревомъ, замеръ.

XXXII.

Къ сѣдому вечеру, когда зажглись въ Кедровкѣ огни, обложило все небо тучами. Со всѣхъ сторонъ выплывали изъ-за тайги тучи, тяжело, грозно надвигаясь на деревню. Сразу затихла деревня. Сжались всѣ, примолкли, жутко сдѣлалось. Говорили въ избахъ вполголоса, заглядывали сквозь окна на улицу, прислушивались къ все нароставшему говору тайги и, многимъ казалось, что кто-то хочетъ отомстить имъ за смерть Лѣхмана. Ежели онъ праведенъ есть человѣкъ — Богъ за него не помилуетъ, ежели грѣшенъ, — быть худу: накличетъ бѣду, напуститъ темень, зальетъ дождемъ, попалитъ грозою. Недаромъ старухи слышатъ въ говорѣ тайги то стоны проклятаго колдуна-бродяги, то его ругань, угрозу. Колдунъ, колдунъ, это вѣрно. Чу, какъ трещитъ тайга. Господи, спаси... Гляди, какъ темно вдругъ стало...

Къ сѣдому вечеру, лишь зажглись въ Кедровкѣ огни, старый Устинъ, вмѣстѣ съ заимочникомъ Науменко подошли впотьмахъ, съ малымъ фонарикомъ самодѣльнымъ къ валявшемуся подъ сосной Лѣхману.

— Вотъ онъ-онъ... — сказалъ Науменко и поднесъ фонарь къ лицу мертвеца.

Лѣхманъ, полузакрывъ глаза, безмолвно лежалъ, а по его щекамъ и лохматой бородищѣ суетливо бѣгали муравьи.

Устинъ и Науменко долго крестились, опустившись на колѣни.

— Я къ тебѣ завтра утречкомъ приду, Устинъ... И товарища съ собой захвачу, — сказалъ Науменко. — Мы тутъ, значитъ, его, батюшку, тово... значитъ... домовину выдолбимъ, и все такое... И въ землю спустимъ... Да... — Голосъ его дрожалъ.

Тайга шумѣла вершинами, вверху вольный вѣтеръ разгуливалъ, трепалъ шелковыя хвои, на что-то злясь.

— Вы мнѣ тутъ, робятки, какой-нибудь омшаникъ срубили-бы...

— Чего? — оправившись, громко спросилъ Науменко.

— Омшаникъ, молъ, омшаникъ... Такъ, на манеръ землянки, — напрягая голосъ, просилъ Устинъ.

— Ну-къ, чо... Ладно.

— У меня усердіе есть пожить возлѣ могилки-то...

— А?.. Кричи громчѣй!.. Ишь, тайга-то гудетъ...

— Я, молъ, вродѣ обѣщанья положилъ...

— Такъ-такъ...

— Пожить да помолиться за упокой...

— Ну, ну... Дѣло доброе...

Науменко костеръ сталъ налаживать: шалашъ изъ пихтовыхъ вѣтокъ сдѣлалъ.

— Ну, прощай, Устинъ... Побѣгу я... Ухъ ты, какъ гудетъ!.. Страсть...

И издали, изъ темноты, крикнулъ:

— Ты не боишься?.. Одинъ-то?!.

— Пошто? — прокричалъ въ отвѣтъ Устинъ. — Насъ двое... — и скользнулъ жалѣющимъ взглядомъ по скрюченнымъ пальцамъ Лѣхмана.

* * *

Жутко въ деревнѣ, темно, къ ночи близится. Небо въ черныхъ тучахъ. Ужъ не видать, гдѣ тайга, гдѣ небо. Вдали промыхнуло и глухо раскатилось. Гдѣ-то тявкнула, дикимъ воемъ залилась собака.

Погасли огни въ деревнѣ. Но никто не смыкаетъ глазъ. Лишь у Прова огонекъ мигаетъ, да въ Федотовомъ дому. Вотъ еще старая Мошна, какъ услыхала громъ, зажгла восковую свѣчку у иконы, четверговую, и молится. Грозы она боится, умирать не хочется, скопитъ денегъ — въ монастырь уйдетъ...

У Прова въ избѣ тоскливо. Провъ подъ образами сидитъ, на той самой лавкѣ, гдѣ лежалъ Бородулинъ, еще поутру увезенный въ село.

Андрей по избѣ взадъ-впередъ ходитъ, то и дѣло хватаясь за голову.

— Скверно все это, скверно... Ну, какъ же ты, Провъ Михалычъ?.. Ты оглядись, подумай.

Въ кути у печки Матрена сидитъ, подшибившись. Слезы всѣ высохли, устало ныть сердце:

— Твори, Богъ, волю...

— Матушка, — тихо говоритъ лежащая на двухъ шубахъ Анна. — Матушка, скажи тятѣ, чтобы... Ну, вотъ это-то... самое-то...

Вѣтеръ крышу срываетъ, того гляди, опрокинетъ избы.

— Экая напасть, Господи, — печалуется Провъ. Онъ трясетъ въ отчаяніи головой и, ударивъ тяжелымъ кулакомъ по столешницѣ, ненавистно пронзаетъ глазами мечущагося по избѣ Андрея.

Тотъ удивленно покосился на Прова и вышелъ на улицу. Онъ чувствовалъ, что душа его опустошена. Ему хотѣлось о всемъ забыть, уснуть долгимъ сномъ, уйти отъ жизни. Но мужичій грѣхъ черной тѣнью ходилъ за нимъ по пятамъ, ядовито надъ нимъ похохатывалъ, стращалъ, какъ палачъ, жертву и, припер евъ къ стѣнѣ, требовалъ отвѣта. Андрея бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Какъ же поступить ему съ мужиками? Молчать, какъ мертвому, покрыть ихъ изувѣрство? Но отвѣта не было, и отъ этого еще мучительнѣй становилось на душѣ. А память услужливо подсказывала забытый случай: онъ гдѣ-то читалъ или слышалъ про дикій самосудъ надъ такимъ же, какъ онъ, невольнымъ свидѣтелемъ мужичьяго грѣха.

— Чортъ забери... — выдохнулъ Андрей. Онъ вспомнилъ грозные глаза Прова. Его вдругъ забила лихорадка, занылъ високъ, и тупая боль потекла къ затылку.

Шумъ тайги все разростался. Было темно. Вѣтеръ озоровалъ на улицѣ, мелъ дорогу, швыряя въ Андрея пылью. Андрей зажмурился и сѣлъ на сутунокъ.

— Ну, научи ты меня... Измучился я, Митричъ... Тошнехонько... — сказалъ подошедшій Провъ.

Андрей уловилъ въ его голосѣ тоску, растерянность и злобу. Провъ что-то запричиталъ и подсѣлъ къ нему.

— Голова во круги пошла. Какъ быть, а?

— Не знаю, Провъ Михалычъ... Дай подумать.

— Подумай-ка... — хмуро сказалъ Провъ и засопѣлъ.

Оба долго молчали. Андрей вздохнулъ. Ему надо успокоить Прова, но онъ понималъ, что случившееся больше, сильнѣе его словъ. Да и самъ онъ въ эту минуту нуждался въ посторонней, благой къ нему, сильной волѣ. Сквозь сѣть происшедшихъ событій ему мерещилась и своя личная жизнь, круто и крѣпко вплетенная въ жизнь Кедровки. Убьютъ, или не убьютъ? Что же дѣлать? Позорно бѣжать? Но возлѣ него больная Анна и тотъ, безвѣстный, еще не пришедшій въ міръ. Да! Надо дѣйствовать. Надо ковать судьбу, пока не поздно.

— Ну, такъ какъ? — спросилъ Провъ. Онъ сидѣлъ,

низко нагнувшись и пропустивъ межъ колѣнъ сомкнутыя руки. — Вѣдь засудятъ?

— Не въ этомъ дѣло, — сказалъ Андрей. — А дѣти, а внуки ваши, все такъ же? Вотъ, въ чемъ главное. — Онъ всталъ и схватился за уголъ избы, чтобы не свалилъ съ ногъ бушевавшій вѣтеръ.

— А ты самъ-то какъ? — несмѣло, дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Провъ. — За насъ?

Но, должно быть, вѣтеръ смазалъ робкія слова Прова. Андрей не слыхалъ, или не понялъ ихъ.

— Вотъ, скажемъ, тайга, — вновь почувствовавъ приливъ бодрости, началъ Андрей. — Дикая тайга, нелюдимая, съ звѣрьемъ, гнусомъ. А сколько въ ней всякаго богатства... Вотъ и жизнь наша, что тайга... — Онъ тяжело дышалъ и глядѣлъ сквозь мракъ на широкую согнутую спину Прова.— Что жъ надо сдѣлать, чтобъ въ тайгѣ не страшно было жить, чтобъ все добро поднять наверхъ, людямъ на пользу? А? Подумай-ка, Провъ Михалычъ...

— Не такъ, Митричъ... Не про это... Тайга не при чемъ...

— Ты погоди, выслушай! — крикнулъ Андрей. — До всего дойдетъ очередь, — и съ жаромъ, взмахивая свободной рукой, сыпалъ словами.

Но въ это время Провъ крякнулъ и потрясъ головой. Андрей смѣшался. Онъ пересталъ слѣдить за своей рѣчью, потому что его мысль, опережая слова, неожиданно опять скакнула къ тому темному, еще не рѣшенному, на что онъ долженъ дать отвѣтъ Прову. Какъ помочь мужикамъ въ бѣдѣ? Бѣжать-ли, остаться-ли? А вдругъ убьютъ? — вновь клиномъ вошло Андрею въ душу. Теперь онъ только краемъ уха прислушивался къ тому, что говоритъ и, досадуя на себя, чувствовалъ, что говоритъ нудно, вяло, обрываясь и путаясь.

— Мудро... шибко мудро, Митричъ... Кого тутъ... гдѣ ужъ... — прервалъ Провъ и сердито засопѣлъ. — Засудятъ, всѣхъ закатаютъ, ежели дознаются... Вотъ ты что говори. Ну, а какъ ты-то, самъ-то? — глухимъ голосомъ еще разъ спросилъ онъ и, нахлобучивъ шляпу, всталъ. — Пойдемъ не-то въ избу, посовѣщаемся. Ну, и вѣтрище!

— Провъ Михалычъ!.. громко окликнулъ Андрей, точно вспомнивъ главное. — А какъ же Анна? Вѣдь ее въ городъ надо, завтра же.

— Погоди ты, въ городъ... — рубнулъ Провъ. — Тутъ не до этого.

Блеснула, затрепыхала далекая молнія. Всѣ избы, словно изъ-подъ земли выскочивъ, подпрыгнули, замигали и снова исчезли.

— Гроза идетъ, — тревожно сказалъ Провъ, захлопывая за собой дверь избы.

Какая-то сила заставила Андрея обернуться.

— Стой-ка... — услышалъ онъ сиплый таящійся голосъ. — Эй, прохожій!

Андрей спустилъ съ приступки ногу, шагнулъ навстрѣчу голосу и лобъ въ лобъ столкнулся съ крупнымъ, тяжело пыхтѣвшимъ человѣкомъ.

— Призналъ? Я каморщикъ, — зашепталъ Кешка, обдавъ Андрея ѣдкимъ запахомъ черемши. — Вотъ что, проходящій.. бѣги, батюшка. Чуешь? Какъ уснетъ деревня покрѣпче — шигай въ тайгу... А тѣхъ двоихъ, въ случаѣ, — схороню... Гдѣ имъ... Скажу: убѣгли... Чуешь? А то мужики какъ бы не того... слыхъ идетъ.

— Андрей! — открылъ окно Провъ. — Залазь, что-ль. Время огонь тушить.

* * *

Вѣтеръ тайгою ходитъ, раскачалъ тайгу отъ самыхъ корней до вершины. Трещитъ тайга, ухаетъ, ожила, завыла, застонала на тысячу голосовъ: всѣ страхи лѣсные выползли, зашмыгали, засуетились, всѣ бѣсы изъ болотъ повылѣзли, свищутъ пронзительно, носятся, въ чехарду играютъ. Самъ лѣсовой за вершину кедръ поймалъ, вырвалъ съ корнемъ и, гукая страшнымъ голосомъ, пошелъ крушить: какъ махнетъ кедромъ, какъ ударитъ по лѣсинѣ, хрустнетъ дерево стоячее и рухнетъ на землю. А лѣсовому любо: «го-го-го-го»!.

Дѣдушкѣ Устину — все это нипочемъ. У него въ рукахъ святая книга, а на пнѣ, въ головахъ у тѣла убіеннаго бродяги, восковая свѣча горитъ: здѣсь мѣсто свято.

Но вѣтеръ по низамъ пошелъ, мететъ во всѣ стороны пламя костра, гаситъ восковую свѣчечку. Устинъ отходную Лѣхману читаетъ, «Святый Боже» поетъ надтреснутымъ своимъ голосомъ и, ежась отъ колеблющейся тьмы, блуждаетъ взглядомъ. Кто-то притаился тамъ, ждетъ. Вдругъ тьма озарилась молніей. Устинъ сложилъ книгу, перекрестился и побрелъ въ зеленый свой шалашъ.

— Го-го-го-го-го...

Крестится Устинъ.

Легъ на зеленую хвою, шубенку накинулъ сверхъ себя — подарокъ Науменка. Лежитъ, смотритъ на Лѣхмана, думаетъ. Костеръ горитъ ярко, два пня смолистыхъ зажегъ Науменко, будутъ до утра тлѣть. Вѣтеръ раздуваетъ пламя, не даетъ заснуть огню.

Лѣхманъ вздрагиваетъ въ лучахъ костра, какъ живой, отъ холода, шевелитъ руками, сучитъ ногами, киваетъ головой...

— Нѣтъ, это ничего... — шепчетъ Устинъ и крестится, а сонъ ужъ начинаетъ его убаюкивать и качать на волнахъ.

Вѣтеръ бурей ревѣлъ въ тайгѣ. Деревья стонали и точно зубами скорготали отъ нестерпимой боли.

Лишь закрылъ Устинъ глаза и, благословясь, укрылся съ головой шубой, слышитъ: стихла тайга и раздались два голоса. О чемъ то бесѣду ведутъ, мирно такъ говорятъ, любовно, а вдругъ заспорятъ и сердито закричать.

Одинъ голосъ очень знакомый. Чей же это голосъ? Ахъ, да вѣдь это Бородулинъ говоритъ. Попа. Да, попа... про попа надо сказать, про отца Лексѣя... Это хорошо... «А что же ты такой старикъ, а сѣдой?... такой лохматый»? — говоритъ Бородулинъ. — «А что же ты лежишь? Пойдемъ» — вновь сказалъ Бородулинъ. — «Потому что надо» — отвѣтилъ голосъ, — «тутъ ясно».

Холодно Устину. Онъ скрючился. Не хочется выползать изъ подъ шубы. А не бородулинскій, незнакомый голосъ опять: «А гдѣ Устинъ? Вотъ тутъ сидѣлъ, надо мной». — «Онъ ушелъ. И отъ тебя ушелъ и отъ міра ушелъ, онъ чортъ». — «Врешь!».

И вдругъ, какъ ударитъ его кто-то по плечу ладонью.

— Вставай, старикъ... Спасибо...

Безъ ума вскочилъ Устинъ.

— Господи Христе!..

Стегнула молнія, грянулъ громъ. И видитъ Устинъ, въ синемъ полымѣ: не въ шалашѣ онъ, а возлѣ Лѣхмана.

Бѣлый, скрюченный сидитъ рядомъ съ нимъ Лѣхманъ.

— Святъ, святъ!.. — не своимъ голосомъ вскричалъ Устинъ.

Вновь гроза оглушительно трахнула, Устина подбросило, опрокинуло, и онъ, очнувшись, пустился бѣжать. Онъ бѣжалъ молча, весь объятый звѣринымъ ужасомъ, и ему почудилось, что сзади гонятся за нимъ и Бородулинъ, и

разбойники, и ожившій Лѣхманъ, и всѣ деревья, вся тайга несется вслѣдъ: вотъ-вотъ духъ изъ Устина вышибутъ.

— Святъ, святъ, святъ...

А ударъ за ударомъ кроетъ всѣ таежные ночные голоса, гудитъ на всю тайгу и, спустившись въ низины, раскатисто и злобно рычитъ.

Молнія сіяетъ синимъ свѣтомъ безпрестанно. Звѣриное чутье по дорогѣ Устина гонитъ, въ родную Кедровку.

— Согрѣшилъ... мужиковъ въ бѣдѣ бросилъ... Возворочусь, — стонетъ Устинъ, обезсиленно переплетая во тьмѣ старыми, страхомъ связанными ногами.

— Согрѣшилъ, согрѣшилъ, — ликуетъ темный ревъ тайги и, настегивая Устина свистомъ, гамомъ и хохотомъ, гонитъ его вонъ изъ своего царства.

Вдругъ все засіяло:

— Не попусти!!.. — Устинъ взмахнулъ руками, и во весь ростъ грохнулся средь дороги.

Вмѣстѣ съ его крикомъ раскололись, зазвенѣли, рушились небеса. Золотымъ мечомъ молнія вонзилась въ землю, опалила, съѣла тьму, всю тайгу всколыхнула, во всѣ застучала концы и предостерегающе замолкла.

Испугалась тайга грозы небесной. Тихо стало въ тайгѣ и торжественно.

И среди густой нависшей тьмы, запылали — зажглись яркимъ свѣтомъ, какъ гробовыя свѣчи, три высокія лиственницы.

Опять взметнулся вѣтеръ.

XXXIII.

Дрогнула надъ Кедровкой ночь. Кто-то по улицѣ скакалъ на конѣ и неистово кричалъ:

— Хозяева! Тайга пластатъ!.. Эй, люди!.. Тайга!!.. Тайга!!..

Густо и грозно изъ-за деревни вставало пламя, вѣтеръ крѣпчалъ и гналъ огонь прямо на Кедровку.

Открывались дрожащими руками окна, высовывались взлохмаченныя сномъ головы и, ахнувъ, исчезали.

Вѣтеръ стучитъ ставнями, заглядываетъ подъ крыши и грозитъ Кедровкѣ бѣдой.

— Осподи светы... — шамкаетъ выскочившая на улицу Мошна, наскоро крестится и, со страхомъ взглянувъ на широко разметавшееся за деревней пламя, спѣшитъ скорѣй въ избу. Вѣтеръ пузыремъ вздуваетъ ея юбченку, крутитъ и

валитъ старуху наземь, и рѣзко захлопываетъ за ней тяжелую дверь.

— Тайга занялась!.. Тайга!..

Забѣгали, засновали кедровцы, ожила, загалдѣла деревня. Встали и разлились вдругъ родившіеся во дворахъ, подъ крышами, при дорогѣ, полные испуга, голоса и звуки.

Засвѣтились коньки и скаты мокрыхъ крышъ, вспыхнули и заиграли огнемъ стекла стоявшихъ на пригоркѣ избушекъ, а небеса кругомъ стали еще темнѣе и строже.

— Миколка!.. Эй, Миколка-а-а....

На горѣ, у часовни, безтолковая, потерявшая себя толпа. Всѣ, разиня рты, смотрятъ широкими глазами на пожарище и, холодѣя, роняютъ, какъ въ воду камни, жалкія слова.

— Ишь, какъ садитъ... Ишь, ишь!..

— Придетъ, робяты... Охъ, придетъ...

— Начинай молебну!.. Вздымай образа!..

— Устина надо... Устина!..

— Ушелъ Устинъ...

И ужъ стонъ стоитъ въ толпѣ, голоса осѣклись.

— Ищите Устина!.. Гдѣ Устинъ?!..

— Ушелъ Устинъ.

Бабы слезно заголосили:

— Окаянные вы... Мучители вы...

— Замолчь!.. Ну, васъ...

А надъ тайгой разливалось море огня. То здѣсь, то тамъ, словно изъ подъ земли взрываясь, вразъ вставали огненные столбы и, качнувшись во всѣ стороны, наплывали на деревню.

— Ой, край пришелъ... Ой, свѣты...

Съ пригорка видно, какъ росло и бушевало пламя, и въ его пляшущемъ свѣтѣ колыхалась и кудрявилась тайга, вся въ зелено-темныхъ тонахъ и переливахъ, а нависшая надъ пожарищемъ туча до краевъ набухла отблескомъ пламени.

На взмыленной лошаденкѣ прискакалъ босой, простоволосый, страшный Провъ:

— Міръ хрещеный!.. бѣда-а-а-а... Погибель!..

И опять помчался къ своему дому.

— Къ рѣчкѣ, къ рѣчкѣ выбирайся!.. На пашни!..

Скрипятъ возы, храпятъ, поводя ушами, лошади:

— Куды прешь? Легше!..

Собаки воютъ и безтолково, испуганно взлаиваютъ, снуютъ со скарбомъ въ рукахъ бабы и ребята:

— Къ рѣчкѣ, къ рѣчкѣ!..

А вѣтеръ упругимъ валомъ, волна за волной катитъ надъ деревней, весь въ золотыхъ, искрометныхъ огонькахъ. Онъ коршуномъ бросается попутно внизъ, мететъ всѣ голоса и звуки, крутитъ и выкручиваетъ по ошалѣлымъ закоулкамъ и улицамъ.

Головни, какъ сказочныя жаръ-птицы, взвиваясь ввысь, несутся, гонимыя вѣтромъ, куда попало и, сломивъ огненныя крылья, садятся среди деревни:

— Осподи, Мать Владычица... Шабашъ...

— Окулыку возьми!..

— Съ зыбкой... съ зыбкой!..

Засинѣла, занялась тайга и съ боковъ. Кедровка золотымъ сжималась моремъ.

Обабокъ, согнувшись подъ громаднымъ узломъ, зажавъ подъ пазухами двухъ воющихъ ребятишекъ, торопливо бѣжалъ въ гору, а возлѣ него, не давая ходу, сновали четверо парнишекъ, голося:

— Тятенька, тятенька... Ой, мамыньки нѣту...

— Ай-ха!.. — оралъ Обабокъ, напрягая свои еще непроспавшіяся ноги.

Тимоха яростно билъ въ колоколъ и, прикусивъ языкъ, прислушивался къ звону. Колокола зло пересмѣхались и дразнили Тимоху. Онъ, размахнулся коломъ и сразу сшибъ два колокола.

— Что ты, окаянный... — зашипѣла ползшая на карачкахъ Мошна. — Что ты?!..

— А ты чего?

— Вишь, ползу... Сто разовъ окружу часовню — откатится огонь...

Столѣтній дѣдушка Назаръ давно за деревней. Онъ, шаркая ногами, тащитъ за хвостъ кота. Котъ въ кровь исцарапалъ ему руки, разодралъ порты. — Огонь, огонь... Дымъ... — бормочетъ старикъ и, какъ на лыжахъ, не отрывая отъ земли ногъ, катитъ дальше.

— Проваливай, ребята... Это отъ васъ!.. — гналъ вонъ изъ своей избенки Ваньку Свистопляса и Антона каморщикъ Кешка.

— Это отъ васъ!.. — взвизгнула пробѣгавшая бере-

менная баба, повалилась оттопыреннымъ животомъ на изгородь и страшно, нечеловѣчески завыла.

— Горимъ!.. Горимъ!.. — перекатывалось по деревнѣ.

— Убѣгайте!.. Живо, скорѣй!.. — метался лавочникъ Федотъ, волоча по землѣ огромный узелъ.

Сѣрой, клубящейся горой валилъ къ небу дымъ, сливался вверху съ тучей и, колеблемый вѣтромъ, разбрасывался по поднебесью сизыми, подрумяненными облаками.

— Сюда... Сюда-а-а!..

— Энъ, какъ взмыло...

Сразу въ трехъ мѣстахъ вспыхнули наваленныя на крышахъ копны сѣна, занялись дворы, загорѣлась старая сухая часовенка.

И ужъ все живое катилось вонъ изъ деревни: съ проклятіемъ, стономъ и дикимъ ревомъ бѣжали люди; задравъ хвосты и бѣшено мыча, скакали коровы; пронесся вдоль улицы, храпя и сотрясая землю, табунъ лошадей и вдругъ шарахнулся врассыпную отъ ползущаго по дорогѣ забытаго мальченки; съ кудахтаньемъ летали надъ дорогой незрячія куры. А цѣлое стадо овецъ, предводимое бараномъ, ошалѣло неслось прямо на огонь.

* * *

Андрей быстро наклонился надъ спящей Анной, взялъ ее за плечо и твердо приказалъ:

— Анна, встань.

Та вскинула вѣки, мутно посмотрѣла на Андрея, приподнялась и вдругъ вся зацвѣла испуганно-нежданной радостью. Вспомнить хотѣла — не могла:

— Ты?

— Анночка, Анна... — Андрей влекъ ее къ двери: — Мы горимъ, Анна... Скорѣй!..

На улицѣ, жмурясь отъ яркаго свѣта, Анна крикнула:

— Солнышко... Солнышко спустилось!..

— Это тайга горитъ...

— Пусти... не держи!

— Анна, Кедровка горитъ.

— Пошто мутишь? — она рванулась и, всплеснувъ руками, словно подхваченная вихремъ понеслась на гору.

— Анна! Анна! — слѣдомъ бросился Андрей. — Провъ Михайлычъ!!

А Провъ, хрипя въ борьбѣ, еле сдерживалъ рвавшуюся за дочерью Матрену:

— Ой, пусти, злодѣй! — она кусалась, царапалась, плевала Прову въ лицо: — Врешь, не сладишь! Ой, доченька...

Схвативъ жену въ охапку, Провъ повалилъ ее на землю и поволокъ къ рѣчкѣ.

— Матренушка, родимая... очнись... — И его старое сердце разрывалось надвое межъ женой и Анной.

Двѣ пылавшія другъ противъ друга избы пресѣкли бѣгъ Андрея. Почувствовавъ нестерпимый жаръ, Андрей закрылъ голову зипуномъ и стремглавъ пронесся мимо. Ощупывая опаленные волосы, онъ торопливо искалъ глазами Анну. Справа, изъ за дымящагося крыльца ползла на четвереренькахъ страшная, сѣдая Мошна. Она ужъ тридцать разъ оползла часовню и, задыхаясь въ дыму, упорно шамкала:

— Сгорю, а не отступлюсь... Фу-фу... подуйте вѣтры встрѣчные, супротивные... Охъ, Господи... Тридцать перьвой-тридцать перьвой, тридцать друго-о-ой... А-а?.. жарко, чертовка?.. Жарко? Вотъ онъ, каковъ адъ-отъ... Во-отъ!..

— Эй, бабка, — уловивъ ее взглядомъ, позвалъ Андрей... — не видала ли...

— Ну, гдѣ-жъ она? — прогудѣлъ возлѣ него голосъ Прова. — Погибель... Шабашъ... — и оба вразъ увидали Анну.

Вся дрожа, Анна стояла, прислонившись къ голенастой, въ золотой шапкѣ соснѣ. Она съ удивленіемъ взглянула на выросшихъ передъ ней людей.

Какъ снопъ пшеницы, поднялъ ее Провъ.

— На рѣчку! Единымъ духомъ! Дай-ка сюда зипунъ... Накрой! — Сквозь дымъ потащилъ онъ Анну.

— Тятенька.... Андреюшка... Не опасайтесь... Гдѣ мамынька?

Андрей еле поспѣвалъ вслѣдъ Прову. Онъ дико озирался на бушевавшій кругомъ огонь. Ему трудно было дышать.

— Ну, въ часъ добрый... Андрей, доченька, лупите къ островамъ! Я за Матреной... — крикнулъ Провъ, когда они выбѣжали на берегъ. Здѣсь всѣ вздохнули свободно.

Закрываясь зипуномъ, Провъ торопливо направился проулкомъ, гдѣ догоралъ Федотовъ скотный дворъ. — На рѣчку, братцы, на рѣчку!.. Бросай все! Сгоришь!! — раска-

тывался по пожару его голосъ. Въ бурьянѣ, возлѣ изгороди, копошились двое.

— Вы чего тутъ, ребята? Айда на островъ! Живо! — крикнулъ онъ, узнавъ бродягъ, и побѣжалъ дальше. Антонъ повернулъ вслѣдъ ему голову и вновь нагнулся:

— Иванушка, голубчикъ... Спасай душеньку... Вздымай, благословясь. — За руки, за ноги, бродяги приподняли женщину и грузно понесли.

— А? Эвонъ кто?!. — съ озлобленіемъ крикнулъ Ванька Свистопляесъ, взглянувъ въ озаренное пожаромъ лицо безчувственной Даши. — Кидай, Антонъ!

— Что ты?!.. Въ такой часъ... — рѣзко осадилъ Антонъ.

Даша, по поясъ нагая, вся розовая въ лучахъ зарева, висла головой къ землѣ, мела землю черной съ блескомъ гривой волосъ и пьяно бормотала:

— Не бей... Не бей меня, Феденька... — погубитель...

— Тащи! Чево всталъ! — ужъ на Антона крикнулъ Ванька.

— Дай духъ перевести... Ой, смерть...

Андрей и Анна быстро шли вдоль берега. Ноги ихъ увязали въ мокромъ пескѣ, шуршали галькой или легко и увѣренно перескакивали съ камня на камень. Анна тихо улыбалась, прислушиваясь, какъ сзади нея звучатъ шаги Андрея. Она задерживаетъ шагъ, беретъ Андрея за руку и нѣжно заглядываетъ въ его глаза.

— Андрей, — тихо-тихо шепчетъ Анна. — Андреюшка.

Она вся въ прошломъ, вся въ будущемъ, свѣтломъ и бурлящемъ, какъ пылающая кругомъ сизо-огненная тайга. И не жаль ей Кедровки, не жаль утлыхъ, обгорѣлыхъ лачугъ, ничего не жаль, и ничто не страшитъ ее, потому что Андрей съ нею, и все идетъ, какъ надо. Анна еще нѣжнѣе улыбается, крѣпче сжимаетъ дрожащими пальцами чью-то похолодѣвшую руку и не можетъ понять, о чемъ говоритъ родной, такой знакомый голосъ:

— Опирайся... Держись! — И они плечо въ плечо пошли неглубокимъ бродомъ къ острову черезъ шумный рѣчной потокъ. Вода стремительно неслась, вся въ бѣлой пѣнѣ, словно кипѣла холоднымъ кипяткомъ.

— Ничего, тутъ мелко! Ну-ка!.. — заглушая говоръ струй, подбадривала она, почувствовавъ робость Андрея.

Островъ, большой и плоскій, весь въ окатныхъ камняхъ, медленно приближался къ нимъ.

— Не смотри въ воду, голова закружится. Гляди впередъ! — громко говорила она. Охватившее Андрея смятеніе все сильнѣе передавалось Аннѣ, и, чтобъ скорѣе достичь острова, она упруго шагала наперерѣзъ водѣ.

Въ душѣ Андрея было пусто и уныло: словно вся вина за послѣдній кошмаръ должна рушиться на его плечи. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ вызывающе вскинулъ голову, пытаясь взбодрить ослабѣвшій духъ, но порывъ, вспыхнувъ, сразу померкъ, и Андрей съ тупымъ, болѣзненнымъ чувствомъ отчаянія плотнѣй прижался къ Аннѣ.

— А мы ужъ тута-ка!.. На конѣ перебрели, — крикнулъ имъ Провъ. — Ну, слава тѣ Христу.

Они всѣ тѣсно встали на бугоръ. У ихъ ногъ, согнувъ спину, всхлипывая, сидѣла Матрена. Вѣтеръ разогналъ здѣсь дымъ, но осіянная тьма вся дрожала отъ говора пламени, и воздухъ былъ насыщенъ жаромъ. По ту сторону острова рѣчка глубже, спокойнѣй. Надъ позлащенной водой, то здѣсь, то тамъ, черными кочками торчали человѣчьи головы.

— Отсиживаются... — твердо сказалъ Провъ, махнувъ рукой.

Андрей скользнулъ по водѣ оторопѣлымъ взглядомъ и вздохнулъ.

— Которые на пашню убрались... а которые... дакъ... привѣчный спокой... чезнули, поди... — пуще завсхлипывала Матрена.

— Пьянство... пакость всякая... — сказалъ Провъ. Голосъ его былъ жестокъ, суровъ.

Анна стояла молча, серьезная. Она правой рукой держала концы разорвавшейся на груди рубахи, а лѣвой поглаживала мать. Андрей не видѣлъ въ Аннѣ безумія, взоръ ея былъ вдумчивъ, спокоенъ.

— Сила, — задравъ на огонь голову, густымъ, хриплымъ басомъ бухалъ Провъ. — Силища кака: пластатъ... Фу!

Андрей взглянулъ на него и удивился. Никогда онъ не чувствовалъ такимъ Прова. Онъ даже отступилъ отъ него въ сторону, чтобъ пристальнѣй разглядѣть его. Здѣсь былъ другой Провъ, не тотъ, что направилъ, при таежной дорогѣ, въ его грудь ружье, не тотъ, что палъ къ его ногамъ, тамъ, у часовни, и молилъ его, и ронялъ слезы. Огромнымъ, поси-

вѣвшимъ медвѣдемъ стоялъ Провъ, грузно придавивъ землю, скала какая-то, не человѣкъ.

Крутыя плечи Прова, широкая спина, плавно и глубоко вздымавшаяся грудь накопили столько неуемной мощи, что, казалось, трещалъ кафтанъ. Большiе угрюмые глаза упрямо грозили огню.

Андрей вдругъ показался себѣ маленькимъ, ничтожнымъ, незначущимъ, будто песчинка на затерявшейся заклятой тропѣ. Какой вѣтеръ метнулъ его сюда? Неужели всему конецъ? Конецъ его думамъ, его гордымъ когда то мечтамъ?

И опять вспомнилась, стала мерещиться ему Русь, Русь могутная, необъятная, мрачная и дикая, какъ сама тайга. Русь шевелилась, шептала, ворочала каменные жернова въ его отяжелѣвшемъ мозгу. И чудилось Андрею, что ужъ сизый дымъ ползетъ по ней и клубится. Потоки подземнаго огня клокочутъ и предостерегающе стучатъ въ просоленныя слезами нѣдра. Съ запада къ глубокому востоку, отъ юга къ сѣверу гудитъ и хлещетъ по простору шквалъ. Все въ страхѣ, напряженно ждетъ, все приникло, приготовилось: вотъ грядетъ хозяинъ жатвы. Русь! вѣруй! Огнемъ очищаешься и обѣлишься. Въ слезахъ потонешь, но будешь вознесена.

— Сила!!

Андрей очнулся отъ голоса Прова. Пожаръ не утихалъ, и схлынули съ Андрея всѣ чары, все то, что провидѣлъ его новый взоръ. Андрей робко поднялъ глаза на Прова. Широкій, большой мужикъ каменнымъ истуканомъ недвижимо стоялъ, скрестивъ на груди руки. Его волосы и бороду чесалъ вѣтеръ, глаза попрежнему властно грозили пожару: вотъ-вотъ нагнется Провъ, всадитъ въ землю чугунные свои пальцы и, взодравъ толстый пластъ, какъ шкуру съ матераго звѣря, перевернетъ вверхъ корнями всю тайгу.

У Андрея неожиданно дрогнуло сердце, все замелькало въ глазахъ и какъ-то сами собой покатились слезы:

«Провъ, ты можешь... Спасай...» — умиленно шептала душа, но уста не повиновались:

— Гибнетъ... Боже мой, все гибнетъ...

— Андрей! Анна! — глухо бухнулъ Провъ. — Ничего... Пущай чиститъ.

Онъ часто задышалъ, высоко вскинулъ огромные кулаки, и такъ сильно ими потрясъ, что подрубленные въ скобку волосы стали вразъ подпрыгивать и шлепать по ушамъ:

— Гори... Гори, такъ твою!.. — съ тупой злобой крикнулъ онъ, и словно лопнула отъ натуги мощь. — Провъ зашатался. Онъ запрокинулъ руки, схватился за затылокъ, грузно сѣлъ, привалившись спиной къ пню.

— Народишко... достатокъ... Несусвѣтимо... Прахомъ все... — Онъ мотнулъ головой и уставился въ землю.

— Тятенька, родимый, — опустилась передъ нимъ Анна, заглядывая ему въ лицо. — Не тужи, новое будетъ, хорошее. Тятенька, Андреюшка... мамынька...

— Живите, ворочайте, — шепталъ Провъ, не подымая головы. — Авось, какъ не то... Э-эхъ-ма-а-а...

* * *

А пожарище неудержимо гулялъ по тайгѣ разливнымъ моремъ. Вихри огня съ гудѣньемъ и рокотомъ взлетали къ раскаленному до красна небу, игриво и весело разсѣкая черныя клубящіяся облака смоляного дыма. До широкой поляны докатился огонь. По ту сторону поляны вдругъ шевельнулась, заплясала въ лучахъ свѣта стѣна тайги, какъ живыя, задвигались, задрожали деревья. Пламя желтымъ бушующимъ сводомъ жадно загибалось надъ поляной.

Цѣлымъ стадомъ, задравъ пушистые хвосты, скакали чрезъ поляну бѣлки; тяфкая и щурясь на свѣтъ, осторожными прыжками, принюхиваясь, удирали лисицы. У самаго пожарища, поджавъ уши, всплыла вдругъ на дыбы медвѣдица, запустила острые когти въ кору сосны и, жалобно кликала затерявшихся гдѣ-то медвѣжатъ.

— Го-го-го-го... — пронзительно и дико то здѣсь, то тамъ раздавалось лѣшево гоготанье, и рѣзкій ударъ бича, вмѣстѣ съ хозяйскимъ дѣловитымъ посвистомъ хлесталъ и сѣкъ гудѣвшій, осатанѣлый воздухъ.

— Го-го-го-го-го...

Звѣри прислушивались, топорщили спины и покорно ускоряли бѣгъ.

А стая волковъ налаживала за рѣкой свою жуткую волчью пѣснь.

И за поляной занялась тайга: затрещали хвои, вспыхнули. Золотыми дорожками бѣжалъ огонь по низу, какъ павшіе изъ огненнаго моря ручейки. Невзначай застигнутыя птицы взлетали надъ пожарищемъ и, охваченныя горячимъ вихремъ, камнемъ падали въ пламя. Изъ прогорѣвшихся

норъ, куда вмѣстѣ съ дымомъ стали просачиваться огоньки, выползали послѣдніе гады-змѣи.

Онѣ шипѣли, выставляя жало, свивались клубящимися комками и, судорожно цѣпляясь за деревья, стремились подняться отъ возставшей на нихъ земли. Но свѣтъ слѣпилъ имъ глаза, а огонь кропилъ губительными искрами.

Змѣи пухли, раздувались и, падая, лопались, оставляя внутренности на золотыхъ сучкахъ.

Огонь шелъ торопливой, рокочущей лавиной, бѣшенно неся всему смерть. Деревья, будто собираясь бѣжать, пытались сорваться съ мѣста, раскачиваясь и тревожа корни. Но тщетно гудѣли они вершинами, тщетно роняли смолистыя слезы.

Еще мгновенье — и вразъ вспыхиваетъ, подобно оглушительному взрыву, цѣлая стѣна ужаснувшихся деревъ, съ трескомъ одѣваются хвои въ золото, и все тонетъ въ огнѣ. Дальше и дальше, настойчиво и властно плыветъ пылающая лава, и нѣтъ силъ остановить ее.

1913—1915 г.г.

Вяч. Шишковъ.

ИЗЪ „ВОСКРЕСЕНЬЯ“.

(Ненапечатанныя главы.) [1]

Переѣздъ по желѣзной дорогѣ на пароходѣ и потомъ шествіе по этапамъ, въ особенности шествіе по этапамъ, открыло Нехлюдову такія новыя подробности быта арестантовъ, которыхъ онъ никогда не могъ бы себѣ представить. Чѣмъ больше онъ узнавалъ бытъ этихъ людей, тѣмъ больше онъ убѣждался, что тюрьма, пересылка, каторга, — все это какъ бы нарочно выдуманныя учрежденія для производства сгущеннаго до послѣдней степени разврата и порока, которыхъ ни при какихъ другихъ условіяхъ нельзя бы было произвести. Были, казалось, нарочно собраны

---

[1] Какъ большая часть произведеній Л. Н. Толстого, «Воскресенье» подверглось громадной переработкѣ,-прежде чѣмъ достигнуть той формы, которую оно приняло въ печати. Работа по отдѣлкѣ шла, какъ это тоже было довольно обычно у Толстого, не только до сдачи въ наборъ, но и послѣ, въ рядѣ труднѣйшихъ корректуръ, часть которыхъ сохранилась въ нашихъ книгохранилищахъ и въ частныхъ рукахъ. Въ сложной работѣ надъ текстомъ, постоянно добиваясь сколь можно проще, понятнѣе и ярче выразить свою мысль, Толстой, величайшій художникъ слова, ясно чувствующій всю полноту своего созданія, цѣльность его картины, всегда стремился къ стройности всего плана, къ ясности главныхъ линій, какъ архитекторъ къ красотѣ контуровъ. Ради этой стройности всего произведенія Толстымъ нерѣдко то безжалостно сокращались, то совершенно выбрасывались изъ рукописи глубокія по мысли описанія, яркія характеристики, красочные эпизоды. Таковъ напечатанный въ апрѣльской книгѣ «Лѣтописи» разсказъ о каторжникѣ Ѳедоровѣ изъ «Воскресенья», таковъ нынѣ печатаемый отрывокъ того же произведенія, въ которомъ читатель найдетъ, отброшенный впослѣдствіи, удивительный по силѣ разсказъ Ранцевой, таковы многіе другіе отрывки, еще не напечатанные до сихъ поръ.

Дорожа каждымъ словомъ Толстого, каждой его мыслью, мы считаемъ себя не въ правѣ скрывать такіе, несомнѣннаго значенія, отрывки, находимые при разборѣ и описаніи архива В. Г. Черткова. Представляя сами посебѣ высокую литературную цѣнность, они, помимо глубокаго наслажденія, даютъ еще интереснѣйшую характеристику автора и его совершенно исключительнаго отношенія къ своей работѣ.

В. С.

сотни тысячъ людей самыхъ разнообразныхъ, большею частью точно такихъ же, какъ всѣ обыкновенные люди, живущіе на волѣ, только немного болѣе возбудимые, чѣмъ большинство людей; къ этимъ людямъ, какъ къ завареному тѣсту, были присоединены, какъ закваска, съ одной стороны, небольшой процентъ невинныхъ, напрасно мучимыхъ людей, и съ другой — такой же небольшой процентъ исключительно развращенныхъ и лишенныхъ человѣческаго образа, острогами озлобленныхъ людей, старыхъ каторжниковъ, бѣглыхъ бродягъ и т. п.; всѣ эти люди поставлены въ самыя нечеловѣческія условія поруганія, безправія, неволи, страха полной обезпеченности, примѣра жестокости и безнравственности своихъ стражниковъ и полной праздности.

Всѣ эти люди были поставлены въ такія неестественныя, нечеловѣческія отношенія и другъ къ другу, и къ своимъ стражникамъ, что для того, чтобы поддерживать эти отношенія, имъ необходимо было не только заглушить въ себѣ главную пружину жизни человѣческой — любовь къ ближнему, но и вызвать въ себѣ все самое звѣрское, что только есть въ человѣкѣ, — жадность къ животнымъ наслажденіямъ, хвастовство, обманъ, потребность одурманенія и заглушенія требованій разума и сердца.

На этапахъ, въ острогахъ и въ пути Нехлюдовъ видѣлъ ужасные по своей жестокости поступки арестантовъ, совершенно несвойственные русскому, какъ онъ понималъ его, да и вообще всякому человѣку. Онъ видѣлъ, какъ среди арестантовъ уважалось только то, что обыкновенно презирается: уважались обманъ, ложь, жестокость, насиліе. Онъ видѣлъ не только то, какъ арестанты здоровые, сильные на тѣсныхъ этапахъ хвалились тѣмъ, что захватывали лучшія мѣста, а больные, чахоточные, оставались подъ дождемъ; но видѣлъ, какъ арестантъ, сломавшій два ребра мужу, заступившемуся за жену, пользовался сочувствіемъ всѣхъ присутствующихъ при дракѣ. Видѣлъ страшное безстыдство женщинъ, которыя гордились и хвастались своимъ развратомъ. Видѣлъ ужасныя сцены всякаго самаго противоестественнаго разврата, узаконеннаго и одобряемаго общественнымъ мнѣніемъ острога. Мало того — острожные люди, очевидно, гордились, хвастались своими дурными поступками. Нехлюдовъ понялъ теперь то, чего онъ не могъ понять прежде: отчего происходила та спокой-

ная самоувѣренность, самодовольство даже, съ которымъ совершались этими людьми самые ужасные безчеловѣчные поступки.

Происходило это отъ того, что кромѣ внутреннихъ поступковъ, которые совершаетъ каждый человѣкъ для удовлетворенія своихъ физическихъ и духовныхъ потребностей, есть еще большое количество поступковъ, которые каждый человѣкъ совершаетъ для того, чтобы получить одобреніе другихъ людей. И это одобреніе другихъ людей также необходимо людямъ, не достигшимъ высшей степени нравственности, какъ вода, какъ пища. Только человѣкъ, стоящій нравственно очень высоко, можетъ обойтись безъ этого одобренія людей. Обыкновенные же люди нуждаются въ этомъ одобреніи, не могутъ жить безъ него. Чѣмъ лучше, естественнѣе, свободнѣе жизнь человѣка, тѣмъ большее число поступковъ онъ совершаетъ для удовлетворенія своихъ и другихъ людей потребностей; и, напротивъ, чѣмъ хуже, искусственнѣе, несвободнѣе живетъ человѣкъ, тѣмъ большее количество поступковъ совершаетъ онъ для одобренія отъ другихъ людей. Человѣкъ трудящійся, свободный мало заботится о мнѣніи другихъ людей; человѣкъ же праздный, принужденный жить въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ съ одними и тѣми же людьми, напротивъ, весь интересъ свой направляетъ на пріобрѣтеніе одобренія другихъ людей, потому что у него отняты всѣ другіе мотивы дѣятельности и остается только этотъ. Такъ это происходитъ въ средѣ великосвѣтской, въ средѣ корпорацій, студенчества, военныхъ, художниковъ, гдѣ тщеславіе развивается до высшей степени и одно, вмѣстѣ съ животными похотями, служитъ источникомъ всѣхъ поступковъ. Такъ это въ высшей степени происходило и въ средѣ арестантовъ, праздныхъ и лишенныхъ свободы.

Поэтому-то и происходило то кажущееся сначала страннымъ явленіе, что люди эти, живущіе въ тюрьмѣ, гордились своими преступленіями. Имъ надо было хвалиться и гордиться чѣмъ-нибудь передъ людьми. Съ другими людьми, кромѣ какъ такими же заключенными, какъ они, у нихъ не было сношеній.

Для того же, чтобы похвастаться и получить одобреніе сотоварищей, нужно было совершать такіе поступки, которые считались хорошими въ этой средѣ. Хорошими-же счи-

тались въ этой средѣ поступки, поддерживающіе войну, непрестанно ведомую этими людьми противъ своихъ враговъ, тѣхъ, которые держатъ ихъ въ тюрьмахъ, перегоняютъ изъ острога въ острогъ, заковываютъ въ кандалы, водятъ въ позорной одеждѣ, бреютъ головы.

При томъ насиліи, которому они подвергались, арестанты считали съ своей стороны не только законнымъ, но похвальнымъ всякіе обманы и насилія.

Они знаютъ, что начальники обираютъ деньги, принадлежащія имъ, отнимаютъ пожертвованное, заставляютъ на себя работать, крадутъ на одеждѣ, на пищѣ, на дровахъ, на лѣкарствахъ, моря ссылаемыхъ холодомъ, дурной пищей, непосильной работой. Они все это знаютъ и считаютъ, что такъ и должно быть. И потому считаютъ, что и имъ должно по мѣрѣ силъ поступать такъ же. Особенно же жестоки они бывали потому, что они постоянно находились въ опасности жизни. А въ такомъ положеніи люди неизбѣжно совершаютъ жестокіе поступки. Человѣкъ, самый нравственный и деликатный, когда горитъ или тонетъ, наступитъ на горло другому. Арестантъ же всякій почти всегда на краю смерти. И потому среди арестантовъ по преданію уже давно установился духъ развратнаго стоицизма и цинизма, вызывающій ихъ на поступки, для людей, находящихся внѣ этой среды, кажущіеся ужасными. Вотъ это началъ понимать Нехлюдовъ, и это открыло ему многое.

Главное же, что понялъ Нехлюдовъ, было то, что та страшная жестокость, съ которой обращались съ этими людьми, жестокость, вызываемая тѣмъ положеніемъ, въ которое поставлены были тюремщики, и выражающаяся, главное, въ лишеніи этихъ людей свободы, не могла проходить даромъ, не оставивъ на подвергшихся ей людяхъ страшнаго нравственнаго слѣда. Это понялъ Нехлюдовъ въ особенности послѣ разсказовъ своихъ новыхъ знакомыхъ политическихъ, съ которыми онъ за время пути особенно сблизился.

Въ особенности поразилъ его разсказъ одной политической Ранцевой, 40-лѣтней женщины, матери семейства, о томъ, какъ она была взята и посажена въ одиночную тюрьму, какъ, вдругъ, изъ обычныхъ условій человѣческихъ отношеній съ людьми, послѣ сношеній съ дѣтьми,

мужемъ, прислугой, знакомыми, лавочниками, извозчиками, вдругъ она очутилась въ рукахъ существъ . . . . . .

. . . .

. . не отвѣчавшихъ на ея вопросы, требовавшихъ отъ нея покорности и приведшихъ ее въ темный вонючій коридоръ, молчаливый каменный гробъ, въ который ее заперли, давая ей пищу, поддерживая для чего-то ея ужасную жизнь. Когда она услыхала эти запирающіяся двери замка и удаляющіеся шаги, и воцарилась тишина, и часовой, ... не отвѣчалъ на ея отчаянныя мольбы, ходилъ съ ружьемъ и молча смотрѣлъ на нее, она почувствовала, кромѣ грусти о лишеніи жизни, кромѣ горя о разлукѣ съ дѣтьми, про которыхъ ей жутко было вспомнить здѣсь, кромѣ страха за то, что будетъ, кромѣ отчаянія отъ своего безсилія и безвыходности своего положенія, она почувствовала еще какой-то страшный нравственный ударъ, перевротившій все ея міросозерцаніе.

«Я не то что возненавидѣла весь міръ, людей, а стала равнодушна къ нему, перестала вѣрить въ добро людей, перестала вѣрить въ людей и Бога, и не отъ того, что меня оторвали отъ семьи, дѣтей,—можетъ быть, кому-то нужно было сдѣлать это, потому что у меня были прокламаціи, которыя я взяла къ себѣ, чтобы спасти друзей, — не то, что со мной сдѣлали, разувѣрило меня въ людяхъ и въ Богѣ, а то, что есть такія учрежденія, какъ жандармы, полицейскіе, которые могутъ оторвать мать отъ плачущихъ дѣтей и не отвѣчать ей, сидѣть съ усами и въ мундирѣ и со спокойными лицами везти ее въ тюрьму, что есть тюремщики, спокойно принимающіе ее, записывающіе и отправляющіе ее въ одиночную тюрьму, и что есть эта тюрьма, измазанная, почти разваливающаяся, такъ она стара и такъ нужна и такъ много въ ней перебывало народа. Это главное сразило меня», — разсказывала она. — «И если бы это дѣлалось все машинами, это не такъ бы подѣйствовало на меня, а то живые люди, люди, которые все знаютъ, знаютъ, какъ матери любятъ дѣтей, какъ всѣ любятъ свободу, солнце, воздухъ. Меня больше всего тогда сразило то», — разсказывала она, — «что смотритель, покуда меня записывали въ конторѣ, предложилъ мнѣ курить. Стало быть, онъ знаетъ, какъ любятъ люди курить, знаетъ, стало быть, и какъ любятъ матери дѣтей и дѣти мать, и все таки онъ повелъ меня — мать — отъ моихъ дѣтей въ свой

подвалъ и заперъ подъ замокъ и пошелъ чай пить со своей женой и своими дѣтьми. Этого я не могла перенести и свихнулась».

На этой, особенно чуткой и умѣвшей сознавать свои чувства женщинѣ Нехлюдовъ съ особенной ясностью понялъ то, что происходило во всѣхъ заключенныхъ, наказываемыхъ.

Всѣ или почти всѣ разочаровывались или скорѣе теряли вѣру, иногда безсознательную, въ людей и Бога. Люди, вѣровавшіе въ добро, людей и въ Бога, переставали вѣрить въ нихъ: люди, ни во что не вѣровавшіе, не задававшіе себѣ вопроса о людяхъ и Богѣ, начинали вѣрить въ зло людей и зло, управляющее міромъ. На политическихъ, которые всѣ хоть нѣкоторое время содержались въ одиночныхъ тюрьмахъ, это было въ особенности замѣтно. Всѣ они, какъ говорила Ранцева, или почти всѣ, были люди свихнувшіеся. Это могло быть незамѣтно сначала, но ни для кого не могли пройти безслѣдно, не оставивъ глубокихъ нравственныхъ слѣдовъ, жестокости заключенія (въ особенности сильныя страданія производили новыя усовершенствованныя, отвратительныя по своей жестокости тюрьмы). Всѣ были надломлены: кто составилъ себѣ мистическую свою теорію, кто усвоилъ чужую, кто составилъ невозможный проектъ уничтоженія существующаго строя, кто просто сталъ пить, кто въ большей или меньшей степени подпалъ маніи величія. То же самое происходило и не съ политическими, а съ уголовными (на политическихъ, какъ на людяхъ, привыкшихъ анализировать свои чувства, это было замѣтнѣе). Всѣ они, побывавшіе въ острогахъ, были люди надломленные, нравственно погубленные. «И дѣйствительно, не могло же пройти безнаказанно такое нарушеніе всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, которое совершалось надъ людьми, называемыми преступниками», — думалъ Нехлюдовъ.

Но и кромѣ уясненія причинъ нравственнаго состоянія преступниковъ, общеніе во время пути съ политическими, вмѣстѣ съ которыми шла Маслова, открыло Нехлюдову очень многое. Прежде всего, онъ узналъ ихъ ближе, совершенно освободился отъ того чувства брезгливаго недоброжелательства, которое имѣлъ къ нимъ, научился уважать высокія свойства и полюбилъ многихъ изъ нихъ. Общей имъ

всѣмъ чертой было, кромѣ той надломленности, которую онъ замѣтилъ во всѣхъ, большое самомнѣніе, и не то, чтобы они каждый себѣ приписывалъ особенное значеніе (и это было, но въ обыкновенныхъ размѣрахъ), но они страшно, въ тысячу разъ преувеличивали значеніе своихъ дѣлъ и самихъ себя, какъ членовъ партіи. Они приписывали себѣ, своему дѣлу, то самое значеніе, которое они чувствовали по тѣмъ мѣрамъ, которыя принимались противъ нихъ, приписывало имъ правительство. Имъ казалось, что всѣ подраздѣленія ихъ взглядовъ и ученія имѣютъ большое значеніе для судьбы всего народа. Они употребляли наименованіе народовольцевъ, черный передѣлъ, учредительный комитетъ, дезорганизаціонная группа, секція, подсекція такая-то, съ полной увѣренностью, что всѣ знаютъ, а если не знаютъ, то должны знать все, что означалось этими словами. Имъ казалось, что, несмотря на то, что они сидятъ теперь въ тюрьмѣ, дѣло идетъ и будетъ идти въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ они его оставили. Другой общей имъ всѣмъ чертой были высокія предъявляемыя къ себѣ требованія нравственности, согласія жизни съ убѣжденіями безкорыстія, правдивости, воздержности и готовности къ самопожертвованію. Въ особенности въ этомъ отношеніи поражали его женщины. Такова была и Вѣра Ефремовна Ранцева, и Марія Павловна, и хорошенькая, прозывавшаяся птичкой, шедшая съ ними, Богомилова. Кромѣ того, женщины поразили его еще, несмотря на свою вольность, необыкновенной естественной, простой цѣломудренностью, примѣровъ которой онъ не видалъ, и которая поэтому особенно поражала его.

Маслова съ начала пути по этапу жила съ ними, и они полюбили ее. И Нехлюдову казалось, что и въ ней происходила большая перемѣна подъ вліяніемъ общенія съ этими совершенно новыми для нея людьми. Нехлюдовъ видался теперь съ нею вмѣстѣ съ другими и замѣчалъ, что въ ней перестало быть прежнее враждебное отношеніе къ нему и что она была проста и часто весела и особенно привязалась къ Марьѣ Павловнѣ, во всемъ подчиняясь ей.

Изъ мужчинъ Нехлюдовъ сблизился особенно съ Набатовымъ, всегда бодрымъ, веселымъ, твердымъ и самоотверженнымъ человѣкомъ, проведшимъ половину взрослой жизни въ тюрьмѣ, очень уважалъ твердаго, умнаго и

мрачнаго еврея Вильгельмсона и жалѣлъ всей душой милаго умирающаго чахоткой юношу Семенова. Былъ еще красивый Линдеманъ, про котораго никакъ нельзя было понять, зачѣмъ онъ попалъ къ революціонерамъ, — такой онъ былъ легкомысленный, мелочно-тщеславный и недалекій человѣкъ. Былъ еще рабочій Кондрашевъ, замѣчательно умный, съ разставленными всегда внимательными глазами, и маленькій силачъ Новодворовъ, самый образованный изъ всѣхъ, естественникъ и философъ.

Такъ что всѣхъ ихъ въ этой партіи было политическихъ четыре женщины, пятая Маслова и пять мужчинъ. «Полная кадриль», какъ всегда шутя говорилъ Набатовъ.

Какъ и вездѣ, гдѣ вмѣстѣ живутъ женщины и мужчины, а тѣмъ болѣе, когда они живутъ такъ тѣсно между собой, какъ живутъ заключенные, и въ особенности послѣ того, какъ большинство изъ нихъ только что вырвалось изъ одиночнаго заключенія, — между этими людьми происходили сложные романы. Романы, происходившіе тутъ, были слѣдующіе: Новодворовъ пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, былъ мужемъ Вѣры Ефремовны; но потомъ, какъ это среди нихъ считалось позволеннымъ и естественнымъ, будучи сосланъ врозь отъ нея, въ Архангельскій край, сошелся тамъ съ дѣвушкой, которая стала его другой женой. Вѣра Ефремова осталась безъ мужа и сошлась съ Набатовымъ. Теперь же всѣ мужчины, кромѣ Вильгельмсона и Кондрашева, были влюблены въ «птичку». Семеновъ считался ея признаннымъ любовникомъ. Любовь была платоническая, но Набатовъ также былъ задѣтъ прелестью «птички», и Вѣра Ефремова страшно ревновала, хотя всѣми силами скрывала свою ревность, потому что ревность признавалась низшей страстью. Новодворовъ же любилъ, и всегда успѣвающій у женщинъ, былъ любимъ Богомиловой, но старался не выказывать этого, чтобы не огорчить всѣми любимаго и больного Семенова. Марія Павловна, несмотря на всю красоту и привлекательность, была такъ неприступна, что, несмотря на то, что всѣ мужчины любили ее, даже и рабочій Кондрашевъ, немножко больше и иначе, чѣмъ они любили другъ друга, всѣ ожидали отъ нея украшенія общей ихъ жизни, но никто не ожидалъ отъ нея любви. Ранцева, несмотря на то, что была еще привлекательна, какъ женщина, думала только о своемъ мужѣ, который долженъ былъ

пріѣхать къ ней, и была также свободна отъ любви, какъ и Марія Павловна.

Въ это общество попала Маслова. Сначала ее дичились, вь особенности изъ-за Нехлюдова, который во всѣхъ возбуждалъ недовѣріе, но скоро полюбили ее и его. По отношенію къ ней, именно потому, что узнали ея прошедшее, всѣ мужчины держались особенно осторожно, чтобы не оскорбить ее, и первое время она не вызвала новыхъ романическихъ осложненій, но на вторую недѣлю обозначилось особенное отношеніе Вильгельмсона къ Масловой, которое всѣхъ удивило сначала, но потомъ не могло не быть принято, какъ совершившійся фактъ. Вильгельмсонъ, дѣвственникъ, врагъ женщинъ, былъ влюбленъ и не скрывалъ этого.

Примирило его (Нехлюдова) съ этими людьми въ особенности то, что онъ не нашелъ въ нихъ ничего того кровожаднаго, жестокаго, которое онъ предполагалъ въ нихъ, послѣ всѣхъ убійствъ, предшествовавшихъ 1 марта и послѣ самого 1 марта. Правда, въ теоріи среди нихъ было признано, что иногда можетъ встрѣтиться необходимость убійства, но всѣ они, за исключеніемъ добродушнѣйшаго Новодворова съ Вѣрой Ефремовной, считали это ужасной необходимостью и говорили, что ни за что не примутъ участія въ такомъ дѣлѣ. Такъ что въ общемъ они не только не были кровожадны, но напротивъ очень кроткіе люди. Упрекъ самоувѣренности, желанія перестроить по своему общество, который Нехлюдовъ прежде дѣлалъ имъ тоже, онъ призналъ теперь,—былъ несправедливъ. Лучшіе изъ нихъ, большинство ихъ, особенно женщины,—такова была Марія Павловна,—были движимы не желаніемъ что либо измѣнить и устранить, но только однимъ сознаніемъ несправедливой жестокости правительства, ... — и желаніемъ стать на сторону страдающихъ, помогать имъ и если нельзя, то, по крайней мѣрѣ, страдать вмѣстѣ съ ними. Это былъ главный мотивъ, и Нехлюдовъ не могъ не сочувствовать ему. Онъ самъ хотѣлъ теперь того же. Особенно памятенъ былъ Нехлюдову одинъ вечеръ на этапѣ, который онъ весь провелъ, благодаря разрѣшенію офицера, съ политическими и на которомъ онъ, во-первыхъ, понялъ вполнѣ жестокость къ политическимъ и, во-вторыхъ, убѣдился, что въ Масловой произошелъ тотъ переворотъ, который онъ желалъ и на который не смѣлъ надѣяться.

Левъ Толстой.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Куда ни оглянусь—тамъ осень, осень...
Читаю-ль книгу—вѣтеръ у балкона
Стучитъ кустами голыми сирени
И кутаетъ меня въ тяжелый пледъ.
Брожу-ль по комнатамъ, вдоль темныхъ оконъ—
Слѣпая ночь мнѣ кажетъ образъ мой
Съ остывшимъ взоромъ и сѣдою прядью
Волосъ, сбѣжавшихъ на печальный лобъ.
Проснусь ли утромъ—позднею свирѣлью
Пронзитъ мнѣ сердце пасмурное поле.
И даже въ рѣдкій часъ, когда по саду
Побѣднымъ золотомъ и рдяной гроздью
Блистаетъ день,—мнѣ грустно...я иду,
И рядъ могилъ—поблекшія куртины,
И, какъ свѣча забытая, стоитъ
Высокій макъ, на немъ лишь уцѣлѣлъ
Одинъ послѣдній красный лепестокъ.,—
Чуть внятный вздохъ—и онъ потухнетъ, бѣдный!
Нѣтъ, лучше ночь... Но эти звѣзды, звѣзды!
Имъ нѣтъ числа, онѣ повсюду: въ небѣ,
Въ пустынномъ полѣ, въ рощѣ, на рѣкѣ,
Въ ненастныхъ колеяхъ. а въ сердцѣ та,
Что всѣхъ блѣднѣй сквозитъ съ аллеѣ дальной,
И къ ней прикованъ взоромъ я стою,
И чудно вдругъ повѣетъ ароматомъ
Горячихъ розъ, и щелкнетъ соловей..
Но это все пустое навожденье!
Пора разжечь каминъ и при свѣчахъ
Раскрыть опять «Моцарта и Сальери».
„Всѣ говорятъ—нѣтъ правды на землѣ,
„Но правды нѣтъ и выше..." На колѣни
Кладу я книгу, мысли далеко...
Едва затихъ, какъ снова лѣзутъ мыши
Изъ каждаго угла, гремятъ въ столахъ,

Пищать въ подпольѣ...О, чего вамъ надо?
Какъ соглядатаи осенней ночи,
Вы будете насмѣшливо глядѣть:
Вотъ—упадетъ, съ колѣнъ скользнувши, книга,
Вотъ—я начну (въ который разъ напрасно!)
Писать въ бреду, глухой, ослѣпшій, бѣдный!..
О, эти письма—горькія надежды!
Осеннія слова—они живутъ,
Пока кипятъ въ больномъ стѣсненномъ сердцѣ,
Но тотчасъ мрутъ въ узорѣ этихъ строкъ!
Письма не кончу. Тяжко длится время,—
Сто зорь, сто дней и сто ночей безсонныхъ...

. . . .

Но вотъ, ужель, минула эта осень,
И этимъ утромъ я проснулся? Въ окнахъ,
Завьюженныхъ метелицей вчерашней,
Блистаютъ зимней радуги огни.
Я вышелъ на крыльцо, и въ бѣломъ днѣ,
И въ ласкахъ и прыжкахъ цѣпной собаки
(Такой пушистой, дикой и покорной!)
Забыло сердце горькія обиды,
И, мчась въ саняхъ въ серебряномъ просторѣ,
Мнѣ такъ легко сидѣть съ тобою рядомъ,
И, какъ вчера, рука моя не дрогнетъ,
Когда, тебѣ запахивая шубку,
Я прикоснусь случайно къ жаркой шеѣ,
Гдѣ только что дремалъ твой легкій локонъ,
И самое «люблю» скажу безъ страха—
Оно сегодня будетъ такъ невольно
Звучать во всемъ, что скажется тебѣ.

Мишенское
Декабрь 15 г.

Павелъ Сухотинъ.

ОТЧАЯВШАЯСЯ.

Разсказъ Пьерра Люиса.

Квартирка рабочихъ состояла изъ двухъ комнатъ и крохотной кухоньки, но ни одна изъ комнатъ не была достаточно широка, чтобы вмѣстить сразу обѣ кровати, принадлежащія семьѣ. Въ первой комнатушкѣ спали родители съ новорожденнымъ, а во второй стояла другая кровать для сына и дѣвочекъ: Жюльена, восемнадцати лѣтъ, Берты — четырнадцати и Сильваны — девяти.

Уже больше часу, какъ всѣ улеглись. На церковной башнѣ въ Бренелѣ только что пробило десять часовъ. Лучистый и мягкій воздухъ лунной ночи струился въ открытое окно и завладѣлъ всей комнатой. Всѣ трое лежали на боку: Жюльенъ повернулся спиной къ маленькой Сильванѣ, спящей съ краю у стѣны, а противъ него вытянулась Берта, подложивъ руку подъ голову и глядя прямо передъ собою широко раскрытыми глазами.

Жюльенъ дотронулся до ея ноги:

— Ты не спишь?

Она раздраженно отвѣтила:

— А ты?

Онъ на нѣсколько мгновеній погрузился взоромъ въ ея глаза и снова спросилъ, нѣжно погладивъ ея колѣнку:

— Ты думаешь о немъ?

Она досадливо усмѣхнулась:

— А ты думаешь о ней?

Онъ приподнялся на локтѣ, тихонько встряхнувъ головой, со взоромъ полнымъ нѣжной жалости, взоромъ старшаго брата, уже пожившаго, уже знающаго, что такое первая любовь. Что бы не говорить больше, она стиснула зубы и машинально стала теребить бантикъ изъ черной тесемки, стягивающій кончикъ ея бѣлокурой косички.

— Бѣдная дѣвчурка, — заговорилъ онъ снова, — бѣдная дѣвчурка! Знаешь ли ты, какъ ты перемѣнилась за этотъ мѣсяцъ? Ты не спишь по ночамъ, ты почти не ѣшь, стала блѣдненькой, теряешь здоровье. Неужели еще долго будетъ такая жизнь?

Спокойно она отвѣтила:

— Нѣтъ, вѣроятно. Завтра я покончу съ собой...

Порывисто онъ схватилъ ее за плечи, обнялъ дрожащими руками.

— Ты себя... Что ты говоришь? Что ты сказала? Ты съ ума сошла...

Сначала она втянула голову, какъ бы опасаясь получить затрещину, потомъ вдругъ потеряла всякое самообладаніе, щечки ея стали подергиваться, слезы брызнули и, рыдая, она тихонько повторила въ гулкой тишинѣ комнаты:

— Да, я убью себя, Жюльенъ, я убью себя... Не станутъ больше говорить обо мнѣ... На этотъ разъ будетъ покончено съ Бертой разъ навсегда, и мама будетъ рада, — я вѣдь такая развратная, по ея словамъ. Но Богъ знаетъ, что это неправда, что я не дѣлала ничего дурного, ни съ кѣмъ, даже съ моимъ маленькимъ дружкомъ. Я покончу съ собой, я не могу такъ, — я слишкомъ несчастна!.. Съ тѣхъ поръ, какъ я на свѣтѣ, я знала только побои, всегда побои и слова, которыя говорятъ самымъ послѣднимъ изъ послѣднихъ... Я работаю двѣнадцать часовъ въ день, я работаю изо всѣхъ силъ, а когда въ субботу я приношу свои четыре франка, десять су, мама никогда не забываетъ сказать мнѣ, что я не оплачиваю своей ѣды и подошвъ, которыя снашиваю. Ну вотъ!.. Теперь, когда я утоплюсь, я уже больше никому ничего не буду стоить, и это освободитъ всѣхъ отъ меня. Я пойду на Лебединый островъ, тамъ я буду смѣлѣе, и нужно только соскользнуть въ воду, это лучше, чѣмъ бросаться съ моста въ рѣку. Я рѣшилась, Жюльенъ, и ты можешь сказать мнѣ до свиданія.. до завтра... въ Моргѣ...

* * *

Жюльенъ понялъ, что это отчаяніе имѣло другую причину. Онъ взялъ сестричку въ свои объятія, и, когда его собственное волненіе немного улеглось, шепнулъ ей на ухо:

— А Жанъ?

Ея рыданія усилились:

— Мой маленькій Жанъ, маленькій Жанно, мой прекрасный малютка Жанъ!..

— Послушай, Берта, разскажи мнѣ все, нужно все разсказать теперь; сколько времени вы уже знаете другъ друга?

— Съ четырнадцатаго прошлаго мѣсяца.

— Гдѣ ты съ нимъ встрѣтилась?

— На бульварѣ Монтпарнассъ.

— Какимъ образомъ?

— Такъ... Онъ сидѣлъ на скамейкѣ...

И такъ, отъ вопроса къ вопросу, медленно и съ большими усиліями, онъ добился секрета всего ея маленькаго существа, уже готоваго перейти въ небытіе.

«Жанъ» былъ шестнадцатилѣтній рабочій, только что окончившій свое ученичество, прекрасный работникъ, — по крайней мѣрѣ, по словамъ той, которая объ немъ разсказывала. Онъ и она встрѣтились, благодаря одной изъ тѣхъ случайностей Парижа, которая среди трехъ милліоновъ его населенія сталкиваетъ двухъ влюбленныхъ. Она ему показалась хорошенькой, онъ сразу покорилъ ея сердце, и тотчасъ ихъ захватила та сентиментальная страсть, которая въ нѣсколько мгновеній превращаетъ двухъ дѣтей въ персонажей жизненной трагедіи.

Молодой человѣкъ и не подумалъ соблазнить эту четырнадцатилѣтнюю модисточку, какъ это сдѣлалъ бы богатый господинъ, преслѣдуя ее на тротуарѣ. Онъ честно попросилъ ея руки, какъ ея просятъ среди парижской бѣдноты между молодыми людьми, уже достигшими возраста самостоятельнаго труда, но не достигшими еще оффиціальнаго возраста женитьбы. Это значитъ, что онъ ей предложилъ совмѣстную жизнь, устройство своего маленькаго хозяйства и клятву любить другъ друга вѣчно. Нѣсколько вечеровъ подрядъ онъ поджидалъ ее у выхода изъ мастерской, чтобы, провожая, болтать потомъ всю дорогу, не затягивая слишкомъ часа ея возвращенія домой. И все было рѣшено между ними, и то, какую комнатку они наймутъ, и былъ установленъ весь скромный бюджетъ ихъ свѣтлаго будущаго. Онъ зарабатываетъ четыре франка въ день, она — пятнадцать су; это было достаточно, чтобы жить спокойно, даже имѣть ребеночка. Разъ или два они задержались, сворачивая въ плохо освѣщенные скверы, полные густыми купами кустовъ, но ласки ихъ не шли дальше руки, нѣжно обвившей талію, и долгаго поцѣлуя ихъ жаркихъ устъ; но и это не давало имъ потомъ уснуть всю ночь.

Однажды Берта была застигнута съ нимъ на углу ихъ квартала, одной изъ сосѣдокъ. Мать быстро узнала объ этомъ, и понятно, какая сцена за этимъ воспослѣдовала. Бѣдную дѣвочку били въ теченіе двадцати минутъ, и при каждомъ ударѣ мать выкрикивала одно изъ безчисленныхъ словъ,

обозначающихъ проститутку, или одну изъ фразъ, грубо опредѣляющихъ ихъ ремесло. Съ этого дня мать всегда сама ходила за ней въ мастерскую и потомъ всю дорогу попрекала дочь за то время, которое она ее заставляетъ, такимъ образомъ, терять.

Берта и Жанъ были грубо оторваны другъ отъ друга.

* * *

Жюльенъ слушалъ маленькую отчаявшуюся женщину, разсказъ ея прерывался рыданіями, и ротъ порой кривился болѣзненной гримаской какъ бы въ агоніи. Вся постель была залита слезами—одѣяло, подушка, ея рубашка и ихъ сплетенныя руки.

Бранить дѣвушекъ, говорящихъ о самоубійствѣ, называть ихъ дурами и стараться запугиваніями добиться отъ нихъ отказа отъ этой мысли — обычный способъ воздѣйствія въ такихъ случаяхъ. Но Жюльенъ слишкомъ хорошо зналъ силу воли своей сестрички, и онъ зналъ, что не было двухъ способовъ вернуть ей радость жизни.

— Ты его увидишь, — сказалъ онъ, — я тебѣ ручаюсь. Ты его увидишь снова, завтра же, и не на одну минуту. Бѣги съ нимъ, Берточка, они васъ не найдутъ, когда они васъ хватятся — вы будете уже въ Бельвилѣ...

Но рыданія снова прервали его.

— Нѣтъ, мы не увидимся больше... Онъ уѣзжаетъ завтра, рано утромъ... Онъ мнѣ написалъ въ мастерскую... Онъ подумалъ, что у меня есть другой возлюбленный, потому что я не нашла способа увидѣться съ нимъ цѣлыхъ пятнадцать дней. Онъ пишетъ, что будетъ ждать меня сегодня вечеромъ на Лебединомъ островѣ до полуночи, если будетъ дождь, то подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, что если я не приду, то онъ уѣдетъ въ Сентъ-Этьенъ, гдѣ у него есть дядя, обѣщавшій ему дать работу... Я не могу уйти отсюда ночью, но завтра, утромъ, я пойду туда, и я умру на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ждалъ меня.

Жюльенъ порывисто вскочилъ съ постели:

— Одѣвайся! И живо!.. Что это еще за разговоры о томъ свѣтѣ изъ-за какой-то лишней ночи, проведенной подъ этой кровлей. Одиннадцать еще не пробило. Въ пять минутъ ты будешь готова и, такъ какъ я не хочу, чтобы ты бродила одна по улицамъ такъ поздно, то и я пойду съ тобой, дѣвчурка, и ужъ никто не посмѣетъ пристать къ тебѣ.

Берта, ошеломленная, сіяющая счастьемъ, соскользнула

съ постели, подбѣжала къ стулу, схватила свои чулки, подвязки, рубашку... Она не спускала взора съ брата и усиленно терла себѣ кулачками глаза, отчасти, чтобы осушить слезы, но, главнымъ образомъ, чтобы увѣриться, что она не спитъ, что, дѣйствительно, Жюльенъ не подшутилъ надъ нею, что она можетъ выйти, уѣхать, что не надо уже убивать себя, что можно забыть все горе и всей душой отдаться счастью жизни.

Она стала трепетной и легкой съ полураскрытыми устами, расцвѣтшими радостной улыбкой. Она не знала, что ей дѣлать: надѣла чулки, потомъ сорвала ихъ, взяла другіе, достала изъ комода свою праздничную рубашку и маленькія новыя панталоны, которыя она сама себѣ обшила кружевами. Прежде, чѣмъ одѣваться, она намочила губку, обтерлась ею съ головы до ногъ и вытерлась чистой тряпочкой. Въ глубинѣ одного изъ ящиковъ у нея было спрятано рисовой пудры на одно су: она попудрила себѣ кончикъ носа, лобъ и щеки. Боже, — она забыла причесаться! Въ одно мгновеніе коса была расплетена, порывисто она расчесала ее, вырвавъ одну бѣлокурую прядь. Шпильки должны быть здѣсь же, на каминѣ... Быстро, быстро все было собрано, уложено на мѣсто, укрѣплено и приглажено. Она схватила юбку, надѣваемую только по воскресеньямъ, быстро надѣла свою блузку съ красными горошинами, свою единственную пару ботинокъ и съ ея кожаннымъ поясомъ, розовымъ галстукомъ, шляпой-капотье и зонтикомъ — на ней было все, чѣмъ она обладала.

— Какъ! Ты еще не готовъ, Жюльенъ?

Но онъ опоздалъ только на нѣсколько секундъ.

Когда они собирались уже переступить порогъ, она вдругъ замѣтила свою маленькую сестричку Сильвану, все еще спящую, прижавшись къ стѣнѣ.

— Бѣдная Нини, — сказала Берта, склонивъ головку. — Только съ ней мнѣ и жалко разстаться, уходя отсюда. Ты, — ты придешь навѣстить меня. Вѣдь правда, Жюльенъ? мы будемъ писать другъ другу «до востребованія». Но что скажетъ мама, когда узнаетъ, что я убѣжала?.. Тебѣ еще предстоитъ удовольствіе!..

— Нѣтъ, Берта, я тоже не вернусь, — грустно улыбнулся онъ. — Ты была права давеча: ты думала о немъ, а я — о ней.

Перевелъ Ю. Ж.

МИСТЕРЪ БРИТЛИНГЪ ПЬЕТЪ ЧАШУ ДО ДНА.

Романъ Г. Дж. Уэллса.

(Продолженіе) *.

КНИГА ВТОРАЯ.

МАТЧИНГСЪ-ИЗИ ПЕРЕЖИВАЕТЪ ВОЙНУ.

Глава III.

Озлобленіе

I.

Въ то время, какъ англійскій пейзажъ постепенно мѣнялъ свой обликъ, и мирный, аккуратный покой его превращался въ подобіе довольно грознаго вооруженнаго лагеря, а старыя государственныя границы передвигались и таяли, и безвозвратно тратились міровые запасы силъ — м-ръ Бритлингъ исполнялъ свои обязанности спеціальнаго констэбля, отдалъ своего сына въ территоральную армію, успѣлъ пріютить у себя въ домѣ семью бѣженцевъ-бельгійцевъ, а въ большомъ сараѣ—устроить лазаретъ для раненыхъ, хлопоталъ объ устройствѣ Тедди въ офицерскую школу, жертвовалъ на разные военные благотворительные фонды, продавалъ бумаги въ убытокъ, подписывался на военные займы и думалъ, думалъ безконечно о войнѣ.

Его разумъ, словно рабъ на галерѣ, былъ прикованъ къ одному мѣсту, будучи не въ силахъ оторваться и отнять руку отъ единственнаго весла. Весь его внутренній міръ превратился въ какое-то магнитное поле, притягивающее все — хотѣлъ онъ этого или нѣтъ — къ этому единственному, міровому вопросу.

Мысли его, понемногу, становились крѣпче и яснѣе, стали глубже и шире. Его первоначальныя поверхностныя сужденія понемногу или подтверждались и углублялись,

*) См. «Лѣтопись» №№ 8—10, за 1916 г.

или же замѣнялись другими. По ночамъ, бродя по одинокимъ сельскимъ дорогамъ, онъ думалъ безъ конца; онъ думалъ за письменнымъ столомъ; думалъ въ постели; думалъ въ вагонѣ; провѣрялъ свои мысли въ статьяхъ и передовицахъ, перечитывалъ ихъ по нѣсколько разъ и исправлялъ. Иногда наступали минуты отдыха и усталости, но освобожденія — никогда. Война довлѣла надъ нимъ, словно грозный учитель съ розгой въ рукахъ, день за днемъ, недѣля за недѣлей, не желая считаться съ усталостью и нетерпѣніемъ.

II.

Нѣкоторыя явленія должны были навязать себя насильно м-ру Бритлингу, ибо они такъ рѣзко противорѣчили его умственнымъ привычкамъ, что онъ никогда не пріялъ бы ихъ, если-бъ могъ этого избѣжать.

Такъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ онъ никакъ не хотѣлъ признать крайняго озлобленія, пробужденнаго войной. Онъ не хотѣлъ повѣрить, что нападеніе на Великобританію и Западную Европу выражало собою сконцентрированныя чувства цѣлаго народа. Онъ думалъ, что союзныя державы борются съ системой, а не съ національной волей. Онъ долго боролся противъ убѣжденія, что огромная масса великаго цивилизованнаго народа можетъ вдохновляться искренней и неустанной ненавистью. Ненависть, врожденная вражда — были для него чувствами непріемлемыми, совершенно ему чуждыми. Онъ никакъ не хотѣлъ признать, что большая часть человѣчества всегда болѣе склонна быть враждебно, чѣмъ дружественно настроенной къ кому или чему-либо. И онъ всячески самъ старался повѣрить, что эта война явилась дѣломъ рукъ небольшой кучки людей, результатомъ ограниченныхъ, но очень сильныхъ вліяній, была покушеніемъ на всеобщую добродѣтель человѣчества.

. . . .

. . . .

. . . . , Онъ вѣрилъ, что стоитъ только вспыхнуть войнѣ и показать ей свое настоящее лицо народамъ Запада, какъ всѣ объединятся въ общемъ усиліи помѣшать ея повторенію. Всѣ, думалъ онъ, воскликнутъ въ одинъ голосъ: «Но такія вещи совершенно недопустимы! Не можемъ же мы такъ расправляться другъ съ другомъ!» Въ картинѣ, которую онъ себѣ рисовалъ, онъ видѣлъ, какъ германскій имперіализмъ притягивается къ отвѣту самимъ германскимъ народомъ; онъ видѣлъ борьбу, общую катастрофу, свободомыслящую конференцію міровыхъ державъ, и всеобщее

возобновленіе дружественныхъ отношеній, уже на болѣе прочныхъ и длительныхъ основаніяхъ. Онъ вѣрилъ — и очень много людей въ Англіи вѣрило вмѣстѣ съ нимъ — что большая часть германцевъ будутъ привѣтствовать побѣдоносныхъ союзниковъ, какъ своихъ освободителей отъ невыносимаго политическаго гнета.

Англичане, благодаря ихъ обособленности островитянъ, были въ теченіе безконечныхъ поколѣній диллетантами въ области политики. Эта способность относиться ко всему съ необычной легкостью была величайшимъ ихъ порокомъ, и въ то же время величайшей ихъ добродѣтелью. Они постоянно жили въ атмосферѣ комедіи и отрицали всѣмъ строемъ своихъ жизней трагичность жизни вообще. Даже американцы, и тѣ были въ этомъ отношеніи куда менѣе избалованы. У американцевъ были въ свое время и свои краснокожіе индѣйцы, и свои негры, и своя большая междоусобная война. До Великой Войны 1914-го года, Ламаншъ былъ столь же широкъ, какъ и Атлантическій океанъ, въ томъ смыслѣ, что онъ представлялъ собой почти непреодолимую преграду для непрерывнаго и интенсивнаго сообщенія. Даже Ирландія, и та была далеко — четыре часа моремъ. И такимъ образомъ англичане развили въ себѣ въ полнѣйшей мѣрѣ добродѣтели и пороки комфорта и чувства безопасности. Они отъ всей души ненавидѣли науку и драматическіе моменты въ жизни; они не видѣли никакой необходимости въ точности и цѣльности. Они терпѣть не могли доходить «до крайностей». Въ концѣ концовъ все должно, такъ или иначе, кончиться благополучно. Но они знали, что значитъ быть впутанными въ конфликтъ энергичнымъ меньшинствомъ, и ту роль, которую иногда играютъ «обстоятельства»; и поэтому они всегда готовы были понять положеніе другого народа, котораго судьба довела до такого состоянія. Всѣ ихъ вкоренившіяся, традиціонныя привычки дѣлали ихъ склонными бороться и даже воевать добродушно, комфортабельно, ссориться съ правительствами, а не съ народами. И понадобилось около двухъ мѣсяцевъ войны, чтобы м-ръ Бритлингъ, наконецъ, понялъ и сознаълъ, что нѣмцы воюютъ совсѣмъ по-иному, въ совершенно иномъ духѣ.

Первымъ указаніемъ на это было извѣстіе о томъ, какъ вели себя кайзеръ и берлинская толпа въ первые дни по объявленіи войны, и о томъ, какъ грубо и жестоко обращались нѣмцы съ британскими подданными, возвращавшимися на родину. Повсюду въ Германіи одинаково жестоко обращались съ ни въ чемъ неповинными подданными вражескихъ

странъ, ихъ вездѣ подвергали оскорбленіямъ. Въ то время, какъ великобританскаго посла провожали изъ Германіи свистками, ругательствами и угрозами, германскій посолъ при англійскомъ дворѣ спокойно совершалъ свою прощальную прогулку по излюбленному имъ С-тъ-Джемскому парку... Одна подробность въ особенности произвела на м-ра Бритлинга впечатлѣніе — разсказъ о томъ, какъ на платформѣ одной изъ станцій, мимо которой долженъ былъ проѣхать великобританскій посолъ, собрался хоръ молодыхъ женщинъ, пѣвшихъ подъ окнами его вагона «Deutschland, Deutschland uber alles!» М-ръ Бритлингъ представлялъ себѣ этихъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, по всей вѣроятности, одѣтыхъ болѣе или менѣе одинаково, въ бѣломъ, съ раскраснѣвшимися лицами и блестящими глазами, орущихъ во все горло слова пѣсни...

Затѣмъ появились разсказы о жестокостяхъ, разсказы о томъ, какъ разстрѣливались старики, рѣзались и убивались дѣти, насиловались женщины, о томъ, какъ раненые добивались или заживо сжигались, о массовой рѣзнѣ ни въ чемъ неповинныхъ, безвредныхъ гражданъ, о грабежахъ и гнусныхъ насиліяхъ...

М-ръ Бритлингъ изо всѣхъ силъ старался не вѣрить этимъ разсказамъ. Они какъ-то совершенно противорѣчили его обычному представленію о мірѣ. Они вызвали ужасное напряженіе его мысли. Онъ все надѣялся, что эти разсказы были переданы неправильно, что въ нихъ нарочно были сгущены краски; что, можетъ быть всѣ эти ужасы — лишь отдѣльные акты случайно вырвавшихся на свободу преступниковъ и совершенно не связаны съ нормальными операціями войны. Возможно было, что то тутъ, то тамъ какой-нибудь слабоумный, болѣзненно-ненормальный офицеръ выкинулъ ту или другую гнусную штуку, чтобы обратить на себя вниманіе, вселить къ себѣ страхъ. Что же касается обстрѣла соборовъ и лувенскаго варварства, то м-ръ Бритлингъ готовъ даже былъ отстаивать, что памятники готической архитектуры не непроницаемы для ядеръ, если по военнымъ соображеніямъ, въ нихъ попадаютъ снаряды. И только послѣ того, какъ война уже продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, неподдававшійся было, протестовавшій умъ м-ра Бритлинга, наконецъ, принужденъ былъ рядомъ офиціальныхъ сообщеній и показаній сотенъ свидѣтелей опредѣленно признать и повѣрить въ зловѣщую дѣйствительность систематическихъ насилій и убійствъ, разрушенія, грязи и отвратительныхъ принужденій, которыми

очерчены были первыя вторженія пруссаковъ въ Бельгію и Шампань.

Они пришли, эти пруссаки, ненавидя и угрожая, въ насилуемыя ими страны. Они какъ будто нарочно искали возможности совершить самыя ужасныя дѣянія... Когда они могли вносить ужасъ въ занимаемые ими дома, они старались быть какъ можно болѣе грозными, причинять какъ можно больше разрушенія. И факты, наконецъ, схватили м-ра Бритлинга за горло...

Первое, что убѣдило м-ра Бритлинга въ коренной разницѣ между англійскимъ и нѣмецкимъ отношеніями къ войнѣ — была куча нѣмецкихъ юмористическихъ журналовъ, видѣнныя имъ въ кабинетѣ пріятеля въ Лондонѣ. Журналы эти были сплошь заполнены каррикатурами на союзниковъ, и въ особенности, на англичанъ, и они были проникнуты необычайно сильной и интенсивной страстностью ненависти. Поразительная ненависть и поразительное безстыдство, которыми они были преисполнены, прямо ошеломили м-ра Бритлинга.

— Но что же это такое? — говорилъ онъ безпомощно. — Это похоже на бредъ сумасшедшаго, на произведенія, вышедшія изъ какого-нибудь сумасшедшаго дома!..

Одно желаніе сквозило въ каждой изъ этихъ каррикатуръ. Нѣмецкій каррикатуристъ какъ будто не могъ себѣ представить своихъ враговъ иначе, какъ въ очень узкихъ брюкахъ, или совсѣмъ безъ нихъ; точно такъ же онъ не могъ себѣ представить ихъ иначе, какъ со шпагой или штыкомъ, воткнутыми въ болѣе неприличныя части ихъ особъ, съ фонтанами брызжущей отовсюду крови. Это было лейтмотивомъ войны, какой ее себѣ представляли нѣмецкіе каррикатуристы.

— Но не можетъ быть, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — чтобы все это являлось характернымъ для общаго настроенія и общаго состоянія умовъ въ Германіи?

— Ошибаетесь! Это именно характерно, — сказалъ его другъ.

— Но это безуміе! слѣпое безуміе какое-то! Это же просто бросаніе грязью!

— Вся Германія сейчасъ находится именно въ этомъ состояніи слѣпого безумія, — сказалъ его другъ. — Въ то время, какъ насъ эта война просто ошеломляетъ, какъ мы никакъ не можемъ повѣрить въ нее, и болѣе или менѣе все еще склонны смѣяться, въ Германіи всѣ охвачены такимъ озлобленіемъ... И, знаете, оно далеко не безсознательно. Наоборотъ, они убѣждены, что эти оскорбленія должны при-

дать имъ силы. Они во что бы то ни стало хотятъ, чтобы у нихъ изо рта шла пѣна. И они всячески стараются, чтобы этой пѣны было какъ можно больше. И они всячески взвинчиваютъ себя... до истерики... всѣмъ... этими каррикатурами, литературой, поэзіей... Вы слыхали про «Гимнъ ненависти»?

М-ръ Бритлингъ не слыхалъ.

— Онъ былъ приведенъ, въ подлинникѣ и въ переводѣ, въ послѣднемъ № The Spectator. Вотъ противъ какихъ вещей мы пытаемся бороться добродушно и не позволяя себѣ крайнихъ выходокъ. Послушайте, Бритлингъ:

«Тебя мы будемъ ненавидѣть неустанной ненавистью;[1]
Мы никогда не пересилимъ нашей ненависти, —
Будемъ ненавидѣть на водѣ, ненавидѣть на сушѣ,
Ненавидѣть головой, ненавидѣть рукой,
Ненавидѣть молотомъ, ненавидѣть вѣнцомъ,
Ненавидѣть семьюдесятью милліонами, ненавидѣть до конца;
Мы любимъ, какъ одинъ человѣкъ, и такъ же ненавидимъ,
У насъ одинъ лишь врагъ, одинъ единственный —

Англія.

— Ну, что вы на это скажете? — сказалъ онъ, кончивъ чтеніе.

— Что сказать? — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ послѣ паузы. — Рѣшительно ничего не понимаю.

— Этотъ «Гимнъ ненависти» теперь поютъ и декламируютъ по всей Германіи. Авторъ его, Лиссауеръ, кажется, награжденъ орденомъ.

— Да, это какое-то открытое, ничѣмъ не скрываемое овлюбленіе! — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Что мы имъ сдѣлали?

— Это чудовищно! Что будетъ съ міромъ и человѣчествомъ, если одержатъ верхъ эти люди?

— Не могу до сихъ поръ этому повѣрить! Даже послѣ такихъ доказательствъ! Нѣтъ, не могу!

---

[1] Dich werden wir hassen mit langem Hass,
Wir werden nicht lassen von unserm Hass,
Hass zu Wasser und Hass zu Land,
Hass der Hauptes und Hass der Hand,
Hass den Hämmer und Hass der Kronen,
Dosselnder Hass von siebzig Millionen,
Wir lieben vereint, wir hassen vereint,
Wir haben alle nur einen Feind:
ENGLAND.

III.

— Видите ли, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ, — я зналъ очень много совсѣмъ приличныхъ нѣмцевъ. А то, что вы мнѣ разсказываете и показываете, должно быть просто — какое-то недоразумѣніе... Хотѣлось бы знать, что заставляетъ ихъ такъ ненавидѣть насъ? По моему, мы никакихъ поводовъ и толчковъ къ этому не подавали.

— По моему, это просто объясняется ихъ аккуратностью и цѣльностью, — сказалъ его пріятель. — Они воюютъ. А воевать — значитъ, ненавидѣть!

— Я не могу такъ представить себѣ дѣло.

— Мы народъ не очень аккуратный, не цѣльный. Когда мы думаемъ о чемъ нибудь, то мы всегда думаемъ также и о явленіи діаметрально противоположномъ. Когда мы принимаемъ какую-нибудь точку зрѣнія, то мы почти всегда оговариваемся, что по всей вѣроятности это мнѣніе можетъ быть одинаково несправедливо, какъ и справедливо. Мы — атмосферичны. Они же — конкретны... . . . . . .
. . . .
. . . . Мы хотимъ дѣлать видъ, что отъ войны не бываетъ больно. Они же знаютъ, что это не такъ... Нѣмцы — простой, ... народъ. Это ихъ добродѣтель. И возможно, ихъ единственная добродѣтель...

IV.

М-ръ Бритлингъ былъ только однимъ изъ многихъ, которые въ то время хотѣли какъ-нибудь непосредственно убѣдиться, дѣйствительно ли Германія стала такой неузнаваемой. Стремленіе узнать, понять этотъ народъ, сразу ставшій невѣроятнымъ, непонятнымъ — было однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій англійской интеллектуальной жизни первоначальныхъ фазъ войны. Состояніе англійскихъ умовъ сводилось къ какому-то безпредѣльному удивленію. Появился огромный спросъ на всякія нѣмецкія книги, которыя бы такъ или иначе могли бы разъяснить эту тайну ошеломляющаго сосредоточенія ненависти; произведенія Бернгарди, Ницше, Трейтчке, Хостона Стюарта Чемберлена послужили матеріаломъ для безчисленныхъ статей и безконечныхъ споровъ; можно было встрѣчать мелкихъ клерковъ и рабочихъ, ѣдущими на занятія и возвращающимися съ работы, въ «бусахъ», «тюбахъ», трамваяхъ—серьезно поглощенныхъ чтеніемъ этихъ замѣчательныхъ авторовъ. Они задавали себѣ тотъ же вопросъ, что м-ръ Бритлингъ: — на что натолкнулась Британская импе-

рія? Они старались уяснить себѣ причины зарожденія этой бури ненависти, поднявшейся на нихъ изъ центральной Европы.

Естественно, послѣдующей стадіей былъ выводъ, что, вмѣсто свободомыслящей и протестующей Германіи, позади имперіализма и юнкерства стоитъ, очевидно, одинъ сплошной, объединенный, восторженный народъ, и, вслѣдствіе этого, вполнѣ нормально было предположить, что нѣмцы — это какой-то особенно извращенный и злой народъ, что они врожденно завистливѣе, наглѣе и агрессивнѣе, чѣмъ остальное человѣчество. И на этомъ предположеніи успокоилось большинство англичанъ. Они рѣшили, что въ нѣмцахъ сидитъ ихъ особенный, однимъ имъ свойственный бѣсъ, и что поэтому съ ними надо соотвѣтственно поступать и соотвѣтственно къ нимъ относиться.

Это было второй стадіей въ процессѣ національнаго самосознанія, и она отмѣтилась началами шпіономаніи, первыми разоблаченіями и доносами на натурализованныхъ, т. е. принявшихъ англійское подданство, иностранцевъ и кое-какими антинѣмецкими безпорядками и погромами среди смѣшаннаго инородческаго населенія восточныхъ кварталовъ Лондона. Большинство пекарей въ Истъ-Эндѣ были германскими выходцами, и въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны они продолжали торговать, какъ ни въ чемъ не бывало, никѣмъ не задѣваемые. Теперь же большинство этихъ булочныхъ было разгромлено... Только въ октябрѣ начали англичане проявлять первые признаки того, что они воюютъ не только противъ политической Германіи, но и противъ германскаго народа.

Но мысль объ особой озлобленности германской натуры была еще менѣе пріемлема и менѣе долговѣчна въ умѣ м-ра Бритлинга, чѣмъ его первоначальное сопоставленіе милитаризма и мирно настроеннаго человѣчества, соотвѣтственно воплощенное въ центральныхъ державахъ и Русско-Западномъ Союзѣ. Она логично должна была привести его къ выводу, что единственное спасеніе, единственное обезпеченіе для будущаго мира — въ полномъ уничтоженіи германскихъ народовъ. Выводъ, который былъ мало пріемлемъ для м-ра Бритлинга при его врожденной добротѣ и незлобивости. Въ концѣ концовъ, всѣ нѣмцы, съ которыми ему приходилось встрѣчаться или познакомиться, не были ни жестокими, ни пропитанными ненавистью. Къ этой мысли онъ неоднократно упорно возвращался. Отъ жестокости и гнусности печатнаго слова и грязи рисунка — онъ искалъ поддержки въ плоти и крови.

въ человѣческомъ существѣ и — въ качествѣ примѣра — вспоминалъ о молодомъ Heinrich'ѣ который былъ къ том[у] же настоящимъ нѣмцемъ изъ нѣмцевъ, типичнѣйшим[ъ] пруссакомъ изъ пруссаковъ.

И временами только этотъ молодой Heinrich являл[ся] единственнымъ препятствіемъ, которое оставалось межд[у] м-ромъ Бритлингомъ и убѣжденіемъ, что Германія и вс[я] германская раса—въ сущности лишь народъ лицемѣрны[хъ] разбойниковъ, народъ злой, жестокій, подлый... Молодо[й] Heinrich сталъ какъ бы адвокатомъ своего народа перед[ъ] трибуналомъ разума м-ра Бритлинга (и на плеч[ѣ] его возсѣдала нелѣпо избалованная бѣлочка). Свѣжее розовое, наивное лицо Hainrich'а очень серьезно; рука его поправляющая пенснэ; его «виноватъ, пожалуйста» — какъ-то всегда заступались и требовали кассаціи д[ля] мнѣній м-ра Бритлинга.

Со дня своего отъѣзда Heinrich прислалъ двѣ откры[т]ки, адресованныя «Фамиліи Бритлингъ», и одно письмо ч[е]резъ посредство американскаго издателя сочиненій м-[ра] Бритлинга. Кромѣ того, онъ еще прислалъ привѣтъ через[ъ] знакомаго въ Норвегіи. На открыткахъ было всего по н[ѣ]сколько словъ, отмѣчающихъ этапы въ путешествіи взво[л]нованнаго пасифиста черезъ Голландію къ мѣсту призы[ва]. Письмо, посланное черезъ Америку, пришло мѣсяца д[ва] спустя послѣ открытокъ. Изъ него явствовало, что Не[й] Heinrich съ головокружительной быстротой былъ превр[а]щенъ въ солдата. Его обучали въ теченіе трехъ недѣл[ь], затѣмъ онъ провелъ двѣ недѣли въ госпиталѣ, лечась о[тъ] серьезной простуды, и, наконецъ, былъ отправленъ [въ] Бельгію въ качествѣ обознаго возчика — отецъ его бы[лъ] конноторговцемъ, и Heinrich былъ знакомъ съ лошадь[ми] и уходомъ за ними.

«Если что-нибудь со мной случится, — писалъ онъ, — очень прошу васъ позаботиться о томъ, чтобы моя скрип[ка] была доставлена въ цѣлости и сохранности моей матери».

Характерно было, что онъ сообщалъ о томъ, какъ о[нъ] «хорошо устроился на квартирѣ» въ Куртрэ «у очень м[и]лыхъ людей». Правда, это «милое» семейство влекло [за] собой кое-какія ограниченія.

«Только мы никогда не говоримъ о войнѣ, — добави[лъ] онъ, — лучше этой темы здѣсь не касаться».

Въ послѣднемъ письмѣ, пришедшемъ черезъ Нор[ве]гію, онъ упоминалъ опять о скрипкѣ и оплакивалъ уютъ, сытный столъ своего постоя въ Куртрэ. Онъ, оказываетс[я], послѣ Бельгіи побывалъ въ Познани и теперь находится [въ]

Карпатахъ, по колѣно въ снѣгу, и вообще ему было «очень неуютно».

А потомъ совсѣмъ прекратились всякія вѣсти о немъ. Мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, а писемъ отъ него не было.

— Что-нибудь съ нимъ приключилось! Можетъ быть, онъ попалъ въ плѣнъ!

— Не дай Богъ, если съ нашимъ маленькимъ Heinrich'омъ что-нибудь серьезное приключилось... Можетъ быть, онъ раненъ!..

— Или, быть можетъ, просто-напросто задерживаютъ его письма... Навѣрное, цензура задерживаетъ его письма...

V.

М-ръ Бритлингъ теперь временами подолгу сиживалъ въ своемъ креслѣ, уставившись въ пламя камина, и пробуждалъ противорѣчивыя воспоминанія о Германіи — о пріятной странѣ и милыхъ людяхъ... Еще сравнительно недавно, въ 1911 г. вся семья Бритлинговъ совершила путешествіе вверхъ по Рейну, изъ Роттердама, посѣтила рядъ большихъ городовъ и провела пріятный солнечный мѣсяцъ въ Нейнкирхенѣ, въ Оденвальдѣ.

Маленькая деревушка эта гнѣздится высоко среди горъ, и въ самомъ центрѣ ея стоитъ маленькій отель, большая липа и... Адамъ Мейеръ. Или, вѣрнѣе, тамъ с т о я л ъ Адамъ Мейеръ. Тамъ онъ или нѣтъ сейчасъ, кто можетъ сказать? И если онъ даже доживетъ до ста лѣтъ, то больше ни одинъ добродушный англичанинъ не придетъ пѣшкомъ по «Синему Треугольнику» или «Бѣлой Дорогѣ», чтобы отдохнуть подъ его гостепріимный кровъ. Между ними теперь текутъ рѣки крови и встали тысячи воспоминаній о ненависти...

Да, это была деревушка, исключительно жившая гостепріимствомъ. Не только отель, но всѣ дома на площади съ липой, домъ сапожника, почтовой конторы, слѣдующій бѣленькій домикъ — всѣ всегда были полны лѣтними гостями Адама Мейера. И всюду и вездѣ вертѣлся и царилъ Адамъ Мейеръ, наблюдая за тѣмъ, чтобы всѣ его постояльцы ѣли, какъ слѣдуетъ, отдыхали, какъ слѣдуетъ, наслаждались музыкой, не пропускали лунныхъ вечеровъ... Это былъ хозяинъ, даже иногда забывавшій о прибыляхъ въ своемъ увлеченіи гостепріимствомъ; хозяинъ гостиницы, въ которомъ жила страстная любовь художника къ своему дѣтищу-отелю.

Музыка, луна, простая нѣмецкая сентиментальность, здоровье, веселые нѣмецкіе голоса, большой пикникъ въ Stuhlwagen'ѣ, аккуратныя, сдержанныя нѣмецкія игры, въ которыя маленькіе Бритлинги играли съ другими дѣтьми, длинная прогулка пѣшкомъ, которую Гью совершалъ съ Куртомъ и Карломъ, и, наконецъ, вѣнецъ всего — настоящій балъ, съ цыганскимъ оркестромъ, гдѣ-то разысканнымъ м-ромъ Бритлингомъ, балъ, въ которомъ нѣмцы открыли англичанамъ цѣлую систему интересныхъ «фантовъ» и «котильоновъ» съ корзинами, картофелями и всякими «штрафами», а англичане обучили нѣмцевъ вольностямъ «ту-степа». И всѣ хоромъ пѣли «Британія, правь надъ морями», и «Deutschland, Deutschland uber alles» и Адамъ Мейеръ всталъ на стулъ и произнесъ потрясающую рѣчь, конечно, на діалектѣ, и было выпито безконечное количество пива и сироповъ, при свѣтѣ луны, подъ липой...

Затѣмъ былъ усиленный обмѣнъ открытками и привѣтствіями, которому положила конецъ только война.

Милые, славные люди были эти нѣмцы, искренно и глубоко любившіе солнце и природу, для которыхъ Frich auf казался самымъ естественнымъ изъ національныхъ лозунговъ. М-ръ Бритлингъ вспоминалъ отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ состояло это собраніе «дачниковъ», вспоминалъ смѣшныя, вызывающія зелено-синія шапочки, съ неизмѣннымъ перомъ, воткнутымъ сзади за ленту; — добродушныя, круглыя, откормленныя физіономіи съ вздернутыми носами; —свѣтловолосыхъ, усидчивыхъ, малоподвижныхъ женщинъ, столь искушенныхъ въ жизненномъ комфортѣ, уютѣ, такихъ добрыхъ по отношенію къ дѣтямъ; вспоминалъ серьезность, съ которой нѣмцы наслаждались пейзажемъ, относились къ искусству и великимъ писателямъ, ихъ постоянное стремленіе запѣть, ихъ покорная податливость и подчиненіе всѣмъ распоряженіямъ Адама Мейера. Онъ вспоминалъ тихій, спокойный южно-германскій ландшафтъ, разстилающійся и уходящій вдаль, маленькіе, чистенькіе, крытые красной черепицей городки, старые замки, большія процвѣтающія фермы и хозяйства, аккуратно проведенныя дорожки и тропинки для пѣшеходовъ, гостепріимные, маленькіе отели и обильные, безхитростные Aussichturmen.

Всѣ эти воспоминанія теперь вставали передъ его глазами, словно сквозь какой-то флеръ невыразимой печали... какъ картины утраченнаго міра, міра, куда-то канувшаго въ вѣчность, подобно погрузившимся на дно моря городамъ...

Милые, славные люди, въ залитой солнцемъ странѣ. И

...тъ же, неумолимо, безжалостно вторгались въ его память ...бійства въ Visè, рѣзня Динана, рѣзня Лувена, сознательныя, ...естокія убійства, гнусныя насилія, совершенныя надъ ни ...ъ чемъ неповиннымъ народомъ.

И эти двѣ картины никакъ не могли укладываться одно...ременно въ его мысляхъ. Когда онъ думалъ о нарушенномъ ...бѣщаніи, о прекрасныхъ разрушенныхъ городахъ Бельгіи, ...ожженныхъ селеніяхъ, долинахъ Арденнъ, наполненныхъ ...ровью, пламенемъ и ужасомъ — онъ весь охватывался ...праведливымъ негодованіемъ, которое на время совер...шенно убивало въ немъ его прежнюю дружелюбность и даже ...лагосклонность къ Германіи и будило въ немъ желаніе ...ышать о смерти и еще о смерти и опять о смерти въ ...аждомъ германскомъ городкѣ и каждой германской семьѣ.

VI.

Трудно будетъ повѣрить читателю болѣе счастливыхъ ...дущихъ дней, — если только, конечно, это блѣдное опи...сание переживаній современника когда-нибудь попадетъ въ ...и такому читателю, — насколько умственная жизнь м-ра ...итлинга была поглощена въ это время ужасами и звѣр...ствами войны. Напрасно и безнадежно сейчасъ строить до...гадки о томъ, какъ отнесется будущій читатель къ этой ...нѣ, какъ онъ ее себѣ представитъ. Можетъ быть, она ему ...кажется явленіемъ съ крупными драматическими конту...ми или просто покажется явленіемъ справедливымъ, ло...гичнымъ, необходимымъ, сжиганіемъ многихъ преградъ, ...чтоженіемъ многихъ препятствій. М-ръ Бритлингъ былъ ...шкомъ близокъ къ грязи, страданіямъ и огню, чтобы онъ ...ъ утѣшать себя болѣе широкими, ландшафтными пер...спективами. Каждый день какая-нибудь новая жестокая по...дробность запечатлѣвалась въ его мозгу. Чаще все это былъ ...хитростный разсказъ какого-нибудь бельгійскаго бѣжен...а. Вотъ, напримѣръ, въ селѣ нашла пріютъ дѣвушка изъ ...ста, которая слышала стрѣльбу, означавшую разстрѣлъ ...ныхъ гражданъ, разстрѣлъ хорошо ей знакомыхъ людей, ...дей; она видѣла запятнанную кровью стѣну, у которой ...рли два ея кузена, залитый кровью песокъ, по которому ...волокли ихъ тѣла. Въ ихъ домикѣ, гдѣ она жила съ боль...ной матерью, были расквартированы три нѣмецкихъ сол...дата, свободно разсказывавшихъ о бойняхъ, въ которыхъ ...участвовали. Одинъ изъ нихъ въ мирное время былъ ...льнымъ учителемъ, и ему пришлось, какъ онъ разсказы...валъ, убить женщину и ребенка. Дѣвушка ему не повѣрила ...о. Да, онъ это сдѣлалъ! Конечно, онъ это сдѣлалъ! Его

начальство приказало ему это сдѣлать и офицеръ самъ наблюдалъ, пока онъ ихъ убивалъ. Ему нельзя было не послушаться приказанія. Но съ тѣхъ поръ онъ совершенно лишился сна, не въ силахъ былъ забыть...

— Мы должны были наказать этихъ людей, — говорилъ онъ. — Они въ насъ стрѣляли. И, кромѣ того, офицеръ былъ пьянъ. Съ нимъ нельзя было разговаривать или спорить. У офицера этого вообще былъ отвратительный характеръ, онъ былъ необыкновенно упрямъ, даже когда бывалъ трезвъ...

И снова, и снова м-ръ Бритлингъ силился представить себѣ этого молодого учителя-солдата въ Алостѣ. Онъ воображалъ его себѣ съ блѣднымъ, неподвижнымъ лицомъ и водянистыми, голубыми, близорукими глазами, въ очкахъ, и съ этимъ воспоминаніемъ о совершенномъ имъ убійствѣ...

То это былъ какой-нибудь другой случай, какой-нибудь примѣръ убійства и жестокостей, совершенныхъ нѣмцами въ Антверпенѣ, про который ему разсказалъ взятый м-ромъ Бритлингомъ къ себѣ въ домъ бѣженецъ м-ръ Ванъ-деръ-Пантъ. Нѣмцы въ Бельгіи сплошь и рядомъ разстрѣливали женщинъ не только по подозрѣнію въ шпіонствѣ, но даже за малѣйшій, ничтожный проступокъ...

Затѣмъ произошелъ набѣгъ нѣмецкаго флота на англійскіе курорты Уитби и Скарборо, гдѣ среди другихъ жертвъ были убиты дѣти, по дорогѣ въ школу. Это привело м-ра Бритлинга прямо въ неистовство и возмутило его еще больше, чѣмъ преступленія, севершенныя въ Бельгіи. Вѣдь это были англійскія дѣти. И еще у себя дома... Потопленіе же миной парохода, биткомъ набитаго бѣженцами изъ Фландріи, наполнило его мысли ужасающими картинами на много дней.

Слабымъ утѣшеніемъ для м-ра Бритлинга былъ доводъ, что, въ концѣ концовъ, англійскіе семейные очаги и женщины и дѣти подвергаются той же участи, которой десятки разъ суда . . . . . флота подвергали ни въ чемъ неповинное населеніе прибрежныхъ деревень Африки и Полинезіи.

Съ каждымъ мѣсяцемъ война становилась все ожесточеннѣе и безжалостнѣе. Въ началѣ 1915 года германцы начали свою подводную войну, и нѣкоторое время мысли и заботы м-ра Бритлинга были всецѣло поглощены участью матросовъ и пассажировъ потопленныхъ судовъ. Онъ съ ужасомъ отмѣчалъ все увеличивавшееся нежеланіе

германскихъ субмаринъ предупреждать свои жертвы, прежде чѣмъ топить ихъ, и онъ никакъ не могъ понять жестокія соображенія, приводившія всякое нападеніе подводной лодки къ ея собственной гибели. Вѣдь нѣмцы подъ водой вели борьбу съ морской силой куда болѣе могущественной, болѣе опытной и умѣлой, болѣе суровой и молчаливой, чѣмъ ихъ собственная. И только много мѣсяцевъ спустя узналъ м-ръ Бритлингъ подробности подводной блокады. Субмарина за субмариной выходили изъ германскихъ портовъ въ Сѣверное море, чтобы больше никогда не вернуться. Не печаталось никакихъ отчетовъ о взятыхъ плѣнныхъ, никакихъ . . . . сообщеній Одна нѣмецкая подводная лодка за другой исчезала въ леденящей тайнѣ... Только позже началъ м-ръ Бритлингъ слышать разные смутные толки и шопотомъ передаваемыя подробности, которыя дали ему возможность составить себѣ представленіе о томъ, что происходило въ глубинѣ моря.

За потопленіемъ «Фалады», когда, будто бы, нѣмецкіе матросы насмѣхались и надругивались надъ своими тонущими жертвами, послѣдовало потопленіе «Лузитаніи». Это вызвало волну подлиннаго гнѣва во всей Британской имперіи. Ненависть начала, наконецъ, зарождать ненависть. Произошли крупные безпорядки въ Англіи и южной Африкѣ. Злосчастные мелкіе парикмахеры, булочники и лавочники-нѣмцы еле спасали свои жизни бѣгствомъ, и своими разгромленными магазинами и разрушенными домами заплатили за минутное удовлетвореніе кайзера и Herr Баллина. Десятки нѣмецкихъ домовъ въ Англіи были разрушены и разграблены; сотни нѣмцевъ подверглись избіеніямъ и оскорбленіямъ. Война есть война. Вслѣдъ за бурей, вызванной потопленіемъ «Лузитаніи», появился отчетъ слѣдственной комиссіи Брайса, съ его непреклоннымъ рядомъ свидѣтелей и подробностями безчисленныхъ актовъ жестокости и безсмысленной безчеловѣчности и насилія въ Бельгіи и занятыхъ врагомъ частяхъ Франціи. Пришли и неслыханныя мученія «газовъ», примѣненіе струй пламени и новое усиленіе жестокостей самой полевой войны. Одно время казалось, какъ будто на западномъ фронтѣ больше никого въ плѣнъ брать не будутъ. Разсказы о мученіяхъ и о звѣрствахъ, разсказы изъ порядка тѣхъ, что появляются ни откуда и изъ ничего и отравляютъ человѣческіе разумы, и подталкиваютъ ихъ на отвѣтныя звѣрства... Разсказы эти появлялись и распространялись по обоимъ враждующимъ фронтамъ.

Дѣйствительность была достаточно жестока и безъ всякихъ слуховъ. За разными обѣденными столами м-ръ Бритлингъ слыхивалъ то одинъ, то другой разсказъ изъ первыхъ рукъ, изъ достовѣрныхъ источниковъ о жестокостяхъ и озлобленіи.

. . . .

. . . .

. . . .

И бывали времена, когда такія чудовищныя реальности словно крѣпкой тюремной стѣной окружали мысль м-ра Бритлинга, и, казалось, не было ей спасенія.

И ему стыдно дѣлалось его единственнаго утѣшенія: по крайней мѣрѣ раньше, чѣмъ черезъ два года Гью не будетъ отправленъ на фронтъ. А къ тому времени навѣрное будетъ заключенъ миръ.

VII.

Еще острѣе, чѣмъ эти разсказы о глупыхъ, безсмысленныхъ жестокостяхъ, о разрушеніяхъ и уничтоженіяхъ, мучилъ м-ра Бритлинга фактъ полнѣйшаго банкротства англійской мысли, переходъ отъ первой фазы бодрости и объединенныхъ усилій къ состоянію брюзжанія, недовольства всѣмъ и вся.

Слишкомъ долго и давно совращалась англійская жизнь фикціями лойяльности, фикціями національной набожности при официальной церкви, фикціями свободы въ государствѣ, управляемомъ политиканами, справедливости при экономической системѣ, въ которой рекламщикъ, кулакъ и ростовщикъ имѣютъ явное преимущество надъ производителемъ и рабочимъ, — чтобы англичане могли теперь крѣпко удержаться на какой-нибудь высокой нотѣ героическаго усилія. Англійская жизнь купила свой комфортъ и уютъ деморализаціей своихъ слугъ. У нея не было никакихъ безусловно честныхъ органовъ; духъ ея былъ затемненъ и затуманенъ накопившимися за столѣтія условностями. И поставленная, наконецъ, лицомъ къ лицу съ озлобленной враждебностью и могущественнымъ, но безсовѣстнымъ врагомъ, съ врагомъ, до крайности использовавшимъ всѣ уроки науки, соціализма и таланта — она какъ будто на первое время дѣйствительно вдохновилась и стала проявлять необычайную энергію и единеніе. Особенно въ этомъ отношеніи блеснула молодежь и простонародье. Сыновья людей всѣхъ классовъ пошли воевать и умирать, вдохновляемые прекрас-

ной мечтой. Халатность, легкомысліе исчезли было съ перваго плана картины. Но только для того, чтобы снова приползти, когда прошло первое возбужденіе. Очень скоро мужчины постарше, искушенные временемъ и опытомъ, политическіе дѣятели, крупные землевладѣльцы и купцы, очаровательныя женщины и обычный потребитель — начали какъ бы «оправляться» отъ этой вспышки моральной экзальтаціи. Снова утвердили себя и восторжествовали старыя привычки мышленія и дѣйствія. Война, начавшаяся столь драматично, все не могла достигнуть апогея; не было ни быстраго, героическаго пораженія, ни быстрой, героической побѣды. Зато была нерѣшительность, это наиболѣе тяжелое испытаніе для всѣхъ недисциплинированныхъ народовъ. Были большіе промежутки, безъ яркихъ событій, крайне утомительные. Еще не успѣла болѣе или менѣе полно разгорѣться битва на Изерѣ, какъ война потеряла уже свою драматичность. Она перестала быть трагедіей или торжествомъ; для обѣихъ сторонъ она сдѣлалась лишь чудовищнымъ напряженіемъ . . . .

Она сдѣлалась утомительной попыткой оттолкнуть отъ себя наваливающуюся стѣну золъ и ужасовъ...

. . . .

. . . . Не было въ Англіи чисто-отеческаго правительства, которое организовало бы англійскій духъ и англійскій народъ для воспріятія патріотическихъ цѣлей. И народъ теперь сталъ нетерпѣливъ, сталъ брюзжать, какъ плохо дисциплинированный больной; онъ направлялъ всѣ свои мысли и недовольство не только противъ врага, но и противъ воображаемыхъ предателей и лицъ, избѣгавшихъ военной службы. Онъ сталъ тратить свою энергію на все углубляющуюся и расширяющуюся сѣть внутреннихъ ссоръ, распрей и взаимныхъ обвиненій. То виновата была коварная безпечность Асквита, то пропитанный германской культурой, подозрѣваемый въ германофильствѣ Лордъ-Канцлеръ, лордъ Холдэнъ, то первый лордъ адмиралтейства, тормазившій якобы дѣятельность флота; начались поиски и травля германскихъ шпіоновъ и лицъ германскаго происхожденія во всѣхъ слояхъ общества, кромѣ высшихъ; разоблаченія то «предателей», то людей «слишкомъ богатыхъ фантазіей», то ученыхъ, то личныхъ друзей главнокомандующаго, то одной группы, то другой... И каждый день м-ръ Бритлингъ читалъ свои три-четыре газеты съ все углубляющимся чувствомъ разочарованія и досады.

Когда же онъ отъ газеты переходилъ къ своей корреспонденціи, онъ тотчасъ же убѣждался, что авторы анонимныхъ писемъ не сидѣли безъ работы.

Можетъ быть, въ какой-нибудь изъ своихъ статей м-ръ Бритлингъ какъ-то замѣтилъ, что, въ концѣ концовъ, и нѣмцы люди, или что если бы Англія еще въ восьмидесятыхъ годахъ послушалась Матью Арнольда, англійскіе офицеры къ нынѣшнему дню прибавили бы къ своей доблести и добродушію еще одно качество — хорошую военную подготовку. Можетъ быть, онъ самъ, того не замѣчая, внесъ немного ѣдкости и раздражительности въ свои замѣчанія. И въ отвѣтъ на это на него набросилась общая ненависть:

— «Кто вы-то, сэръ? Что вы-то, сэръ? Какое имѣете вы право, сэръ? На какомъ основаніи вы, сэръ?..»

VIII.

«Жизнь родилась въ мученіяхъ. На каждомъ изъ насъ лежитъ переданное намъ отъ предковъ проклятіе пятидесяти милліоновъ убійствъ».

Такъ вылились въ слова мысли м-ра Бритлинга, какъ-то въ темную мартовскую ночь, когда онъ полузамерзшій, разстроенный, грустный одиноко бродилъ по заросшей камышомъ лужайкѣ подъ пасмурнымъ, насупившимся небомъ. Предсмертный визгъ какого-то звѣрька маленькаго, попавшаго внезапно гдѣ-то вдалекѣ въ западню — навелъ его на такой строй мыслей.

«Жизнь, борющаяся подъ проклятіемъ рожденія! — подумалъ онъ. — Какъ часто возвращаюсь я теперь къ зачаткамъ христіанской теологіи!.. И затѣмъ — искупленіе черезъ пролитіе крови!»

«Жизнь, — словно непокорный ребенокъ, — борющаяся противъ узъ ненависти, сдѣлавшихъ ее тѣмъ, что она есть!»

Но въ сущности, это было лишь представленіемъ м-ра Бритлинга о гностицизмѣ, а не объ ортодоксальномъ христіанствѣ. И онъ на время погрузился въ поблекшія уже воспоминанія когда-то прочитанныхъ сочиненій по теологіи. Въ чемъ, собственно, была сущность гностицизма? Не въ томъ ли, что Богъ Древняго Завѣта сталъ б...сомъ Новаго? Но это была идея, созданная манихеянами...

И м-ръ Бритлингъ, бродящій среди черныхъ изгородей, очень скоро отъ своихъ усилій вспомнить сущность древнихъ исканій человѣчества вернулся къ болѣе прочнымъ и

долговѣчнымъ загадкамъ, которыя пережили тысячи изслѣдованій и исканій. Была ли необходимой ненависть, необходима ли она теперь, и вообще будетъ ли она всегда необходима? Неужели вся жизнь лишь вѣчная борьба? Заяцъ — животное быстроногое, живетъ онъ жизнью быстрой, дѣятельной, и это потому, что хорекъ не даетъ ему выродиться въ болѣзненное ползучее существо, питающееся травами. Если бы не было хорька войны, во что бы превратилась жизнь?.. Война, правда, — убійство, но развѣ миръ — не вырожденіе, не разложеніе?

Въ теченіе этихъ одинокихъ ночей первой зимы войны, бродя въ одиночествѣ по полямъ и дорогамъ, задумалъ м-ръ Бритлингъ новую книгу, которая должна была на цѣлыя бездны проникнуть глубже въ сущность явленій, чѣмъ поверхностная брошюра «Теперь пришелъ конецъ войнѣ!» Новая книга должна была называться: «Анатомія Ненависти». Она должна была подробно изслѣдовать функцію ненависти, какъ корректива къ жизненной неприспособленности и неподготовленности. До тѣхъ поръ, пока люди будутъ халатными, лѣнивыми, бездѣятельными, люди должны быть и жестокими. Къ этому убѣжденію онъ постепенно пришелъ.

Несмотря на все отвращеніе, испытываемое имъ къ войнѣ, м-ръ Бритлингъ сознавалъ, что невозможно утверждать, будто всякое мирное состояніе лучше войны. Если войны вызывали разрушеніе и жестокости, то миръ, въ свою очередь, рождалъ лѣнь, халатность, извращенность, жажду къ наживѣ и эгоистическія наклонности. Война — дисциплина зла, но миръ — это уклоненіе отъ добра. Бѣдняга, человѣкъ нуждающійся, — одинаково страдаетъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Накапливающіяся, собирающіяся силы худого мира — злобивость, и разрушенія войны—лишь обратныя и противоположныя стороны медали плохо налаженныхъ человѣческихъ отношеній. Неужели невозможенъ какой-нибудь Высшій Миръ? Не просто временный отдыхъ или передышка отъ убійствъ и разрушенія, но полоса благородной и творческой жизни, полоса созиданія, открытія, красоты и исканія. Онъ вспомнилъ, какъ вспоминаютъ о мертвыхъ, сны, когда-то ему снившіеся, о большихъ городахъ, о чудесныхъ свободахъ, о грядущихъ вѣкахъ, волшебномъ расширеніи возможностей, открывающихся человѣку, о грядущей наукѣ, которая будетъ свѣтомъ, о грядущемъ искусствѣ, которое будетъ силой...

Но развѣ этотъ «бывшій», «до-военный» миръ, въ ко-

торомъ мы жили, поднялся бы когда-нибудь до такой высоты?

Въ концѣ концовъ, были ли всѣ эти видѣнія когда-либо чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ какъ праздными мечтами? Развѣ война сдѣлала больше, чѣмъ просто сняла маску съ дѣйствительности?

Онъ подошелъ къ какой-то калиткѣ и облокотился на нее.

Вокругъ него мелкимъ дождемъ моросила тьма; онъ поднялъ воротникъ пальто и сталъ смотрѣть, какъ изъ ночи навстрѣчу зарѣ собирались смутные контуры деревьевъ и изгородей. Ему было холодно, хотѣлось ѣсть; онъ усталъ.

Можетъ быть, онъ вздремнулъ; по крайней мѣрѣ, ему почудилось очень ясное и реальное видѣніе, совсѣмъ не похожее на какой-нибудь сонъ объ Утопіи.

Ему показалось, что внезапно на морѣ подъ огромнымъ пароходомъ взорвалась мина, кричали, и плакали, и дрожали, и метались, словно безумные, мужчины и женщины; и краснымъ пламенемъ озарились бичуемыя дождемъ огромныя черныя волны. И вдругъ картина измѣнилась, и открылся большой бой на сушѣ; сквозь дождь пробивались лучи прожекторовъ, зловѣще взрывались снаряды, и взадъ и впередъ, черными силуэтами на фонѣ краснаго пламени, метались люди съ ружьями на перевѣсъ и тускло сверкающими штыками, и бѣжали, и падали, и спотыкались о кочки, тонули въ грязи, и, наконецъ жидко крича сквозь вой вѣтра, впрыгивали во вражескіе окопы...

И потомъ онъ снова былъ одинъ и глядѣлъ черезъ мокрое черное поле на смутный гребень безформенныхъ деревьевъ.

IX.

И вотъ эта внезапная и потрясающая злобивость войны, которая до сихъ поръ была лишь какимъ-то гноящимся наростомъ разсказовъ, сообщеній и слуховъ, вдругъ взяла и протянула свою руку въ Эссексъ и воткнула жестокую свою стрѣлку въ самое сердце м-ра Бритлинга. Какъ-то однажды, подъ вечеръ, пришла телеграмма изъ Фильмингтона-на-морѣ, гдѣ въ пансіонѣ отдыхала тетя Уильширъ послѣ круга визитовъ по родственникамъ. Какъ гласила телеграмма, она «была очень серьезно ранена» во время ночного налета цеппелиновъ. Это былъ налетъ, о которомъ даже не было упомянуто въ утреннихъ газетахъ. И она выразила желаніе повидать м-ра Бритлинга.

На сжатомъ телеграфномъ языкѣ фраза гласила такъ:

«Желателенъ немедленный вашъ прі́ѣздъ».

Миссисъ Бритлингъ помогла ему наскоро уложить чемоданчикъ и поѣхала съ нимъ на станцію, чтобы привести обратно автомобиль, такъ какъ мальчикъ садовника, который до сихъ поръ исполнялъ у нихъ обязанности шоффера, недавно поступилъ рабочимъ на заводъ, работающій на оборону, въ Челмсфордѣ. М-ръ Бритлингъ сидѣлъ въ тихо плетущемся поѣздѣ, который везъ его на узловую станцію, гдѣ онъ долженъ былъ пересѣсть на другой поѣздъ въ Фильмингтонъ, и никакъ не могъ представить себѣ, что приключилось со старухой. Она всегда была такой крѣпкой и здоровой особой, что онъ никакъ не могъ представить ее серьезно раненой.

Пріѣхавъ, онъ нашелъ ее въ госпиталѣ, весьма серьезно поврежденной. Полъ-тѣла ея было буквально разорвано на части, но верхняя половина туловища оставалось цѣлой и лежала на подушкахъ. Надъ ужасомъ забинтованныхъ сломанныхъ ногъ и разорваннаго тѣла были наброшены простыни и одѣяло. Какъ ему объяснили, пришлось вспрыснуть ей морфія, чтобы хоть немного утолить мучительныя боли, но скоро, быть можетъ, она снова будетъ очень страдать.

Она лежала въ постели, словно возсѣдая на тронѣ, блѣдная,покойная и тихая, и ея ярко выраженный профиль съ большимъ носомъ, ея выбившіеся изъ-подъ бѣлой ночной шапочки волосы и свойственный ея облику отпечатокъ достоинства — дѣлали ее похожей скорѣе на какого-нибудь очень важнаго, очень пожилого мужчину — вродѣ престарѣлаго папы, чѣмъ на женщину. Она не произнесла ни одной фразы, послѣ того, какъ ей сдѣлали перевязку, забинтовали и уложили въ постель, кромѣ словъ:

— Пошлите за Бритлингомъ, Дауеръ-Хаузъ, Матчингсъ-Изи. Онъ самый симпатичный изъ всей оравы...

И даже послѣ того, какъ ей сообщили, что телеграмма была уже отправлена, она все еще продолжала ясно и отчетливо повторять его адресъ и свое вышеприведенное мнѣніе о немъ.

М-ръ Бритлингъ сразу не могъ понять, знаетъ и сознаетъ она его присутствіе или нѣтъ.

— Вотъ и я, тетя Уильширъ! — сказалъ онъ.

Она не подала ни малѣйшаго знака.

— Вашъ племянникъ!

— Подло и возмутительно! — произнесла она очень ясно.

Но она думала не о м-рѣ Бритлингѣ, а о чемъ-то другомъ.

Она продолжала.

— Зачѣмъ имъ сообщили, что я здѣсь?.. Вѣдь повсюду шпіоны, повсюду... И сейчасъ въ этой комнатѣ тоже сидитъ шпіонъ... Или что-то очень похожее на шпіона. Меня увѣряютъ, что это грѣлка... Вздоръ!.. Это шпіонъ!.. О, да!.. Я согласна! Нелѣпо!.. Но меня все время преслѣдовали шпіоны... Безконечные шпіоны... Безконечные, безконечные шпіоны... Ихъ хитрости и штучки прямо невѣроятны... Онъ мнѣ никогда не простилъ...

... И все изъ-за ковра!.. Изъ-за ковра во дворцѣ... Надъ которымъ у меня не было никакой власти... Я открыто высказала свое мнѣніе... Онъ зналъ, что я объ этомъ знаю... Я никогда этого не скрывала!.. И вотъ меня за это преслѣдовали... Много лѣтъ онъ готовился мнѣ отомстить... И, наконецъ, отомстилъ... Но какой цѣной!.. А еще называютъ его Императоромъ... Хорошъ Императоръ!..

... Рука его засохла... Сынъ его — идіотъ... Онъ умретъ... безславной смертью...

Ея голосъ ослабѣлъ, но было ясно, что ей хотѣлось еще что-то сказать.

— Я здѣсь! — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Вашъ племянникъ!

Она какъ будто прислушивалась.

— Вы меня слышите? Понимаете меня? — спросилъ онъ.

Она сразу сдѣлалась серьезнымъ, нѣжнымъ человѣческимъ существомъ.

— Дорогой мой! — сказала она, и какъ будто стала искать чего-то въ мысляхъ, чего никакъ не могла найти.

— Ты всегда понималъ меня!.. Ты всегда былъ хорошимъ, добрымъ мальчикомъ, — сказала она какъ-то разсѣянно, и потомъ прибавила, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчаливаго размышленія,—au fond!

Послѣ этого она нѣсколько минутъ молчала и не обращала вниманія на его шопоты.

Потомъ она какъ будто вспомнила то, что она искала. Она протянула руку, стараясь поймать м-ра Бритлинга за рукавъ.

— Милый!

— Я здѣсь! — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Я здѣсь!

— Не давай ему добраться до твоего Гью! Слышишь!.. Онъ слишкомъ хорошъ для этого, твой Гью!.. Слышишь, милый!.. О, да!.. слишкомъ, слишкомъ хорошъ!.. Люди позволяютъ увлечь себя этими войнами и возбужденіями...

Они слишкомъ много придаютъ имъ значенія... Но онѣ... онѣ не стоятъ этого... Только берегись, не давай е м у добраться до твоего Гью!..

— Хорошо, милая!

— Ты понимаешь меня?

— Понимаю!

— Такъ не забудь этого! Смотри, никогда не забывай!

Она сказала то, что хотѣла. Она сдѣлала какъ бы свое завѣщаніе. И закрыла глаза. Онъ былъ пораженъ, увидавъ, какъ это нелѣпое, смѣшное, старое существо вдругъ стало прекраснымъ, той серебристой красотой, которую иногда открываешь въ очень древнихъ старикахъ. Она была вдохновенна, возвышенна, какъ иногда великіе художники изображаютъ возвышенными, вдохновенными пожилыхъ людей на своихъ портретахъ. Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Кто-то вдругъ тихо дернулъ его за рукавъ.

— Довольно! — сказала сестра милосердія, стоявшая у его локтя.

— Но мнѣ можно будетъ еще разъ прійти?

— Можетъ быть!

И движеніемъ руки она велѣла ему уйти.

X.

На слѣдующее утро тетя Уильширъ была уже безъ сознанія и не узнавала своего посѣтителя.

Изъ-подъ нея вынули подушки, такъ что она теперь лежала совершенно горизонтально и глядѣла въ упоръ, въ потолокъ, бормоча какія-то безсвязныя слова.

Исторія съ ковромъ въ Виндзорскомъ замкѣ все еще владѣла ея мыслями, но къ ней были примѣшаны теперь отрывки изъ разныхъ текущихъ газетныхъ сообщеній и споровъ о войнѣ. Она все еще думала о династическихъ взаимоотношеніяхъ, связанныхъ съ войной. И о шпіонахъ. Кромѣ того ея мысли были заняты германскими тетками короля.

— Въ видѣ предохранительной мѣры... — говорила она, — надо быть на чеку... За ними всѣми надо слѣдить!.. Принцесса Христіанія... всегда на всѣхъ закладкахъ... все камни кладетъ... Цементъ!.. Пушки!.. Зачѣмъ онѣ на всѣхъ закладкахъ?.. и всегда кладутъ камни?.. Всегда!.. Зачѣмъ?.. Замяли... — Ничего не попадаетъ въ газеты! — продолжала она. — Замалчиваютъ?.. А надо, чтобы въ газетахъ писали...

И затѣмъ, послѣ краткаго промежутка, очень ясно:

— Герцогъ Веллингтонскій! Мой предокъ... собственно говоря... Скажите, напечатайте и чортъ съ вами...

Послѣ этого она умолкла и долго лежала, не произнося ни слова.

Доктора и сидѣлки, въ отвѣтъ на разспросы м-ра Бритлинга, давали лишь слабыя надежды. Удивительно, собственно, что она до сихъ поръ еще жива...

И въ тотъ же вечеръ, около семи часовъ она умерла.

XI.

М-ръ Бритлингъ, послѣ того, какъ онъ взглянулъ въ послѣдній разъ на мертвую тетю Уильширъ, въ теченіе цѣлаго часа блуждалъ по маленькому курорту, прежде чѣмъ вернуться въ отель. Не съ кѣмъ было поговорить и дѣлать было нечего, кромѣ какъ думать объ ея смерти.

Ночь была холодная и мрачная, но небо было полно звѣздъ. Онъ уже ознакомился съ топографіей мѣстности и зналъ точно, куда именно упали всѣ бомбы, брошенныя на городокъ съ цеппелиновъ. Вотъ уголъ съ почернѣвшими стѣнами и сгорѣвшими деревянными балками, гдѣ три раненыхъ лошади заживо сгорѣли въ сараѣ; вонъ — рядъ домовъ, частью разрушенныхъ, частью совершенно цѣлыхъ, въ которыхъ раненый ребенокъ кричалъ въ теченіе двухъ часовъ, прежде чѣмъ его можно было извлечь изъ развалинъ и отнести въ больницу. Повсюду при скудномъ освѣщеніи закрашенныхъ и закрытыхъ деревянными колпаками уличныхъ фонарей онъ видѣлъ черныя дыры и провалы выбитыхъ оконъ; иногда многочисленныя, иногда рѣдкія, среди почти нетронутыхъ жилищъ. Въ маленькомъ городскомъ госпиталѣ, куда положили тетю Уильширъ, видѣлъ онъ много еще другихъ жертвъ. Убитыхъ и умершихъ было до нея десять, тетя Уильширъ была одиннадцатой. Всего было убито и ранено 57 человѣкъ. Всѣ жертвы принадлежали исключительно къ гражданскому населенію. И изъ нихъ только двѣнадцать были мужчины.

Оказывается, съ моря прилетѣли два цеппелина, и по нимъ открыло стрѣльбу зенитное орудіе, привезенное на автомобилѣ изъ Ипсвича. Первое извѣщеніе о налетѣ населеніе курорта получило съ первымъ выстрѣломъ этого орудія. Многіе выбѣжали посмотрѣть, что случилось. Сомнительно, видѣлъ ли кто-нибудь самые цеппелины, хотя всѣ увѣряли, что ясно слышали шумъ моторовъ. Потомъ вдругъ дождемъ посыпались бомбы. Только шесть изъ нихъ попали въ дома или людей. Остальныя почти кучей упали на мѣстной полянкѣ для гольфа, а добрая половина бомбъ такъ и не взорвалась...

Треть, по крайней мѣрѣ, раненыхъ и убитыхъ была въ своихъ постеляхъ, когда ихъ постигло несчастіе.

Весь разсказъ былъ похожъ на страницу изъ какой-нибудь фантастической повѣсти Жюля-Верна; мирный покой городка, люди, укладывающіеся въ постели, тихія, молчаливыя улички, тихое звѣздное небо, и затѣмъ въ теченіе десяти минутъ грохотъ орудій и разрывающихся снарядовъ, трескъ разбиваемыхъ стеколъ, затѣмъ пожаръ тутъ, пожаръ тамъ, дѣтскій голосъ, высокій отъ ужаса и боли, испуганные люди, бѣгущіе взадъ-впередъ съ фонарями... и снова тихое, пустое, звѣздное небо...

За пять минутъ до налета тетя Уильширъ сидѣла въ гостиной пансіона и раскладывала большой, серьезный «Императорскій» пасьянсъ, который требовалъ нѣсколько часовъ, чтобы «выйти». А черезъ пять минутъ она была уже массой окровавленныхъ ранъ и растерзанныхъ костей, полной ужаса, страданій и мученій. А въ это время германскіе летчики снова мчались надъ моремъ, самодовольные, гордые — какъ мальчишки, исподтишка бросившіе камень въ чьи-нибудь окна, — уносясь назадъ къ благодарностямъ и наградамъ, къ желѣзнымъ крестамъ и восторженнымъ объятіямъ разныхъ Frau и Fräulein.

М-ру Бритлингу показалось, что онъ впервые постигъ, ясно и близко увидѣлъ непосредственный ужасъ войны, ... Какъ будто до сихъ поръ онъ ничего этого не замѣчалъ, какъ будто до сихъ поръ онъ имѣлъ дѣло только съ разсказами, картинами, представленіями и зрѣлищами, которыя, какъ онъ зналъ, были просто «игрой». Но чтобы это милое, дорогое, нелѣпое существо, этотъ кусочекъ «дома», кусочекъ знакомыхъ настроеній и знакомыхъ раздраженій — было разорвано на клочки, брошено въ мученіяхъ, словно мышь, надъ которой проѣхалъ автомобиль, — это невольно приводило все къ яркому, обнаженному, дрожащему фокусу... И вдругъ въ центрѣ картины, вставшей передъ мысленными взорами м-ра Бритлинга, всплыли отвратительныя ему черты лица германскаго кронпринца. Юноша стоялъ въ своей щегольской формѣ и скалилъ зубы подъ своимъ длиннымъ носомъ, держась вызывающе, какъ будто гордясь тѣмъ огромнымъ значеніемъ, той огромной ролью, которую онъ играетъ въ жизняхъ столькихъ людей...

И въ теченіе нѣкотораго времени м-ръ Бритлингъ могъ только внутренне негодовать.

— Они черти какіе-то! — крикнулъ онъ звѣздамъ.

— Черти! Глупые бѣсы, скорѣе! Жестокіе болваны!

Обезьяны, которымъ въ руку дали всю науку, Боже мой! Но и дадимъ же мы имъ урокъ все-таки!

Это было лейтмотивомъ его настроенія въ теченіе часа безцѣльныхъ скитаній, скитаній, которыя были подъ конецъ остановлены какимъ-то часовымъ, принудившимъ его вернуться въ городъ...

Онъ шелъ и что-то бормоталъ. Онъ находилъ утѣшеніе въ дышащихъ местью планахъ уничтоженія безчисленныхъ нѣмцевъ. Онъ воображалъ себѣ какіе-то быстрые, блиндированные аэропланы, налетающіе со всѣхъ сторонъ на цеппелинъ и пришибающіе его къ землѣ, вмѣстѣ съ командой, кричащей отъ ужаса. Онъ представлялъ себѣ разбитый цеппелинъ, опускающійся на землю въ поляхъ позади Дауеръ-Хауза, и какъ онъ самъ бѣжитъ съ лопатой въ рукѣ и добиваетъ нѣмцевъ: «Милосердія просите? Пощады?

Вотъ, получайте это, гнусные убійцы.»

Въ смутной полутьмѣ часовой увидалъ, какъ отступающая фигура м-ра Бритлинга сдѣлала непонятный жестъ рукой и подумалъ: что это могло означать? Онъ кому-нибудь сигнализируетъ? Что долженъ сдѣлать въ такомъ случаѣ умный часовой? Выстрѣлить? Арестовать его? Или не обращать на это никакого вниманія?

М-ръ Бритлингъ въ эту минуту убивалъ самого графа Цеппелина и лопатой дробилъ ему черепъ. Въ ту ночь кромѣ графа Цеппелина былъ казненъ и кайзеръ. Десятка два менѣе видныхъ жертвъ были принесены на алтарь памяти тети Уильширъ. И много совершилось жестокостей, прежде чѣмъ гнѣвъ и озлобленіе м-ра Бритлинга были утолены. И потомъ, вдругъ, внезапно, онъ какъ бы пресытился этими мыслями и бросилъ ихъ въ сторону; онѣ исчезли совсѣмъ изъ его головы.

XII.

Все время, пока м-ръ Бритлингъ мысленно упражнялся въ этихъ убійствахъ и казняхъ и искалъ выхода для слезъ и ненависти, накипѣвшихъ въ его душѣ — разумъ его оставался въ сторонѣ, выше бури, какъ солнце, выжидающее, чтобы отгремѣлъ громъ, какъ мудрая нянька, выжидающая терпѣливо, чтобы улеглись дикія страсти ребенка. И все время разумъ его утверждалъ, молча, но крѣпко, безъ криковъ, безъ словъ, что люди, создавшіе этотъ ужасъ, были вовсе не бѣсы, были не болѣе бѣсы, чѣмъ самъ м-ръ Бритлингъ, а просто такіе же грѣшные люди, какъ онъ самъ, тупые, глупые, жестокіе, попавшіе въ ту же паутину обстоятельствъ.

«Убей ихъ въ своемъ страстномъ ослѣпленіи, если хочешь, — говорилъ разсудокъ, — но пойми! Это преступленіе совершено было не бѣсами и не безумцами, а заговоромъ глупыхъ, безумныхъ, слабыхъ — и попустительствомъ умныхъ. Преступленіе это—не преступленіе отдѣльнаго человѣка, а естественное неизбѣжное слѣдствіе безсилія и растерянности всего человѣчества».

Такія мысли были точно огонекъ надъ головой м-ра Бритлинга, огонекъ, на который онъ не могъ взглянуть, — и въ то же время, онъ рубилъ на куски лопатой германскихъ летчиковъ и душилъ германскихъ принцевъ удушливыми газами.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Его приводила въ неистовство одна мысль, что этотъ цеппелинъ, со своей командой убійцъ, удираетъ безнаказаннымъ. Не разъ останавливался онъ и кулакомъ грозилъ небу...

И, наконецъ, усталый, обезсиленный, онъ усѣлся на скамейкѣ на пустынной набережной, подъ звѣздами, близко къ вздыхавшему гдѣ-то внизу, невидимому морю.

Его мысли снова вернулись назадъ къ древнимъ ересямъ гностиковъ и манихеянъ, представлявшихъ себѣ міровое божество, какъ нѣчто злое, и старавшихся, путемъ крайнихъ воздержаній, уловокъ и извращенностей, спастись отъ черной грѣховности бытія. На нѣкоторое время душа его опустилась въ зловѣщую тьму этихъ вѣрованій отчаянія.

«Неужели вся сущность природы сводится ко злу? Неужели жизнь въ ея сущности—жестока? Неужели человѣкъ безцѣльно, ни къ чему, лежитъ весь дрожа на столѣ вивисектора?.. и нѣтъ къ нему жалости!?.»

Это были мысли, которыя и въ голову не приходили м-ру Бритлингу до войны. Теперь же онѣ приходили, и приходили только для того, чтобы быть отвергнутыми его разсудкомъ. Въ теченіе уже недѣли, сознательно и подсознательно, разумъ его боролся съ этой загадкой. Онъ думалъ

о ней во время своихъ одинокихъ ночныхъ скитаній, исполняя обязанности спеціальнаго констэбля; она вставала чудовищными символами на черномъ полотнѣ его сновъ.

«Есть ли, въ дѣйствительности, такой бѣсъ чистой жестокости? Дѣйствительно ли сознаетъ любое существо, даже самое жестокое, ту боль и тѣ страданія, которыя оно причиняетъ, или же оно причиняетъ ихъ исключительно ради самого удовольствія — дѣлать больно?»

Онъ призвалъ себѣ на помощь десятки воспоминаній, десятки воображаемыхъ фактовъ, чтобы они выступили свидѣтелями передъ трибуналомъ его разума. Въ этихъ размышленіяхъ онъ забылъ о холодѣ и объ одиночествѣ. Онъ сидѣлъ на пустынной скамейкѣ, и судилъ Бытіе подъ холодными, равнодушными звѣздами.

Онъ вспомнилъ нѣсколько случаевъ дѣтской жестокости, которыя привели его въ ужасъ въ его дѣтскіе годы, и ему было ясно, что это была не жестокость, а любопытство, тупое, толстокожее любопытство, которое ими тогда руководило и которое не могло чувствовать страданій ослѣпляемой кошки. Эти мальчики, измотавшіе его дѣтскую душу своими жестокостями, не столько, въ сущности, мучили, сколько наблюдали мученіе, испытывали жизнь, легкомысленно, шутливо, какъ въ первые дни зимы пробиваешь каблукомъ тонкіе слои льда на лужахъ. Въ большой части совершаемыхъ людьми жестокостей, истинный мотивъ обыкновенно не хуже, чѣмъ просто тупое любопытство. Малѣйшій проблескъ сознанія, малѣйшее пробужденіе нервовъ и мысли,—дѣлаютъ такую жестокость немыслимой. Но это не одинаково справедливо по отношенію ко всякой жестокости.

Большая часть жестокостей таитъ въ себѣ нѣчто другое, нѣчто большее, чѣмъ простое, неуклюжее удовлетвореніе любопытства. Она таитъ въ себѣ или месть или негодованіе. Жестокость никогда не бываетъ спокойной или чувственной; она всегда ведетъ свое побужденіе, какъ бы ни было чудовищно и необосновано оправданіе, отъ какого-то карательнаго начала въ инстинктѣ человѣка, отъ чего-то обоснованнаго, якобы, на справедливости и требованіи возмездія. Этотъ факторъ наблюдается даже въ самомъ мелочномъ чувствѣ зависти. Когда какой-нибудь ужасный или возмутительный поступокъ совершается изъ зависти или злобности, то эта зависть и эта злобность содержатъ въ себѣ всегда—всегда ли?—да! всегда!—искреннее осужденіе ненавистнаго объекта, искреннюю вѣру въ то, что этотъ объектъ — нѣчто возмутительное, нарушившее

справедливость, достойное кары. Вотъ, напримѣръ, эти люди на цеппелинѣ... онъ къ этому-то, собственно, и велъ все. Онъ поймалъ себя на томъ, что спрашивалъ себя, возможно ли, чтобы человѣческое существо совершило жестокій поступокъ безъ повода, безъ оправданія — или, по меньшей мѣрѣ, безъ чувства допустимости своего поступка. И вотъ, въ данномъ случаѣ, взять, напримѣръ, этихъ нѣмцевъ и совершенныя ими насилія, вызванные ими ужасы — ему было ясно, что и тутъ можно отыскать нѣкоторые элементы замѣтнаго, если и не обоснованнаго, оправданія. Точно такъ же было бы оправданіе и въ томъ случаѣ, если-бъ онъ расправился съ упавшимъ на землю нѣмецкимъ летчикомъ. Въ низости и подлости совершаемыхъ ими поступковъ былъ гнѣвъ. Эти нѣмцы были народомъ нечуткимъ, народомъ, въ худшемъ и лучшемъ смыслахъ этого слова, простымъ . . . . . Они очень легко поддавались моральному негодованію; а моральное негодованіе — мать большей части жестокостей міра. Они замѣтили халатность англичанъ и русскихъ, они замѣтили ихъ пренебреженіе къ наукѣ и системѣ, они не сумѣли замѣтить тѣ болѣе широкія задачи, лежавшія передъ этими двумя расами,—и имъ показалось, что Германія призвана наказать и покарать эту халатность и распущенность. Не можетъ быть, разсуждали они, чтобы Богъ былъ на сторонѣ тѣхъ, у кого поле остается необрабатываемымъ. И поэтому, они зарѣзали всѣхъ этихъ старухъ, убили всѣхъ этихъ дѣтей, чтобы наглядно показать намъ послѣдствія нашей халатности.

«Не забывайте порядка и дѣйствительности», — вотъ, собственно, лозунгъ, который скрывался подъ всѣми этими бомбами, газами и субмаринами. Въ концѣ концовъ, какое право имѣли мы, англичане, не имѣть наготовѣ орудіе или аэроплановъ, которые сбили бы этотъ цеппелинъ? Развѣ мы не взяли на себя задачу созданія Имперіи? Развѣ мы не были вождями великихъ народовъ? Имѣемъ ли мы, въ сущности, право жаловаться, если надъ нашей имперской позой издѣваются?

— Вотъ, по крайней мѣрѣ, — говорилъ разсудокъ м-ра Бритлинга, — одна изъ тѣхъ линій мышленія, что пригнала изъ темной ночи эту невидимую жестокость на дома Фильмингтона-на-морѣ! Вотъ, до нѣкоторой степени, причина всѣхъ этихъ убійствъ! Это жестоко и отвратительно, но дѣйствительно ли оно, въ концѣ концовъ, такъ жестоко? Нѣтъ ли тутъ, въ концѣ концовъ, какой-то глупой справедливости? Не является ли это глупой реакціей на столь же глупую халатность?

Что это за справедливость, которая прячется за жестокостью? Что вдохновляло этотъ гнетъ озлобленія, этотъ гнѣвъ, пробуждаемый бездѣятельной, пассивной мягкостью и добродушіемъ? Было ли это, дѣйствительно, начало совершенно «злое», или скорѣе это былъ импульсъ — пока еще слѣпой — но въ своей конечной сущности столь же добрый, какъ и милосердіе, нѣчто, быть можетъ, еще болѣе великое въ своей конечной цѣнности, чѣмъ милосердіе?

Эта мысль наростала въ мозгу м-ра Бритлинга вотъ уже нѣсколько недѣль. Она росла и выливалась въ опредѣленную форму, когда онъ писалъ и пробовалъ разныя вступительныя фразы для своего изслѣдованія «Анатомія Ненависти». Теперь же онъ задавалъ себѣ ясный вопросъ: нѣтъ ли за всякой ненавистью какого-то творческаго и созидательнаго импульса? И не является ли эта злоба просто напросто обезьяноподобной предтечей великихъ дисциплинъ творческаго періода?

Непобѣдимая бодрость его сангвиническаго темперамента снова вывела м-ра Бритлинга изъ того пессимистическаго тупика, въ который онъ было попалъ. Онъ уже почти уловилъ ту фразу, которую онъ искалъ еще тогда, когда бродилъ по заливному лугу по направленію къ Маркетъ-Сафрону. Теперь же она ясно предстала передъ нимъ.

«Когда ненависть превратится въ творческую энергію»...

«Ненависть, переходящая въ творческую энергію; мягкость, являющаяся халатностью и предвѣстникомъ безболѣзненной смерти...»

«Жалость — лишь преходящее качество; ибо человѣчество не навѣки будетъ жалостливымъ и милосерднымъ...»

А пока, пока... Сколько же времени люди будутъ такъ путать добро со зломъ, будутъ энергичными безъ милосердія, и добрыми безъ энергіи?..

И долго такъ сидѣлъ м-ръ Бритлингъ на пустынной набережной подъ звѣздами и подъ плескъ волнъ, перебирая въ головѣ всѣ эти мысли и выводы.

Но дальше его мысли идти не могли. Онѣ отказывались работать. Его озлобленіе теперь уже совершенно пропало. Его отчаяніе не было болѣе безграничнымъ. Но міръ былъ теменъ и жутко-молчаливъ. И онъ не казался менѣе темнымъ оттого, что гдѣ-то въ концѣ забрезжилъ лучъ свѣта. Это былъ лучъ свѣта, находящійся далеко за предѣлами его собственной жизни и жизни его сына. И свѣтъ этотъ не могъ утолить страданій настоящаго. Между нимъ и м-ромъ Бритлингомъ тянулись утомительныя пространства гряду-

щихъ поколѣній, поколѣній, полныхъ взаимныхъ обвиненій и брюзжаній, жадности и слабости, полуправды и необдуманныхъ ударовъ. И всѣ эти годы будутъ полны такими пробуждающими жалость явленіями, какъ обгорѣвшіе остатки домовъ въ городкѣ за его спиной какъ маленькіе сѣро-лицые трупы, разбитыя и погубленныя жизни, потушенныя надежды и ушедшія радости.

Онъ уже не думалъ больше о нѣмцахъ, какъ о бѣсахъ. Они были людьми, и у нихъ было свое оправданіе. Правда, глупое оправданіе, но и наше оправданіе было тоже глупымъ. Какъ глупы были всѣ наши оправданія! Чего намъ не хватало? Чего-то, чувствовалъ онъ, очень намъ близкаго и очень легко ускользающаго. Чего-то, что могло бы разрѣшить тысячу запутанныхъ противорѣчій...

Его мысль ухватилась за это. Къ его сознанію вернулись гурьбой всѣ ужасы и страданія, что были его ежедневной пищей вотъ уже три четверти года. Онъ громко застоналъ. Онъ началъ бороться противъ этого новаго порабощенія своего духа:

— О, запятнанные кровью безумцы! — крикнулъ онъ. — О, жалкіе, измученные безумцы!

— Даже и этотъ подлый воздушный корабль былъ кораблемъ безумцевъ!

— Мы всѣ еще безумцы! Куда-то, къ чему-то стремящіяся обезьяны, раздраженныя сверхъ мѣры нашими собственными потугами, легко возбуждаемыя къ гнѣву.

Какое-то подсознательное теченіе мыслей пробудило въ памяти м-ра Бритлинга давно забытыя слова, слова, преисполненныя того свѣта, что все еще таинственно и неустанно ищетъ пробить темноту и толщу человѣческой мысли.

Онъ повторилъ шопотомъ про себя эти слова. Никакія новыя, незнакомыя слова не возымѣли бы такого дѣйствія утѣшенія и убѣдительности.

Онъ шепталъ ихъ и обращалъ ихъ къ тѣмъ людямъ, которые, ему казалось, все еще летѣли, далеко, на востокъ, по ясному, морозному воздуху подъ ясными звѣздами — обращалъ ихъ къ тѣмъ закутаннымъ летчикамъ и машинистамъ, что причинили столько страданія и горя этому маленькому городку:

«Отецъ, прости имъ, ибо они не вѣдаютъ, что творятъ!».

Глава IV.

Въ паутинѣ безсилія.

I.

Письма Гью понемногу начали играть большую роль въ мысляхъ и думахъ м-ра Бритлинга. Гью вообще любилъ и умѣлъ писать письма, и то, что когда-то было, быть можетъ, просто унаслѣдованнымъ отъ отца желаніемъ записывать свои впечатлѣнія и размышленія — теперь стало у него явной потребностью. Еще будучи въ школѣ, онъ всегда украшалъ свои письма домой маленькими, потѣшными рисуночками и шаржами, — иногда его письма состояли сплошь изъ такихъ рисуночковъ и шаржей, — теперь онъ то сбивался съ писанія на рисунокъ, то съ рисунка на писаніе, что доставляло его отцу огромное наслажденіе. Отецъ любилъ въ немъ этотъ причудливый даръ къ каррикатурѣ; самъ онъ имъ не обладалъ, и поэтому это казалось ему наиболѣе чудеснымъ изъ всѣхъ дарованій, которыми обладалъ его сынъ. М-ръ Бритлингъ носилъ эти письма съ собой въ карманѣ, пока у нихъ не начинали стираться края; онъ показывалъ ихъ всякому, кто, по его мнѣнію, могъ оцѣнить ихъ юношескую свѣжесть; онъ цитировалъ ихъ сплошь и рядомъ въ качествѣ неопровержимыхъ доказательствъ для подтвержденія того или иного его положенія. Ему и не снилось даже, сколько тысячъ отцовъ и матерей хранили и носились съ такими же документами. Онъ думалъ, что сыновья другихъ были тупыми, скучными молодыми людьми, которыхъ и сравнивать нельзя было съ его Гью.

Въ первыхъ письмахъ Гью разсказывалось, главнымъ образомъ, о прелестяхъ дисциплины и жизни на вольномъ воздухѣ.

«Всякія заботы о томъ, что надо съ собой дѣлать, — кончились» — писалъ Гью — Я себя, наконецъ, «устроилъ», или вѣрнѣе, меня «устроили». И это огромное облегченіе. Вмѣсто того, чтобы говорить себѣ утромъ, что пора вставать, тебѣ это говоритъ труба... И конецъ всякимъ глупостямъ, кривлянью передъ самимъ собой... не приходится съ самимъ собой торговаться или себя уговаривать... Я теперь начинаю понимать, почему люди поступаютъ въ монастыри и подчиняютъ себя всякимъ правиламъ... Человѣкъ несется по жизни въ чемъ-то вродѣ моральнаго автомобиля, вмѣсто того, чтобы плестись пѣшкомъ...»

Кромѣ того онъ начиналъ осваиваться и съ новыми физическими переживаніями.

«Никогда еще — объяснялъ онъ, — не зналъ я, что такое усталость. Это — нѣчто чудесное. Опускаешься, какъ есть, одѣтый, въ сапогахъ, на первый попавшійся твердый, жесткій предметъ и спишь, какъ убитый...»

Въ первыхъ же своихъ письмахъ его также занимала элементарная наука военной муштровки и дисциплина, и разсужденія на тему, нужно ли все это или нѣтъ. Онъ началъ съ вывода, что значеніе дисциплины и муштровки слишкомъ преувеличены. Затѣмъ онъ постепенно пришелъ къ открытію, что онѣ составляютъ существенную основу настоящей хорошей солдатчины.

«Въ критическую минуту, — заключилъ онъ, — всегда трудно предвидѣть, что завладѣетъ человѣкомъ: его высшіе инстинкты, или низшіе. Онъ можетъ или проявить великолѣпную доблесть... или же поспѣшное благоразуміе. Привычка всегда болѣе надежна, чѣмъ инстинктъ. И поэтому дисциплина развиваетъ въ человѣкѣ привычку къ хладнокровію и мужественности. Если не теряешь головы, то всегда имѣешь возможность и свободу быть доблестнымъ. Если же теряешь голову — то привычка «вывозитъ» тебя».

Юноша, кромѣ того, очень глубокомысленно сталъ разсуждать о вліяніи различныхъ пріемовъ муштровки на мысли и настроенія.

«Прямо поразительно, какъ пробуждается въ человѣкѣ кровожадность во время обученія пріемамъ штыковой атаки. Намъ велятъ кричать; насъ учатъ кричать. И результатомъ этого является то, что парализуются наши высшіе центры. Перестаешь разсуждать, задавать себѣ вопросы. Становишься просто солдатомъ со штыкомъ. Когда я бѣгу съ ружьемъ на перевѣсъ, во время ученья, я представляю себѣ впереди какихъ-то толстыхъ, жирныхъ дядей, и я преисполняюсь желаніемъ всѣхъ ихъ проткнуть. Вотъ такъ...»

И дальше шелъ рисуночекъ, изображающій огромнаго и доблестнаго Гью, куда-то мчащагося впередъ, съ рядомъ убитыхъ и раненыхъ нѣмцевъ позади.

«...а не такъ. Такъ рисовалъ я въ дѣтствѣ штыковой бой, но это не вѣрно. Сажать больше одного нѣмца на штыкъ — ни къ чему, это только мѣшало бы. И, кромѣ того, это было бы «бахвальствомъ», а хвастовство мы терпѣть не можемъ въ арміи...»

Второй рисуночекъ изображалъ того же храбраго ге-

роя съ полдюжиной нѣмцевъ, нанизанныхъ на штыкѣ, какъ шашлыкъ на вертелѣ.

«Что же касается вдовъ и дѣтей, то я о нихъ не думаю».

II.

Но все это вскорѣ, какъ будто бы наскучило Гью . .

. . . .

. . . .

«Половина нашихъ солдатъ — люди образованные, прилично образованные . . . .

. . . .

«Конечно, не къ чему хныкать и брюзжать, но послѣ того, какъ я побывалъ въ университетѣ и видѣлъ, какъ работаетъ и какъ обращается со своими учениками Кардиналъ, становится досадно, когда видишь, какъ все дѣлается вдвое медленнѣе, чѣмъ надо и чѣмъ можно было бы

. . . .

И онъ перешелъ къ описанію своихъ товарищей по взводу.

А одно письмо состояло исключительно изъ наброска, пародіи на извѣстную картину, изображающую внизу спящій лагерь, а наверху — сонъ солдата — возвращеніе его къ своей милой, которую онъ крѣпко обнимаетъ. Только у Гью было изображено, какъ онъ во «снѣ» обнимаетъ огромную реторту, въ то время, какъ гальванометръ отмѣчаетъ его эмоціи, а вокругъ него пляшутъ маленькіе треножники.

III.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

IV.

Письма Гью значительно расширили кругозоръ м-ра Бритлинга, который колесилъ теперь взадъ и впередъ по Эссексу на своемъ автомобилѣ, и даже раза два осмѣливался заѣзжать въ Беркширъ и Букингамширъ, и наблюдалъ постепенное упорное превращеніе мирныхъ англійскихъ селъ, деревень и всей англійской природы — въ огромный вооруженный лагерь. Онъ склоненъ былъ преуменьшать немного критическія наблюденія Гью. Онъ находилъ въ нихъ нѣкоторую юношескую рѣзкость.

Для м-ра Бритлинга, наблюдателя болѣе внимательнаго и болѣе терпимаго, новая армія была гордостью и чудомъ.

Онъ любилъ въѣзжать въ какую-нибудь тихую деревеньку и наблюдать кучки здоровыхъ, крѣпкихъ юношей, одѣтыхъ въ «хаки», потлощенныхъ своими занятіями — наблюдать спутанныхъ коней, — общее настроеніе придавленной суеты и хлопотливости, — случайно попадающіяся на глаза орудія и обозы. Куда ни повернись, теперь всюду были солдаты и солдаты.

Аккуратно, непрерывно уходили войска во Фландрію, въ Галлиполи, но это какъ будто совсѣмъ не отражалось на количествѣ солдатъ, оставшихся въ Англіи и усиленно обучаемыхъ. Его пріятно волновало увеличеніе военныхъ матеріаловъ, провозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ; ему нравились таинственность и обѣщанія этихъ длинныхъ поѣздовъ, платформъ, покрытыхъ брезентами, подъ которыми были орудія, повозки и т. д. Въ тишинѣ ночи онъ еще могъ думать и бояться пораженія, но днемъ, когда онъ ходилъ и ѣздилъ по Англіи, видѣлъ людей, приготовленія, трудно было повѣрить въ иной конецъ войны, кромѣ побѣды.

Но прошла весна, прошло лѣто, а побѣды не было. Майское «Великое наступленіе» было остановлено послѣ ряда безрезультатныхъ и дорого обошедшихся атакъ между Ипромъ и Суассономъ. Нѣмцы развили высоконаучную оборонительную тактику, въ которой пулеметы замѣняли винтовки, и всякой наступающей силѣ причинялся максимумъ наказанія при минимумѣ собственныхъ потерь. До этой войны, англійское военное министерство не особенно заботилось о пулеметахъ, но теперь оно стало очень много думать о нихъ. Кромѣ того, за последнее время, энергія Великобританіи была все болѣе и болѣе обращена въ сторону Дарданеллъ.

Мысль о дарданелльской кампаніи имѣла какую-то традиціонную привлекательность для англичанъ. Старики всѣ выросли на знакомой фразѣ, слышанной ими еще въ дѣтствѣ, о «форсированіи Дарданеллъ». Въ ней не было той легкомысленной новизны и вульгарности, которыя давали воздушной атакѣ отпечатокъ какого-то несерьезнаго и подозрительнаго пріема. «Форсированіе Дарданеллъ» былъ лозунгъ исторически-британскій. Онъ не рвалъ ни съ какими традиціями. Вскорѣ послѣ вступленія Турціи въ войну, англійскія подводныя лодки появились въ Мраморномъ морѣ, а съ февраля началась систематическая бомбардировка дарданелльскихъ фортовъ и укрѣпленій. Она продолжалась съ перерывами около мѣсяца, причемъ защитники пользовались своимъ опытомъ и періодами дурной погоды, чтобы усилить и улучшить свои укрѣпленія. Эта первая фаза дарданелльскихъ операцій закончилась потерей судовъ «Irresistible», «Ocean» и «Bouvet» во время попытки союзнаго флота войти въ проливы 17-го марта 1915 г. Послѣ перерыва въ шесть недѣль, чтобы дать защитникамъ Дарданеллъ время еще подготовиться, появились, наконецъ, на сценѣ союзныя арміи и удалось, цѣной большихъ трудностей и жертвъ, высадить ихъ въ двухъ пунктахъ галлипольскаго полуострова. Послѣ этого началась медленная и кровавая осада дарданелльскихъ укрѣпленій, завершившаяся неожиданно для турокъ высадкой новой британской арміи въ бухтѣ Сувлѣ, въ августѣ, и неудачей этой арміи въ битвѣ при Анафартѣ. Въ результатѣ союзникамъ не удалось ни отрѣзать, ни взять Мандосъ и дарданелльскіе форты...

А въ это время русскія арміи, достигнувшія со взятіемъ Перемышля крайней точки своего размаха, были медленно тѣснимы сперва на югѣ, потомъ на сѣверѣ. Германцы взяли обратно Львовъ, вступили въ Варшаву и двинулись дальше, чтобы захватить Брестъ-Литовскъ. Русскія линіи покатились назадъ, производя на всѣхъ впечатлѣніе пораженія, а нѣмцы пробирались все впередъ и впередъ, на Ригу и Петроградъ, и къ серединѣ сентября достигли Вильны...

День за днемъ м-ръ Бритлингъ, съ нетерпѣніемъ и озабоченностью, слѣдилъ за колеблющимися чашами борьбы, но ни на секунду не терялъ онъ вѣры въ конечную побѣду Англіи. Все еще грѣло осеннее солнце, и вся загородная Англія кишмя кишѣла войсками. Второй осенній сѣнокосъ вознаградилъ за скудость перваго, урожай хлѣба былъ на рѣдкость удачный, и большая смоковница въ

саду м-ра Бритлинга дала такое обиліе сочныхъ и прекрасныхъ смоквъ, какъ никогда...

И вотъ въ одинъ прекрасный іюньскій день, когда эти смоквы были еще только надеждой, въ Дауэръ-Хаузъ пришелъ, вмѣстѣ съ Летти, Тедди—проститься передъ отъѣздомъ на фронтъ. Онъ долженъ былъ поѣхать съ маршевой командой на пополненіе убыли въ какомъ-то полку; но въ какой полкъ и куда, онъ не зналъ. Миссисъ Бритлингъ велѣла подать чай подъ синій кедръ на газонѣ, а м-ръ Бритлингъ чувствовалъ, что онъ не можетъ подыскать подходящихъ темъ и словъ для разговора, и началъ смущенно говорить обо всемъ, какъ будто отъѣздъ Тедди былъ самымъ обыкновеннѣйшимъ фактомъ. Его все еще преслѣдовало страшное чувство отвѣтственности за Тедди. Послѣдній былъ далеко не такой веселый и живой, какъ въ дни до его вступленія въ армію; въ его настроеніи было скорѣе какое-то тихое возбужденіе, чѣмъ жизнерадостное волненіе. Онъ теперь зналъ, на что идетъ. Онъ теперь зналъ, что война не шутка, и что для него она будетъ самымъ серьезнымъ испытаніемъ, какое когда-либо выпадало или выпадетъ на его долю. Больше ужъ не раздавалось шутокъ насчетъ пенсіи, которую получитъ Летти, и всѣ старательно избѣгали касаться такихъ темъ, какъ взрывчатыя вещества или удушливые газы.

М-ръ и миссисъ Бритлингъ проводили молодую парочку до воротъ.

— Счастливаго возвращенія! — крикнулъ м-ръ Бритлингъ удаляющемуся Тедди.

Тедди отвѣтилъ маханіемъ руки.

М-ръ Бритлингъ простоялъ нѣсколько минутъ, глядя имъ вслѣдъ, пока они шли по направленію къ маленькому коттеджу, гдѣ должно было состояться ихъ частное, интимное прощаніе другъ съ другомъ.

— Мнѣ что-то не по себѣ, что онъ уѣзжаетъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Надѣюсь, что все будетъ благополучно, и онъ вернется невредимымъ... Тедди сталъ такимъ серьезнымъ... Знаю, что это подло, нехорошо... но я какъ-то радъ, что Гью не придется ѣхать...

Онъ подумалъ и прибавилъ.

— По крайней мѣрѣ, не раньше, чѣмъ черезъ годъ и три мѣсяца, даже если они отправятъ его въ самый день его рожденія... А къ тому времени, навѣрное, все уже окончится...

V.

Но въ своихъ разсчетахъ и вычисленіяхъ онъ не принялъ во вниманіе самого Гью.

Не прошло и мѣсяца, какъ Гью тоже пришелъ проститься.

— Но какъ же? — запротестовалъ м-ръ Бритлингъ, который, впрочемъ, уже предугадывалъ отвѣтъ, — вѣдь тебѣ нѣтъ еще девятнадцати лѣтъ?

— Когда я записывался въ добровольцы, я заявилъ, что мнѣ девятнадцать лѣтъ.

М-ръ Бритлингъ нѣкоторое время ничего не говорилъ. Потомъ онъ заговорилъ, какъ-то странно заикаясь.

— Не виню тебя, — сказалъ онъ, — ты... хорошо поступилъ...

Серьезная муштровка и отвѣтственность, налагаемая его новымъ чиномъ, придали отпечатокъ новой мужественности фигурѣ и манерѣ держаться унтеръ-офицера Бритлинга.

— Я всегда вѣдь, еще въ университетѣ, записывалъ себя немного старше своего настоящаго возраста, — сказалъ онъ, какъ будто это должно было все разъяснить.

Онъ всталъ внимательно, какъ будто бы сильно заинтересовавшись, разсматривать какой-то розовый кустъ.

— Я подумалъ, — сказалъ онъ, — разъ я пошелъ на эту войну, такъ надо сдѣлать все, какъ слѣдуетъ, до конца. А то какъ будто все было... только наполовину... не то... изъ за какого-то года оказаться непригоднымъ для окоповъ... Я, пожалуй, долженъ былъ тебя предупредить...

— Да, — рѣшилъ м-ръ Бритлингъ.

— Но вначалѣ мнѣ какъ-то было неловко... Я думалъ, что война, можетъ быть, кончится прежде, чѣмъ придется что-нибудь обсуждать... Мнѣ вообще воевать не хотѣлось.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, какъ будто это объясненіе вполнѣ его удовлетворяло и все исчерпывало.

— Въ этомъ году розы были очень удачны, — сказалъ Гью.

VI.

Гью долженъ былъ переночевать дома. Онъ провелъ, какъ казалось ему и всѣмъ, очень длинный, робкій, невыразительный вечеръ. Только мальчики были по настоящему естественны и оживлены. На нихъ большое впечатлѣніе производилъ предстоящій отъѣздъ Гью, и они задавали ему сотни вопросовъ о жизни въ окопахъ. На многіе изъ

нихъ онъ не могъ отвѣтить и долженъ былъ обѣщать, что напишетъ съ фронта. Онъ точно и подробно тамъ все для нихъ разузнаетъ. Миссисъ Бритлингъ была очень ласкова, даже матерински-нѣжна и заботилась о его вещахъ.

— Тебѣ зимнія вещи понадобятся? — спросила она.

И только, когда всѣ ушли спать, и онъ остался одинъ съ отцомъ, они могли, наконецъ, какъ слѣдуетъ, поговорить другъ съ другомъ.

— Для насъ это куда большее событіе, чѣмъ оно было бы для французской семьи, — замѣтилъ Гью, стоя на коврикѣ у камина.

— Да, — согласился м-ръ Бритлингъ, — они къ этому подготовлены. Они знали бы, что говорить въ такихъ случаяхъ... Вѣдь они воспитаны на обязательной воинской повинности и традиціяхъ 1871-го года.

Потомъ онъ прибавилъ, почти злобно.

— Прежде, чѣмъ отправлять васъ, мальчиковъ, слѣдовало бы послать тѣхъ, кто постарше. Кто будетъ продолжать наше дѣло, нашу жизнь, если вы всѣ будете убиты?

Гью задумался.

— Даже въ самой ожесточенной битвѣ все же больше шансовъ за то, чтобы не быть убитымъ, — сказалъ онъ.

— Вѣроятно, это такъ...

— Да, въ самыхъ смертоубійственныхъ стычкахъ бываетъ убитъ одинъ изъ трехъ или четырехъ, не больше.

М-ръ Бритлингъ ничего не отвѣтилъ.

— Всѣ въ наши дни такъ или иначе переживаютъ то, что мы сейчасъ переживаемъ.

— Да! Всѣ приличные и порядочные люди, по крайней мѣрѣ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— А для меня это будетъ необычайнымъ переживаніемъ. Мнѣ какъ-то все это кажется внѣ пропорціи...

— Съ чѣмъ?

— Съ жизнью вообще. Съ той жизнью, какой мы ее знали до сихъ поръ.

— Да, съ такой жизнью это, дѣйствительно, не въ пропорціи, — согласился м-ръ Бритлингъ.

— Это совершенно несоизмѣримыя величины, — сказалъ Гью.

Онъ какъ бы сталъ обдумывать свое опредѣленіе.

— Это не означаетъ, — сказалъ онъ, — что мы вступаемъ въ какую-то другую область нашего міра, или просто вывертываемъ на изнанку ту часть міра, къ которой ты привыкъ. Это что-то вродѣ того ощущенія, какъ-будто ты прожилъ цѣлую жизнь въ одной комнатѣ и вдругъ тебя попро-

сили выйти изъ нея... Это напоминаетъ мнѣ любопытный случай, который приключился со мной прошлой зимой, въ Лондонѣ. Однажды, я попалъ тамъ въ довольно таки странную компанію. Кажется, я тебѣ объ этомъ не разсказывалъ. Я поѣхалъ ужинать къ знакомымъ студентамъ въ Чельси. Раньше я у нихъ никогда не бывалъ; они казались совсѣмъ обыкновенными людьми... вродѣ тебя или меня... Ничего въ нихъ особеннаго не было. Послѣ ужина они захватили меня съ собой, и мы отправились всѣ вмѣстѣ къ какимъ-то ихъ знакомымъ... не очень близкимъ знакомымъ, къ людямъ, которыхъ они мало знали и которые имѣли какое-то отношеніе къ школѣ драматическаго искусства. Тамъ было двѣ или три молоденькихъ актрисы, какой-то пѣвецъ и еще нѣсколько человѣкъ въ этомъ родѣ. Мы сидѣли, курили папиросы, говорили о театрахъ, о книгахъ, о выставкѣ и т. д. И вдругъ раздался стукъ въ парадную дверь. Кто-то вышелъ и увидѣлъ на площадкѣ лѣстницы полисмена съ судебнымъ постановленіемъ на обыскъ и арестъ... И полиція забрала сына нашего хозяина... Оказывается, онъ обвинялся въ убійствѣ...

Гью остановился на минутку.

— Дѣло шло о таинственномъ убійствѣ на Бедфордъ-стритѣ. Ты, вѣроятно, уже забылъ или вовсе не читалъ объ этомъ. Оказывается, сынъ нашего хозяина былъ убійцей... Сейчасъ подробности не стоитъ припоминать, да это и не важно, я имѣю въ виду только впечатлѣніе, которое это произвело. Понимаешь: уютная, ярко освѣщенная, тихая, спокойная комната, группа мирно бесѣдующихъ, совершенно тихихъ и скромныхъ, безвредныхъ людей — и вдругъ открывается дверь. Сквознякъ и полисменъ. Убійство!.. Одна изъ присутствующихъ барышенъ шопотомъ объяснила мнѣ, въ чемъ дѣло. Это было такое впечатлѣніе, какъ-будто передъ тобой открылась потаенная дверь, ведущая въ какое-то подземелье, про существованіе котораго хотя и зналъ, но никогда какъ-то въ него не вѣрилъ.

— Знаю это ощущеніе, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Знаю!

— Вотъ такое у меня сейчасъ ощущеніе и отъ этой войны. Настоящей смерти, вотъ здѣсь, у насъ, нѣтъ. Она вся заранѣе обезврежена, и у ней связаны руки. И несчастные случаи всякіе тоже «обезврежены», доведены до минимума. Если тебя здѣсь вдругъ сброситъ лошадь, или что-нибудь въ этомъ родѣ, то черезъ полчаса уже будешь лежать въ уютной постели, тебя забинтуютъ, осмотрятъ и

т. д... А тамъ... Тамъ, какъ-будто на другой планетѣ. Это внѣ... по ту сторону чего-то... И я ѣду... по ту сторону чего-то... Тамъ — смерть повсюду. Мы будемъ прилагать всѣ старанія, всѣ наши силы, чтобы убивать другъ друга. Это какъ-будто нашъ здѣшній міръ шиворотъ на выворотъ.

М-ръ Бритлингъ кивнулъ головой.

— Я еще ни разу въ жизни не видалъ мертваго тѣла, трупа. Здѣсь въ странѣ Дауеръ-Хаузовъ труповъ нѣтъ, не бываетъ.

— Да, мы всегда старались скрывать отъ васъ такія страшныя вещи.

— Я не жалуюсь — сказалъ Гью, — но тотъ молодой мистеръ Гью... отъ котораго вы скрывали такъ тщательно всякіе ужасы... никогда не вернется назадъ.

Онъ быстро продолжалъ, замѣтивъ отблескъ тревоги и отчаянія въ глазахъ отца.

— Я хочу сказать, что э т о т ъ... Гью никогда не вернется... если вернется, такъ уже д р у г о й Гью, который побывалъ по ту сторону... и который уже будетъ другимъ.

Онъ умолкъ. Никогда еще въ жизни не испытывалъ м-ръ Бритлингъ такъ мало наклонности взять на себя иниціативу бесѣды.

— Да, это такое же ощущеніе, — сказалъ онъ, ища какой-нибудь образъ и ограничиваясь повтореніемъ того же, который приводилъ сынъ, — какъ будто человѣкъ выходитъ изъ большой, людной освѣщенной комнаты черезъ маленькую дверку въ метель, на крышу, — что-нибудь тамъ исправить...

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ отецъ и сынъ молчали. У нихъ обоихъ было странное чувство какой-то непреодолимой скованности. Ни тотъ, ни другой не говорили того, что они хотѣли сказать, и въ то же время имъ не было ясно, что именно они хотѣли сказать другъ другу.

— Странно все это! — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

Гью же могъ только придумать:

— Міръ какъ-то весь перевернулся, вывернулся на изнанку...

— Но дѣло это надо сдѣлать — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Дѣло надо сдѣлать! — поддакнулъ Гью.

Пауза сдѣлалась еще продолжительнѣе.

— Тебѣ придется завтра встать рано утромъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ...

VII.

Когда м-ръ Бритлингъ остался одинъ въ своей комнатѣ, всѣ чувства и мысли, которыя тамъ внизу, въ холлѣ куда-то прятались, теперь начали все быстрѣе и быстрѣе проноситься въ его мозгу.

У него было такое чувство, какъ будто онъ только что начиналъ понимать и постигать своего Гью. Это вѣчное «открытіе» своихъ дѣтей — чувство, свойственное всѣмъ наблюдательнымъ родителямъ. Онъ до сихъ поръ всегда смотрѣлъ на Гью, какъ на мальчика, а теперь передъ нимъ вдругъ предсталъ мужчина, взрослый человѣкъ, и говорилъ съ нимъ, какъ взрослый со взрослымъ. И этотъ мужчина, этотъ новый взрослый человѣкъ, свѣжій, чистый, ясный, наполнилъ м-ра Бритлинга удивленіемъ и восхищеніемъ.

Какъ будто у него открылись глаза, и онъ впервые замѣтилъ юношескую красоту стройной, хорошо сложенной, одѣтой въ хаки фигуры Гью. Была какая-то безконечная утонченность и нѣжность въ его чистомъ лицѣ, ясныхъ глазахъ, въ тонко очерченныхъ бровяхъ, столь напоминающихъ брови его матери. И это ясное, свѣтлое, преисполненное благородствомъ и доблести существо говорило сейчасъ такъ же серьезно и мудро, какъ любой старикъ, потрепанный жизнью...

Мальчикъ былъ несомнѣнно уменъ.

Гью умѣлъ думать самостоятельно; онъ прекрасно разбирался въ своемъ положеніи и не съ эгоистической точки зрѣнія, а съ сознаніемъ своей отвѣтственности. Онъ не просто поклонялся какому-нибудь идолу героизма, не подражалъ кому-нибудь или чему-нибудь, не создавалъ вокругъ себя какую-то романтическую иллюзію... И если онъ былъ болѣе или менѣе характернымъ образчикомъ своего поколѣнія, то это поколѣніе, значитъ, было куда лучше, чѣмъ то, къ которому принадлежалъ м-ръ Бритлингъ.

И тутъ мысли м-ра Бритлинга сразу перескочили на его личную обиду — за себя, какъ отвергнутаго добровольца. Ему было до остроты больно и обидно, что всѣ эти славные юноши отправляются на смерть и раны, въ то время, какъ мужчины сорока лѣтъ и выше спокойно остаются сидѣть дома, въ полной безопасности. Какъ глупо все это придумано! Всѣмъ этимъ безчисленнымъ отцамъ, которые, въ сущности, уже прожили свою жизнь, сдѣлали все, что надо былъ имъ сдѣлать, никакъ не удается получить военную подготовку; отъ ихъ услугъ отказываются, они сидятъ въ позорной безопасности, играютъ въ какихъ-то полисме-

новъ. А всѣ эти молодые, невинные, неискушенные еще жизнью мальчики, будущее и надежда Англіи, отправля-
. . . . въ окопы . . . .
. . . .

И онъ представился себѣ трусливымъ, жирнымъ, дряблымъ животнымъ, прячущимся за этимъ дорогимъ единственнымъ отпрыскомъ покойной жены.

И онъ весь закорчился отъ безсильнаго униженія.

Какъ глупо былъ устроенъ и управлялся міръ!

Онъ началъ злиться и нервничать. Онъ ужъ не могъ спокойно лежать въ постели; онъ всталъ и началъ бродить по комнатѣ, наскакивая въ темнотѣ на стулья и столы...

Мы слишкомъ глупы, чтобы сдѣлать самыя очевидныя вещи; мы посылаемъ всѣхъ этихъ мальчиковъ на . . .
. опасность и всякія трудности; . . . .
. . . .
. . . . только потому, что англичане, въ сущности, народъ халатныхъ, сытыхъ, псевдодобродушныхъ стариковъ и пожилыхъ людей. (Такъ распредѣлилъ онъ на всѣхъ своихъ соотечественниковъ невыносимое бремя самообвиненія). Почему онъ ничего не дѣлаетъ, чтобы измѣнить такой порядокъ вещей, улучшить его? Къ чему напускать на себя скромность и пытаться проявлять такую терпимость и довѣріе по отношенію ко всѣмъ этимъ болтливымъ старымъ адвокатамъ, этимъ пустозвоннымъ платформеннымъ ораторамъ, ... и толстокожимъ чиновникамъ? Они посылаютъ на гибель лучшую молодежь, цвѣтъ Англіи. А старики сидятъ спокойно дома, внѣ опасности, ... , ...
. . . . Вотъ какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности! «Сынъ мой!»—крикнулъ онъ рѣзко въ темнотѣ. И его осязаніе національныхъ англійскихъ недостатковъ стало мучительно, чудовищно острымъ. Словно всѣ его излюбленныя иллюзіи сразу куда-то канули въ пропасть... . . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но нѣтъ, старики упорно сидятъ за своими столами, сонные и сытые, и качаютъ своими хитрыми древними головами. Газеты продолжаютъ болтать и трещать и издавать странные, двусмысленные звуки, точь-въ-точь, какъ пароходъ, нагруженный обезьянами, въ бурю. Политическія клячи будутъ добиваться назначенія самыхъ ненужныхъ

людей и будутъ съ пѣной у рта набрасываться на всякаго болѣе или менѣе крупнаго общественнаго вождя, обливая его помоями сплетенъ, ушатами грязи и лжи.

. . . .

Единственная наша надежда — истощеніе врага . . . .

. . . .

VIII.

На слѣдующее утро лицо м-ра Бритлинга было блѣдно отъ безсонной ночи и мучительныхъ мыслей, а Гью былъ свѣжъ и бодръ послѣ здороваго сна. Они походили вдвоемъ по газону, и м-ръ Бритлингъ бодро и оптимистично говорилъ о положеніи вещей и о будущемъ, пока не наступило время ѣхать на станцію.

Маленькій, старенькій начальникъ станціи сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и принялъ участіе въ ихъ прощаніи.

— Счастливаго возвращенія, Гью! — крикнулъ м-ръ Бритлингъ.

— Счастливаго возвращенія! — крикнулъ старичокъ, начальникъ станціи.

— Да, нелегко-то прощаться, — сказалъ онъ м-ру Бритлингу, когда поѣздъ тронулся. — Много такихъ прощаній было на этомъ самомъ мѣстѣ съ тѣхъ поръ, какъ началась война! Много. . . . .

IX.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней м-ръ Бритлингъ ни о чемъ другомъ, кромѣ Гью, не могъ думать, да и о немъ думалъ съ какой-то тупой болью въ сердцѣ. Онъ испытывалъ то же чувство, что и много лѣтъ тому назадъ, когда ходилъ взадъ и впередъ внизу, пока наверху Гью дѣлали операцію. Но на этотъ разъ операція все продолжалась и продолжалась и никакъ не могла кончиться. Въ худшемъ случаѣ, разсуждалъ онъ, у Гью былъ одинъ шансъ изъ пяти: быть убитымъ или раненымъ. И долго онъ ни о чемъ не могъ думать, кромѣ, какъ объ этомъ одномъ шансѣ изъ пяти... Онъ чувствовалъ, что это давитъ на его мысли и вообще угнетаетъ его...

И тогда вмѣсто того, чтобы совсѣмъ капитулировать подъ этимъ давленіемъ, онъ вдругъ освобождался отъ него съ помощью своего сангвиническаго темперамента. Усиліемъ воли онъ внезапно переводилъ мысли свои на оставшіеся четыре шанса изъ пяти. И какъ-будто какой-то вывихнутый суставъ вскочилъ назадъ на свое мѣсто. Это было также внезапно. Онъ вдругъ почувствовалъ, что онъ при-

способился къ мысли о Гью въ смертельной опасности. И эта мысль стала установившимся фактомъ, чѣмъ-то обычнымъ. Она стала вполнѣ терпимой, выносимой, и онъ снова могъ заняться своими дѣлами.

Онъ поѣхалъ въ Лондонъ, и тамъ въ клубѣ встрѣтилъ другихъ отцовъ, переживших тѣ же чувства. И ему стало вдругъ ясно, что нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни исключительно трагичнаго теперь въ томъ фактѣ, что его сынъ на фронтѣ.

— Мой сынъ въ Галлиполи, — сказалъ одинъ такой отецъ. — Имъ тамъ тяжеленько приходится...

— А мой во Фландріи, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ на фронтъ. Ему еще нѣтъ даже восемнадцати лѣтъ. И чтобы поѣхать, ему пришлось сказать, что онъ старше.

И они стали обсуждать послѣднія газетныя извѣстія, какъ-будто міръ былъ такимъ, какъ всегда.

А пока не пришли открытки отъ Гью, м-ръ Бритлингъ каждое утро ожидалъ прихода почталіона съ тѣмъ же чувствомъ, съ которымъ влюбленная дѣвушка ждетъ письма отъ милаго.

Гью писалъ чаще, чѣмъ даже смѣлъ надѣяться его отецъ. Письма его большей частью были написаны карандашомъ. Было такое впечатлѣніе, какъ будто онъ ощущалъ непреодолимую потребность съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своими мыслями и впечатлѣніями, и у него не было подходящаго собесѣдника. Паркъ, его школьный товарищъ, который записался вмѣстѣ съ нимъ въ тотъ полкъ, очевидно, не любилъ «теоризировать». «Паркъ сталъ страшнымъ педантомъ, настоящимъ военнымъ — писалъ Гью — и, кромѣ того, онъ недавно произведенъ въ фельдфебели, и это какъ-то раздѣлило насъ».

М-ру Бритлингу было очень трудно отвѣчать на письма сына. Ему хотѣлось сказать очень много серьезныхъ, глубокомысленныхъ вещей, но онъ почему-то не говорилъ. Вмѣсто этого онъ подробно описывалъ разныя мелочи изъ жизни Дауеръ-Хауза. Разъ или два въ безсознательномъ подражаніи стилю писемъ сына, онъ попытался было затронуть философскія и теологическія темы. Но тѣ «Образцовыя письма отца къ сыну въ окопахъ», которыя онъ сочинялъ въ постели въ безсонныя ночи, такъ-таки никогда и не увидѣли свѣта. Можетъ быть, это и къ лучшему, такъ какъ много существуетъ такихъ вещей, о которыхъ лучше думать, чѣмъ говорить или писать...

Гью смутно писалъ о своемъ положеніи и своихъ обязан-

ностяхъ. Его письма теперь должны были проходить черезъ руки цензуры, и всякаго рода подробности могли бы повести къ задержкѣ или уничтоженію письма.

М-ръ Бритлингъ представлялъ себѣ Гью, устроившимся въ какомъ-то большомъ лагерѣ, гдѣ-нибудь въ тылу, въ плоской безлюдной мѣстности, куда ясно доносился громъ крупныхъ орудій. Въ этомъ его воображенію помогали иллюстрированные журналы. Иногда же онъ переводилъ Гью еще глубже въ тылъ, въ милые старинные городки, вродѣ Бовэ, и представлялъ себѣ веселыя, ничего не дѣлающія группы людей, сидящихъ на тротуарахъ передъ кафэ... А иногда онъ представлялъ себѣ поляну, наполненную спутанными лошадьми, палатками, сѣрыми возами и на первомъ планѣ — Гью, съ обнаженными руками и съ ведрами.

Содержаніе писемъ Гью дѣлилось въ болѣе или менѣе равной мѣрѣ между двумя главными темами; первая изъ нихъ была — его интересъ къ искусству войны; вторая — реакція противъ самой войны.

«Послѣ того, какъ прошло первое волненіе и возбужденіе—писалъ онъ—и когда мысль приняла и забыла (какъ она всегда забываетъ) всѣ ужасы и напрасныя жертвы войны, я начинаю убѣждаться, что война, въ сущности, наиболѣе интересная изъ всѣхъ игръ въ мірѣ. И въ этомъ, я увѣренъ, настоящая сила войны. А не то, что ты утверждалъ въ первой своей брошюрѣ, помнишь, — «тщеславіе, жестокость» и т. д. Эти свойства даютъ какое-то оправданіе войнѣ, они понукаютъ робкихъ и мелочныхъ людей къ войнѣ, но главное, конечно, въ той силѣ, съ которой война сама захватываетъ всякое воображеніе. Это просто огромнѣйшихъ размѣровъ игра. Вмѣсто того, чтобы быть ограниченной одной какой-нибудь отгороженной площадкой или однимъ комплектомъ спеціальныхъ приспособленій, — здѣсь въ твоемъ распоряженіи весь міръ, въ которомъ ты можешь пользоваться для игры всѣмъ, чѣмъ хочешь. Можешь пользоваться всякимъ кусочкомъ воображенія и изобрѣтательности, который въ тебѣ живетъ... И получается чудесная игра... И настоящіе солдаты вовсе не жестоки. И война въ своей сущности тоже не жестока. Она жестока только своими послѣдствіями. Здѣсь, на фронтѣ, сплошь и рядомъ слышимъ обрывки разговоровъ, которые помогаютъ многое понять, освѣщаютъ многое. Большая часть жестокостей, про которыя мы читали дома, какъ оказывается, была совершена, и это точно установлено, возбужденной толпой «штатскихъ» по духу людей, людей въ состояніи какой-то

горячки. Большая часть германской арміи въ первыхъ стадіяхъ войны была, въ сущности, арміей обезумѣвшихъ штатскихъ. Это были всѣ аккуратные, чистенькіе, послушные закону, любящіе порядокъ люди, внезапно сорванные съ корнями со своихъ насиженныхъ мѣстъ и брошенные въ совершенно невыносимыя условія. Они чувствовали, что мчатся къ смерти, и что наступилъ конецъ порядку и порядочности. Они думали, что у каждаго бельгійца припрятано за спиной ружье и за сапогомъ—ножъ. Они видѣли горящія села и деревни, трупы убитыхъ, людей, разорванныхъ на куски. Они жили въ состояніи какого-то кошмара. Они не сознавали, что они дѣлаютъ. И они совершали ужасные поступки, какъ совершаешь ихъ иногда во снѣ...»

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Это становится совершенно яснымъ изъ тѣхъ дневниковъ, которые французы и англичане находили на убитыхъ. Ты вѣдь знаешь, что въ самомъ началѣ войны отъ каждаго нѣмецкаго солдата требовалось веденіе дневника. Ему приказывали вести такой дневникъ. Цѣль этой мѣры—поддерживать въ солдатахъ интересъ къ войнѣ, и поэтому въ наши руки съ мертвыхъ и раненыхъ, которыхъ мы находили, попались тысячи такихъ дневниковъ... И по нимъ легко убѣдиться, что нѣмцы, въ сущности, по духу вовсе не солдаты. Не такъ, какъ мы, англичане. Они послушны, повинуются безропотно всякимъ законамъ и правиламъ; они въ общемъ — . . . . народъ, котораго втолкнули въ эту войну. И необходимо, чтобы они видѣли войну, какъ нѣчто мелодраматическое или романтическое, или моральное съ непремѣннымъ участіемъ рока или судьбы. И они поэтому должны непремѣнно орать пѣсни про «Deutchland», или ни къ селу ни къ городу приплетать Gott. Они не втягиваются въ «игру», какъ втягиваются наши солдаты».

И долженъ признаться, я самъ втягиваюсь въ игру. Временами я начинаю жалѣть, что не поступилъ въ офицерскую школу вмѣстѣ съ Тедди и не освоился лучше съ теоріей и пріемами игры. Я слишкомъ относился свысока, предвзято-интеллигентно къ войнѣ вообше. А теперь мечтаю о производствѣ въ офицеры».

Вотъ эта самая стратегія охоты за дневниками —

одна изъ тѣхъ вещей, что дѣлаютъ эту войну интеллектуально привлекательной. Теперь все, что можетъ такъ или иначе привести къ побѣдѣ, тщательно обдумывается, пробуется и перепробуется. Нѣмцы придаютъ гораздо больше значенія психологіи, чѣмъ мы, точно такъ же, какъ они вообще всегда больше занимались войной, чѣмъ мы, но, въ общемъ, мнѣ кажется, они не очень умны, и плохо все это постигаютъ. И поэтому они прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы заставить своихъ солдатъ «понять» войну, въ то время, какъ наши цѣлыми днями поютъ «Типерери». Но нѣмцы записываютъ въ свои дневники вовсе не тѣ прекрасныя, красивыя вещи, которыя они должны были бы записывать. Большинство изъ нихъ записываютъ въ дневникахъ то, что они пили и ѣли; многіе изъ этихъ дневниковъ производятъ впечатлѣніе просто какихъ-то прейскурантовъ или меню; а многіе записали самыя откровенныя подробности своихъ грабежей и насилій. И теперь французы переводятъ эти дневники и публикуютъ ихъ. Нѣмцы что угодно дали бы, чтобы сейчасъ получить эти глупые дневники обратно. Недавно они отдали распоряженіе, чтобы никто не бралъ съ собой въ походъ никакихъ писемъ, бумагъ или записныхъ книжекъ... Наше начальство такъ увлекалось собираніемъ всякихъ документовъ и всякихъ случайныхъ записей, писемъ и т. д., что одно изъ главныхъ занятій нашихъ,—послѣ всякой неудачной германской атаки,—было обыскивать ихъ мертвыхъ въ надеждѣ, не попадется ли на нихъ что-нибудь интересное въ видѣ «документовъ».

«...Курьезный спортъ эта охота за трупами. У ловца имѣется тройной крюкъ на веревкѣ, онъ бросаетъ его, зацѣпляетъ какое-нибудь тѣло и тянетъ его къ себѣ въ окопъ. И нѣмцы дѣлаютъ то же самое. Третьяго дня у насъ былъ такой случай: одно и то же тѣло было «поймано» и нашей и ихней удочкой, и обѣ стороны тянули его къ себѣ изо всѣхъ силъ. А какъ только надъ гребнемъ окоповъ показывалась у насъ или у нихъ голова кого-нибудь изъ тянущихъ, сейчасъ начиналась стрѣльба. Нѣсколько человѣкъ такимъ образомъ было убито. Ирландцы, — это былъ ирландскій полкъ, — въ концѣ концовъ достали трупъ или вѣрнѣе, большую часть его»...

«Теперь послѣ того, какъ меня произвели въ фельдфебели, Паркъ снова разговариваетъ со мной на эти темы, и первый лейтенантъ тоже очень интересуется всякими такими техническими подробностями. Такъ какъ, вообще говоря, все это лишь техническія подробности. Къ нимъ иначе нельзя относиться. О трупѣ, въ такихъ случаяхъ,

уже не думаешь, какъ о мертвомъ человѣкѣ, у котораго еще недавно была жена и дѣти, и знакомые, и слабость къ устрицамъ или коньяку. Не думаешь о немъ, какъ о чемъ-то, что смѣялось и плакало и боялось боли. Это все бы испортило. Просто думаешь о немъ, какъ о чемъ-то въ форменной курткѣ, на которой имѣются знаки, которые намъ что-нибудь разъяснятъ, и бумаги, которыя дадутъ намъ какой нибудь намекъ на то, до какой степени ему и его сородичамъ начала надоѣдать война. Жизнь здѣсь, въ окопахъ, закаливаетъ не только тѣло, но и мысль. Живешь на совершенно иномъ уровнѣ, чѣмъ раньше.

Помнишь, — передъ моимъ отъѣздомъ, — мы говорили о странѣ Дауэръ-Хаузовъ... и о томъ, что «внѣ» ея?... Такъ вотъ это и есть то самое «внѣ». Нѣчто совершенно иное. Наши солдаты здѣсь все еще добры къ цѣлому ряду мелкихъ тварей — къ котятамъ, птицамъ или цвѣтамъ. Всюду въ тылу наши «Томми» разбили себѣ сады. И нѣкоторые изъ нихъ очень красивы. . . . .

. . . .

«Юмора и шуточекъ у насъ въ окопахъ — хоть отбавляй. Вотъ, напримѣръ, продѣлываютъ такого рода шутки. У насъ имѣется два типа бикфордова шнура: одинъ, «медленный», который примѣняется для ручныхъ бомбъ и гранатъ, это такой, который горитъ со скоростью, скажемъ, ярдъ въ минуту, и другой шнуръ, «скорый», сто ярдовъ въ секунду, для взрыванія минъ и т. д. Шнуръ послѣдняго типа сразу можно отличить по ярко-красной нити, которая по немъ проходитъ. Какъ ты, навѣрное, знаешь, и у насъ и у нѣмцевъ завелась теперь привычка, когда окопы находятся достаточно близко другъ къ другу, разнообразить нашу жизнь бросаніемъ другъ въ друга ручныхъ гранатъ. Гранаты эти домашняго издѣлія, но тѣмъ не менѣе довольно эффектныя, хотя и приготовлены изъ старыхъ жестянокъ. Когда такая граната падаетъ въ англійскій окопъ, кто-нибудь сразу хватаетъ ее и бросаетъ обратно къ нѣмцамъ. Взорвать нѣмцевъ ихъ собственной петар-

дой — это высшее наслажденіе. Когда же англійская граната падаетъ въ германскій окопъ, всѣ разбѣгаются. (Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ меня солдаты изъ нашихъ окоповъ; хотя, разумѣется, вполнѣ возможно, что и на нашей и на той сторонѣ бываютъ исключенія). Если бомба взрывается, она—взрывается. Если же нѣтъ, то Гансъ или Фрицъ медленно приползаютъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Иногда шнуръ какъ слѣдуетъ не загорѣлся, если гранату, напримѣръ, бросилъ человѣкъ нервный; или шнуръ просто плохо разгорѣлся, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Тогда Гансъ или Фрицъ или вставляютъ въ гранату новый шнуръ, или снова поджигаютъ старый и швыряютъ ее обратно къ намъ. Взорвать англичанъ нашей собственной петардой и для нихъ тоже — высшее наслажденіе... Но вотъ тутъ-то и начинаетъ проявляться военный геній. Какой-то талантливый юноша у насъ какимъ-то образомъ досталъ (попросту укралъ, навѣрное), нѣсколько ярдовъ «быстраго» шнура и потратилъ цѣлый день на то, чтобы вытащить изъ него красную нитку и сдѣлать его похожимъ на своего «медленнаго» брата. Приготовленный такимъ образомъ шнуръ былъ разрѣзанъ на куски, которые, въ свою очередь, были придѣланы къ самодѣльнымъ гранатамъ, а эти брошены, — съ незажженнымъ шнуромъ въ нѣмецкіе окопы. Затѣмъ слѣдовала длинная, но радостная пауза. Я представляю себѣ нашихъ, сидящихъ съ затаеннымъ дыханіемъ, въ ожиданіи, что будетъ. Вонъ Гансъ и Фрицъ осторожно ползутъ назадъ, осматриваютъ незажженный шнуръ, зажигаютъ, чтобы вернуть гранату, согласно установившейся традиціи, ея первоначальному владѣльцу. Громкій взрывъ въ нѣмецкомъ окопѣ означалъ моментъ зажиганія шнура и отправленія Ганса и Фрица къ праотцамъ. Геній, сидящій въ англійскомъ окопѣ, прилежно готовилъ вторую такую же гранату, — и къ праотцамъ отправились Куртъ и Карлъ. Гансъ, Фрицъ, Куртъ, Карлъ, Михель, Вильгельмъ... такъ продолжалось довольно долго, пока они не открыли, въ чемъ дѣло...»

«Ты какъ-то писалъ, что всякая настоящая война въ наши дни должна вестись металлическими солдатами... Я теперь убѣждаюсь, дорогой папочка, что настоящая война такъ и ведется»...

X.

Не всѣ письма Гыю были заняты такими жуткими «техническими» подробностями Не всегда ему приходилось слышать новости и послѣднія сплетни окоповъ; мало доходило до него газетъ и еще меньше было картъ. Скоро война

почти такъ же наскучила Гью на фронтѣ, какъ она ему наскучила въ Англіи. Но его критическое отношеніе къ военнымъ методамъ и пріемамъ скоро совершенно исчезло.

«Здѣсь все дѣлается и ведется гораздо лучше, — писалъ онъ — и мы здѣсь ближе къ дѣйствительности».

Затѣмъ онъ опять начиналъ жаловаться на скуку.

«Дѣлать рѣшительно нечего, остается или сидѣть и смотрѣть, какъ мимо тебя проходятъ обозы, или играть въ футболъ, или валяться на постели, или, наконецъ, итти въ ближайшій estaminet и тамъ ждать въ «хвостѣ», пока не получишь свободнаго билліарда. И въ результатѣ ты получаешь эти несознательныя письма».

— Несознательныя, — замѣтилъ м-ръ Бритлингъ. — Ничего, это скоро у него пройдетъ.

— И когда-нибудь онъ тоже будетъ писать. Да, изъ него выйдетъ писатель.

И онъ вернулся къ чтенію письма.

«Мы, конечно, читаемъ. Но сколько бы намъ ни посылали книгъ, все равно ихъ не хватило бы. Мы глотаемъ всякаго рода книги, но мнѣ кажется, что прежній «сенсаціонный» романъ не пользуется той популярностью, какъ во времена до-военныя. Чувствуется какой-то неожиданный и иногда странный уклонъ въ сторону болѣе серьезныхъ книгъ. Вотъ, напримѣръ, мой пріятель Паркъ говоритъ, что ему хочется книгъ, которыя можно «жевать». Сейчасъ онъ читаетъ дешевое изданіе «Происхожденія видовъ». А раньше для него идеаломъ были похожденія Шерлока Холмса и «детективные» романы Флоренсъ Уарденъ и Уилліама Ле-Кью. Ты бы послалъ ему «Природу человѣка» Мечникова или «Этику Свободомыслія» Пэрсона. Это ему доставило бы большое удовольствіе. Только мнѣ такихъ вещей не присылай! Мнѣ это не годится! Здѣсь какъ-то странно все перепуталось, и измѣнились вкусы. То, что мнѣ нужно, — это какой-нибудь литературный наркотикъ, литературный опій. Что-нибудь про фавновъ и нимфъ въ тѣнистыхъ, чистыхъ рощахъ. Мнѣ хотѣлось бы прочесть «Царицу Фей» Спенсера. Кажется, я не читалъ этой книги, а тѣмъ не менѣе у меня осталось какое-то смутное воспоминаніе о рыцаряхъ и драконахъ, волшебникахъ и злыхъ волшебницахъ, двигающихся на какомъ-то фонѣ, напоминающемъ гобеленъ въ стилѣ прерафаэлитовъ... только болѣе ярко освѣщенный. Хотѣлось бы еще что-нибудь изъ Хьюлита, въ духѣ его «Возлюбленныхъ въ лѣсу». Или что-нибудь Джозефа Конрада, изъ его восточныхъ скитаній. И имѣется еще одна книга — я какъ-то видѣлъ ее у пріятеля въ

Лондонѣ; не помню названія, но авторъ ея — Ричардъ Гарнеттъ; она вся про какихъ-то обѣднѣвшихъ боговъ, живущихъ въ солнечной, живописной обстановкѣ. Чтобы были описанія природы, но безъ стали, проволоки или кольевъ. Что-нибудь вродѣ «Флорентійскихъ ночей» Гейне. Любая книга о греческихъ богахъ доставила бы мнѣ наслажденіе. Что-нибудь о каменныхъ храмахъ цвѣта слоновой кости, о пурпурныхъ моряхъ, алыхъ шапкахъ, ларяхъ съ драгоцѣнностями, ящерицахъ на солнцѣ... Ахъ, если бы можно было прочитать вторую «Таисъ»... Подобная литература присылается нашимъ солдатамъ: это выдержки изъ различныхъ литературныхъ произведеній, издается это «Таймсомъ». Это просто вырѣзка, но изъ хорошихъ вещей. Онѣ такъ малы, эти вырѣзки, что только возбуждаютъ аппетитъ, а не утоляютъ его... Это средство раздражающее, а намъ раздражающихъ средствъ не надо... Я прежде думалъ, что чтеніе — это средство возбуждающее. А здѣсь намъ нужно что-нибудь успокоительное».

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . И все это изъ-за того, что проклятые пруссаки были слишкомъ глупы, чтобы понять, какую скуку они готовили міру, когда они безъ устали маршировали и выпячивали грудь и заслуживали похвалы м-ра Томаса Карлайля... Gott strafe Deutschland... И пришли мнѣ книгъ; книги о снахъ, книги о Китаѣ и золотомъ винѣ и о сказочныхъ странахъ. И пришли ихъ поскорѣй и потщательнѣй упакуй ихъ и поточнѣй выпиши адресъ».

XI.

Несчастіе съ Тедди случилось, когда еще зрѣли смоквы на смоковницѣ м-ра Бритлинга. М-ру Бритлингу принесла извѣстіе Сисси. Она прибѣжала въ Дауеръ-Хаузъ вся блѣдная, съ испуганнымъ лицомъ.

— Я пришла за письмами, — сказала она. — Мы получили дурныя вѣсти о Тедди, и Летти ужасно разстроена...

— Какъ? Онъ не...? — м-ръ Бритлингъ не досказалъ слова.

— Онъ раненъ и пропалъ безъ вѣсти, — отвѣтила Сисси.

— Попалъ въ плѣнъ! — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— И раненъ. Но какъ, легко или серьезно, мы не знаемъ.

И добавила:

— Летти пошла на телеграфъ дать телеграмму.

— Кому?

— Въ военное министерство, чтобы узнать, какъ онъ раненъ. Они ничего не сообщаютъ. Это возмутительно!

— Но тамъ написано «тяжело раненъ»?

— Тамъ ничего не написано. Просто сказано: «раненъ, пропалъ безъ вѣсти». Вѣдь они обязаны же намъ сообщить подробности.

М-ръ Бритлингъ задумался. Первая его мысль была о томъ, что теперь въ любую минуту могло придти и извѣстіе о томъ, что Гью раненъ и тоже пропалъ безъ вѣсти. Затѣмъ онъ началъ было убѣждать Сисси, что отсутствіе слова «тяжело» равнозначуще несерьезности пораненія Тедди, а разъ онъ «пропалъ безъ вѣсти», то трудно же будетъ военному министерству сразу выяснить всѣ тѣ подробности, которыя она требуетъ. Но Сисси просто сказала, что «Летти въ ужасномъ состояніи», и м-ръ Бритлингъ направился къ нимъ въ коттеджъ повторить свои доводы для успокоенія Летти. Онъ засталъ ее еще блѣднѣе сестры и въ состояніи холоднаго негодованія противъ военнаго министерства. Она считала, что это учрежденіе должно было больше позаботиться о Тедди. Ей казалось, что отъ нея что-то скрываютъ. И ясно было также, что она склонна была считать м-ра Бритлинга предубѣжденнымъ въ пользу властей.

— Во всякомъ случаѣ, — заявила она, — они могли бы отвѣтить поскорѣе на мою телеграмму. Я ее отправила въ восемь. И уже цѣлыхъ два часа презрительнаго молчанія.

Эта озлобленная, взвинченная, нелогичная Летти была новостью для м-ра Бритлинга. А ея отношеніе къ попыткамъ утѣшить и успокоить ее заставило его долго чувствовать себя немного обиженнымъ.

— И только подумайте, — сказала она. — Они не имѣютъ даже возможности узнать, добрался ли онъ благополучно до нѣмецкихъ линій. Какъ же они знаютъ, что онъ взятъ въ плѣнъ, если они не знаютъ этого?

— Но тамъ же не сказано, что онъ попалъ въ плѣнъ, онъ — «пропалъ безъ вѣсти».

— Это и означаетъ «попалъ въ плѣнъ», — отвѣтила рѣзко Летти.

XII.

М-ръ Бритлингъ вернулся въ Дауеръ-Хаузъ, озадаченный и глубоко разстроенный. Онъ былъ разстроенъ за

Тедди и еще болѣе за миссисъ Тедди, каждое слово и движеніе которой выдавали предположенія еще болѣе мрачныя, чѣмъ его собственныя. И это нелѣпое чувство отвѣтственности — вѣдь это онъ помогъ Тедди попасть сразу въ офицеры — теперь стало тяжелѣе давить его, чѣмъ когда-либо. И онъ былъ даже удивленъ, что Летти не набрсилась на него съ упреками и обвиненіями.

И этотъ случай какъ-то разомъ смелъ весь наростъ привычки, который было затянулъ рану, причиненную отъѣздомъ Гью. М-ръ Бритлингъ снова всталъ лицомъ къ лицу съ однимъ шансомъ смерти изъ пяти...

Въ передней лежало письмо отъ Гью, пришедшее со второй почтой. Отъ одного вида его м-ру Бритлингу стало легче.

Гью, оказывается, уже побывалъ въ окопахъ.

Передъ отъѣздомъ онъ обѣщалъ младшимъ Бритлингамъ подробно и обстоятельно написать, что, въ дѣйствительности, представляютъ изъ себя окопы. И вотъ онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Письмо это было написано ясно, въ разсчетѣ, что оно будетъ передано дѣтямъ.

М-ръ Бритлингъ прочиталъ письмо до конца, и мысли его снова вернулись къ исчезновенію Тедди, а потомъ опять назадъ — къ Гью. Юноша былъ теперь въ самой линіи огня, и надо готовиться и крѣпиться въ ожиданіи всякихъ возможностей. Почему-то м-ръ Бритлингъ никогда не ожидалъ, что Гью такъ скоро попадетъ на передовыя позиціи, хотя еслибъ спросить его, онъ затруднился бы отвѣтить почему, собственно, это не должно было случиться. Но какъ бы то ни было, онъ теперь почувствовалъ, что ему снова надо пройти урокъ стоицизма.

Онъ перечиталъ письмо дважды...

Дня черезъ четыре онъ получилъ второе письмо, въ которомъ Гью разсказывалъ о второй своей побывкѣ въ окопахъ. На этотъ разъ письмо было оживленнѣе. Ихъ очень сильно обстрѣляли, и нѣмцы даже бросались на нихъ въ атаку. Кончалось письмо такъ:

«... Когда я вернулся изъ окопа въ свою базу, я проспалъ тридцать часовъ, не просыпаясь. И теперь я медленно какъ бы перевариваю свои впечатлѣнія и переживанія. Большинство нашихъ дѣлаетъ то же самое. Мои мысли и мои нервы немного помяты и потрясены всѣми этими выстрѣлами и снарядами, но не въ такой большой степени, какъ ты, вѣрно, предполагаешь. У меня такое чувство, какъ будто я скоро къ этому привыкну. На нѣкоторыхъ изъ на-

шихъ пережитое произвело куда болѣе сильное впечатлѣніе и они гораздо больше огорошены, чѣмъ я. Главнымъ образомъ, подѣйствовало это на тѣхъ, кто постарше. Всѣ такъ говорятъ. Солдаты, старше тридцати пяти лѣтъ, въ теченіе недѣли съ лишнимъ все никакъ не могутъ оправиться отъ впечатлѣній обстрѣла. . . . .

. . . .

. . . .

«Жизнь здѣсь весьма примитивна, но это не означаетъ, что мы опускаемся до какого-то первобытнаго состоянія; нѣтъ, мы только возвращаемся къ чему-то непосредственному и простому. Все сводится къ тому, чтобы приносить, относить, доставать воду, доставать ѣду, отправляться въ линію огня, въ окопы, и снова возвращаться сюда. Такъ продолжается цѣлыми недѣлями. . . . .

. . . .

. . . . Предо мною, до начала войны, было какое-то будущее, что-то меня ожидало: окончаніе образованія, наука, работа, открытія, всякаго рода вещи, а тутъ очень трудно заставить себя чувствовать, что тебя что-то ждетъ впереди...»

«Мое послѣднее пребываніе въ первой линіи окоповъ здорово встряхнуло мои мысли. Я началъ было уже привыкать къ войнѣ, а теперь снова вернулся къ прежнему состоянію удивленія. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . У меня есть пріятель по ротѣ, самый обыкновенный, типичный лондон-

скій клеркъ, Ортерисъ, какъ мы зовемъ, настоящее же его имя — Артуръ Джувель, такъ вотъ у него этихъ затрудненій, этихъ сомнѣній нѣтъ. Для него просто:

«Эти мерзавцы нѣмцы ворвались въ Бельгію, — говоритъ онъ, — и мы должны ихъ вышибить оттуда. Вотъ и весь сказъ. По крайней мѣрѣ, это все, что я знаю и понимаю въ этомъ дѣлѣ... Я ничего не знаю и не понимаю про Сербію. Я знаю только одно, нѣмцы должны навѣки вѣчныя прекратить эти свои штучки и войны. Аминь»...

И временами мнѣ кажется, что онъ болѣе правъ, чѣмъ я. А временами мнѣ кажется, что онъ еще безумнѣе меня...»

XIII.

Эти письма сильно безпокоили м-ра Бритлинга. Онъ убѣдился, что этотъ не по лѣтамъ развитый, умненькій, чуткій мальчикъ теперь находится совсѣмъ близко отъ линіи огня и смерти, то направляясь къ ней, то удаляясь отъ нея въ вѣчной опасности. И въ любую минуту дня или ночи съ нимъ можетъ теперь приключиться несчастіе. И если м-ръ Бритлингъ умѣлъ бы молиться, онъ помолился бы за Гью. И нѣсколько разъ онъ начиналъ, но не кончалъ, какую-то неясную, неумѣлую молитву.

Онъ старался убѣдить себя быть мужественнымъ, проникнуться чисто-римскимъ стоицизмомъ; убѣдить себя, что онъ былъ бы сурово-гордъ, сурово-доволенъ, если-бъ отъ него потребовалась эта послѣдняя жертва для родины. Но онъ скоро убѣдился, что просто-на-просто старается себя обмануть...

. . . .

. . . .

Война уже не имѣла для него той простой величавости, которая дѣлала бы возможнымъ такое суровое счастье.

Несчастіе, постигшее Тедди, и горе миссисъ Тедди произвели на него огромное впечатлѣніе. Онъ морщился при воспоминаніи о блѣдномъ личикѣ миссисъ Тедди, при воспоминаніи о невысказанныхъ упрекахъ въ ея глазахъ. Онъ чувствовалъ, что никогда не будетъ въ силахъ заставить себя сказать ей единственныя слова, которыя онъ могъ привести въ свое оправданіе:

— Я не удерживалъ своего Гью! Если-бъ я это сдѣлалъ, тогда вы были бы въ правѣ упрекать и винить меня.

. . . .

. . . .

. . . .

Но что еще можно было сдѣлать? Что еще оставалось сдѣлать? Не можемъ же мы уступить Германіи, сложить передъ ней оружіе? Если начинаетъ буянить, драться и бороться сумасшедшій человѣкъ, невольно и здоровые должны принять участіе въ дракѣ и борьбѣ.

М-ръ Бритлингъ совсѣмъ пересталъ писать о войнѣ. И всѣ его послѣднія писанія о ней были брошены неоконченными. Онъ даже не могъ себѣ представить, чтобы они имѣли теперь какое-нибудь значеніе, производили какое-нибудь вліяніе или впечатлѣніе. Да и, вообще, сейчасъ писалъ онъ мало и рѣдко. Въ «Таймсѣ» статьи его попадались все рѣже и рѣже. Онъ все время лишь думалъ о войнѣ, о жизни и смерти, о религіозныхъ проблемахъ, казавшихся столь далекими въ дни до войны; но изъ этихъ думъ и мыслей ничто не выливалось въ достаточно ясную и опредѣленную форму, чтобы быть переданнымъ на бумагѣ. И наряду съ тѣмъ, какъ его профессіональные доходы уменьшались параллельно съ его умственной смутой и писательскимъ безсиліемъ, становились неустойчивыми и неувѣренными доходы отъ собственныхъ капиталовъ его и жены. Всѣ ихъ деньги были вложены въ цѣлый рядъ бумагъ и предпріятій иностраннаго происхожденія, прекратившихъ съ начала войны платежи. А тѣ англійскія бумаги, которыя у нихъ были, стали приносить крайне маленькіе дивиденды. И какъ будто не было никакихъ границъ паденію, какъ самыхъ капиталовъ, такъ и доходовъ съ нихъ. Подоходный же налогъ поднялся до невѣроятныхъ размѣровъ, значительно вздорожала жизнь, и общая запутанность еще осложнялась необходимостью различныхъ экономій и сокращеній. М-ръ Бритлингъ рѣшилъ, что «Глэдисъ», — его знаменитый автомобиль, — излишняя роскошь, и онъ продалъ его за двѣсти фунтовъ. Онъ лишился также садовника, который поступалъ на мельницу, гдѣ ему платили гораздо больше жалованіе, и м-ръ Бритлингъ съ большимъ трудомъ нашелъ ему замѣстителя, такъ что садъ его очутился въ ужасномъ состояніи. Пришлось также отказаться и отъ своихъ частыхъ поѣздокъ въ Лондонъ. На каждомъ шагу приходилось ему теперь наталкиваться на давно забытыя заботы о деньгахъ. Много уже лѣтъ жилъ онъ въ достаткѣ, даже до нѣкоторой степени въ избыткѣ. И теперь его ужасно злило и раздражало то, что болѣе серьезныя заботы и безпокойства о родинѣ, о сынѣ и о своей вѣрѣ ежеминутно перебивались и усложнялись этими мелочными заботами о каждой лишней копѣйкѣ.

Но что безпокоило и волновало его, пожалуй, больше всего, такъ это его постепенная потеря логической связи съ возможными, существенными, основными результатами войны и истинными причинами ея. Вначалѣ милитаристическій духъ и агрессивность Германіи казались ему столь ужасными и чудовищными, что онъ поведеніе Великобританіи и ея союзницъ иначе, какъ безусловно справедливымъ, не могъ считать. Онъ ясно и просто охватилъ всю войну въ фразѣ: «Теперь этотъ милитаризмъ долженъ, наконецъ, кончиться». Германія для него была системой имперіализма и юнкерства, зловредно-матеріалистическая агрессивность, духъ войны и военщины; союзники же были протестомъ человѣчества противъ всѣхъ этихъ ужасовъ.

Но безсознательно, вопреки его волѣ, это первое представленіе о войнѣ постепенно уступало другому. Театрально-бутафорскій, риторичный германскій кайзеръ, бывшій въ началѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, удалился понемногу съ перваго плана картины, и на мѣсто его стала выдвигаться болѣе подлинная Германія: Германія организованной мысли и системы, воли къ достиженію, Германія Оствальда и когда-то осмѣяннаго Гинденбурга. Эта Германія не извинялась за ошибки и преступленія, которыя были ей навязаны ея руководителями изъ Гогенцоллерновъ, но она дралась теперь, чтобы спасти себя отъ уничтоженія и раздѣленія, которыя выпали бы ей на долю, если бы она слишкомъ легко сдалась; она дралась, чтобы «выдержать до конца», дралась съ поразительной дисциплиной, умѣніемъ и терпѣніемъ, а, главное, съ твердой волей. Она дралась научно, экономно, примѣняя машину и человѣческую мысль противъ черезчуръ человѣческихъ противниковъ.

. . . .

Правда, справедливость должна восторжествовать надъ тираномъ и разбойникомъ . . . .

. . . .
. . . .

И теперь человѣчество подходило уже къ рѣшенію этой задачи. . . . .

. . . .

И вотъ тутъ-то было худшее изъ всѣхъ сомнѣній для человѣка, сынъ котораго стоялъ лицомъ къ лицу передъ смертью.

Да дѣйствительно ли мы боролись противъ тиранства за свободу?

Какъ-то въ субботу, послѣ завтрака, м-ръ и миссисъ Бритлингъ очутились въ Клаверингсѣ. Лэди Хомартинъ была въ траурѣ: два ея племянника были убиты — одинъ въ Фландріи, другой въ Галлиполи. Среди присутствующихъ былъ Рэбернъ, подавленный и усталый на видъ. Было еще трое молодыхъ людей въ формѣ; одинъ съ красными нашивками офицера генеральнаго штаба; были еще двѣ или три дамы, съ которыми м-ръ Бритлингъ знакомился впервые, и миссъ Шарсперъ, писательница, только-что вернувшаяся изъ Франціи, гдѣ она пробыла нѣкоторое время сестрой милосердія. Но къ его крайнему неудовольствію, онъ увидалъ, что опять надъ всѣмъ собраніемъ властвуетъ его старый врагъ — леди Френшамъ, все такая же заносчивая, несдержанная, самоувѣренная, дерзкая, вызывающая. Она была въ траурѣ; на ней былъ чудеснѣйшій черный мѣхъ, какой когда-либо видывалъ м-ръ Бритлингъ, и изъ этого мѣха высовывался ея крупный величавый профиль, какъ голова ястреба. Старшій братъ ея былъ раненъ и въ плѣну въ Германіи, второй братъ былъ убитъ, и она производила такое впечатлѣніе, какъ будто она одна изъ всѣхъ людей принесла какія-то жертвы въ этой войнѣ. Она говорила такъ, какъ будто эта утрата давала ей одной исключительное право критиковать войну или требовать за нее компенсацію.

Ея неизмѣнная наклонность раздѣлять страну на враждебные лагери, возводить зловредныя обвиненія на цѣлые классы, округа и государственныхъ дѣятелей, теперь не знала удержки. Она изо всѣхъ силъ старалась вызвать м-ра Бритлинга на споръ, и даже заподозрила было его «патріотизмъ», который якобы отличается отъ ея шумливой и крайне нетерпимой концепціи «вѣрности».

Она попробовала было его задѣть вопросомъ объ обязательной воинской повинности. И стала осыпать оскорбле-

ніями всѣхъ, кто старается «увильнуть» отъ повинности, и начала пространно говорить о трусливыхъ «классахъ». Всѣ люди среднихъ классовъ, увѣряла она, крѣпко держатся за свои маленькія дѣловыя предпріятія и всячески стараются увильнуть.

М-ра Бритлинга это задѣло, и онъ выступилъ въ защиту обвиняемыхъ.

— Всякое коммерческое дѣло, — сказалъ онъ, не безъ ѣдкости, — этимъ и отличается отъ земельной собственности, которая ждетъ и обогащаетъ своего хозяина. И всѣ эти мелкіе торговцы не въ состояніи нанять управляющихъ, которые бы присматривали за своими дѣлами, пока они сами воюютъ. Десятки тысячъ людей среднихъ классовъ сознательно пошли на разореніе, все бросили, дѣла, заработки, семьи и пошли воевать...

— И сотни тысячъ этого не сдѣлали и остались дома, — сказала лэди Френшамъ. — Вотъ объ этихъ сотняхъ тысячахъ я и говорю...

М-ръ Бритлингъ перебралъ списокъ представителей аристократіи, тоже предпочившихъ «остаться дома», и началъ съ извѣстнаго герцога.

— Ну, что же, поэтому-то всѣ съ нимъ прекратили знакомство и никто съ нимъ не разговариваетъ, — сказала она.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Затѣмъ она стала разсказывать всѣмъ, какъ она поступила бы съ забастовщиками. У нея съ ними былъ бы «недолгій сказъ». Она дала бы имъ попробовать «прусскаго леченія» — по гомеопатической системѣ. «Но, конечно, этотъ старый, дрожащій передъ своими избирателями, Асквитъ не посмѣетъ... не посмѣетъ».

М-ръ Бритлингъ раскрылъ было ротъ, чтобы отвѣтить, но ничего не сказалъ; онъ онѣмѣлъ.

Молодые люди въ формѣ слушали почтительно, но какъ будто не знали, какой позиціи имъ держаться. Одна изъ дамъ, помоложе, очевидно, держалась тѣхъ же взглядовъ, что и лэди Френшамъ, и всячески желала это показать. А сама лэди Френшамъ, добравшись теперь до кабинета, начала усердно расправляться со всѣми двадцатью двумя его членами. . . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Пока, наконецъ, лэди Хомартинъ не сочла нужнымъ спасти м-ра Бритлинга отъ патріотическаго напора знаменитой лэди. И онъ очутился въ саду, надѣвшемъ уже свой осенній уборъ — даліи еще никогда не были такъ красивы — въ обществѣ Рэберна, штабнаго офицера, и маленькой дамы, которая, какъ оказалось, была весьма хорошо освѣдомлена. Всѣ они были подавлены, въ скверномъ настроеніи.

— Мнѣ кажется, это огульное обвиненіе всѣхъ и все, худшее, даже самое зловѣщее, изъ всего, что сейчасъ творится, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, послѣ краткой, спокойной паузы, которая наступила вслѣдъ за ихъ удаленіемъ изъ общества лэди Френшамъ.

— Повсюду теперь можно наблюдать то же самое, — сказалъ штабной офицеръ.

— И какъ вы думаете, это искренно? — спросилъ м-ръ Бритлингъ.

Рэбернъ, послѣ нѣкотораго размышленія, рѣшилъ отвѣтить.

— Поскольку это явленіе глупо, постолько оно, пожалуй, и искренно. Видите ли, много ждетъ всѣхъ насъ впереди обвиненій. И, несомнѣнно, будетъ день расплаты и отвѣта, и вотъ у всѣхъ у насъ, очевидно, инстинктивная потребность найти козла отпущенія для всѣхъ нашихъ общихъ грѣховъ. Консервативная пресса ведетъ себя хуже всего — и въ ней сказываются въ немалой степени лич-

ные счеты — въ особенности, напримѣръ, въ ея нападкахъ на Черчилля. Тутъ, возможно, играетъ роль еще и личная зависть. Наши «древніе роды» какъ будто незамѣтно «овульгарились» на протяженіи всего какого-нибудь поколѣнія другого. Они сердятся и обвиняютъ другъ друга и сваливаютъ вину другъ на друга, точь-въ-точь, какъ это дѣлаетъ плохо вышколенная прислуга... а все почти въ большей или меньшей мѣрѣ въ ихъ рукахъ. Все начинаетъ какъ-то путаться; получилось общая разруха, — въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, но по счастію, не безнадежная, хотя довольно серьезная. . . . .

. . . .

(Окончаніе слѣдуетъ).

Авт. пер. **М. Ликіардопуло.**

РОССІЯ.

Былъ лѣтній день, когда одна отрада:
Сырой подвалъ и тамъ—глотокъ воды.
Вели войска. Не помню: полкъ, бригада,—
Несчетные ряды.

Оружья лязгъ и ногъ упрямыхъ взмахи,
И мощь грозы въ серьезной тишинѣ.
Какъ позабыть зеленыя рубахи,
Прилипшія къ спинѣ!

Я не забылъ штыковъ нагія рощи
И море лицъ. Казалось: лишь одно
Изъ тѣхъ простыхъ, что всѣхъ сѣрѣй и проще,
Въ ряду зеркалъ повторено!

Несла валы безликая стихія—
Какъ наша ширь, гдѣ моремъ ходитъ рожь.
Шагала Русь. И я спросилъ: «Россія,
Куда идешь?»

Но мой вопросъ разслышанъ былъ едва ли
Сквозь лязгъ штыковъ и топотъ столькихъ ногъ.
Лишь мѣрный тактъ въ отвѣтъ мнѣ отбивали
Все тѣ же тысячи сапогъ!

Э. Германъ.

ПРОСТО.

Я видѣлъ въ часъ веселыхъ оргій
Безстрастной смерти скучный ликъ.
Я видѣлъ жизнь въ угрюмомъ моргѣ,
Гдѣ грызъ орѣшки гробовщикъ.

Спѣшили близкіе на выносъ.
Лучи на блесткахъ покрывалъ
Цвѣли. Но гробъ, какъ черный минусъ
Отъ взоровъ солнце закрывалъ.

Мы молча ѣхали обратно,
И было больно отъ стыда—
За то, что солнечныя пятна
Томятъ и нѣжатъ, какъ всегда.

Видалъ: харчевня у погоста.
Спѣшатъ могильщики поѣсть...
И все такъ444 буднично и просто,
Какъ тонко сдѣланная месть!

Э. Германъ.

СТАРОЕ И НОВОЕ ВЪ ФИЗИКѢ.

Въ исторіи физики конецъ XIX и начало XX вѣка ознаменовались рядомъ блестящихъ завоеваній, открывшихъ современнымъ ученымъ новыя необозримыя области для дальнѣйшихъ изслѣдованій...

Но если эти выдающіяся событія науки, вызывающія оживленные споры среди ея представителей въ тѣсныхъ кружкахъ ученыхъ обществъ или въ еще болѣе тѣсныхъ кружкахъ работниковъ той или другой лабораторіи, даютъ могучіе толчки къ новой упорной и бодрой работѣ, то въ сторонѣ отъ міра, въ которомъ живутъ спеціалисты, быстрое развитіе современной физики представляется непрерывной революціей, сметающей до основанія все прошлое, которое еще такъ недавно казалось такимъ прочнымъ, такимъ прекраснымъ!

Если бы такъ дѣло представлялось только со стороны, это была бы небольшая бѣда; хотя и говорятъ, что «со стороны виднѣе» но какъ часто мы издали, подъѣзжая къ большому фабричному городу, принимаемъ огонь, вырывающійся изъ доменныхъ печей, гдѣ выплавляются металлы, за опустошительный пожаръ? А подходя къ большой фабрикѣ—шумъ созидательной работы фабричныхъ станковъ—за грохотъ разрушенія? Гораздо хуже, что сами спеціалисты, выйдя изъ круга своей ежедневной работы и отвѣчая на тревожные, а чаще злорадные разспросы о крушеніи того или другого, казалось, бы прочнаго положенія своей науки, порой какъ то сами проникаются тѣмъ же настроеніемъ и нѣсколькими неосторожными фразами даютъ поводъ къ новымъ толкамъ: «ничего прочнаго нѣтъ!» «Вчера ученые говорили, что это строго доказано и составляетъ основу науки, а вотъ .....!» и притомъ: «сами ученые это говорятъ». И что же, ученый, возвращаясь къ себѣ домой въ лабораторію, продолжаетъ попрежнему, безъ какихъ бы то ни было сомнѣній, пользоваться въ своихъ новыхъ изслѣдованіяхъ всѣмъ старымъ, что будто бы уже окончательно уничтожено и сметено «великой революціей» нашихъ дней.

---

[1] P. Drude. Lehrbuch der Optik. III Auflage. 1913; R. Wood. Physical optics 1911 г. Macmillan New York.

Для примѣра возьмемъ ученіе о свѣтѣ; изъ исторіи физики мы знаемъ, что долгіе годы шла борьба между приверженцами теоріи истеченія Ньютона, по которой свѣтъ представляется потокомъ несущихся со скоростью 300.000 километровъ въ секунду частичекъ, и приверженцами волнообразной теоріи Гейгенса или Гугенія, какъ называлъ его Ломоносовъ, принимавшій дѣятельное участіе въ этомъ спорѣ, отстаивая Гейгенса.

По теоріи Ньютона, чтобы объяснить преломленіе свѣта въ стеклѣ или какомъ либо другомъ тѣлѣ, надо было предположить, что свѣтовыя частички двигаются въ стеклѣ *быстрѣе*, чѣмъ въ воздухѣ, а по Гейгенсу наоборотъ, волны эѳира, представляющія собой свѣтъ, должны двигаться въ стеклѣ медленнѣе, чѣмъ въ воздухѣ. Споръ этотъ былъ окончательно рѣшенъ въ пользу Гейгенса прямыми опытами Фуко въ 1850 году, показавшимъ, что свѣтъ движется въ средахъ оптически болѣе плотныхъ, какъ, напримѣръ, стекло, вода, *медленнѣе* чѣмъ въ менѣе плотныхъ, какъ, напримѣръ, въ воздухѣ. Волнообразная теорія одержала блестящую побѣду; но торжество продолжалось недолго, появилась *новая электро-магнитная теорія свѣта, вытѣснившая старую* и получившая всеобщее [1] признаніе, а въ самое послѣднее время какъ будто идетъ на смѣну теорія «Квантъ», по которой лучистая энергія испускается и движется отдѣльными порціями, свѣтъ, слѣдовательно, имѣетъ атомистическую структуру; выходитъ, какъ будто научная мысль возвращается опять къ взглядамъ Ньютона, хотя и сильно измѣненнымъ; а къ тому же еще такъ называемый принципъ относительности, упраздняющій окончательно міровой эѳиръ! Что же, кромѣ безформенныхъ обломковъ, можетъ представлять изъ себя наше ученіе о свѣтѣ! Что долженъ чувствовать физикъ, входя въ аудиторію, гдѣ ему предстоитъ читать о свѣтѣ? Могу сказать по личному опыту:—ничего особеннаго и уже, во всякомъ случаѣ, никакого чувства растерянности или неувѣренности въ томъ, правда ли, или нѣтъ, то, что излагаешь. Читатель, быть можетъ, съ изумленіемъ спроситъ—почему? А потому, что, выражаясь вульгарно, «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ». Въ самомъ дѣлѣ, возьмите любой современный учебникъ оптики, напр., Друде или Вуда и попробуйте, хотя бы по оглавленію, ознакомиться съ его содержаніемъ. Мы увидимъ обширныя главы, цѣликомъ перешедшія въ новые учебники изъ старыхъ. Напримѣръ, о прямолинейномъ распространеніи свѣта, съ волнообразной точки зрѣнія, т. е. такъ называемый принципъ Гейгенса—Френеля; о явленіи диффракціи свѣта, т.-е. о загибаніи свѣта внутрь тѣни и

[1] Ее не признаетъ теперь одинъ только химикъ-философъ В. Оствальдъ.

связанныхъ съ нимъ явленій диффракціонныхъ спектровъ и радужныхъ колецъ, какія мы видимъ вокругъ солнца и луны, или вокругъ горящихъ уличныхъ огней, когда мы смотримъ на нихъ сквозь замерзшія стекла трамвая; о теоріи явленій интерференціи, выступающихъ въ липмановской цвѣтной фотографіи или въ игрѣ цвѣтовъ мыльнаго пузыря.—А въ главѣ объ отраженіи свѣта, такъ называемыя формулы Френеля, опредѣляющія количество отраженнаго свѣта подъ разными углами и опредѣляющія въ отраженномъ лучѣ направленіе, въ которомъ происходятъ колебанія—формулы, выведенныя Френелемъ со всякими натяжками, но оказавшимися вѣрными при опытной провѣркѣ (одинъ изъ замѣчательныхъ примѣровъ необыкновенной проницательности великаго французскаго физика), могутъ быть выведены изъ положеній электро-магнитной теоріи просто и вполнѣ строго. Но за то, по сравненію со старымъ, мы найдемъ и много новаго, чего не знали раньше, а если бы и знали, то пожалуй, и не поняли бы, не будь электромагнитной теоріи свѣта, охватившей собою все извѣстное намъ о свѣтѣ и прибавившей свое новое. Для безпристрастнаго историка науки это естественный путь отъ частнаго къ общему—все старое оказалось частью болѣе обширнаго новаго. Съ другой стороны теорія «Квантъ», удачно объясняющая явленія, наблюдаемыя при испусканіи свѣта накаленными тѣлами, а также явленія актино или фотоэлектрическія, т.-е. явленія потери отрицательнаго электрическаго заряда тѣлами подъ дѣйствіемъ свѣта, а также рядъ другихъ явленій, не можетъ объяснить указанныхъ выше явленій интерференціи и диффракціи, но такъ какъ эти явленія давно и хорошо извѣстны, то наиболѣе пламенные сторонники всего новаго этимъ очень мало смущались. Но тутъ подоспѣло капитальное открытіе Лауе (1912), наблюдавшаго при помощи кристалловъ впервые диффракцію рентгеновскихъ лучей, т.-е. явленіе новое, но не объяснимое новой теоріей «Квантъ», и въ результатѣ восторжествовало мнѣніе болѣе осторожныхъ физиковъ, что объясненіе «Квантъ» надо искать въ особенностяхъ испускающихъ и поглощающихъ свѣтъ тѣлахъ, а не въ самомъ свѣтѣ. Вопросъ о перемѣнѣ нашихъ взглядовъ на свѣтъ свелся, такимъ образомъ, къ вопросу о строеніи вещества (гдѣ, замѣтимъ мимоходомъ, теорія «Квантъ» оказалась необыкновенно плодотворной), оставивъ нетронутымъ стройное зданіе электромагнитной теоріи свѣта, являющейся и въ наши дни однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ человѣческаго генія. [1]

---

[1] Говорить объ оптикѣ безъ эфира, какъ того требуетъ принципъ относительности, не приходится, такъ какъ таковой пока еще нѣтъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ говорить о волнахъ въ томъ, чего нѣтъ! На это обыкновенно говорятъ, что волны и конечная скорость распространенія—есть свойство

Мы заглянули на одну изъ страницъ современной науки съ двухъ точекъ зрѣнія: съ одной, отмѣчающей чисто внѣшнимъ образомъ отдѣльные этапы ея развитія и не заботящейся вникать въ самое содержаніе, и съ другой, которой придерживается спеціалистъ, идущій самъ впередъ. Но почему же въ широкихъ кругахъ преобладаетъ первое, болѣе поверхностное сужденіе? Быть можетъ, объясненіе надо искать въ усталости общества отъ массы впечатлѣній, какими переполнена наша жизнь, въ желаніи успокоить себя мыслями, что не стоитъ ломать голову надъ пріобрѣтеніемъ и усвоеніемъ научныхъ знаній, потому что завтра, а, быть можетъ, уже и сегодня, все это окажется устарѣлымъ—ненужнымъ? Но не будемъ вдаваться въ эти сложные—чисто общественные вопросы и постараемся, насколько это возможно, въ бѣгломъ очеркѣ разобраться, въ чемъ заключаются задачи современной физики и чѣмъ отличаются онѣ отъ задачъ болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго. Въ современной физикѣ, дѣйствительно, произошелъ переломъ, мы получили возможность за послѣдніе годы глубже заглянуть въ строеніе вещества и сразу получили возможность многочисленными и независимыми другъ отъ друга способами изучать непосредственныя, дѣйствія отдѣльныхъ атомовъ, подсчитывать число ихъ, вѣсъ, опредѣлять ихъ размѣры, разстояніе другъ отъ друга и расположеніе въ твердыхъ тѣлахъ [1] и, наконецъ, даже при помощи умѣло поставленнаго опыта, заглянуть немного внутрь самого атома, въ его строеніе [2]. Вылетающіе съ огромными скоростями изъ распадающагося атома радіоактивнаго тѣла атомы гелія вызываютъ, каждый въ отдѣльности, вспышку на препаратѣ сѣрнистаго цинка, видимую въ любую лупу, а въ спеціально построенномъ Рутерфердомъ приборѣ отклоненіе въ 10 дѣленій скалы указателя электрометра! Тѣ же атомы гелія, пролетая въ атмосферѣ газа, расщепляютъ по пути молекулы газа на электрически заряженныя части, на которыя, какъ показалъ Вильсонъ, легко заставить осѣсть водяной паръ. въ видѣ тонкой полоски тумана, и, сдѣлавъ снимокъ на фотограческой пластинкѣ, получить изображеніе пути, по которому только что пролетѣлъ *одинъ атомъ*! На снимкахъ Вильсона полоска тумана получается въ нѣсколькихъ мѣстахъ рѣзко изогнутой и при томъ подъ разными углами—результатъ столкновеній летящаго атома гелія почти въ упоръ со встрѣчными атомами газа! Вотъ эти удивительные опыты и заставили самыхъ осторожныхъ мыслителей, постоянно напоминавшихъ, что представленіе объ атомахъ есть только гипотеза, сказать

электромагнитной энергіи. При всемъ глубокомысліи, объясненіе столь же удовлетворительное, какъ и подобныя ему объясненія мольеровскихъ врачей.

[1] См. Г. В. Вульфъ «Лѣтопись» апрѣль.

[2] А. К. Тимирязевъ «Строеніе атома» 1914. Физика. № 3.

теперь «атомы не менѣе и не болѣе реальны, чѣмъ небесныя тѣла или окружающіе насъ земные объекты».[1] Эти опытныя изслѣдованія подвели прочный фундаментъ подъ тѣ теоретическія построенія, которыя основывались на представленіи объ атомномъ строеніи вещества и о непрерывныхъ движеніяхъ атомовъ, лежащихъ въ основѣ явленій, протекающихъ въ матеріи; подобныя теоретическія изслѣдованія возникли на почвѣ такъ называемой «кинетической теоріи газовъ» въ половинѣ XIX вѣка и достигли значительныхъ успѣховъ, объяснивъ и отчасти предсказавъ явленія, наблюдаемыя въ газахъ— т.-е. въ простѣйшей формѣ матеріи. Несмотря на эти, никѣмъ не отрицаемые успѣхи, ученыхъ отпугивала мысль, что въ основѣ всего лежитъ гипотеза, и кинетическая теорія развивалась медленно и имѣла немногочисленныхъ сторонниковъ. Въ наши дни, когда экспериментаторамъ удается оперировать съ отдѣльными атомами, мы замѣчаемъ необыкновенное обиліе теоретическихъ изслѣдованій о строеніи вещества. Методы кинетической теоріи газовъ распространяются неожиданно на такія области, гдѣ ихъ ранѣе никто не отважился бы примѣнять, такъ что теперь мы можемъ уже говорить «о кинетической теоріи матеріи». Словомъ, новое направленіе теоретической мысли можно охарактеризовать коротко слѣдующимъ образомъ: въ основѣ изслѣдованій принимается атомистическая структура вещества—дѣлаются вполнѣ опредѣленныя предположенія, и рука объ руку экспериментальная физика съ каждымъ днемъ приноситъ все новыя и новыя подтвержденія правильности основной посылки и самыхъ разнообразныхъ слѣдствій изъ порой сложныхъ теоретическихъ разсужденій.

Но чему же это новое противополагается? Если мы обратимся къ классическимъ работамъ по теоретической физикѣ начала и средины XIX столѣтія, то мы встрѣтимся почти съ полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было представленій о строеніи вещества, а если ими и пользовались, то при дальнѣйшемъ развитіи они оказывались излишними. Въ основу теоріи полагались, какъ напримѣръ въ знаменитой теоріи теплопроводности Фурье, самые элементарные результаты опыта. Такъ, принимается, что количество тепла, передаваемое черезъ стѣну, пропорціонально разницѣ температуръ на той и на другой сторонѣ стѣны, а при данной разности температуръ количество переданнаго тепла тѣмъ меньше, чѣмъ толще стѣна. Всякій, кто даже не задумывался надъ подобными вопросами, легко согласится, что тепло при наступившей жарѣ скорѣе проникнетъ въ домъ съ тонкими стѣнами, чѣмъ съ толстыми! И несмотря однако

[1] M. Planck. Die Einheit des Physikalischen Weltbildes» Leipzig Hirzel 1909. p. 33.

на эту простоту и, можно сказать, самоочевидность основныхъ посылокъ, Фурье, съ помощью значительно имъ самимъ усовершенствованнаго математическаго анализа, вывелъ изъ нихъ всѣ законы теплопроводности для самыхъ сложныхъ случаевъ. Онъ показалъ, какъ, зная распредѣленіе температуры въ какой-нибудь опредѣленный моментъ и условія притока тепла и остыванія на поверхности тѣла, можно вычислить распредѣленіе температуры впередъ для любого момента. Лордъ Кельвинъ показалъ, что, рѣшая одну изъ обратныхъ задачъ, т.-е. зная распредѣленіе температуры въ поверхностномъ слоѣ земного шара и предположивъ, что земля была раньше при температурѣ расплавленной лавы, можно подсчитать, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, т.-е. опредѣлить не болѣе и не менѣе, какъ возрастъ земли! Получилось около 100 милліоновъ лѣтъ! Теперь мы знаемъ, что эта цифра значительно больше, такъ какъ Кельвинъ не могъ принять въ расчетъ выдѣленія тепла радіоактивными веществами, которыя тогда не были извѣстны. Но дѣло, конечно, не въ этой поправкѣ; самая возможность рѣшить такой, казалось бы, недоступный намъ вопросъ, какъ опредѣленіе возраста земли, пользуясь закономъ теплопроводности и одной только гипотезой, что начавшій отвердѣвать съ поверхности земной шаръ имѣлъ температуру расплавленной лавы, вызываетъ даже теперь, много лѣтъ спустя, чувство самаго неподдѣльнаго восторга. Но далѣе оказалось, что законы теплопроводности, открытые Фурье, имѣютъ гораздо болѣе широкое примѣненіе;—теорія распространенія электричества по проводникамъ приводитъ къ тѣмъ же уравненіямъ, какъ и теорія теплопроводности, а вѣдь это значитъ, что законъ распространенія тепла и электрическаго тока одинъ и тотъ же. Наконецъ, возьмемъ явленіе, казалось бы, совсѣмъ сюда неподходящее: пусть надъ крѣпкимъ растворомъ какой-нибудь соли, напримѣръ, мѣднаго купороса, осторожно налить слой чистой воды; съ теченіемъ времени соль начнетъ проникать въ воду или, какъ говорятъ, диффундировать, и что же? Законы диффузіи выражаются тѣми же уравненіями Фурье!

Все это показываетъ, что существуетъ много задачъ, разрѣшаемыхъ безъ помощи гипотезъ о строеніи вещества. Намъ необходимъ для этого математическій анализъ, да небольшое число самыхъ элементарныхъ обобщеній опыта, которыя мы и не пытаемся «объяснить». И вотъ при такомъ даже чистомъ «описаніи» мы наталкиваемся на чрезвычайно любопытныя аналогіи, находимъ нѣчто общее тамъ, гдѣ поверхностному наблюдателю не видно малѣйшаго сходства. Естественно, какъ этотъ путь казался заманчивъ и какъ незыблемы должны быть полученные результаты; это отлично понимали сами творцы этихъ классическихъ изслѣдованій; даже въ нашъ вѣкъ всевозможныхъ пе

реоцѣнокъ и сомнѣній, никому кажется и въ голову не приходило заподозрить что-либо въ этихъ блестящихъ образцахъ человѣческаго творчества. Но можемъ ли мы всегда и главное во всѣхъ случаяхъ идти тѣмъ же путемъ? Большинство представителей такъ называемой научной философіи скажутъ да, большинство ученыхъ, занятыхъ созидательной работой—нѣтъ. Вѣдь, если, напримѣръ, мы хотимъ изучать міръ растеній, животныхъ или человѣка только при помощи невооруженнаго глаза, то мы должны заранѣе отказаться изучать тончайшія детали строенія растительныхъ и животныхъ тканей, такъ какъ это требуетъ микроскопа, а мы условились пользоваться *только* невооруженнымъ глазомъ. Также точно, если мы признаемъ методы классическихъ работъ Фурье и цѣлаго ряда имъ подобныхъ по своей структурѣ, какъ напримѣръ термодинамическія изслѣдованія, за единственно вѣрный путь, то мы, не колеблясь, должны отказаться отъ рѣшенія очень и очень многихъ вопросовъ. Если теперь едва ли найдется біологъ, отрицающій значеніе микроскопа, [1] то еще много есть образованныхъ людей, которые отрицаютъ то, что служитъ въ теоретической физикѣ микроскопомъ— атомистическую теорію и общее ученіе о движеніи атомовъ, т.-е. современную кинетическую теорію матеріи и теорію электроновъ. На это до послѣдняго времени могли сказать, что сравненіе неудачно: клѣточки въ микроскопѣ видны, а молекулы? Но блестящіе успѣхи экспериментальной физики, о которыхъ мы уже упоминали, значительно ослабили впечатлѣніе подобной аргументаціи. Даже и до открытія новыхъ способовъ проникнуть путемъ опыта въ міръ атомовъ проницательные умы видѣли все значеніе атомистическихъ теорій и располагали весьма внушительными доказательствами, на которыя почему-то обращалось мало вниманія. Теоріи, основанныя на опредѣленномъ представленіи о строеніи вещества, приводятъ также къ аналогіямъ между различными группами явленій, *но эти аналогіи идутъ значительно глубже, чѣмъ тѣ, которыя установлены классическими работами Фурье и его послѣдователей.*

Пояснимъ это на примѣрахъ. Въ теоріи теплопроводности Фурье и сходныхъ съ ней теоріи диффузіи и распространенія электричества въ проводникахъ встрѣчаются, такъ называемыя коэффиціенты, напр.—коэффиціентъ теплопроводности, т.-е. число, показывающее, сколько единицъ тепла передается черезъ столбикъ даннаго вещества съ основаніемъ въ квадратный сантиметръ и высотой въ 1 сантиметръ, въ теченіе одной секунды при разности температуры на концахъ столбика въ 1 градусъ Цельсія; аналогично опредѣляется и коэффиціентъ электропро-

[1] Что такіе были, можно видѣть изъ воспоминаній И. М. Сѣченова, стр. 49.

водности или диффузіи. Все это числа, опредѣляемыя опытомъ для каждаго отдѣльнаго вещества, и если я знаю, напримѣръ, изъ опыта коэффиціентъ теплопроводности мѣди, то теорія Фурье ничего мнѣ не скажетъ о томъ, какъ великъ будетъ коэффиціентъ электропроводности или, если я эту мѣдь переведу въ мѣдный купоросъ, то какъ быстро будетъ мѣдный купоросъ диффундировать. Найденная аналогія между законами изучаемыхъ явленій—аналогія внѣшняя, формальная. Если мы обратимся съ другой стороны къ результатамъ кинетической теоріи, то мы увидимъ, что, зная числовую величину коэффиціента внутренняго тренія какого-нибудь газа, можно впередъ вычислить коэффиціентъ его теплопроводности и опытъ подтверждаетъ нашъ расчетъ. Точно также, какъ электронная теорія устанавливаетъ связь между коэффиціентомъ теплопроводности и электропроводности для проводника т.-е., какъ разъ даетъ то, чего не даетъ классическая теорія этихъ явленій. Такимъ образомъ, внесенный гипотетическій элементъ съ лихвой окупается получаемыми новыми аналогіями, гораздо болѣе глубокими и при томъ подтверждаемыми опытами, и призывающими ученаго къ новымъ опытамъ, а, слѣдовательно, и къ новымъ истинамъ. Говорить, что одинъ путь наученъ, а другой нѣтъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ философовъ и, увы, также и ученыхъ спеціалистовъ, оставившихъ, правда, свои спеціальныя изслѣдованія и предавшихся изученію обще-философскихъ вопросовъ, столько же смысла, какъ утверждать, что работа гистолога, сидящаго надъ изученіемъ микроскопическихъ препаратовъ, менѣе научна или ненаучна, по сравненію съ работой анатома, работающаго однимъ скальпелемъ. Но что же сейчасъ дѣлаютъ, чѣмъ заняты сейчасъ теоретики и экспериментаторы, стоящіе на почвѣ атомизма?

Приведемъ нѣсколько взятыхъ на удачу примѣровъ.

Открытіе электрона въ круксовыхъ трубкахъ Томсономъ въ 1896 году и многочисленныя доказательства существованія тѣхъ же электроновъ въ пламени, въ газѣ, окружающемъ накаленныя тѣла, или освѣщенные ультра-фіолетовыми лучами металлы—дало толчекъ новой электрической теоріи матеріи, вызвало, напримѣръ, смѣлыя представленія о свободныхъ электронахъ въ металлахъ, движущихся между атомами металла на подобіе частицъ газа (Томсонъ, Друде, Рике, Лоренцъ). Мысль о свободныхъ движеніяхъ частицъ внутри такихъ плотныхъ тѣлъ, какъ металлы, для неспеціалиста кажется парадоксальной. Но физика не страшитъ смѣлость мысли, разъ она ведетъ къ выводамъ, доступнымъ опытной провѣркѣ. Остановимся хотя бы на одномъ перечисленіи того, что сдѣлано въ этомъ направленіи за послѣдніе годы.

Во-первыхъ, если эти заряженные частицы-электроны сво-

бодно двигаются въ металлѣ, то они и будутъ передавать электричество по проводнику, т. е. ихъ преемѣщеніемъ мы и должны объяснить явленіе электропроводности. Но разъ эти частицы движутся и сталкиваются съ атомами, участвующими въ тепловомъ движеніи, то онѣ же и будутъ передавать кинетическую энергію отъ атома къ атому, т. е. будутъ передавать тепло. Такимъ образомъ, электронная теорія металловъ устанавливаетъ болѣе глубокую связь между теплопроводностью и электропроводностью, чѣмъ это позволяла кинетическая теорія, и опыты подтверждаютъ эту связь, слѣдовательно, цѣною гипотезы мы получили возможность перебросить мостъ между двумя, казалось бы, разнородными явленіями, и опытъ это подтверждаетъ.

Но этимъ дѣло не ограничивается. Если потокъ тепла и электричества переносится движущимися заряженными частицами, то поставленный въ сосѣдствѣ съ этими потоками магнитъ будетъ отклонять эти потоки, и такое отклоненіе, какъ электрическаго тока въ металлической пластинкѣ, такъ и теплового потока, дѣйствительно, наблюдается. Заключенные въ металлѣ электроны, по мѣрѣ повышенія температуры—по мѣрѣ увеличенія скорости движенія частицъ—могутъ пріобрѣсти такую скорость, что имъ удасться выбраться изъ толщи металла наружу. Это явленіе было тщательно изучено Ричардсономъ и его сотрудниками; оказалось, что испусканіе быстро растетъ съ температурой, подобно упругости пара, при испареніи какой-нибудь жидкости; удалось измѣрить работу, совершаемую при «испареніи» одного электрона, удалось показать, что средняя кинетическая энергія электрона такая же, какъ и газовой молекулы, при той же температурѣ, какъ этого требуетъ кинетическая теорія, что скорости электроновъ распредѣляются по тому же закону, какъ было вычислено Максвеллемъ для газовыхъ молекулъ на основаніи теоріи вѣроятностей—все это дается прямыми опытами. Наконецъ, если у насъ соприкасаются нѣсколько металловъ, то электроны будутъ переходить изъ одного въ другой и распредѣляться смотря по степени притяженія между электронами и атомами металловъ, такимъ образомъ можно объяснить электризацію при соприкосновеніи, т. е. явленіе, открытое болѣе ста лѣтъ тому назадъ знаменитымъ физикомъ Вольта. Или вотъ еще примѣръ. Современные интерференціонные спектроскопы, обладающіе огромной разрѣжающей силой, обнаружили, что отдѣльныя спектральныя линіи занимаютъ нѣкоторую область спектра, хотя и очень малую, и слѣдовательно, не строго монохроматичны, т. е. одноцвѣтны, иначе говоря, спектральная линія имѣетъ конечную измѣримую «ширину» въ спектрѣ. Чѣмъ выше температура, тѣмъ ширина больше, кромѣ того, тѣла съ большимъ атомнымъ вѣсомъ имѣютъ менѣе широкія линіи. Какъ же объясняетъ эти факты атомистиче-

ская теорія? Носители испускающихъ свѣтъ источниковъ атомы двигаются, при чемъ поступательное движеніе при *данной* температурѣ будетъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ тяжелѣе атомъ, слѣдовательно, при данной температурѣ болѣе легкіе атомы движутся быстрѣе тяжелыхъ при одинаковой съ ними кинетической энергіи, причемъ съ повышеніемъ температуры и тѣ и другіе будутъ двигаться быстрѣе. При полной хаотичности движеній по всѣмъ направленіямъ, часть, испускающихъ свѣтъ атомовъ будетъ двигаться навстрѣчу наблюдателю, часть въ противоположную сторону. Мы знаемъ, когда мимо насъ со свистомъ проносится паровозъ, то звукъ свистка при его приближеніи будетъ выше, т. е. будетъ соотвѣтствовать болѣе короткимъ звуковымъ волнамъ, а при удаленіи—ниже; точно также и для свѣтящагося тѣла: когда оно къ намъ приближается, его свѣтъ будетъ соотвѣтствовать болѣе короткимъ волнамъ, т. е. если данное тѣло давало спектральную линію, эта линія при приближеніи къ намъ смѣстится по направленію къ синей части спектра, а при удаленіи въ красную, а такъ какъ атомы двигаются по всѣмъ направленіямъ, то поэтому-то спектральная линія размывается въ полоску конечной, хотя и очень малой ширины. Если температура повышается, то линія должна еще расшириться, но это какъ разъ и наблюдается! Далѣе, при одной и той же температурѣ, какъ мы видѣли, тяжелые атомы движутся съ меньшими скоростями, слѣдовательно, они должны давать болѣе узкія линіи, и это опять соотвѣтствуетъ фактамъ. Но мало того, французскіе физики Фабри и Бюсонъ, воспользовавшись выводами атомистической теоріи, на основаніи своихъ измѣреній ширины спектральныхъ линій вычислили атомные вѣса, которые прекрасно совпадаютъ съ величинами, добытыми химиками, а также измѣрили температуры испускающихъ свѣтъ источниковъ. Не ограничиваясь земными объектами, они приложили свои методы изслѣдованія къ туманностямъ; это изслѣдованіе еще не вполнѣ окончено, но опубликованныя, предварительныя сообщенія не даютъ никакого повода сомнѣваться въ успѣхѣ. Мысль заключается въ слѣдующемъ: въ спектрѣ туманности заключаются спектральныя линіи водорода, гелія [1] и чего-то еще на землѣ неизвѣстнаго, названнаго «небуліемъ». Если опредѣлить «ширину» линіи водорода и сравнить ее съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ на землѣ, можно найти температуру туманности, а сравнивая линіи водорода и небулія—найти атомный вѣсъ «небулія», т. е. атомный вѣсъ тѣла, котораго никто не видалъ! Оказывается, вторая часть задачи проще, и она почти рѣшена, атомный вѣсъ около 2—3, остается опредѣлить его съ большей точностью. Весьма любопытно, что на основаніи совершенно другихъ соображеній

[1] Гелій былъ раньше открытъ путемъ спектроскопическихъ наблюденій на солнцѣ и звѣздахъ, и уже нѣсколько лѣтъ спустя его нашли на землѣ.

Никольсонъ, зная спектръ «небулія», попытался построить модель атома, который бы давалъ такой спектръ, и по его разсчету этотъ атомъ долженъ имѣть вѣсъ около 1,63 [1]. Такимъ образомъ, и эта страница современной науки показываетъ, какое широкое поле строго объективныхъ изслѣдованій открывается передъ тѣмъ, кто рѣшится пойти по пути, указываемому современными атомистическими воззрѣніями. Вѣдь измѣренія ширины линій, измѣренія атомныхъ вѣсовъ и температуры источниковъ свѣта могутъ быть иначе провѣрены и даютъ новые способы изслѣдованій и сами по себѣ не содержатъ даже ничего гипотетическаго. Но объединяются они въ стройную систему и внушены изслѣдователю той картиной строенія вещества, отъ которой и сейчасъ еще многіе готовы отвернуться, какъ отъ фантазіи, отъ пережитка старины.

А вотъ еще одинъ примѣръ: если мы возьмемъ какой-нибудь краткій учебникъ физики и посмотримъ главу объ электрической искрѣ, то найдемъ лишь таблицу, указывающую на зависимость длины искры отъ напряженія—связь, найденная чисто эмпирически. И вотъ на основаніи теоріи, покоящейся на представленіи о движеніяхъ въ газѣ электрически расщепленныхъ молекулъ—іоновъ, можно, изучивъ экспериментально электропроводность газа, при различныхъ условіяхъ давленія въ газѣ и электрическаго напряженія, вызывающаго потокъ электричества въ газѣ, предсказать, при какомъ напряженіи на данномъ разстояніи появится искра. Эти замѣчательныя изслѣдованія, изложенныя въ книгѣ Тоунсенда, ученика знаменитаго сэра Джозефа Томсона (Townsend Ionization of gases by collision London 1910. «Іонизація въ газахъ при столкновеніи молекулъ». Лондонъ), приводятъ въ стройную систему всѣ наши свѣдѣнія объ электрическомъ разрядѣ и, что всего замѣчательнѣе, нѣкоторыя изъ промежуточныхъ ступеней разсужденія непосредственно провѣряются замѣчательными по остроумію опытами; такъ, въ іонизированномъ газѣ мы имѣемъ частицы того и другого знака, заряженныя положительно и отрицательно—въ электрическомъ полѣ эти частицы будутъ двигаться, ускоряясь въ противоположныя стороны и, пріобрѣтя достаточную скорость, могутъ при столкновеніи разбивать нейтральныя молекулы на іоны, т. е. появляется новый источникъ іонизаціи, при чемъ при небольшихъ электрическихъ напряженіяхъ, чтобы согласовать теорію съ опытомъ, приходится допустить, что только отрицательныя іоны способны разбивать нейтральныя молекулы. Но такъ ли это? На выручку приходитъ единственная опора теоретика,—опытъ. Берутъ полый цилиндръ и по оси его протягиваютъ проволоку, изолировавъ ее электрически отъ цилиндра.

---

[1] А. К. Тимирязевъ «Строеніе атома», журн. Физика № 3. 1914 г.

Если мы соединимъ цилиндръ съ положительнымъ полюсомъ атареи, а проволоку съ отрицательнымъ, вставивъ въ цѣпь гальванометръ, то отрицательно заряженныя іоны будутъ двигаться къ цилиндру, и кромѣ тѣхъ, какія находились уже вблизи проволоки, мимо нея проходить не будутъ. Наоборотъ, положительныя іоны полетятъ къ проволокѣ, а вблизи проволоки, какъ вблизи острія, будетъ сильное поле, отчего движеніе іоновъ сильно ускорится; если же эти положительныя іоны все-таки не способны разбивать и при этой скорости молекулы на новыя іоны, то при увеличеніи числа элементовъ батареи сила тока возрастать не будетъ, число передатчиковъ не увеличится. Если же мы цилиндръ соединимъ съ отрицательнымъ полюсомъ, а проволоку съ положительнымъ, то наоборотъ, отрицательныя іоны будутъ двигаться къ проволокѣ и, слѣдовательно будутъ проходить черезъ сильное поле вблизи проволоки и получать въ немъ ускореніе, оказывающееся достаточнымъ для разбиванія нейтральныхъ молекулъ; появляются новыя іоны, и сила тока быстро возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія числа элементовъ батареи, такимъ образомъ требуемое для согласованія теоріи съ опытомъ положеніе доказывается независимымъ опытомъ!

Въ 1915 г. Томсону удалось теоретически показать, какъ электронная теорія можетъ объяснить замѣчательное открытіе (1914) Камерлингъ Оннеса въ Лейденѣ, что при низкой температурѣ кипящаго жидкаго гелія около (2^0 выше абсолютнаго нуля) металлы чистые (не сплавы) начинаютъ необыкновенно хорошо проводить электричество, сопротивленіе уменьшается въ 100 милліардовъ разъ, по сравненіи съ сопротивленіемъ при нулѣ градусовъ Цельзія, и эта электронная теорія, предложенная Томсономъ, по внѣшней формѣ необыкновенно похожа на электронную теорію магнетизма Ланжевенъ-Вейса (1905), позволившую объяснить цѣлый рядъ загадочныхъ магнитныхъ явленій и нѣкоторые изъ законовъ магнетизма, а въ основѣ ея лежатъ методы кинетической теоріи газовъ.

Читатели «Лѣтописи» въ статьѣ проф. Вульфа могли видѣть, какіе плоды атомистическая теорія внесла въ ученіе о кристаллѣ и о рентгеновскихъ лучахъ, позволившихъ опредѣлить расположеніе атомовъ въ самыхъ сложныхъ кристаллахъ—это, быть можетъ, самое блестящее открытіе, сдѣланное за послѣдніе годы, и мы еще едва ли въ состояніи теперь оцѣнить все его значеніе. Наконецъ, вся электронная теорія, являющаяся развитіемъ электромагнитной теоріи Максвеля, вноситъ въ нее элементъ атомизма.

Вотъ нѣсколько примѣровъ современной физики, если можно такъ выразиться, ультромикроскопической, основанной на атомистическомъ представленіи о строеніи вещества,

перебрасывающей мостъ между разнородными группами явленій, предсказывающей новые факты, вычисляющей впередъ ходъ явленій и прежде всего настойчиво ставящей передъ современнымъ физикомъ опредѣленные экспериментальныя задачи, рѣшеніе которыхъ само по себѣ интересно, но до которыхъ едва ли кто-нибудь додумался безъ руководящей теоретической мысли...

Но какъ принято это новое движеніе, какъ отразилось оно на работахъ и мысляхъ тѣхъ, кто хочетъ видѣть одинъ только лѣсъ и кому нѣтъ дѣла до того, что лѣсъ все-таки состоитъ изъ деревьевъ? Какъ ни грустенъ будетъ отвѣтъ, а дать его надо. «Одной изъ наиболѣе усердно, и въ то же время успѣшно разрабатываемыхъ областей философіи является за послѣдніе годы философія естествознанія, интересъ къ которой породилъ уже цѣлую и довольно значительную литературу. Центромъ вниманія является въ этомъ случаѣ, естественно, физика, физическая картина міра». Этими словами начинается предисловіе сборника № 2 «Новыхъ идей въ философіи», носящаго заглавіе: «Борьба за физическое міровоззрѣніе». Въ сочиненіяхъ подобныхъ статьямъ указаннаго сборника — недостатка нѣтъ, какъ показываетъ приложенный въ концѣ сборника указатель литературы. Почти всѣ книги и статьи, упомянутыя въ этомъ указателѣ, специфически философскія[1], но такъ какъ въ нихъ рѣчь идетъ о естествознаніи вообще и о физикѣ въ частности, то это, конечно, даетъ физику право говорить о нихъ и цѣнить ихъ по достоинству.

Общее впечатлѣніе спеціалиста можно охарактеризовать такъ: наряду съ признаніемъ успѣховъ современной науки почти полное отрицаніе методовъ, которыми добыты эти успѣхи— отрицаніе, доходящее порой до издѣвательства. Умалчиваніе или умаленіе дѣйствительно плодотворныхъ направленій научной мысли наряду съ превознесеніемъ всего преходящаго и мало оказывающаго вліяніе на ходъ развитія науки. Среди представителей этого скептическаго и, скажемъ отъ себя, пытающагося тормозить научную мысль, направленія можно найти и многихъ представителей науки, занимавшихся, въ свое время, спеціальными изслѣдованіями. Отсюда, конечно, ученый можетъ извлечь для себя важный урокъ: разсуждать о наукѣ можетъ лишь тотъ, кто самъ въ ней что-нибудь сдѣлалъ и *продолжаетъ дѣлать*, такъ какъ, бросивъ свои *спеціальныя* задачи и *отвыкнувъ отъ мышленія изслѣдователя*, очень легко упустить изъ виду и не замѣтить самаго существеннаго въ теченіи современной научной мысли. Для насъ, физиковъ, имена Маха, Оствальда,

---

[1] Исключеніе составляютъ статьи М. Планка, Лекціи Больцмана и книги Пуанкаре, какъ книги, написанныя учеными, не оставившими къ моменту писанія своихъ спеціальныхъ работъ.

Гельма и Дюгема могутъ служить достаточнымъ предостереженіемъ. Для доказательства лучше всего посмотримъ, что пишутъ сами представители этой, по мнѣнію многихъ, такъ успѣшно разрабатываемой научной философіи о наукѣ и ея методахъ. Не только атомы Демокрита и Долтона, но и всѣ современные іоны и электроны представляютъ собой «почтенный шабашъ вѣдьмъ»! [1]—писалъ недавно умершій философъ Э. Махъ. «Стехіометрическіе законы останутся въ химіи, когда атомы давно будутъ находиться лишь въ пыли библіотекъ»—говоритъ Оствальдъ.[2] Но особенно занятны разсужденія того же Оствальда о кинетической теоріи, съ каждымъ днемъ пріобрѣтающей, какъ мы видѣли, все большее и большее распространеніе. «Если мы знаемъ Фрица, то намъ легче всего объяснить Петра, если мы съ нимъ знакомимся, какъ съ двоюроднымъ братомъ Фрица. Если же мы имѣли преимущество личнаго знакомства съ Петромъ, то путь къ знакомству съ Фрицемъ намъ данъ черезъ его отношеніе къ Петру. Если бы, другими словами, наши изслѣдованія касались болѣе подробно тепла, чѣмъ механики, то мы имѣли бы склонность писать книги: «Движеніе, разсматриваемое, какъ родъ тепла» (намекъ на классическую книгу Тиндаля «Тепло какъ родъ движенія») и мы имѣли бы такое же право, какъ и при обратномъ способѣ разсужденія» (l. c. p. 207). А вотъ что по этому поводу пишетъ философъ, Б. Личковъ (Границы познанія въ естественныхъ наукахъ, Кіевъ 1914). «Съ отвлеченно-теоретической точки зрѣнія Оствальдъ, разумѣется, совершенно правъ: *это дѣйствительно можно*[3] однако, любопытно, *какъ ухитрился бы онъ осуществить эту теоретическую возможность на дѣлѣ*» (стр. 168). «Оствальдъ можетъ, конечно, разсматривать движеніе, какъ видъ теплоты, но эта возможность урѣзывается практикой безпощадно и превращается въ сущности въ *невозможность*» (стр. 170). Итакъ, возможно невозможное. Невольно вспоминаются заключительныя строки второй части Фауста—слова Chorus Mysticus:

«Das unbeschreibliche
Hier ist's getan»;

или болѣе прозаическій афоризмъ Кузьмы Пруткова «Нельзя объять необъятное». Остановимся еще на нѣсколькихъ нападкахъ Оствальда по адресу современной «атомической» физики. «Если мы примемъ, что газы состоятъ изъ движущихся молекулъ, обусловливающихъ своими упругими ударами давленіе

[1] Э. Махъ. Познаніе и заблужденіе. Стр. 113. Переводъ подъ редакціей Ланге, изданіе Скирмунта.
[2] Vorlesungen neber Naturphilosophie. Leipzig 1902. p. 211.
[3] Курсивъ нашъ.

газа, то ихъ надо представлять себѣ надѣленными извѣстной скоростью, которую можно вычислить, зная массу, давленіе и объемъ газа такъ, чтобы получилось соотвѣтствіе съ наблюдаемыми фактами. Содержаніе этого успѣха приблизительно слѣдующаго свойства: вотъ человѣкъ, тратящій ежегодно 20,000 марокъ, если онъ живетъ на проценты, то при 4% у него долженъ быть капиталъ въ полмилліона. Дѣйствительно ли у него есть какой-нибудь капиталъ или получаетъ онъ свои доходы какъ-нибудь иначе, остается неизвѣстнымъ и нисколько не разъясняется подобнымъ расчетомъ». (1. с. стр. 204). «Такъ, напримѣръ, въ кинетической теоріи газовъ давленіе изображается формулой $pv = \frac{1}{3} nmc^2$. Если мы обратимся къ нашимъ способамъ провѣрки, то оказывается, что лѣвая часть формулы заключаетъ измѣряемыя величины: давленіе p и объемъ v. Правая часть содержитъ не измѣряемыя величины: n—число молекулъ, m—масса молекулы и c—скорость молекулъ. Слѣдовательно, формула есть гипотеза, а не изображеніе естественнаго закона» (1. с. стр. 214). Книга Оствальда напечатана въ 1902 году, а въ 1908 напечатаны работы Рутерфорда, въ которыхъ двумя независимыми способами:—счетомъ вспышекъ и счетомъ отклоненій электрометра подсчитывалась непосредственно величина n; въ томъ же году Перренъ на основаніи изслѣдованій надъ Брауновскимъ движеніемъ опредѣлилъ ту же величину n; въ книгѣ Перрена [1] приводится тринадцать независимыхъ способовъ опредѣленія n т. е. числа молекулъ въ единицѣ объема, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ уже были извѣстны и до 1902 года. А въ 1909 году Милликану въ Америкѣ удалось весьма остроумными опытами *измѣрить* [2] кинетическую энергію $\frac{mc^2}{2}$ отдѣльной молекулы! И вотъ эти числа, полученныя на опытѣ—mc^2 и n дають то же, что и произведеніе по Оствальду единственно доступныхъ измѣренію величинъ p и v! Но сколько для этого пришлось перепробовать, пережить неудачъ и сколько передумать! И что же? Вся эта поистинѣ творческая работа, разъ только въ ней есть представленіе объ атомѣ, называется на языкѣ представителей научной философіи... *лѣнью*!!!

Читатели, собирающіеся подумать, что пишущій эти строки въ пылу битвы хватилъ черезъ край, пусть посмотрятъ на стр. 171 сборника № 2 Новыхъ идей въ философіи, о которомъ у насъ уже была рѣчь: «вѣдь всегда, когда духъ пытливости начинаетъ искать отдыха на ложѣ *лѣни*, какого-нибудь абсолюта, онъ поги-

[1] I. Perrin. Les atomes. Paris F. Alcan. 1914.

[2] См., напримѣръ, А. К. Тимирязевъ «Физика въ наши дни». Исторія нашего времени, изданіе Бр. А. и И. Гранатъ. Москва Т. V стр. 91.

баетъ. Пріятно, можетъ быть, помечтать, что въ атомахъ найдетъ себѣ успокоеніе наше непрерывное вопрошаніе, но вѣдь это только мечта!»

Мы указывали выше, что кинетическая теорія является прекраснымъ руководящимъ началомъ, указывающимъ путь экспериментатору, т. е. является незамѣнимой «рабочей гипотезой». Конечно, и эта сторона дѣла не осталась безъ вниманія. Рабочая гипотеза по Оствальду «постольку допустимый способъ, поскольку костыль допустимое средство передвиженія для того, кто иначе идти не можетъ». «Нашихъ молодыхъ ученыхъ обучаютъ считать костыль за неотъемлемое, вспомогательное средство передвиженія» (стр. 215). Въ противовѣсъ выдвигается термодинамика или—такъ какъ Оствальду названіе кажется слишкомъ узкимъ—«чистая энергетика» (стр. 216), но, увы, основатели этой энергетики думали иначе, не говоря уже о Кельвинѣ, Клаузіусъ помимо основъ термодинамики, по справедливости, долженъ считаться основателемъ кинетической теоріи газовъ, которую онъ разсматривалъ, какъ ученіе о родѣ движенія, называемаго тепломъ, а Гиббсъ, идеи котораго распространялъ самъ Оствальдъ, въ послѣдніе годы своей жизни написалъ книгу: *«Элементы статистической механики, какъ раціональная основа термодинамики»*.

Скажутъ, Оствальдъ уже отъ всего этого отказался, это правда, но зато единомышленники его какъ будто и не думали отказываться. Э. Махъ, видя, что физика развивается не такъ, какъ ему хотѣлось, прямо говорилъ: «я отказываюсь отъ физическаго образа мысли», «я не хочу быть настоящимъ физикомъ».[1]. А Дюгемъ не считаетъ изслѣдованія строенія вещества за новую физику. «Теоріи механистической физики выдавали себя за объясненія матеріальнаго міра. Онѣ воображали, что, диссекируя видимыя качества, представляемыя опытомъ, онѣ вскрываютъ внутреннее строеніе тѣлъ и выставляютъ первопричину ихъ свойствъ». «Новая математическая физика не думаетъ проникнуть въ познаніе тѣлесныхъ качествъ глубже того, что раскрываетъ намъ анализъ фактовъ и опыта».[2] Такимъ образомъ, изученіе строенія вещества по Дюгему даже не новая физика, современныя изслѣдованія просто умалчиваются. Но если стоящимъ въ сторонѣ отъ научнаго движенія мыслителямъ, погруженнымъ въ философскія размышленія, трудно услѣдить за развитіемъ науки, то въ области теоретической физики классическаго періода, въ томъ, что уже сдѣлано, можетъ быть, тонкій анализъ философа на что-нибудь пригодился. Можетъ быть, ученые, постоянно стремящіеся впередъ, недостаточно стро

---

[1] Новыя идеи № 2. стр. 137.

[2] Новыя идеи № 2. стр. 186—187.

го приводили въ систему свои цѣнныя пріобрѣтенія и на долю философовъ, занимающихся общими вопросами естествознанія, выпала задача привести ихъ въ болѣе стройную систему, или, по крайней мѣрѣ, удалось критическими изслѣдованіями устранить какія-либо шероховатости или промахи изложенія? Что въ критикѣ не было недостатка, въ этомъ спору быть не можетъ, критиковали все, начиная съ Архимеда и Ньютона, но какъ! Особенно любопытна критика ньютоновыхъ соображеній о вращательномъ движеніи и разсужденія о самомъ непріятномъ для философовъ типа Маха, Петцольда, Оствальда опытѣ, какъ маятникъ Фуко (о гироскопахъ въ кардановскомъ подвѣсѣ, указывающихъ на полярную звѣзду, которыми теперь пользуются, какъ компасомъ, на броненосцахъ и которые позволяютъ дѣлать физикамъ тѣ же заключенія, что и маятникъ Фуко, принято умалчивать). Эти разсужденія настолько любопытны, что на нихъ стоитъ остановиться. Можетъ быть, нигдѣ такъ ясно не выступаетъ пропасть между мышленіемъ изслѣдователя и мышленіемъ философа.

Со временъ Галилея и Ньютона извѣстенъ фактъ, что находясь на равномѣрно и прямолинейно движущемся тѣлѣ нельзя опредѣлить этого движенія никакими механическими способами въ предѣлахъ самой системы; сидя въ вагонѣ (движущемся равномѣрно и прямолинейно) или въ каютѣ парохода можно играть въ мячъ, бросать что-нибудь на полъ; всѣ движенія будутъ протекать такъ, какъ будто вагонъ или пароходъ были неподвижны. Для того, чтобы рѣшить вопросъ о движеніи, надо посмотрѣть на предметы, стоящіе вблизи рельсоваго пути или на берегу рѣки, т. е. мы можемъ въ этомъ случаѣ опредѣлять только относительное движеніе, т. е. наше движеніе по отношенію къ предметамъ, не участвующимъ въ нашемъ движеніи. Но другое дѣло если движеніе будетъ, хотя и прямолинейное, но неравномѣрное или если оно криволинейное, т. е. съ точки зрѣнія физика, когда наблюдается ускореніе положительное или отрицательное (замедленіе). Когда поѣздъ внезапно затормозится и пассажиры съ своихъ мѣстъ падаютъ впередъ или когда на закругленіи ихъ отбрасываетъ въ сторону, то мы, не глядя въ окно, заключаемъ о характерѣ движенія. При ускореніи въ самой движущейся системѣ проявляются силы инерціи и по нимъ мы можемъ опредѣлить собственное движеніе, наблюдая явленія въ предѣлахъ системы. Въ частномъ случаѣ *равномѣрнаго вращенія* наблюдаются центробѣжныя силы инерціи. Если мы подвѣсимъ на закрученной нити стаканъ съ водой, какъ это предлагаетъ дѣлать Ньютонъ, и дадимъ ему раскручиваться, то вначалѣ начнетъ вертѣться стаканъ, вода будетъ неподвижна и будетъ имѣть горизонтальную поверхность уровня, но съ теченіемъ времени начнетъ вращаться и вода,

и поверхность ея приметъ форму вогнутую (параболоидъ); остановимъ стаканъ, вода будетъ продолжать вращаться— постепенно замедляясь (вслѣдствіе тренія), и вогнутая поверхность начнетъ постепенно уплощаться; во время этого послѣдняго процесса можно наблюдать ту же относительную скорость, что и въ началѣ, когда стояла вода, а вращался стаканъ, но когда вращался стаканъ, а не вода, уровень воды былъ горизонтальный, когда вращается вода, она принимаетъ форму параболоида; такимъ образомъ, если мы представимъ себѣ наблюдателя, находящагося на поверхности воды, то онъ *независимо* отъ другихъ предметовъ (стакана) можетъ опредѣлять свое вращеніе — по формѣ, поверхности, и такъ какъ для опредѣленія собственно вращенія не надо выходить изъ предѣловъ своей системы и сравнивать съ состояніемъ движенія другихъ тѣлъ, то Ньютонъ и призналъ, что равномѣрное вращеніе нами можетъ быть опредѣлено безотносительно (о, ужасъ!) абсолютно. То, что Ньютонъ говорилъ о стаканѣ воды, и оправдалось въ знаменитыхъ опытахъ Фуко съ маятникомъ и на гироскопахъ т. е. волчкахъ, ось которыхъ устанавливается параллельно земной оси, дающихъ намъ возможность опредѣлять вращеніе земли абсолютно, т. е. безъ сравненія съ небесными тѣлами, не участвующими во вращеніи земли, не выходя изъ лабораторіи, въ которой могутъ быть закрыты даже окна.

Въ чемъ же заключается критика? Ньютонъ неправъ, все, что вѣрно для равномѣрно поступательнаго движенія, *должно* быть вѣрно для равномѣрнаго вращательнаго: «для меня существуетъ только одно относительное движеніе и я не могу въ немъ отличать вращеніе отъ поступательнаго движенія» (Махъ. Die Mechanik 1901 р. 248). А какъ же быть съ вращающимся стаканомъ Ньютона? Для философа, даже именующаго себя позитивистомъ, фактъ не помѣха; у Ньютона стаканъ былъ тонкостѣнный!? «Никто не можетъ сказать, какъ будетъ протекать опытъ, если стѣнки сосуда будутъ все толще и массивнѣе и наконецъ сдѣлаются толщиной въ нѣсколько миль. Передъ нами одинъ опытъ и надо его приводить въ согласіе съ извѣстными фактами, а не съ нашими произвольными выдумками» (тамъ же стр. 243). Слѣдовательно, для философскаго согласованія поступательнаго и вращательнаго движенія надо имѣть *разные* законы для большихъ и маленькихъ тѣлъ, одни для толстостѣнныхъ, другіе для тонкостѣнныхъ стакановъ и такъ какъ всѣ тѣла, съ какими оперируетъ физикъ, малы—а это вѣдь всегда сказать можно, то не зачѣмъ и говорить, тѣмъ болѣе, что это многимъ непріятно. Но какова же резолюція относительно опыта Фуко? «Опытъ Фуко доказываетъ, что плоскость качанія маятника связана

съ неподвижными звѣздами». (Петцольдъ. Handworterbuch der Naturwissenschaft).

Но для чего же все это дѣлается, спроситъ читатель. А вотъ для чего: надо доказать, что система Коперника только экономичнѣе системы Птоломея, «но оба толкованія *одинаково вѣрны*» (?!). (Махъ. Механика, стр. 242, курсивъ автора), а тутъ какимъ-то опытомъ Фуко доказываютъ, что вѣрна система Коперника, а не Птоломея, — какъ же сохранить спокойствіе духа?

Но можно пожалуй, сказать,—все это мелочи; если такъ, то перейдемъ къ болѣе глубокимъ вопросамъ. М. Планкъ въ своей книгѣ «Восемь лекцій по теоретической физикѣ» совершенно основательно указываетъ, что успѣхи физики сопровождаются «прогрессирующимъ освобожденіемъ отъ элемента антропорфизма, стремящимся по возможности окончательно отдѣлить систему физики отъ индивидуальности физика». Въ этомъ процессѣ наши ощущенія все болѣе и болѣе отступаютъ на задній планъ— ихъ замѣняютъ инструменты, дающіе объективныя показанія и часто открывающіе намъ то, что недоступно нашимъ органамъ чувствъ. Это расширеніе области нашихъ чувственныхъ воспріятій прекрасно изображено въ статьѣ физика О. Винера. Указанный Винеромъ процессъ выражается всего нагляднѣе въ томъ, что наши качественныя сужденія превращаются въ количественныя. Высота звука сводится къ числу колебаній, сила звука опредѣляется абсолютнымъ фонометромъ; тембръ сводится къ числу и относительной силѣ обертоновъ. примѣшивающихся къ основному тону. Безконечные оттѣнки цвѣтовъ строго опредѣляются положеніемъ въ спектрѣ и выражаются длиной волны. Вездѣ, куда вносится число, мы видимъ стройность и наоборотъ—тамъ, гдѣ всевластно царитъ наше ощущеніе, т. е. то, что по мнѣнію Маха, Петцольда и другихъ, составляетъ единственную, незыблемую основу науки, въ области, напримѣръ вкуса и запаха, мы почти ничего не знаемъ, за исключеніемъ локализаціи воспринимающихъ окончаній нервовъ на языкѣ, не имѣемъ ничего напоминающаго науку. Но такъ думаютъ заблуждающіеся спеціалисты, для философски развитого ума «степень качества, характеризуемаго числомъ», ничего общаго не имѣетъ съ количествомъ, «надо различать два вида качествъ: 1) качества, имѣющія интенсивности, и 2) не имѣющія ихъ. Качества первой категоріи являются качествами такъ сказать замаскированными въ количественную форму». (Б. Личковъ. Границы познанія и т. д. стр. 133). «Отличіе интенсивности отъ количества состоитъ въ томъ, что интенсивность какого-нибудь качества нельзя разсматривать какъ сумму меньшихъ интенсивностей того же качества. Кипящая вода теплѣе, чѣмъ кипящій

спиртъ, а этотъ послѣдній теплѣе, чѣмъ кипящій эѳиръ». «Было бы нелѣпо сказать, что теплота кипящей воды есть сумма теплоты кипящаго спирта и кипящаго эѳира» (!?)

Стало быть, если я нагрѣю одинъ граммъ воды на 1° и затрачу при этомъ одну калорію, а другой разъ нагрѣю тотъ же граммъ на 100° и затрачу 100 калорій, то это не будетъ въ сто разъ больше, потому что тогда 1 калорія была бы $^1/_{100}$ частью ста калорій, а качество не состоитъ изъ частей! Такимъ образомъ, все, что въ физикѣ существенно новаго, встрѣчается съ недовѣріемъ. Чѣмъ же довольны въ нашей наукѣ, что радуетъ представителей этой своеобразной научной философіи? Короткій отвѣтъ на это будетъ: все несущественное, все непрочное, въ особенности если оно звучитъ парадоксально. Самый выдающійся примѣръ—это бурные восторги передъ такъ много нашумѣвшимъ и сходящимъ теперь со сцены принципомъ относительности. Читатели «Лѣтописи» уже знакомы съ точкой зрѣнія правовѣрныхъ сторонниковъ этого принципа изъ статьи П. Юшкевича и могли убѣдиться, къ какимъ парадоксальнымъ результатамъ онъ приводитъ. Все наше представленіе о пространствѣ и времени должно быть измѣнено, въ движущемся тѣлѣ время идетъ другимъ темпомъ. Если надо сдѣлать надъ собой это усиліе, если мы должны освободиться отъ старыхъ привычекъ, то ученаго заставить это сдѣлать способны лишь несомнѣнные, прочно установленные факты. Вращеніе земли и вращеніе ея кругомъ солнца, существованіе антиподовъ казалось нашимъ предкамъ нелѣпостью, противной логикѣ, но вѣдь это факты, въ нихъ никто теперь не сомнѣвается, и мы вынуждены были приспособить нашъ умъ къ этимъ вновь открытымъ фактамъ. Есть ли что-либо подобное, заставляющее принять этотъ принципъ, называемый нѣкоторыми «Великой научной революціей» («Русск. записки» П. Гуревичъ. Май, Іюнь и Іюль). На это можно рѣшительно сказать—нѣтъ! Это хорошо знаютъ сами основатели и ихъ сторонники, посмотримъ, что они пишутъ. Эйнштейнъ, говоря о теоріи Лорентца, объясняющей отрицательный результатъ опыта Майкельсона гипотезой сокращенія, сжатія вещества въ направленіи движенія,—признается: «Эта гипотеза, дѣйствительно, уничтожила разногласіе между теоріей и опытомъ. Но сама теорія не представляла собой совокупности, достаточно удовлетворяющей нашъ умъ» (Нов. идеи въ Физикѣ № 3 стр. 71). Для необходимости принятія принципа относительности выдвигаются всегда подобные аргументы или, что теорія Лорентца не удовлетворяетъ умъ, или что она придумана ad hoc, а принципъ относительности есть «міровой постулатъ», поражающій своей математической элегантностью.

Во всякомъ случаѣ, всякій правовѣрный сторонникъ этого принципа всегда благоразумно старается обойти для всякаго физика весьма важный вопросъ, для чего принимать головоломное объясненіе, когда есть простое, т. е. теорія Лорентца, о которой, такой блестящій ученый, какъ Лауе, пишетъ: «Мало того, экспериментально было бы невозможно произвести выборъ между этой теоріей и Эйнштейновой теоріей относительности, и если, тѣмъ не менѣе, теорія Лорентца отошла на задній планъ, хотя она еще имѣетъ сторонниковъ среди физиковъ—то это произошло, безъ сомнѣнія, въ силу основаній философскаго порядка» (т. е., слѣдовательно, фактическаго основанія для этого нѣтъ).

А вотъ, что пишетъ по этому поводу Пуанкаре, котораго скорѣе можно причислить къ сторонникамъ принципа Эйнштейна: «Въ настоящее время нѣкоторые физики желаютъ усвоить новое условное соглашеніе. Это не значитъ, что они вынуждены къ этому; они считаютъ это новое соглашеніе болѣе удобнымъ—вотъ и все. А тѣ, кто не придерживаются ихъ мнѣнія и не желаютъ отказаться отъ своихъ старыхъ привычекъ, могутъ съ правомъ сохранить старое соглашеніе. Между нами говоря, я думаю, они долго еще будутъ поступать такимъ образомъ» (Нов. идеи въ Математикѣ № 2 стр. 90). Итакъ, со словъ самихъ творцовъ и ближайшихъ послѣдователей принципа относительности мы видимъ, что фактовъ, вынуждающихъ его принять, нѣтъ, есть только основанія философскаго порядка. Гипотеза Лорентца, придуманная ad hoc, замѣняется міровымъ постулатомъ, но оказывается, этотъ міровой постулатъ не годится для вращательнаго движенія. Къ этому пришелъ самъ Эйнштейнъ, на основаніи теоретическихъ соображеній, идя въ разрѣзъ со многими изъ своихъ послѣдователей. Къ этому же насъ приводятъ замѣчательные опыты Саньяка (1911), показавшаго, что на вращающемся приборѣ можно показать различіе въ скорости свѣта по направленію вращенія и въ противоположномъ направленіи, что непосредственно вытекаетъ изъ теоріи неподвижнаго эѳира Лорентца (объ этихъ опытахъ какъ будто также не принято говорить, въ особенности въ популярной литературѣ); но если мы откажемся отъ этого принципа для вращательныхъ движеній, сохранивъ его для равномѣрно поступательныхъ, то отсюда слѣдуетъ какъ справедливо замѣчаетъ Герке, «что *земные* физики, ставящіе опыты въ *земныхъ* лабораторіяхъ, не могутъ примѣнять эту теорію къ своимъ опытамъ, такъ какъ мы находимся на вращающейся по отношенію къ неподвижнымъ звѣздамъ землѣ и двигаемся вокругъ солнца. Эйнштейнъ, такимъ образомъ, ограничивъ принципъ относительности однимъ равномѣрнымъ поступательнымъ движеніемъ, этимъ самымъ удалилъ эту теорію съ земли». «Ограниченіе теоріи здѣсь равно-

значно ея уничтоженію». Почему же представители научной философіи, о которыхъ у насъ шла рѣчь, такъ скептически настроенные противъ многихъ здоровыхъ направленій научной мысли, съ такимъ восторгомъ отзываются о принципѣ относительности? Пишущему эти строки кажется, что тутъ глубокая причина, тутъ сказывается пропасть между складомъ мысли изслѣдователя, стремящагося прежде всего узнать что-нибудь новое, и философомъ, задача котораго подвести все подъ какую-нибудь систему. Мнѣ кажется, тутъ возможно слѣдующее быть можетъ и грубое сравненіе. Можно думать о пріобрѣтеніи книгъ и ставить пополненіе библіотеки выше всего, и можно думать о томъ, какую бы выдумать новую классификацію книгъ, какъ ихъ переставить. Если два такихъ библіотекаря сойдутся вмѣстѣ, они непремѣнно поссорятся, одинъ скажетъ: вмѣсто того, чтобы переставлять книги съ полки на полку, давайте размѣстимъ новыя, а другой отвѣтитъ: куда я дѣну новыя, когда и старыя то я не могу еще какъ слѣдуетъ разставить. Для физика теорія, какъ говоритъ Сэръ Джозефъ Томсонъ, «скорѣе политическая программа, чѣмъ символъ вѣры», поэтому его мало удовлетворяетъ принципъ относительности, утверждающій, что опытъ Майкельсона и ему подобные не удался и не можетъ удасться, т. е. явнымъ образомъ приглашаетъ не дѣлать его! Большинство наиболѣе парадоксальныхъ слѣдствій этого принципа, кстати сказать объясняемыя и другими путями, какъ, напримѣръ, интересный вопросъ объ инерціи излученія, выражаются такими маленькими величинами, что наша экспериментальная техника совершенно безсильна; слѣдовательно, физику и тутъ слышится голосъ: не дѣлай, не выйдетъ! А это, согласитесь, плохая программа дѣятельности! И въ то же время здѣсь обильная тема для разсужденій объ относительности или абсолютности понятія о времени и пространства; возможны разныя толкованія, словомъ, широкое поле для философскихъ разсужденій, и притомъ, послѣ неудачи опытовъ Майкельсона, въ этой области такъ долго нѣтъ экспериментальныхъ работъ, могущихъ потревожить разфилософствовавшихся теоретиковъ и однимъ могучимъ толчкомъ окончательно прекратить споръ.

Мы пришли къ концу нашего очерка, и, быть можетъ, читатель спроситъ, зачѣмъ было указывать на эти разногласія, пусть люди спорятъ, ошибаются, упорствуютъ въ своихъ заблужденіяхъ; гдѣ идетъ работа, тамъ споръ и ошибки, тамъ различіе взглядовъ, и это надо привѣтствовать, а не огорчаться.

Но подумаемъ, съ другой стороны, о томъ, что ученыхъ-спеціалистовъ, въ особенности у насъ въ Россіи, такъ чудовищно

мало [1], и что они должны же, наконецъ, у насъ появиться, вѣдь не вѣкъ же намъ брать науку готовую съ запада, пора бы и самимъ подѣятельнѣе за нее взяться, и вотъ тутъ-то и приходится высказать опасеніе, что наша школа носитъ скорѣе философскій, чѣмъ научный складъ, и что въ самомъ обществѣ, т. е. въ той обстановкѣ, въ которой приходится жить, упорная и тяжелая работа изслѣдователя не встрѣтитъ сочувственнаго отклика. Конечно, по счастью для человѣчества находятся люди, которые не считаются съ философскими возраженіями, подобными тѣмъ, о какихъ у насъ шла рѣчь, такъ какъ иначе не было бы и современной науки; развѣ бы Вильсонъ затратилъ нѣсколько лѣтъ жизни, чтобы сфотографировать полеты и столкновенія атомовъ (о чемъ у насъ въ началѣ была рѣчь), если бы онъ придавалъ хоть какой нибудь смыслъ походу противъ атомизма? Но молодому начинающему изслѣдователю тяжело плыть противъ теченія, и хорошо еще, если у него былъ опытный руководитель, который въ минуту сомнѣнія рѣшительнымъ тономъ, какъ говаривалъ, бывало, покойный П. Н. Лебедевъ со своими учениками, скажетъ: «бросьте этотъ вздоръ и займитесь дѣломъ». Но попробуйте убѣдить средняго образованнаго человѣка, не задумывавшагося надъ тѣмъ, какъ производится наука, что пріобрѣсти умѣнье подвѣшивать какую-нибудь магнитную стрѣлку на нитку въ три тысячныхъ доли миллиметра или научиться выкачивать воздухъ изъ какогонибудь сосуда и добиться, чтобы этотъ vacuum тамъ держался, есть «настоящее дѣло», а не «потеря времени» или «непродуктивное занятіе», такъ какъ даже въ случаѣ удачи выйдетъ только «спеціальная работа». А къ этимъ голосамъ, поселяющимъ сомнѣніе, идущимъ, такъ сказать, извнѣ, присоединяется внутренній голосъ, такой понятный у молодого человѣка, заставляющій его стремиться къ самымъ верхамъ науки, ко всему обобщающему. И вотъ тутъ-то начинающаго ученаго ждетъ опасность въ погонѣ за общимъ, за тѣмъ, что составляетъ истинную философію науки; онъ можетъ легко впасть въ ошибку, вмѣсто того, чтобы изучать лекціи и рѣчи Гельмгольтца или такія книги, какъ «Электричество и матерія», или «корпускулярная теорія матеріи» сэра Джезефа Томсона, или, наконецъ, президентскія рѣчи на собраніяхъ Британской Ассоціаціи того же Томсона и Рутерфорда, заключающія въ себѣ изложенія, дѣйствительно, грандіозныхъ обобщеній современной науки и обладающія сверхъ того еще особой прелестью, такъ какъ написаны онѣ самими творцами современной науки, начинающій легко можетъ попасть

---

1) Даже въ Англіи, гдѣ наука проникла такъ глубоко въ общество, въ настоящее время со всѣхъ сторонъ раздаются голоса, что надо принять мѣры, самыя рѣшительныя, чтобы привлекать научныхъ работниковъ, а тѣмъ, кто уже работаетъ, помогать болѣе, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось.

на тѣ стремящіься затормозить научную мысль произведенія, о которыхъ у насъ шла рѣчь, и принять ихъ за настоящую науку. И если находятся люди, которые серьезно считаютъ ихъ за научную философію, то поистинѣ, вспоминая слова Шиллера, обращенныя къ философамъ и естествоиспытателямъ его времени: «Feindschaft sei zwischen euch, noch kommt das Bundniss zu fruhe («Пусть будетъ между вамъ вражда, еще рано заключать вамъ союзъ»), можно съ глубокимъ вздохомъ огорченія сказать: «Да, дѣйствительно, еще рано!»

А. **Тимирязевъ.**

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

(Окончаніе)[1].

Въ своей исторіи Россія три раза была близка къ Константинополю: при Екатеринѣ II, при Николаѣ I и, въ послѣдній разъ, при Александрѣ II, въ началѣ 1878 г. Предшествующіе русскіе походы на турокъ, Петра и Миниха, не ставили еще себѣ такой высокой цѣли; промежуточная война, турецкая война Александра I, была лишь аксессуаромъ внѣшней политики этого государя: Александръ I искалъ Царьграда, но искалъ его въ Эрфуртѣ, въ рукахъ Наполеона; его политика всегда и неизмѣнно была оріентирована на западъ, а не на югъ. Всѣ три устремленія къ Царьграду тѣсно связаны, не только съ международной обстановкой своего времени, но, пожалуй, еще тѣснѣе и больше, съ внутреннимъ состояніемъ Россіи въ данный моментъ. Всѣ знаютъ о «попыткахъ реформъ» или о «либеральныхъ настроеніяхъ» Екатерины II въ годы, предшествовавшіе первой турецкой войнѣ: о «Комиссіи для сочиненія новаго уложенія», о «Наказѣ» Екатерины этой комиссіи и т. д. Для объясненія всего этого классическая русская исторіографія довольствовалась самымъ простымъ изъ субъективныхъ объясненій: Екатерина начиталась французскихъ книжекъ, она была неопытна, не знала жизни, она думала распланировать по книжкамъ свою политику —и разочаровалась въ этомъ; жизнь сдѣлала ее изъ мечтательницы дѣльцомъ, и первая турецкая война была началомъ ея «дѣловой» политики. Но Екатерина воспитывалась не въ институтѣ, а при дворѣ Елизаветы Петровны, въ обстановкѣ, до того реальной, что о всѣхъ подробностяхъ этой обстановки даже и теперь писать нельзя. Кто читалъ «записки Екатерины», тотъ, вѣрно, согласится, что пятнадцатилѣтней дѣвочкой она была куда хитрѣе и житейски-опытнѣе своихъ позднѣйшихъ историковъ. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, давно пора покончить съ иллюзіей, будто Екатерина была полной хозяйкой своихъ политическихъ шаговъ. Ее посадилъ на престолъ кружокъ Орловыхъ. Какъ она относилась къ главѣ этого кружка, покажетъ одно письмо, очень позднее и тѣмъ болѣе любопытное. Когда Григорій Орловъ, въ 1772 г., ѣхалъ на Фокшанскій конгрессъ, Екатерина писала о немъ одной своей пріятельницѣ: «Гр. Орловъ, безъ преувеличенія, самый красивый человѣкъ

[1] См. «Лѣтопись» № 10 1916 г.

своего времени... я готова биться объ закладъ, что онъ наружностью своею уничтожаетъ всѣхъ окружающихъ. Это удивительный человѣкъ: природа была къ нему необыкновенно щедра относительно наружности, ума, сердца, души. Во всемъ этомъ у него нѣтъ ничего пріобрѣтеннаго, все природное, и, что очень важно, все хорошо...» Эти восторженныя строки (которыя мы не приводимъ всѣ цѣликомъ—дальше тамъ еще есть комплименты уму и способностямъ Орлова) писались послѣ того, какъ авторъ письма прожилъ съ Орловымъ двѣнадцать лѣтъ: срокъ, послѣ котораго супруги относятся другъ къ другу, обыкновенно, весьма трезво. Можно себѣ представить, чѣмъ былъ Орловъ для Екатерины въ первые годы ихъ близости. Въ эти первые годы политика Екатерины была столько же, если еще не больше, политикой и Орлова: въ особенности внѣшняя политика. А Орловъ еще въ 1763 г., раньше всякихъ «разочарованій», посылалъ въ Грецію двухъ русскихъ офицеровъ греческаго происхожденія, которые доносили пославшему, «что если у Россіи съ турками будетъ война, то они всѣ (греки) единодушно встанутъ противъ Порты...» «По моему усердію», писалъ одинъ изъ нихъ, «смѣю представить о томъ, чтобъ отправить въ Средиземное море противъ турокъ 10 россійскихъ военныхъ кораблей и на нихъ нагрузить пушекъ довольное число; завидѣвши ихъ, греки бросились бы на соединеніе съ русскими; у грековъ есть свои немалыя суда, но ихъ надобно снабдить пушками, сами же греки—народъ смѣлый и храбрый». Это—готовый планъ морейской экспедиціи Алексѣя Орлова, 1769—70 гг.

Если политика, внѣшняя и внутренняя, первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II опредѣлялась чьими-нибудь субъективными настроеніями, то это были, конечно, не настроенія самой Екатерины, или даже Григорія Орлова—это были настроенія той силы, отъ которой зависѣли и Екатерина, и Орловы,—русскаго *дворянства*. А субъективность этого общественнаго класса, какъ и всякаго другого общественнаго класса, вездѣ и всегда, опредѣлялась, въ свою очередь, объективными *экономическими* условіями. Въ 1760-хъ годахъ русское помѣщичье хозяйство переживало тяжелый кризисъ. Ему было тѣсно въ тѣхъ границахъ, въ какія поставила его русская исторія предшествующаго столѣтія. «По причинѣ великаго числа народа, населяющаго сію губернію (московскую петровскаго дѣленія—которая включила въ себя будущія екатерининскія губерніи: калужскую, тульскую, владимірскую, ярославскую и костромскую, кромѣ самой московской—т. е. охватывала собою почти всю центральную Россію), многія деревни такъ безземельны остаются, что ни съ какимъ прилежаніемъ не могутъ себѣ на пропитаніе хлѣба достать и для того принуждены другими работами оный сыскивать», писалъ кн. Щербатовъ немного позже этой эпохи и основываясь на

данныхъ, ей современныхъ[1]. Въ началѣ второй половины 18-го вѣка въ Россіи, центральной, по крайней мѣрѣ (т. е. коренной помѣщичьей Россіи, потому что въ сѣверной Россіи крѣпостного права почти не было, а въ Поволжьи еще не закончилась колонизація), наблюдалось уже *перенаселеніе*. Не абсолютное, конечно, а весьма *относительное*, что Щербатовъ тутъ же и даетъ понять. Сказавъ, что въ центральной Россіи «никакое прилежаніе» не можетъ дать достаточнаго для населенія количества хлѣба, онъ, очевидно, подразумѣвалъ «при данномъ уровнѣ хозяйства», потому что выше, говоря даже о сѣверной, «не столько плодородной», части этого пространства, онъ замѣчаетъ: «хотя есть ли бы всевозможное прилежаніе и въ сихъ провинціяхъ употреблено было о земледѣліи, то и тутъ не только довольное, но и излишнее пропитаніе могла бы земля дать, яко то видимъ по примѣру добрыхъ домостроителей Ярославскаго, Галицкаго и Костромскаго уѣздовъ, гдѣ иногда рожь въ восмеро (т. е. самъ 8), а ячмень въ десятеро и въ двѣнадцатеро приходитъ». Такимъ образомъ, выходомъ изъ тупика являлась, прежде всего, *интенсификація хозяйства*. Но большинство тогдашнихъ помѣщиковъ предпочитало другой выходъ, какъ свидѣтельствуетъ показаніе другого знатока сельскаго хозяйства того времени, Болотова (автора знаменитыхъ мемуаровъ). Сообщая Вольному Экономическому обществу о положеніи дѣлъ въ Каширскомъ уѣздѣ, Калужской губ., Болотовъ писалъ: «сколько я примѣтить могъ, то во многихъ мѣстахъ здѣшняго уѣзда болѣе способныхъ работниковъ, нежели земли, къ дѣланію способной. Почему многіе помѣщики отъ времени до времени вывозятъ крестьянъ своихъ въ Воронежскую и Бѣлогородскую губернію и селятъ *въ степныхъ уѣздахъ*». Кромѣ интенсификаціи хозяйства былъ, значитъ, и болѣе простой способъ бороться съ относительнымъ перенаселеніемъ: путемъ простого *расширенія площади хозяйства*. При этомъ *типъ хозяйства*, разумѣется, оставался бы старый. Первый способъ являлся, такимъ образомъ, прогрессивнымъ, съ экономической точки зрѣнія, второй—консервативнымъ.

Но проблема была сложнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. На кризисъ, созданный постепенно ростомъ населенія, кризисъ, такъ сказать, «нормальный», легъ другой кризисъ—болѣе экстренный и болѣе острый, созданный Семилѣтней войной. Здѣсь нѣтъ мѣста останавливаться на этомъ эпизодѣ русской внѣшней политики, а стоило бы: Семилѣт-

[1] «Статистика въ разсужденіи Россіи», откуда я заимствую эту и слѣдующую цитаты, написана въ серединѣ 1770 -хъ гг. Что данныя относятся къ предшествующему времени, показываетъ петровское раздѣленіе губерній: въ 1775 г. было уже екатерининское.

няя война показываетъ, что въ исторіи повторяются не только эволюціонные ряды (всякая новая страна, вступая на путь капиталистическаго развитія, повторяетъ, въ общихъ чертахъ, исторію своихъ предшественницъ),—но что исторіи иногда приходитъ капризъ повторяться феноменологически, съ чисто внѣшней стороны. Иная статья «Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостей», 1757 года, съ разсужденіями о «сущихъ варварахъ»; именуемыхъ пруссаками, отлично могла бы подойти современной патріотической газетѣ—если бы не устарѣлый языкъ, а исторія нарушенія Фридрихомъ II нейтралитета Саксоніи точка въ точку напоминаетъ, и въ оправданіяхъ и въ обвиненіяхъ, нарушеніе бельгійскаго нейтралитета въ іюлѣ 1914 г. Но сейчасъ для насъ интересны не обстоятельства возникновенія этой войны, а ея финансово-экономическіе результаты. Эти результаты, въ двухъ словахъ, хорошо охарактеризовалъ извѣстный «тайный секретарь» Петра III, Волковъ: «если бы паче чаянія и ожиданія надлежало войну еще нѣсколько лѣтъ продолжать, то въ государствѣ серебрянаго рубля не осталось бы». Можно сказать, что и такъ рублей оставалось немного: въ 1760 г. жалованье арміи платили мѣдной монетой, да и то въ половинномъ размѣрѣ—причемъ и для этого пришлось расплавить нѣсколько старыхъ пушекъ. Помѣщики-офицеры, на долгіе годы оторванные отъ своихъ хозяйствъ и, въ то же время, пріобрѣтшіе въ заграничныхъ походахъ новые вкусы и потребности, были въ долгу, какъ въ шелку. Имъ нужны были деньги и для уплаты долговъ и процентовъ по нимъ, и на новую жизнь, болѣе «европейскую»—то есть, менѣе удовлетворявшуюся домодѣльнымъ и домотканнымъ. Откуда достать денегъ? Отвѣтъ на это давалъ тотъ же Волковъ: «Хлѣбный здѣшнему государству торгъ натуральнѣе всѣхъ», говорилъ онъ въ той же, цитированной нами, запискѣ 1760 г. «Хлѣбный торгъ производитъ Рига и великую полякамъ прибыль дѣлаетъ: то, мнѣ кажется, стыдно столь изобильной Россіи въ семъ торгу ничего не участвовать и весь свой хлѣбъ на одномъ винѣ пропивать». Вольное Экономическое общество сразу стало на ту же точку зрѣнія. «Большая часть полуденныхъ европейскихъ земель пшеницею питаются», писалъ секретарь общества, Клингштетъ, въ первомъ же томѣ его «Трудовъ»: «понеже многія изъ сихъ государствъ гораздо меньше у себя имѣютъ хлѣба, нежели къ содержанію ихъ жителей потребно, то цѣна пшеницы выше прочихъ родовъ хлѣба, и сей продуктъ долженъ быть сочтенъ продажнымъ во всякое время товаромъ». И отдѣльный дворянинъ, и дворянское государство искали денегъ, и оба находили: второе—выгодный торговый балансъ, первый—обезпеченный денежный выходъ въ торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства (кромѣ хлѣба, за границу шли ленъ, конопля и пенька, которые составляли очень видную статью русской

отпускной торговли 1760-хъ г.г. — въ 1769 г., напр. льна и пеньки было вывезено почти на 50 милліоновъ теперешнихъ, 1916-го года, рублей).

Второй кризисъ обострялъ первый—а найденный выходъ, казалось, разрѣшалъ ихъ оба. Западно-европейскій рынокъ могъ поглотить, сколько угодно, хлѣба—не уставай только пахать, сѣять и жать. Избыточное населеніе изъ проклятія становилось благословеніемъ. Но тутъ вопросъ опять раздваивался: какъ утилизировать силы этихъ «лишнихъ людей»? Мы видѣли, что земля въ центральной Россіи обрабатывалась далеко не такъ интенсивно, какъ могла бы: нельзя-ли сдѣлать трудъ подмосковнаго крестьянина производительнѣе, и какъ? Съ другой стороны, необозримая площадь степного чернозема почти не видала еще работника; не проще ли передвинуть избытокъ сельскаго населенія туда, какъ это и дѣлали уже калужскіе помѣщики, по свидѣтельству Болотова? Выбирать тотъ или другой способъ приходилось не путемъ теоретическаго размышленія—и тамъ, и тутъ помѣщикъ скоро натыкался на препятствія, которыхъ онъ не могъ преодолѣть средствами своего частнаго хозяйства. Поперекъ дороги попыткамъ сдѣлать это хозяйство болѣе интенсивнымъ лежало *крѣпостное право*: барщинный трудъ былъ мало производителенъ, что отлично сознавалось тогдашними хозяевами-практиками. Одинъ изъ этихъ практиковъ, Рычковъ, такъ изображалъ «пакости» лѣниваго и лукаваго раба, пахавшаго барскую землю: «когда пашутъ, то стараются сдѣлать недопашку и завалить ее пластомъ или рыхлою землею, когда сѣютъ, то зерно мечутъ непорядочно и дѣлаютъ обсѣвки, на которыхъ мѣстахъ хлѣба уже не родится и бываютъ прогалины. Во время полотья и жнитва очень много втаптываютъ въ землю хлѣба такъ, что плутовства ихъ распознать невозможно». Но и переселеніе въ степи не разрѣшило затрудненія, въ особенности съ точки зрѣнія новой постановки вопроса—производства хлѣба *для вывоза*. Корреспондентъ Вольнаго Экономическаго общества въ Слободской Украинской провинціи (нынѣшняя Харьковская губернія) писалъ, что въ его краяхъ «земледѣльцы не прилежатъ къ размноженію пшеницы, равно какъ и прочаго хлѣба»: сѣятъ «столько, сколько кому, по его семейству, на пропитаніе до новой жатвы стать можетъ». Причиной же было то, что «они не имѣютъ способа, куда оный (хлѣбъ) съ прибылью отпускать, потому что въ близости сихъ странъ никакого порта нѣтъ». Сѣверный берегъ Чернаго моря принадлежалъ Турціи.

Первое затрудненіе можно было преодолѣть *освобожденіемъ крестьянъ*. Второе—завоеваніемъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, т. е. *войной съ Турціей*. Въ силу совершенно объективныхъ, неотвратимыхъ условій, война съ турками составляла неизбѣжный этапъ второго способа выйти изъ кризиса—способа,

который мы выше назвали консервативнымъ. Вы видѣли, что правительство, въ лицѣ Григорія Орлова, уже въ 1763 г. имѣло въ перспективѣ турецкую войну и готовилось къ ней. Но справедливость требуетъ упомянуть, что былъ испробованъ и первый путь—и только, когда выяснились *политическія* неудобства и опасности этого пути для правительства, онъ былъ оставленъ. Съ этою цѣлью, найти прогрессивный выходъ изъ кризиса, было основано Вольное Экономическое общество, первымъ президентомъ котораго былъ именно Гр. Орловъ. Не безъ его, по всей вѣроятности, участія обществомъ, скоро послѣ его основанія, была поставлена на конкурсъ тема объ освобожденіи крестьянъ, съ землею или безъ земли [1]. Увѣнчано преміей было сочиненіе Беарде-Делабэ, гдѣ говорилось, что Богъ далъ человѣку право на ту землю, которую онъ обрабатываетъ, и что «собственность не можетъ быть безъ вольности». Практически Беарде-Делабэ имѣлъ въ виду, кажется, что-то очень похожее на дѣйствительно осуществившееся въ реформѣ 1861 г.: освобожденіе крестьянъ съ маленькимъ надѣломъ, что вынудило бы освобожденныхъ арендовать помѣщичьи земли; подразумѣвалось само собою, что трудъ вольныхъ арендаторовъ дастъ ренту гораздо выше той, которая получалась отъ барщины или оброка крѣпостныхъ крестьянъ. Если вспомнить, что все это писалось почти ровно за сто лѣтъ до 1 февраля, мы должны будемъ согласиться, что намѣренія Екатерины и Орлова были весьма прогрессивныя. Въ объективной осуществимости реформы не могло быть сомнѣнія, самостоятельное крестьянское хозяйство было фактомъ на государственныхъ земляхъ,—и государственные крестьяне сплошь и рядомъ были сосѣдями крѣпостныхъ; никакой организаціонной или технической ломки для осуществленія проекта Вольнаго Экономическаго общества не требовалось. Но его нельзя было осуществить безъ согласія

[1] «Что полезнѣе для общества,—чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко это право на то или другое имѣніе простираться должно?» Хотя слово «освобожденіе» или «свобода» въ темѣ не стоитъ, но все дворянское общество сразу поняло, что дѣло идетъ объ освобожденіи крестьянъ—доказательствомъ является извѣстное «возраженіе» Сумарокова, гдѣ онъ ставитъ вопросъ открыто: «потребна ли ради общаго благоденствія крѣпостнымъ людямъ свобода?» Исторія возникновенія темы окутана легендой, отводящей почетное мѣсто Екатеринѣ II (см. *В. И. Семевскій* «Крестьянскій вопросъ» I, стр. 46). Легенда, какъ всѣ легенды, отмѣчена бросающеюся въ глаза неправдоподобностью. Вольн. Экон. Общество (т. е. Григ. Орловъ!) будто бы долго не могло догадаться, что письмо идетъ отъ императрицы,—которая, надобно думать, прежде всего показала его именно Орлову. Медленный ходъ дѣла (двѣ попытки, изъ нихъ первая неудачная) объясняется, скорѣе всего, тѣмъ, что Орловъ уже въ обществѣ встрѣтилъ тренія, какъ ни тщательно былъ подобранъ составъ общества. Это было плохое предзнаменованіе для дальнѣйшаго.

помѣщиковъ. Надо было, чтобы они нашли реформу не только осуществимой, но и для себя выгодной. Въ 1861 г. такъ именно и обстояло дѣло: реформа была необходима дворянству, и всѣ разговоры о томъ, будто помѣщики что-то «потеряли» съ освобожденіемъ крестьянъ, слѣдуетъ признать ни на чемъ не основанными; потеряли 19 февраля одни крестьяне. Потому что въ 1861 г. площадь крѣпостного хозяйства расширять было уже некуда—оно достигло своихъ «естественныхъ» географическихъ границъ, Кавказа и Чернаго моря. Въ 1760-хъ годахъ было не такъ, было еще куда уйти, и для помѣщика представлялось выгоднѣе переселить своихъ крѣпостныхъ въ степи, нежели вовсе съ ними разстаться. Въ «Комиссія 1767 г.» не нашлось ни одного сторонника того радикальнаго мѣропріятія, которое совѣтовалъ Беарде-Делабэ. Даже въ наказѣ самого Григорія Орлова (онъ былъ однимъ изъ депутатовъ) ничего не говорилось объ освобожденіи крестьянъ. Крайняя лѣвая «Комиссіи» (Коробьинъ и Татищевъ) не шла дальше урегулированія закономъ крестьянскихъ повинностей. А когда Татищевъ въ преніяхъ позволилъ себѣ сказать, что освобожденія крестьянъ желаетъ сама императрица (фактъ былъ широко извѣстенъ), то маршалъ (предсѣдатель) Комиссіи, Бибиковъ, креатура Екатерины II, сурово его оборвалъ. Нечего было вспоминать о проектѣ, явно провалившемся—такими напоминаніями можно было только обидѣть иниціаторовъ проекта, а не польстить имъ.

Въ это время Екатерина и Орловъ могли уже охладѣть къ своимъ прогрессивнымъ начинаніямъ и по другимъ причинамъ. Всякая экономическая, всякая соціальная реформа неизбѣжно имѣетъ свое политическое отраженіе. Общество съ крѣпостнымъ правомъ, общество безъ крѣпостного права не могутъ быть политически организованы одинаково. Екатерина II и ея совѣтники, быть можетъ, не вполнѣ отчетливо, но сознавали это. «Большой Наказъ» Комиссіи былъ попыткой европеизировать русскій государственный строй. Но это была европеизація чисто формальная. Превративъ выборки изъ Монтескье въ проектъ русскаго уложенія, Екатерина думала, что разрѣшила задачу. Примѣнять Монтескье на практикѣ должна была она и ея чиновники: дѣлиться съ кѣмъ-нибудь властью она совсѣмъ не предполагала. Дворянство было не прочь отъ Монтескье,—но оно находило, что, по Монтескье, именно оно, дворянство, и должно управлять. Великорусское дворянство, правда, не посягало болѣе, чѣмъ на мѣстное управленіе—которое и пришлось отдать въ его руки; здѣсь еще можно было размежеваться. Но на Украйнѣ и вопросъ о мѣстномъ управленіи былъ вопросомъ политическимъ: здѣсь это былъ вопросъ объ автономіи. Этотъ вопросъ всталъ во весь ростъ, какъ только малороссійское шляхетство приступило къ выборамъ депутатовъ въ Комиссію. «Многіе истинно

вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей», писалъ Екатеринѣ Румянцевъ. «Простому народу, пользуясь его простотою, внушаютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и о правахъ, какъ о первоначальномъ, всѣмъ искать надлежитъ». Шляхетство напоминало далекой наслѣдницѣ царя Алексѣя о «статьяхъ» Богдана Хмельницкаго и требовало вывода императорскихъ войскъ изъ Малороссіи. Румянцевъ въ одномъ донесеніи образъ мыслей украинскаго шляхетства назвалъ «республиканскимъ»—и онъ не такъ уже пересаливалъ. Шляхетство Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ подало челобитную, гдѣ просило: «Повелѣть вольными голосами, купно съ войскомъ Запорожскимъ изобрать гетмана».

Но украинское дворянство болѣе, чѣмъ какое бы то ни было, было заинтересовано въ открытіи для русской торговли Чернаго моря. Гетмана оно не получило, а главное гнѣздо украинскаго «республиканизма», Запорожская Сѣчь, было и вовсе разорено. Но оно получило Херсонъ—и это вовсе не былъ случайный подарокъ. Когда, въ сентябрѣ 1768 г., Турція, подъ давленіемъ французской дипломатіи, поставила Россіи ультиматумъ о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши (борьбу за свободу и цивилизацію временами вели и турки...), въ Петербургѣ, въ засѣданіи Императорскаго совѣта, Григ. Орловъ поставилъ вопросъ: «Къ какому концу вести войну и, въ случаѣ нашихъ авантажей, какія выгоды за полезнѣе положить?» Совѣтъ единогласно призналъ, что «при заключеніи мира надобно выговорить свободу мореплаванія на Черномъ морѣ и для этого, еще во время войны, стараться объ учрежденіи порта и крѣпости...» Одновременно, Орловъ предложилъ послать эскадру въ Средиземное море,—т.-е. осуществить проектъ, лежавшій на его письменномъ столѣ уже съ 1763 года. Позднѣе, Орловъ предлагалъ еще болѣе прямые пути къ цѣли: овладѣвъ Варною, «моремъ переѣхать къ самому Константинополю, чтобъ получить скорый и славный миръ». Но этотъ планъ нашли преждевременнымъ не только командовавшіе противъ турокъ генералы, Румянцовъ и П. Панинъ, а даже и члены Совѣта, засѣдавшаго въ Петербургѣ. Надо прибавить, «что этотъ Совѣтъ, хотя и не былъ выборнымъ, считался,—по крайней мѣрѣ самъ себя считалъ,—представителемъ россійскаго дворянства: когда въ немъ была прочитана жалованная грамота Екатерины II дворянству, Совѣтъ «изъявилъ ея императорскому величеству глубочайшую благодарность, какъ отъ себя, такъ и *отъ лица всего вообще дворянства*».

Мы не собираемся разсказывать о перипетіяхъ турецкихъ войнъ Екатерины II—ни касаться ихъ официіальной идеологіи [1].

[1] Тотъ же Совѣтъ, о которомъ говорилось выше, въ текстѣ, положилъ: отправить въ Морею, къ Далматамъ, въ Грузію и ко всѣмъ народамъ

но необходимо коснуться, хотя бы вкратцѣ, ихъ экономическихъ результатовъ. Русскій вывозъ через черноморскіе порты составлялъ:

въ 1764 г.	(до первой турецк. войны) . . .	59.097	руб.
» 1776 »	(*послѣ* первой войны)	369.823	»
» 1793 »	(послѣ *второй* тур. в.)	1.295.563	»

Въ теченіе только шести первыхъ мѣсяцевъ 1787-го года изъ Марсели въ Херсонъ вышло 18 кораблей. Они везли французскіе мануфактурные товары, а возвращались, главнымъ образомъ, съ пенькою и пшеницей; но не съ однѣми ими: «со времени мира 1774 г. (Кучукъ-Кайнарджійскаго) Константинополь получаетъ черезъ Таганрогъ все потребляемое имъ *желѣзо*», говоритъ одинъ современный французскій авторъ [1]. Въ этомъ году общее число судовъ, участвовавшихъ въ черноморской торговлѣ, считалось уже сотнями, въ 1803 г. оно дошло почти до тысячи, въ 1817 почти до полуторы тысячи (1044 вошло въ Одессу, около 400 въ Таганрогъ). Въ 1815 г. вывозъ пшеницы черезъ порты Чернаго моря превысилъ милліонъ четвертей (1.112.000). Цѣны на пшеницу въ Западной Европѣ росли непрерывно до начала 1820-хъ годовъ (въ 1701-99 гг. средняя цѣна квартера пшеницы въ Лондонѣ была 41 шиллингъ, въ 1801-1810—74 шиллинга, въ 1811-20—87,5 шилл.). Въ тактъ съ ними неуклонно росли хлѣбныя цѣны въ самой Россіи: въ Гжатскѣ въ 1773 г. можно было купить четверть ржи за 2 р. 19 коп.,—всего черезъ пятнадцать лѣтъ, въ 1788 г., та же четверть тамъ же стоила уже 7 рублей.

Помѣщикъ имѣлъ весь расчетъ превратить свое имѣніе въ «фабрику для производства хлѣба», какъ выразился потомъ одинъ публицистъ временъ императора Николая I. Объ освобожденіи крестьянъ, конечно, не было больше и рѣчи: пшеничныя плантаціи черноземныхъ губерній создали, наоборотъ,

нашего закона, живущимъ въ турецкихъ областяхъ, для разглашенія, что Россія принуждена вести войну съ турками за законъ». Главнокомандующій морейской экспедиціей, Алексѣй Орловъ, распространялъ манифесты Екатерины II «ко всѣмъ греческимъ и славянскимъ народамъ православнаго исповѣданія, какъ на твердой землѣ, такъ и на островахъ Архипелага обитающимъ», гдѣ обѣщалось возстановленіе политической независимости этихъ народовъ. Часто повторяя что-нибудь, мы незамѣтно сами начинаемъ этому вѣрить. Алексѣй Орловъ писалъ брату: «И если ѣхать, такъ ужъ ѣхать до Константинополя и освободить всѣхъ православныхъ и благочестивыхъ изъ-подъ ига тяжкаго, которое они терпятъ. И скажу такъ, какъ въ грамотѣ Петръ Первый сказалъ: а ихъ, невѣрныхъ магометанъ, согнать въ поле и степи пустыя и песчаныя, на прежнія ихъ жилища».

[1] Anthoine «Le commerce et la navigation de la mer Noire». Мы пользовались *вторымъ* изданіемъ, 1820 г.—первое вышло въ 1805. Авторъ, крупный марсельскій негоціантъ и бывшій мэръ Марсели, нѣсколько разъ былъ въ Россіи, въ первый разъ еще въ 1780-хъ годахъ.

такой спросъ на бѣлыхъ рабовъ, что продажа крестьянъ безъ земли, «злоупотребленіе», участь котораго казалась рѣшенной уже въ Комиссіи 1767 г., не была запрещена и при Александрѣ I. Завоеваніе Новороссіи крѣпостнымъ хозяйствомъ имѣло для этого хозяйства тѣ же послѣдствія, какія имѣло бы открытіе западныхъ штатовъ для рабовладѣнія въ Америкѣ—если бы междоусобная война 1861—65 гг. кончилась побѣдой Юга, а не Сѣвера. Естественнымъ послѣдствіемъ турецкихъ войнъ было не уничтоженіе или, хотя бы, стѣсненіе крѣпостного права,—а его расширеніе, его экспансія на области, прежде для него закрытыя. Въ 1783 г. стали крѣпостными украинскіе крестьяне—давно, правда, фактически не свободные, но юридически до Екатерины II не составлявшіе еще собственности тѣхъ «республиканцевъ», которые требовали избранія гетмана, «вольными голосами купно съ Сѣчью Запорожской». Украинскій дворянскій автономизмъ сразу погасъ, какъ только малороссійскіе помѣщики убѣдились на опытѣ, какая полезная вещь «московское» войско, удаленія котораго они, по неопытности, требовали. И упраздненіе Запорожской Сѣчи прошло передъ глазами» республиканцевъ» (въ 1775 г., годъ спустя послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира) безъ всякаго протеста съ ихъ стороны. Остается прибавить, что отъ завоеванія сѣвернаго берега Чернаго моря выиграли не одни черноземные помѣщики: мы видѣли, что и уральскіе горные заводы, типичнѣйшій образчикъ крѣпостной фабрики, нашли въ Константинополѣ новый рынокъ для своего товара. Всѣ человѣковладѣльцы могли быть довольны—благіе плоды войны «за законъ» никого не обошли.

Преемники Екатерины II свято чтили ея традиціи и тщательно охраняли плоды ея завоеваній. Александру I принадлежитъ заслуга окончательной организаціи черноморской торговли [1], и онъ не совсѣмъ случайно умеръ именно въ Таганрогѣ. Этотъ государь, въ послѣдніе годы жизни, съ крайнею враждой относился какъ извѣстно, ко всякимъ проявленіямъ революціоннаго духа. Относя къ такимъ проявленіямъ греческое возстаніе, онъ не питалъ къ возставшимъ грекамъ никакой симпатіи. Иностранная, въ частности австрійская, дипломатія играла на этой стрункѣ и, обыкновенно, съ удачей. Но когда турки стали останавливать въ проливахъ русскія торговыя суда (экипажъ который почти поголовно состоялъ изъ грековъ), ища на нихъ военной контрабанды, настроеніе Александра I рѣзко измѣнилось, и австрійскій посланникъ въ Петербургѣ доносилъ, что поѣздка императора на югъ (Александръ ѣхалъ смотрѣть войска) можетъ оказаться прелюдіей къ русско-турецкой войнѣ «по причинѣ малой успѣшности переговоровъ въ Константинополѣ (относительно

[1] См. Anthoine, въ разн. мѣстахъ.

задержки судовъ) и *тѣхъ потерь, которыя терпятъ отъ этого южныя губерніи и торговля Одессы»* [1]. Александръ I не успѣлъ начать войны съ турками. Занявшій его мѣсто Николай Павловичъ былъ расположенъ къ грекамъ, если это возможно, еще менѣе своего покойнаго брата. Но когда ему посовѣтовали не вступаться въ турко-греческую распрю, предоставивъ съ ней возиться англичанамъ и австрійцамъ, Николай твердо отвѣтилъ, что «возстановленіе свободы торговли въ этихъ краяхъ—дѣло слишкомъ важное для всего нашего юга, что-бы можно было его довѣрить заботамъ англичанъ, или хотя бы друга Меттерниха (письмо къ Константину Павловичу отъ 20 ноября 1827 г.). Его корреспондентъ пускалъ въ ходъ самыя страшныя слова, говорилъ даже о «республикѣ», появленію каковой, будто бы, способствуетъ восточная политика Николая,—на того ничто не дѣйствовало, разъ были затронуты интересы «свободной» торговли» въ проливахъ. И онъ успокоился не прежде, чѣмъ адріанопольскій миръ, результаты котораго мы знаемъ, обезпечилъ эту свободу торговли разъ навсегда.

Но екатерининскія традиціи были не единственнымъ двигателемъ политики Николая I, и адріанопольскій трактатъ открылъ пути не только русской пшеницѣ. Другая сторона его восточной политики такъ хорошо охарактеризована самими дѣятелями николаевскаго царствованія, что я позволю себѣ привести ихъ подлинныя слова. Пожаловавшись на инертность русскаго купечества, «не обратившаго торговыхъ видовъ своихъ на Персію и Азіатскую Турцію въ томъ пространствѣ, какого требовала бы собственная наша польза», государственный Совѣтъ Николая Павловича продолжалъ разсуждать такъ: «отъ первоначальной мысли Петра В., обнаруженной покореніемъ Азова и Дербента, и отъ основанія Одессы до послѣднихъ столь важныхъ и обширныхъ пріобрѣтеній нашихъ за Кавказомъ, и столь выгодныхъ для насъ условій Туркманчайскаго и Адріанопольскаго трактатовъ, ясно видно мудрое намѣреніе нашихъ государей, наивящше еще раскрытое въ предшедшемъ и настоящемъ царствованіи, когда, *пролагая оружіемъ новые пути для торговли нашей на Востокъ*, въ то же время наше правительство постановляло внутреннія мѣры, дабы упрочить самобытность коммерческаго нашего сословія, возбудить въ немъ духъ предпріимчивости и торговаго честолюбія и утвердить независимость внѣшней торговли нашей отъ иностранцевъ». [2] Николаевское правительство не только вело «буржуазную» политику,—какъ

---

[1] Донесеніе Лебцельтерна Меттерниху отъ 13/1 іюня 1823. (цит. изд. стр. 117).

[2] Журналъ Государств. Совѣта 11 мая 1836 г. Акты Кавказск. Археограф. Ком-іи, VIII, стр. 175.

пишущему эти строки уже неоднократно приходилось указывать,—но оно вело ее совершенно *сознательно*. Это не были случайныя мѣры, принимаемыя время отъ времени, подъ давленіемъ обстоятельствъ—это была *система*.И каждый отдѣльный фактъ освѣщался съ точки зрѣнія этой системы. Разсуждая о закрытіи закавказскаго транзита, государственный Совѣтъ находилъ «въ общемъ видѣ настоящаго дѣла, что вся сущность его состоитъ въ *открытомъ состязаніи европейской промышленности съ нашею собственною*» (журналъ 4 февр. 1832). Состязаніе это, поскольку рѣчь шла объ азіатскихъ рынкахъ, казалось государственному Совѣту дѣломъ нетруднымъ. «Нѣтъ сомнѣнія», думалъ Совѣтъ, «что при настоящемъ усовершенствованіи фабрикъ и мануфактуръ, издѣлія наши могутъ начинать соперничество съ иностранными, приготовляемыми собственно для азіатскаго торга, какъ въ добротѣ, такъ и въ цѣнѣ, имѣя въ послѣднемъ случаѣ па сторонѣ своей дешевизну собственныхъ нашихъ матеріаловъ, рабочихъ рукъ и самаго провоза» (журн. 11 мая 1836 г.).

Во всемъ этомъ государственный Совѣтъ *фактически* ошибался. Рабочія руки въ Россіи, благодаря крѣпостному праву искусственно привязывавшему эти руки, если не къ землѣ, то къ землевладѣльцу, были дороже, чѣмъ въ западной Европѣ: *реальная* заработная плата, въ 1830-хъ годахъ, въ Москвѣ была выше, чѣмъ въ Германіи, и не ниже, чѣмъ въ Англіи [1]. О «дешевизнѣ матеріала» не могло быть рѣчи, когда у Россіи не было ни собственнаго хлопка ни собственныхъ красокъ. Что же касается качества товаровъ, то вкусы «азіатцевъ» не были такъ скромны, какъ думали въ Петербургѣ. Уничтоживъ закавказскій транзитъ, наводнявшій русское закавказье иностранными товарами съ лейпцигской ярмарки, думали, по крайней мѣрѣ, здѣсь пріобрѣсти прочный рынокъ для отечественныхъ мануфактуръ: а въ дальнѣйшемъ льстили себя надеждою еще расширить этотъ рынокъ, заставивъ покупать наши товары и Персію, раньше получавшую заграничную мануфактуру черезъ русское Редутъ-Кале.

Ни та, ни другая надежды не сбылись. Отвѣчая министерству финансовъ на вопросъ о причинахъ слабаго сбыта русскихъ товаровъ въ Закавказьѣ, кавказскій главнокомандующій бар. Розенъ писалъ: «Закавказскіе промышленники... говорятъ единогласно, что россійскіе товары всякаго сорта цѣнятся гораздо выше на мѣстѣ произведенія, нежели можно выручить за нихъ въ Азіи: затѣмъ расходы, перевозка и проценты потеряннаго на операцію времени возвышаютъ цѣну сему товару вдвое противъ

---

[1] См. «мнѣніе» одесскаго ген.-губернатора, гр. Воронцова (Акты Кавк. археогр. Ком-іи VIII. 148—149). Ср. *Туганъ-Барановскаго*, «Руская фабрика», стр. 205 2-го изданія.

его качествъ: средніе же и низкіе сорта россійскихъ товаровъ въ Персію вовсе почти не имѣютъ сбыта. Если же и есть требованіе на оные въ Закавказскомъ краѣ, то въ небольшомъ количествѣ, чему причиною легкость и непрочность матеріаловъ, слабый составъ красокъ и несоотвѣтственный азіатскому вкусу выборъ рисунковъ и узоровъ; тогда какъ германскія, французскія и англійскія мануфактурныя произведенія, сохранивъ возможную доброту матеріала, нарочито преимуществуютъ яркостью и прочностью красокъ и особо выборомъ рисунковъ, удовлетворяющихъ вкусу азіатцевъ, согласуясь съ ихъ обычаями и роскошью, за всѣми описанными добрыми качествами сихъ товаровъ, цѣны на нихъ болѣе низки, нежели умѣренны, и болѣе прибыточны для сбыта» [1]. Въ то же время, оставивъ Редутъ-Кале, иностранные товары пробили себѣ новую дорогу въ Персію, черезъ турецкія владѣнія, на Требизондъ и Эрзерумъ—дорогу, сохранившую свое значеніе до нашихъ дней. Передъ русской политикой всталъ новый вопросъ о завладѣніи требизондской торговлей. Но шаги въ этомъ направленіи только обострили русско-англійскій конфликтъ (приведшій, впослѣдствіи, къ Севастополю), положительныхъ же результатовъ не дали.

«Пролагать оружіемъ» новые пути для недоразвившейся русской промышленности было тяжелой барщиной. Чтобы понять, зачѣмъ николаевское правительство взвалило ее на себя, намъ нужно отступить немного назадъ. Короткій франко-русскій союзъ при Александрѣ I (1807—1812, фактически онъ оборвался уже въ концѣ 1810) имѣлъ огромное значеніе въ исторіи русской обрабатывающей промышленности. Какъ союзница Наполеона I, Россія должна была примкнуть къ *континентальной блокадѣ*, которую современному читателю чрезвычайно легко себѣ представить: стоитъ только на мѣсто Германіи съ 1916 года поставить Англію съ 1806. Какъ и теперь, тогда это была попытка неэкономическими средствами добиться экономическихъ результатовъ: для Франціи тогда попытка была неудачна. Россія до континентальной блокады почти всю свою мануфактуру получала изъ Англіи. Запрещеніе торговли съ Англіей оказалось манной небесной для отечественной промышленности: фабрики стали рости, какъ грибы, ввозъ хлопка въ Россію увеличился за два года въ 18 разъ: впервые въ Россіи появились собственныя механическія прядильни—раньше пряжа была англійская. «Не только многіе богатые коммерсанты и дворяне, но и разнаго состоянія люди приступили къ устройству фабрикъ и заводовъ разнаго рода, не щадя капиталовъ и даже входя въ долги», говоритъ одна современная записка о второмъ десятилѣтіи 19-го вѣка. Толчокъ, данный континентальной блокадой,

[1] Отношеніе отъ 24 окт. 1835 г. (Акты К. Арх. Комм. VIII, 157 стр.)

продолжалъ оказывать вліяніе на русскую промышленность и долго послѣ разрыва съ Наполеономъ: блокады не было, но запретительные таможенные тарифы остались—попытка вернуться къ полусвободной торговли (тарифъ 1819 года) продержалась всего три года. Въ 1812 г. въ Россіи считалось 2325 фабрикъ, въ 1816—3733, въ 1820—4558, въ 1824—5286. Этотъ *темпъ* развитія русской промышленности необходимо постоянно имѣть въ виду, когда мы говоримъ о проектахъ Сперанскаго и декабристовъ; первые совершенно непонятны безъ этого фона быстро растущей буржуазной Россіи—для Сперанскаго не даромъ «главнымъ предметомъ» главнаго министерства, внутреннихъ дѣлъ, являлась промышленность; «министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ управлять мануфактурами по ихъ уставу». Декабристы были сами дворяне, въ ихъ *психологіи* много феодальнаго,—но ихъ *идеологія* была буржуазной, и освобожденіе крестьянъ составляло неотъемлемую часть ихъ плановъ. Крѣпостная Россія, съ насильственно задерживаемыми въ деревнѣ натуральнохозяйственными порядками, не могла представить собою рынка для столь бурно развивавшейся промышленности: уже въ концѣ 20-хъ годовъ внутренній рынокъ считался исчерпаннымъ. Россія опять, какъ въ 1760-хъ гг., стояла передъ дилеммой: или переходъ къ буржуазнымъ порядкамъ или кризисъ—но на этотъ разъ кризисъ не помѣщичьяго хозяйства, а новорожденной промышленности.

Декабристы сочувственно относились къ положенію промышленности: нѣкоторые изъ нихъ шли такъ далеко, что раздѣляли даже тоску россійскихъ предпринимателей по запретительному тарифу (исчезавшему, мы знаемъ, подъ давленіемъ дворянскихъ интересовъ на три года): Штейнгель, въ письмѣ изъ крѣпости къ Николаю Павловичу, называлъ фритредерскій тарифъ 1819 г. «ошибкой» и приписывалъ ему разореніе не только купцовъ (что было, отчасти, правильно), но и «народа» (что было, конечно, преувеличеніемъ). Товарищи Штейнгеля, не оставляя «дворянской» точки зрѣнія—о преимуществахъ свободной торговли (т.-е. дешевыхъ заграничныхъ товаровъ для помѣщиковъ), въ этой самой свободѣ торговли видѣли средство поднять промышленность, при всемъ своемъ фритредерствѣ соглашаясь, въ то же время, что отъ конкуренціи нѣкоторыхъ иностранцевъ, напримѣръ, англичанъ, русское купечество все же должно быть ограждено, и что «шаткость тарифа привела въ нищету многихъ фабрикантовъ и испугала другихъ» [1]. Буржуазію декабристы считали на своей сторонѣ, наравнѣ съ «профессорами, литераторами и журналистами». Среди заговорщиковъ купцовъ не было (только московскій типографъ Селивановскій

[1] *Бороздинъ* «Изъ писемъ и показаній декабристовъ», стр. 38.

оказался слегка прикосновеннымъ къ дѣлу). Но есть положительныя доказательства, и съ разныхъ сторонъ, что ихъ старались привлечь. Рылѣевъ показывалъ объ этомъ на слѣдствіи, прибавляя, что изъ его попытокъ ничего не вышло. Но мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, одного купца, который, если и не игралъ опредѣленной роли въ заговорѣ, во всякомъ случаѣ о немъ зналъ. Это былъ зять знаменитаго Ростовцева, Сапожниковъ. Наканунѣ 14 декабря у него былъ ужинъ; хозяинъ, угощая гостей шампанскимъ, говорилъ: «выпьемъ, неизвѣстно, будемъ ли завтра живы!» Существуетъ указаніе, что по совѣту именно Сапожникова Ростовцевъ подалъ Николаю свой доносъ на декабристовъ. Первая же русская революція отмѣчена «буржуазной измѣной!»[1].

Насколько все это было серьезно? Въ случаѣ успѣха движенія мы едва ли бы увидали буржуазію только на роляхъ доносчиковъ. Наканунѣ сапожниковскаго ужина былъ обѣдъ у директора Россійско-Американской компаніи,—крупнѣйшаго торговаго предпріятія тогдашней Россіи, и на этомъ обѣдѣ говорились самыя либеральныя рѣчи. Рылѣевъ былъ правителемъ дѣлъ компаніи—и едва ли либеральничающій директоръ не зналъ о радикализмѣ своего подчиненнаго. Во всякомъ случаѣ, правительство придавало этому серьезное значеніе. Показаніе Рылѣева о купцахъ было отвѣтомъ на прямой вопросъ, поставленный ему слѣдователями. Еще въ 1821 году Александру I доносили, что купцы петербургскаго гостинаго двора собираются группами, человѣкъ по восьми, съ газетами въ рукахъ и разсуждаютъ о необходимости конституціи[2]. А по мнѣнію декабриста Штейнгеля, хорошо знавшаго купеческую среду, газеты читали и разсуждали по поводу нихъ не только купцы, но и ихъ приказчики. При свѣтѣ всѣхъ этихъ фактовъ, и еще болѣе этихъ опасеній, своеобразное освѣщеніе получаютъ заботы Николая Павловича о «свободѣ» русской торговли—и прокладываніе вооруженною рукою новыхъ путей для этой послѣдней. Благонадежность, которой такъ прославилось россійское купечество девятнадцатаго вѣка, не пришла сама собой—объ этомъ нужно было похлопотать...

Мы имѣли двѣ реакціи—и два устремленія къ Константинополю. Николай Павловичъ былъ къ этому городу ближе, чѣмъ кто бы то ни было изъ его предшественниковъ и его преемниковъ. Въ 1833 г. русскій флотъ стоялъ на якорѣ въ Босфорѣ, а русская армія лагеремъ на ея берегахъ—все это, правда, пришло «защищать» султана, но безъ всякаго приглашенія

[1] См. объ этомъ «Общественныя движенія въ Россіи въ перв. полов. XIX в.» I, стр. 306, 440 и въ др. мѣстахъ.

[2] Ibid. 301 прил.

ю стороны послѣдняго. Хункіаръ-Искемсскій договоръ этого года, казалось, осуществлялъ мечту о проливахъ: султанъ обязался не пропускать черезъ нихъ ни одного иностраннаго военнаго судна—о русскихъ не было прямо упомянуто, но для нагляднаго доказательства, что на нихъ запрещеніе не распространяется, эскадра адмирала Рикорда, плававшая въ Архипелагѣ, черезъ Босфоръ и Дарданеллы прошла въ Черное море. Правда, прошла не сразу, и не въ томъ порядкѣ, какой приличествуетъ эскадрѣ, а по одному судну съ большими промежутками—«чтобы не раздражить англичанъ». Повидимому, офиціально даже отрицали, что прошла *вся* эскадра: отсюда странное противорѣчіе между дипломатическими документами и очевидцами факта. Это было плохимъ предзнаменованіемъ: восемь лѣтъ спустя, Хункіаръ-Искемсскій договоръ смѣнился лондонской конвенціей 1841 г., закрывавшей проливы для *всѣхъ* военныхъ кораблей, т.-е. фактически именно для русскихъ—ибо всѣ другіе не допускались уже по трактату 1833 г. А пятнадцать лѣтъ спустя русскій черноморскій флотъ вовсе пересталъ существовать, по парижскому миру 1856 г. Судьба не была къ русскому дворянству 1850-хъ годовъ такъ же милостива, какъ къ его дѣдамъ 1760-хъ: гг.: съ крѣпостнымъ правомъ приходилось разстаться. Ибо то, что защищалъ Николай I на Дунаѣ и въ Закавказьѣ, было, въ конечномъ счетѣ, именно крѣпостное право. Русская промышленность отлично могла бы развиваться безъ внѣшнихъ рынковъ—но для этого ей нужно было дать внутренній, а этого нельзя было сдѣлать, по тому времени. . . . .

. . . .

Себя, впрочемъ, дворянство не обидѣло и въ 1861 г. Во-первыхъ, ему все-таки продолжало везти: какъ разъ ко времени реформы стали подниматься хлѣбныя цѣны, являющіяся главнымъ экономическимъ препятствіемъ для нея въ 1820-хъ—40-хъ годахъ. «Работа наемными людьми въ Россіи будетъ самымъ неосновательнымъ и разорительнымъ предпріятіемъ, доколѣ цѣна хлѣба не возвысится», писалъ одинъ русскій агрономъ въ 1830 г. Въ 50-хъ годахъ это условіе было налицо: если мы примемъ цѣны 1820-хъ гг. за 100, цѣны пятидесятыхъ будутъ 174 для пшеницы и 190—для ржи. Это цѣны западно-европейскія (берлинская биржа). Но хлѣбный вывозъ былъ основой развитія русскаго аграрнаго капитализма, и европейскія цѣны быстро отражались на внутреннихъ: въ Петербургѣ четверть пшеницы за пятнадцатилѣтіе 1824—38 гг. стоила 4 р. 25 к., а уже въ концѣ 40-хъ гг. поднялась до 6 рублей. Во-вторыхъ, помѣщики, какъ всѣмъ извѣстно, совершили въ 1861 г. весьма выгодную операцію, продавъ крестьянамъ ихъ надѣлы гораздо дороже, чѣмъ они стоили. Мы не будемъ касаться другихъ подробностей крестьянской реформы—все это, опять-таки, слишкомъ хорошо

извѣстно. Буржуазное хозяйство было допущено въ русскую деревню въ минимальныхъ размѣрахъ, и реформа какъ-никакъ являвшаяся большимъ шагомъ впередъ по пути развитія русскаго капитализма, дала, непосредственно, крайне странный, съ этой точки зрѣнія, результатъ: производительность русской индустріи упала [1]. Замѣчательно, что шестидесятые годы были временемъ, когда восточный вопросъ тихо спалъ. Въ концѣ этого десятилѣтія знакомый намъ Данилевскій писалъ, что «война Россіи съ Турціей сдѣлалась невозможною и безполезною», а на лондонской конференціи 1871 г. турецкая дипломатія оказала русской очень серьезную дружескую услугу. Нехотя позволивъ Россіи возстановить черноморскій флотъ, Англія и Австрія очень старались, чтобы возродившійся русскій флотъ былъ наглухо запертъ въ Черномъ морѣ, и потому предложили такую формулу закрытія проливовъ, которая давала Турціи возможность пропустить черезъ Дарданеллы любой флотъ—кромѣ русскаго. Но турки только что, за три года передъ этимъ, почувствовали въ Россіи могучаго друга: во время критскаго возстанія 1867 г. Россія чрезвычайно способствовала успокоенію грековъ, стремившихся придти на помощь критянамъ. Турція отплатила за услугу услугой: по ея настоянію, формула была такъ измѣнена, что султанъ могъ пропустить и дружественный ему русскій флотъ. Александръ II лично благодарилъ турецкаго посла въ Петербургѣ.

Но если бы дѣло замерло на такой мертвой точкѣ (я говорю, разумѣется, о русской промышленности, а не о восточномъ вопросѣ), это значило бы, что реформа 1861 г. потерпѣла окончательную неудачу. Такъ далеко дѣло не зашло. Къ началу 70-хъ годовъ русская промышленная летаргія кончилась [2]. Одновременно съ этимъ кончилась и русско-турецкая дружба. Этотъ фатальный конецъ русская дипломатія предвидѣла съ проницательностью, доходившей до чудеснаго. Въ январѣ 1875 г. на балканскомъ полуостровѣ было спокойно (герцеговинское возстаніе началось только въ концѣ лѣта), а уже кн. Горча-

---

[1] Количество переработаннаго хлопка съ 2.643 тыс. пуд. въ 1861 г. упало до 850 тыс. п. въ 1862—и даже въ 1865 вновь поднялось лишь до 1591 п. Количество выплавленнаго чугуна съ 19.451 т. п. въ 1861 г. сошло до 15.268 т. п. въ 1862 г. (въ 1865—18.281 т. п.). Число суконныхъ фабрикъ ъ 432 въ 1860 г. упало до 365 въ 1863, а производство ихъ съ 26¼ милл. р. до 26 ровно. И т. д. См. Туганъ-Барановскій «Русская фабрика».

[2]

Года	Переработано: хлопка	Переработано: пряжи	Выплавлено чугуна
	(тысячи	пуд.).	
1870	2801	254	21949
1873	3530	323	23484
1876	4708	340	26957

ковъ предвидѣлъ не только чрезвычайное осложненіе балканскихъ дѣлъ, но прямо войну—и, со свойственною ему разговорчивостью, объяснялъ это иностраннымъ дипломатамъ [1]. А едва началось герцеговинское возстаніе (куда менѣе серьезное, чѣмъ критское 1867 г.), какъ въ Петербургѣ уже вѣрили, что «Оттоманская имперія погибнетъ въ этомъ пожарѣ» и рисовали планы *балканской федераціи*. Можно подумать, что весь хлопокъ русскихъ фабрикъ шелъ на изготовленіе хлопчатобумажнаго пороха: таково было его взрывчатое свойство!

На самомъ дѣлѣ, повторялось знакомое намъ явленіе. Развитіе капитализма наталкивалось на устарѣвшія соціальныя перегородки, которымъ въ благоустроенномъ буржуазномъ государствѣ быть не полагается. Противорѣчіе экономическое немногими сознавалось,—но это не мѣшало всѣмъ его чувствовать. Отсюда чувство недомоганія—въ буржуазныхъ, именно, кругахъ: среди крестьянства все было еще спокойно. Революціонное движеніе, поскольку оно было мѣстнымъ, а не интернаціональнымъ, фактомъ (русскій бакунизмъ былъ отвѣтвленіемъ европейскаго) отражало собою именно это буржуазное недомоганіе: только благодаря ему движеніе въ этомъ періодѣ представляло собою какую-нибудь угрозу для правительства. Послѣднее хотѣло бы сдѣлать изъ революціонеровъ пугало для буржуазіи, выставляя ихъ врагами «государства и цивилизаціи», но это плохо помогало. Въ общемъ и цѣломъ сочувствіе буржуазнаго общества 70-хъ г. было на сторонѣ революціонеровъ. Изъ положенія надо было выйти: но самый проектъ выхода, завершеніе недоконченной реформы въ деревнѣ, затрагивалъ дворянство,—а мы напрасно старались бы представить себѣ власть безъ классовой основы. Правительство 70-хъ г. было дворянскимъ правительствомъ ничуть не менѣе, чѣмъ правительство Николая I или Екатерины II. Выхода нужно было искать. не затрагивая сферы дворянскихъ интересовъ. . . . . .

. . . .

Движеніе противъ «государства и цивилизаціи» вспыхнуло яркимъ пламенемъ—въ первый разъ со времени декабристовъ русская революція вышла изъ стадіи прокламацій. Достоевскій былъ совершенно правъ, когда съ побѣдой Россіи онъ связывалъ разгромъ соціализма,—правъ для Россіи, по крайней мѣрѣ, если не для Европы. Послѣ русской неудачи онъ на два года прекратилъ

---

[1] Франц. послу Лефле См. Hanotaut «Histoire de la France contemporaine» IV pp. 58—59.

свой «Дневникъ Писателя». А русскую промышленность пришлось выводить изъ тупика героическими средствами. Начиная съ того же 1877 г., русскій таможенный тарифъ быстро возвращается къ запретительнымъ ставкамъ временъ Николая I. Это была жертва—тяжелая жертва, принесенная дворянствомъ, если не на алтарь самого отечества, то на алтарь отечественной промышленности. Тѣмъ, кто говоритъ, что учрежденіемъ дворянскаго банка былъ сдѣланъ кому-то какой-то «подарокъ», не мѣшаетъ объ этомъ подумать. Сами же дворяне относились вполнѣ сознательно къ своей жертвѣ и подъ конецъ стали находить ее чрезмѣрной, несмотря на дворянскій банкъ. «Нашъ сельскохозяйственный кризисъ есть послѣдствіе колоссальнаго нарушенія равноправія между обрабатывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, въ привиллегіяхъ первой и угнетеніи въ ея пользу второго», говорилось на всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ 1895 г. Но зато буржуазія больше не аплодировала, когда «врагамъ государства и цивилизаціи» выносились оправдательные приговоры,—да некому было и выносить такіе приговоры. . . . .

. . . .

. . . .

Итакъ, вкратцѣ, какую же роль играло въ русской исторіи устремленіе къ Константинополю? Я позволю себѣ отвѣтить сравненіемъ: какую роль въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ играютъ переселенія въ Сибирь? Означаютъ ли они, что на старыхъ крестьянскихъ надѣлахъ нельзя вести болѣе интенсивнаго хозяйства? Отнюдь нѣтъ—но крестьяне *не могутъ* завести этого болѣе интенсивнаго хозяйства; оттого выселяются. Отчего русская промышленность ищетъ иностранныхъ рынковъ? Значитъ ли это, что внутренній рынокъ уже исчерпанъ? Отнюдь нѣтъ: этому внутреннему рынку мѣшаютъ развиваться устарѣлыя соціально-политическія условія, соотвѣтствующія устарѣлому складу помѣщичьяго хозяйства. Помѣщики *не хотятъ* разстаться съ этими условіями. Въ этомъ «могутъ» и «хотятъ», въ этомъ субъективномъ оттѣнкѣ вся разница. Объективно же и турецкія войны, и крестьянскія переселенія служили одной цѣли: поддержанію устарѣвшаго типа народнаго хозяйства. И тѣ, и другія служили орудіемъ экономическаго, а съ ними и всяческаго другого застоя. Теперь, чего требовалъ Достоевскій? Политическаго застоя. Читатель, не былъ ли онъ такъ же правъ, требуя и Константинополя?

М. Покровскій.

РАЗГОВОРЪ.

Парижъ. 1913 г.

Это было въ одинъ изъ лѣтнихъ, томительно жаркихъ вечеровъ. Раскаленный за день Парижъ стылъ въ синей душной мглѣ, а на бульварахъ беззвучно опадали сожженные зноемъ каштановые листья... Весь нашъ домъ, сверху до низу набитый жильцами, уже давно заперся, прикрылся ставнями и затихъ, и только мое раскрытое настежъ окно смотрѣло желтымъ четырехъ-угольнымъ глазомъ на пыльную, пустынную улицу, впуская въ комнату запахъ нагрѣтой мостовой, дыма и сухой листвы. Я прислушался къ угрюмой тишинѣ вокругъ меня, оглядѣлъ мою неряшливую, надоѣвшую мнѣ комнату, разбросанныя газеты и бумаги, захлопнулъ книгу и, взявъ шляпу и палку, отправился въ Булонскій лѣсъ.

Здѣсь было прохладно. Въ сыроватыхъ темныхъ аллеяхъ подъ черной сѣткой вѣтвей слышались тихіе голоса; сверкая фонарями, вылетали изъ темноты экипажи; мѣрно звякали бубенчики на упряжи лошадей.

Надъ озеромъ вѣеромъ стояло фіолетовое зарево пылающаго ночного Парижа, а на берегу прямо противъ меня въ черной чащѣ деревьевъ большое кафе переливало свои золотые огни.

Огромный розовый фонарь синѣлъ у входа, на площадкѣ подъ деревьями было людно, шумно и свѣтло, какъ въ бальной залѣ; на эстрадѣ, увитой плющемъ лампіоновъ, бушевалъ оркестръ; сладко пахло табачнымъ дымомъ, кофе и духами...

Я съ трудомъ пробрался между стульями и вытянутыми вкривь и вкось ногами и, лишь только отыскалъ свободный столъ, за моей спиной раздался глуховатый голосъ:

— Разрѣшите мнѣ сѣсть рядомъ съ вами. Кругомъ все занято.

Я обернулся. Маленькій, коренастый старикъ-французъ, съ сѣдой бородой и бойкимъ взглядомъ карихъ глазъ, вѣжливо приподнялъ шляпу. Я отодвинулъ стулъ, давая ему мѣсто, и мелькомъ оглядѣлъ незнакомца. На немъ былъ не новый, но складно сшитый костюмъ, свѣтлый галстухъ, бантомъ выступавшій изъ подъ бѣлоснѣжнаго воротничка, и старомодная мягкая шляпа съ круто загнутыми полями, придававшая ему видъ провинціала. На отворотѣ его пиджака я замѣтилъ красную

полоску ордена Почетнаго Легіона, и весь онъ, тщательно выбритый, опрятный и учтивый, казалось, былъ полонъ достоинства и благодушія.

Заказавъ себѣ вина и кофе, французъ отпустилъ лакея и закурилъ папиросу.

— Здѣсь всегда переполнено, но я неизмѣнно прихожу сюда,—словоохотливо заговорилъ незнакомецъ,—мы, во Франціи, привыкаемъ къ кафе, какъ удобной обуви, и мѣняемъ его рѣдко, кажется, лишь когда мѣняемъ убѣжденія. Не правда ли?

— Я—иностранецъ. Но, вѣроятно, вы правы,—отвѣтилъ я.

— Ну, вотъ видите... Напримѣръ, молодыми журналистами мы собирались въ мрачныхъ рабочихъ кварталахъ Парижа и спорили до хрипоты о разныхъ соціальныхъ переворотахъ; потомъ, когда остыли головы, мы перебрались уже въ большія кафе на бульварахъ, болѣе подходящія для спокойнаго обсужденія реальныхъ интересовъ республики, а вотъ въ старости просто ищемъ мѣсто близъ дома, гдѣ можно встрѣтить друзей и за стаканомъ вина вспомнить старое, побранить новое и побрюзжать на правительство. Что вы хотите? Такова уже жизнь... —съ добродушной улыбкой сказалъ старикъ.

Онъ замолчалъ и, положивъ свои широкія жилистыя руки на серебряный набалдашникъ трости, сталъ, какъ и я, разглядывать окружающихъ.

Толпа въ кафе была обычная: нарядная и смѣшанная. Люди пили, ѣли, смѣялись и зѣвали, не останавливая на себѣ глазъ, и только сосѣдній съ нами столъ разомъ приковалъ мое вниманіе.

Прямо противъ меня старушка, въ мятой шляпкѣ съ пыльнымъ бантомъ, ѣла пирожокъ, держа его въ маленькой, дрожащей отъ волненія, рукѣ; рядомъ сидѣла молодая дѣвушка, вся въ бѣломъ, худенькая и блѣдная, а противъ нея, широко и удобно развалившись на стулѣ, плотный немолодой мужчина съ рыжеватыми усами, торчащими поперекъ толстыхъ щекъ, что-то имъ обстоятельно объяснялъ, чертя короткимъ, толстымъ пальцемъ по краю стола. Онъ говорилъ медленно и важно, изрѣдка поглядывая на молодую дѣвушку; та вспыхивала и беспомощно мечущимися руками оправляла оборочки на своихъ узкихъ плечахъ. Когда разговоръ внезапно обрывался, дѣвушка испуганно озиралась, а старушка съ отчаянной рѣшимостью въ глазахъ неискусно связывала концы порванной бесѣды.

— Это интересно... ахъ, это очень интересно, Monsieur Basvoisin... Значитъ, метро проведутъ къ намъ въ Auteuil... Марта, Марта, ты слышала? Monsieur Basvoisin говоритъ, что метро проведутъ въ Auteuil... Какая экономія времени и денегъ!—слегка заикаясь, взволнованно лепетала она.

Monsieur Basvoisin подхватывалъ тему объ экономіи времени, объ усовершенствованныхъ способахъ передвиженія, переходилъ

къ аэропланамъ, называлъ вычитанныя изъ газетъ цыфры рекордовъ скорости, высоты и разстоянія...

Дѣвушка тихо вскрикивала отъ изумленія, а подъ столомъ нервно ломала свои тоненькіе пальчики; мать ободряюще говорила:

— Вотъ видишь, Марта, какъ много интереснаго знаетъ Monsieur Basvoisin!..

Какъ только кофе было выпито, господинъ взглянулъ на часы, большіе и потертые, и, облегченно вздохнувъ, сказалъ, что проводитъ охотно дамъ до трамвая, если онѣ пожелаютъ, а ему надо еще навѣстить больного товарища. Старушка испытующе посмотрѣла на него.

— Вы, вѣроятно, очень отзывчивый человѣкъ?—спросила она,—впрочемъ Madame Pomme говорила, что вы были очень добры къ ея дѣтямъ...—и она перевела повеселѣвшіе глаза на дочь, словно хотѣла сказать: «Ну, конечно, мы не ошиблись—онъ добрый».

Всѣ трое встали и направились къ выходу. Господинъ съ неловкой услужливостью взялъ пелеринку дѣвушки, и она повисла на его рукѣ, жалобно махая кисточками бахромы.

Мой сосѣдъ проводилъ ихъ глазами, вздохнулъ и вопросительно взглянулъ на меня.

— Мы, кажется, оба наблюдали за однимъ и тѣмъ же?..—сказалъ я.

Старикъ закивалъ головой.

— Да, да, разумѣется... Мы подглядѣли сценку сватовства, предшествующую столь обычному браку по разсудку... И представьте себѣ, Monsieur, этотъ старый козелъ женится на дѣвочкѣ. и они будутъ по своему счастливы... Что вы хотите? Франція хранитъ нелѣпѣйшія традиціи отношенія половъ...

— То, что мы видѣли, не заслуживаетъ оправданія,—горячо сказалъ я,—на меня, иностранца и русскаго человѣка, эта французская бытовая подробность производитъ впечатлѣніе узаконенной проституціи...

Старикъ улыбнулся и медленно раскурилъ сигару.

— Вы, русскіе, очень строги къ намъ,—помолчавъ, сказалъ онъ,—не спорю, то, что мы видѣли сейчасъ, жалкій и некрасивый клочекъ нашего быта. Повѣрьте, мы чувствуемъ это не хуже иностранцевъ, но ищемъ объясненія этому явленію и его находимъ въ существѣ самихъ французскихъ женщинъ, которыхъ узнать не такъ просто. Онѣ скрытны, консервативны и покорны, но гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется... Надо знать главное: французская женщина прежде всего мать, ея первыя грезы принимаютъ образъ ребенка, въ немъ первое пробужденіе ея чувственности. Мужчина для нея чаще отецъ дѣтей, рѣже возлюбленный. Можетъ быть, поэтому она такъ легко отодвигаетъ вопросъ о

примат половой любви надъ материнствомъ, тогда какъ женщины другихъ странъ съ него то и начали свое духовное пробужденіе. Вотъ—разница...

Я пожалъ плечами.

— Мнѣ думается, что разница еще во многомъ другомъ! Французской женщинѣ предстоитъ передѣлать всю себя, свою психику, нравы, побороть узость образованія и косность бытовыхъ условій. Она очень отстала отъ своихъ современницъ,— пренебрежительно сказалъ я.

— Вы думаете? Я бы не сказалъ этого. Женскій вопросъ, какъ и всякій соціальный вопросъ, только теоретически во всѣхъ странахъ равнозначущъ; исторически онъ даетъ самыя неожиданныя сочетанія. Французская женщина упрямо держитъ знамя, которое другія выпустили въ пылу феминистической борьбы. Вотъ и все. Она настойчиво обсуждаетъ въ публицистикѣ, въ прессѣ и въ литературѣ свою специфически женскую роль въ современномъ обществѣ, которую она понимаетъ очень широко и серьезно, какъ сознательную организованную передачу слѣдующему поколѣнію гражданскихъ и эстетическихъ идеаловъ современнной Франціи. Свою соціальную позицію материнства она не сдаетъ, несмотря на то, что кругомъ бушуютъ волны радикальнѣйшаго англійскаго феминизма и соціалъ-демократическаго объединенія нѣмецкихъ женщинъ и, вѣроятно, не сдастъ, а лишь заставитъ женщинъ прибавить нѣчто новое въ идеологіи феминизма... Я бы опредѣлилъ это новое словомъ: «панматеринство» — преображенная, соціализованная женственность... Я васъ увѣряю, это не такъ узко, какъ можетъ показаться. Инстинктъ материнства сильнѣйшій, неодолимый, біологическій импульсъ; и женщины должны использовать его для будущаго соціальнаго строительства. Женщина должна сознавать себя, я настаиваю на этомъ словѣ, не матерью лишь своихъ дѣтей, ей самой выношенныхъ, рожденныхъ и выкормленныхъ, а матерью всѣхъ дѣтей, всякаго человѣка, всякой жизни, требующей опеки, охраны, участія и защиты; только тогда она расширитъ свое современное птичье сердце до предѣловъ новаго и, быть можетъ, еще неизвѣданнаго человѣкомъ великодушія... Семья оторвала женщину отъ родовой группы; сдѣлала ее глухой ко всякому стону, не исходящему изъ устъ ея собственныхъ дѣтей, гасила въ ней изъ поколѣнія въ поколѣніе могучій охраняющій инстинктъ рода, который знала женщина примитивной эпохи людскихъ общежитій. Надо вернуть женщину групповому началу со всей полнотой ея инстинктовъ, преображенныхъ лишь культурой современности. Только тогда развитіе ея будетъ полнымъ и глубокимъ. Французскія женщины безсознательно подошли къ этому выводу, и та незамѣтная работа, которая за послѣдніе годы наблюдается среди нихъ, сводится къ тому, что-

бы въ женской эмансипаціи было не пропущено и забыто, а лишь расширено и углублено значительное для насъ всѣхъ слово «мать»... Я бы могъ подтвердить мои мысли фактомъ, сославшись хотя бы на то, что одна изъ самыхъ серьезныхъ женскихъ ассоціацій—ассоціація Національнаго Совѣта французскихъ женщинъ—взяла на себя внѣ всякихъ феминистическихъ достиженій дѣятельную борьбу съ алкоголизмомъ, проституціей, порнографіей, милитаризмомъ и т. д., во имя охраненія физическаго и моральнаго здоровья будущей Франціи... Изъ этого вы видите, что француженка открыла уже двери своего сердца для заботъ внѣ круга попеченій о своихъ дѣтяхъ и только этимъ и можно объяснить, почему она взяла на себя всѣ эти задачи. Вся Франція для нея—одна огромная колыбель, въ которую, она готова вложить весь свой опытъ, всю свою неизжитую стихію материнства...

— Мы въ Россіи смотримъ иначе; мы считаемъ, что женщинѣ прежде всего надо «стать человѣкомъ», освободиться отъ специфическихъ чертъ своей души — чувствительной и плоской. Есть женщины, которыя отказываются совершенно отъ дѣторожденія, видя въ немъ главнѣйшій источникъ женской духовной безпомощности...

Французъ сморщился.

— Отказываться отъ дѣторожденія во имя эмансипаціи! Какой изувѣрскій раціонализмъ!—съ досадой воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками.—Вѣдь разумъ не убиваетъ природы, а лишь раціонализируетъ ея инстинкты! Инстинктъ материнства, это могучее біологическое устремленіе человѣчества къ будущему, есть порука природы, что она стоитъ за насъ въ непрерывномъ движеніи человѣческихъ воль впередъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ поискахъ большого, универсальнаго, быть можетъ, недостижимаго блага... Да, да, у насъ нѣтъ никакого теоретическаго основанія предполагать, что мы его достигнемъ, но у насъ есть полное основаніе утверждать, что въ тотъ моментъ когда мы перестаемъ въ него вѣрить, мы агонизируемъ духовно и умираемъ заживо. Нѣтъ, съ природой мы связаны въ этомъ устремленіи къ счастью вѣчнымъ, нерасторжимымъ договоромъ, и не можемъ ни порвать съ ней связи, ни отдаться всецѣло ея власти, не переставъ быть человѣкомъ, и не материнство губитъ женскую душу, а тѣ узкія, сдавленныя формы семьи, въ которыя оно воплощается...

— Значитъ, вы отрицаете значеніе феминизма, какъ самодовлѣющей цѣли? — перебилъ я.

— Нисколько! Значеніе феминизма, поставившаго своей задачей соціализацію женской психики и активности, не только отрицать нельзя, но даже ту задачу, которую выдвинула французская женщина въ общеженскомъ дѣлѣ — соціализа-

цію материнскаго инстинкта—возможно осуществить только въ немъ и черезъ него. Психологически невозможно, чтобы женщина смогла ощущать себя матерью всѣхъ насъ, не связавъ себя съ нашей общественной жизнью, и потому феминизмъ,—неизбѣжное средство и ближайшая цѣль. Только путемъ феминизма физіологическій инстинктъ матери станетъ, по преимуществу, соціальнымъ, охраняющимъ всякую жизнь инстинктомъ человѣческой нѣжности, и «панматеринство»—не конечная цѣль женскаго движенія, а одна изъ проблемъ въ рядѣ другихъ, рѣшеніе которыхъ должно намъ дать новую женщину...

— Связывая англійскихъ женщинъ съ радикальнымъ феминизмомъ, нѣмецкихъ,—съ соціалъ-демократической программой полового равенства, французскихъ—съ идеей соціализаціи женственности, вы ничего не сказали о русской женщинѣ, а между тѣмъ, она, несомнѣнно, по ширинѣ кругозора, по всесторонней образованности и отсутствію предразсудковъ наиболѣе яркая представительница женскаго духовнаго раскрѣпощенія!—съ гордостью сказалъ я.

Старикъ помолчалъ.

— Мы относимся къ именамъ многихъ изъ вашихъ соотечественницъ съ глубокимъ и заслуженнымъ уваженіемъ,—уклончиво сказалъ онъ,—мы хорошо помнимъ блестящую Башкирцеву, геніальную Ковалевскую; мы не можемъ не снять шляпы передъ героизмомъ русскихъ женщинъ отъ женъ декабристовъ до маленькихъ учительницъ, погибшихъ въ революцію 1905 года, но мнѣ кажется не совсѣмъ правильнымъ, когда радикализмъ политическій, соціальный и религіозный вашихъ интеллигентныхъ женщинъ освободительной эпохи вы считаете достаточнымъ основаніемъ, чтобы ставить ихъ выше европейскихъ современницъ. Русскія женщины не выработали никакой характерной идеологіи, фактически въ Россіи нѣтъ даже сколько-нибудь серьезной дѣятельности женскаго коллектива. Ваши женскія общества плывутъ на буксирѣ иностранныхъ, малодѣятельны, какъ и вся общественная Россія, и я боюсь быть слишкомъ смѣлымъ, утверждая, что въ минуту политической бѣды внѣшней или внутренней ихъ нельзя будетъ учитывать, какъ сколько-нибудь серьезную общественную силу. Русскія интеллигентныя женщины знали энтузіазмъ подвига, но эта единичная экспансивность характеровъ не составляетъ сущность какого-нибудь дифференцированнаго общественнаго явленія, которое только и приходится учитывать, когда подходишь къ вопросу соціологически, а не съ точки зрѣнія литературы и исторіи эпохи...

— Если я былъ строгъ, высказываясь о французскихъ женщинахъ, вы—безпощадны къ моимъ соотечественницамъ,—горячо заговорилъ я,—вы забыли, что русская интеллигентная

женщина въ массѣ своей самая просвѣщенная въ Европѣ, что женскія высшія учебныя заведенія въ Россіи не въ силахъ вмѣстить всѣхъ желающихъ получить высшее образованіе, и я не очень преувеличу, если скажу, что почти каждая десятая интеллигентная женщина его получаетъ. Эта просвѣщенность русской женщины причина того, что феминизмъ уже осуществленъ въ нашемъ быту и только ждетъ санкціи закона...

Я видѣлъ, какъ слегка вздрогнули сѣдые усы француза отъ сдержанной улыбки.

— О! Я хорошо знаю страсть русскихъ женщинъ къ образованію,—сказалъ онъ,—ваша женская молодежь наполняетъ наши университеты, какъ туча ночныхъ бабочекъ, летящихъ на лампу. Эти маленькія женскія фаланги разсыпаются по всѣмъ аудиторіямъ и библіотекамъ съ горячностью завоевателей. Черезъ годъ, два онѣ сдаютъ иногда хорошо, иногда плохо вызубренныя программы и вывозятъ домой дипломы разныхъ достоинствъ и наименованій. Формально просвѣщеніе достигнуто: у насъ нѣтъ другого мѣрила образованности, кромѣ количества пріобрѣтенныхъ человѣкомъ свѣдѣній; но въ дѣйствительности понятіе просвѣщенія гораздо сложнѣе. Оно предполагаетъ значительное развитіе правового и моральнаго самосознанія, которое, дополняя формальное просвѣщеніе, только и даетъ въ итогѣ общественно культурнаго человѣка. И, вотъ, я хочу спросить васъ, вся эта масса русскихъ женщинъ, которая наполняетъ ваши женскіе университеты, представляетъ ли она сильныхъ не только знаніемъ, но и правовымъ духомъ общественности людей? Я сомнѣваюсь. Мнѣ кажется, что современная русская женщина отъ стараго поколѣнія женщинъ 70-хъ, 80-хъ годовъ, связавшихъ свою судьбу съ дѣломъ политическаго обновленія страны, унаслѣдовала нѣкоторые навыки, но все видоизмѣнилось: жажда просвѣщенія тѣхъ, какъ средства просвѣщенія народа, вылилась не въ культъ теоретическаго знанія, какъ таковаго, который надо было бы привѣтствовать, а въ моду на образованность, на доктрины, на книги, на фразы; порывъ къ широкой общественности перешелъ въ стадное устремленіе женщинъ на курсы всѣхъ наименованій, въ театръ, литературу, спортъ и, наконецъ въ широкій, безрадостный, я бы сказалъ «принципіальный», развратъ; отказъ или небреженіе къ своей личной жизни вашихъ матерей породилъ въ современной русской женщинѣ лишь скептическое отношеніе къ какой бы то ни было отвѣтственности передъ семьей и обществомъ... Мнѣ кажется, что женщины въ Россіи переживаютъ сейчасъ, какъ и все русское общество, тяжелое время больной общественности, въ которой преобладаютъ крохотныя личныя тревоги, маленькія выгодныя дѣла, вычитанныя слова, плохія книги, сомнительныя истины и раздутыя репутаціи... Вотъ почему, я и не коснулся русскихъ

женщинъ и думаю, что и вы, говоря о нихъ, имѣете въ виду не современницъ, а большіе и красивые женскіе характеры уже пережитой эпохи...

Мы замолчали. Старикъ налилъ себѣ вина и, видимо, сосредоточенно что-то обдумывалъ. Мимо насъ ходили люди, пили, ѣли и смѣялись; въ воздухѣ кружилась безтолковая музыка и ползла къ темному озеру; на столы, тѣсно заставленные посудой, на плечи и шляпы сидящихъ изрѣдка падали съ вѣтвей сухіе листья...

Все, что сказалъ мнѣ французъ, сжало мнѣ сердце ощущеніемъ обиды, стыда и неловкости.

— Вы, можетъ быть, и правы, что наша интеллигенція переживаетъ больной безыдейный періодъ,—взволнованно заговорилъ я,—но это лишь показываетъ, что она уклонилась отъ завѣтовъ нашего классическаго русскаго соціальнаго идеализма, разработаннаго 19-мъ вѣкомъ...

— А вы не думаете, что то явленіе, которое вы тоже только что отмѣтили въ жизни вашей интеллигенціи, есть психологическое слѣдствіе этого идеализма?—медленно сказалъ французъ, глядя мнѣ въ лицо.

— Слѣдствіе нашей просвѣтленной общественной совѣсти, запечатлѣнной Толстымъ, Достоевскимъ?..—возмущенно воскликнулъ я.

— Позвольте мнѣ пояснить мои слова. Вашъ соціальный идеализмъ оригиналенъ—не спорю. Доктрина народниковъ, въ которой вы наиболѣе талантливы, академически крайне интересна, какъ примѣръ возрожденія въ 19 вѣкѣ завѣщаннаго намъ еще іудейскими пророками теократическаго принципа примата морали надъ политикой, и наша университетская молодежь охотно пишетъ изслѣдованія о Герценѣ, Михайловскомъ, Лавровѣ и т. д. Но этотъ академическій интересъ не мѣшаетъ намъ бояться вашего идеализма, потому что онъ намъ кажется рожденнымъ не отъ избытка жизненныхъ силъ, а отъ ихъ угнетенія. Стонъ русскаго сердца вы сдѣлали лозунгомъ вашего соціальнаго строительства, и вы не поняли, что ваша больная совѣсть, какъ принципъ политики, есть пріемъ не политическаго возрожденія, а политическаго наркоза... Совѣсть прежде всего связана съ понятіемъ личной вины, раскаянія и искупленія и не ведетъ къ коллективному акту соціальнаго и политическаго переустройства. Вашъ 19 вѣкъ бредилъ счастьемъ людей на землѣ, счастьемъ всѣхъ, счастьемъ во что бы то ни стало... Оно представлялось вашимъ народникамъ въ образѣ прекраснаго, гармоничнаго, «какъ природа», благодатной красотой исполненнаго человѣка, не раздавленнаго фабрикой съ ея раздѣленіемъ труда и культурой города... Вы годами долбили катехизисъ соціально-моральныхъ утопій отъ народовольцевъ черезъ Добролюбова и

Михайловскаго до эстетическаго культа «Человѣка». Быть «человѣкомъ»! Никто не хотѣлъ знать, что «человѣкомъ», да, да, этимъ человѣкомъ въ ковычкахъ, котораго вы представляли отъ рожденія надѣленнымъ красотой, точнымъ мышленіемъ, вдохновенной волей и соціальнымъ ощущеніемъ равенства, не родятся, а дѣлаются путемъ ряда общественныхъ факторовъ, и въ нихъ надо включить и науку, и технику, и государственныя формы правовой организаціи людей и плотную, скованную нормами права и традиціями быта жизнь, и все то, что вы то пренебрежительно, то подобострастно называете нарицательнымъ именемъ «Европа»... Нѣтъ, человѣкъ не только отъ рожденія физіологически дисгармониченъ, но и въ сознаніи своемъ трагиченъ своей раздвоенностью и всю длинную исторію человѣчества можно разсматривать, какъ исторію религіозныхъ, философскихъ и научныхъ попытокъ осилить эту дисгармонію, уравновѣсить центробѣжныя и центростремительныя стихіи, которыя борются въ нашемъ сознаніи, то преисполняя его переживаніями коллектива, братства, рода, солидарности съ группой, то бросая насъ въ упоеніе своимъ личнымъ, единымъ, никому и никогда въ мірѣ неравноцѣннымъ «я»!...

Мы во Франціи подошли къ этому уже давно. Тонкая улыбка Фонтенелля, вздохи Паскаля сказали это нашему сердцу особенно внятно, и мы поняли, что только сознательное устроеніе жизни дастъ намъ въ руки способъ, если не уничтожить, то смягчить и ослабить эту трагедію, тотъ конфликтъ индивидуальныхъ потребностей, хотѣній и страстей, которыя неминуемо нарушаютъ интересы общественности. Мы поняли, что хоть частью достигнемъ этого, если будемъ жизнь нашу строить не на любви другъ къ другу, которая безплодна, какъ принципъ общественнаго строительства, а на правѣ... Право есть то взаимоотношеніе людей, которое принуждая освобождаетъ и освобождая ограждаетъ; оно есть тотъ спасательный кругъ, съ которымъ человѣкъ можетъ свободно плыть и не можетъ безпомощно утонуть, и весь 18-й вѣкъ мы боролись за право... Мы шли отъ англійскаго деизма и англійской государственности, мы не стыдились вѣрить нашимъ учителямъ и кропотливо отливали въ литературѣ, въ философіи и публицистикѣ фигуру будущаго французскаго гражданина. Вы же упрямо лѣпили «идеальнаго человѣка», человѣка въ ковычкахъ, человѣка съ большой буквы, который не укладывался въ обычныя формы права и потому долженъ былъ бросить вызовъ всѣмъ соціологическимъ законамъ, всякой исторической преемственности, всякому образцу. Вотъ разница!

— Вы упрекаете нашихъ идеологовъ общественнаго движенія, которые, дѣйствительно, отразили духъ всей нашей интеллигенціи, въ стремленіи остановить исторію во имя моральнаго просвѣтлѣнія, но вѣдь безъ стремленія къ добру, безъ любви къ

справедливости люди безсильны осуществить какія бы то ни было переустройства въ жизни?—озадаченно спросилъ я.

— Мы расходимся съ вами въ самомъ пониманіи добра. Ваши идеологи въ литературѣ и философіи учили любить добро, любить до конца, любить до логическаго абсурда невмѣненія преступленія, до біологическаго абсурда непротивленія злу... Ваше широкое христолюбіе изъ года въ годъ учило васъ, какъ быть прекрасными, богоподобными людьми, и васъ забыли учить, какъ быть полноправными, неуступчивыми гражданами. Вы повѣрили, что нѣтъ радостнѣй подвига, какъ снять съ себя последнюю рубашку, и не хотѣли знать, что нравственнѣе и человѣчнѣе не дать ее снять съ ближняго. Достигли ли вы этимъ человѣколюбія въ вашей жизни? Стала ли она лучше, прекраснѣй? Вы достигли только антигосударственности русскаго духа и быта, попустительства, беззащитности слабыхъ, насилія во всѣхъ его видахъ и въ то время, какъ на западѣ все общество встаетъ на защиту поруганной жизни—у васъ нѣтъ уголовнаго преступленія, которое бы вызвало коллективный вопль протеста, и ваша общественная мысль, которая теоретически не пріемлетъ культуры и прогресса изъ-за слезы невиннаго ребенка, которая бунтуетъ противъ метафизическаго зла, на практикѣ проявляетъ великую терпимость ко грѣху и преступленію, и намъ, издали наблюдающимъ за вашей жизнью, кажется, что въ этомъ разрывѣ теоретической мысли и активности, идеализма и жизни, великая загнившая язва вашей общественности, угрожающій симптомъ тяжкой болѣзни...

— Вы не учитываете внѣшнихъ условій, о которыя разбивались всѣ попытки уничтожить этотъ разрывъ!—съ запальчивостью перебилъ я.

— Не касаясь экономическихъ и соціальныхъ причинъ вашихъ неудачъ, мнѣ кажется, что они психологически происходили отъ того, что ваша интеллигенція подходила къ своей задачѣ съ пламенной любовью къ добру, къ переустройству жизни въ духѣ своего безпочвеннаго идеализма, а не съ горячей ненавистью къ тому конкретному, повседневному злу, которое разсѣяно такъ щедро въ вашей жизни... Вы не хотѣли знать трезвой воинствующей добродѣтели, того подвига справедливости и чести, который составлялъ идеологію хотя бы нашего рыцарства, и если въ вашей исторіи мы находимъ слѣды ея, то наиболѣе яркими носителями этой идеологіи защитниковъ угнетенныхъ, увы! являются лишь des déclassés, какъ, напр., Разинъ и Пугачевъ, которыхъ вы называете «разбойниками»... Въ литературѣ же вашей, несчастнаго бунтаря Раскольникова вы пытаете на медленномъ огнѣ раскаянія и логически приводите читателя къ идеѣ покорности и смиренія, а, между тѣмъ, вы забываете главное: гнѣвъ, ненависть, мятежный стыдъ—величайшіе рычаги нашей воли...

Это аффекты, которые неминуемо воплощаются въ акты, въ рѣшенія, въ борьбу... Вспомните слова Маркса въ одномъ изъ его трехъ писемъ къ Руге: «Стыдъ—своего рода *гнѣвъ* на самого себя. Если бы цѣлая нація, дѣйствительно, устыдилась самой себя, она была бы львомъ, готовымъ къ прыжку!» Вы должны жгуче ненавидѣть зло, соціальную неправду, соціальное угнетеніе, ненавидѣть ихъ до бѣшенства, до изступленія, до отчаянія... и если вамъ такъ дорогъ образъ Христа, то помните не только о Христѣ бичуемомъ, но и о Христѣ бичующемъ и возмущенномъ...

— Значитъ, вы исключаете изъ жизни любовь—драгоцѣннѣйшую способность сердца?—удивленно перебилъ я.

Французъ отрицательно покачалъ головой.

— О, нѣтъ! Любовь, святость, совершенствованіе... развѣ можно отвергнуть и забыть хоть что-нибудь, что вплетено въ исторію человѣчества! И Будда, и Толстой, и стоики, и Францискъ Ассизскій—всѣ они немыслимы, какъ соціальные строители, но сами по себѣ, развѣ они эстетически не вѣчно цѣнны, незабвенны? Но мы съ вами, два собесѣдника, обсуждаемъ сейчасъ вопросы общественнаго смысла и пользы, а не вопросы эстетики, и, не выходя изъ сферы этихъ вопросовъ, я долженъ высказать мое убѣжденіе, что та антиномія духа, которой восхищаются у насъ въ Россіи, какъ особенностью русской души—эта разорванность между абсолютнымъ добромъ и абсолютной невозможностью его осуществить вами—молодымъ поколѣніемъ—неминуемо, должна быть оставлена. Оставьте криминалогіи, исторіи, соціологіи разобраться въ идейномъ наслѣдіи 19 вѣка, вы же—русскіе граждане—должны сознавать, что стоите передъ труднѣйшей задачей момента—выработкой правового народнаго самосознанія... Вы должны развить въ себѣ способность сильно и полно реагировать на преступленія—на все, что угрожаетъ вашей личной и политической свободѣ, чтобы тѣмъ самымъ, сплотивъ все общество въ крѣпкое солидарное цѣлое, сдѣлать его неуязвимой гражданской цитаделью. Общество, которое перестаетъ сознавать себя, свою сущность, свою безопасность въ актахъ коллективной самозащиты отъ всѣхъ видовъ насилія, становится нежизнеспособнымъ и надо вамъ понять это и рѣшиться, наконецъ, увѣровать въ воинствующую добродѣтель гражданства... Разстаньтесь навсегда съ мечтой о святости жизни! Святости нѣтъ въ жизни общества, не было и не можетъ быть... Это понимали моралисты и философы всѣхъ временъ и народовъ. Въ жизни, въ той настоящей жизни осязаемыхъ фактовъ, изъ которыхъ создаются исторія, законы, хозяйство—все густо заткано страданіемъ, антагонизмомъ, земными страстями... «Культура возникла изъ труда и вражды: необщительная общественность людей, ихъ соревнованіе, тщеславіе и вражда, ведутъ въ

концѣ концовъ къ прогрессу»,—еще Кантъ отмѣтилъ это. Зло впаяно въ нашу жизнь неразрывно и навѣки, и поэтому всѣ наши настоящія и въ прошлые вѣка попытки стать абсолютно совершенными всегда шли рука объ руку съ аскетизмомъ, съ отрицаніемъ жизни. Отсюда и торжество абсолютнаго добра въ религіозномъ сознаніи народовъ представилялось, какъ *конецъ міра* прекращеніе имманентнаго бытія, остановка его, разрывъ съ матеріей... Всякое прикосновеніе абсолютнаго добра къ жизни міра ведетъ къ его тлѣнію и смерти—отсюда идея спасенія путемъ ухода изъ міра, пещеры, Нирвана, безвѣстность, отрицаніе культуры... На примѣрѣ великаго Толстого вы можете видѣть, какъ человѣкъ, восходя все выше къ идеалу абсолютной морали и любви, всю жизнь медленно отходилъ отъ соціальной русской жизни. Постепенно русская жизнь теряла въ немъ культурнаго расчетливаго помѣщика, заботливаго трудолюбиваго собственника, общественнаго дѣятеля, заботливаго семьянина, и всѣ эти образы заслонила библейская фигура старика-отшельника, который можетъ и умѣетъ любить весь міръ широкой, но соціально безплодной любовью... Абсолютное добро—соціальная смерть. Надо было быть Толстымъ, чтобы этотъ уходъ изъ міра восполнился его геніемъ художника и моралиста, и сдѣлалъ его образъ и ученіе значительнѣйшимъ художественнымъ явленіемъ русской жизни, но тѣ десятки тысячъ русскихъ людей, которые согласно принципамъ идеализма, не любятъ дѣйствительности, потому что въ ней есть слезы и тюрьмы, плохія книги и плохія школы, что могутъ дать они взамѣнъ? Угрюмую праздность или же утвержденіе своего крохотнаго, жаднаго, похотливаго «я» выше общества, выше человѣчества... На Западѣ давно поняли вредъ и соціальную непрактичность идеала абсолютной морали. Здѣсь любовь замѣнили правомъ. Право на политическую свободу, на всѣ земныя блага, на излюбленный видъ труда, *право быть правымъ*, вотъ кругъ понятій, который волнуетъ и заставляетъ биться человѣческія сердца...На Западѣ вырабатывается новая мораль: мораль взаимныхъ требованій и взаимныхъ уступокъ, взаимной помощи, мораль групповой солидарности, когда каждый чувствуетъ себя звеномъ въ той безконечной цѣпи человѣческой преемственности, которая символически опредѣляетъ понятіе человѣческаго рода... Вамъ, воспитаннымъ на широкомъ христолюбіи, эта мораль должна казаться уступкой совѣсти и плохой поддѣлкой, между тѣмъ, мы терпѣливо побѣждаемъ общественные недуги, осаждающіеся въ нашей жизни, а вы, возлюбившіе абсолютную мораль безъ уступокъ, безъ единаго пятна, готовые отречься отъ культуры, построенной на иной морали, чѣмъ ваша,—вы слабѣете, вы загниваете всѣмъ вашимъ огромнымъ соціальнымъ тѣломъ... Вашъ идеализмъ—эта изстрадавшаяся совѣсть—могла дать на практикѣ только то, что

она и дала: скептицизмъ тамъ, гдѣ нуженъ пламенный энтузіазмъ, созерцаніе вмѣсто подвига, жалость вмѣсто безпощадности, печаль вмѣсто ярости гнѣва... Вы «обсахарили» ваши сердца, вы стали подъ вліяніемъ психическихъ навыковъ вашего идеализма слезливы, сентиментальны, трусливы, уступчивы, безтолковы, въ вашихъ чувствахъ... вы забыли, что сердце человѣческое прекрасно только, когда оно мудро, когда чувство бушуетъ, потому что бушуетъ разумъ, какъ два языка одного пламени!..

Французъ произнесъ послѣднія слова съ большимъ волненіемъ и патетически взмахнулъ руками по воздуху. Мгновеніе мы молчали. Мысли волной набѣжали на меня...

— Вы считаете, что изъ нашего идеализма выросли лишь плевелы,—заговорилъ я съ дрожью въ голосѣ,—но та гражданственность, которую вы отстаиваете, этотъ культъ солидарности, взаимной пользы и уступокъ, это проклятіе in media re, вѣдь, только оно и могло породить то этическое мѣщанство, въ которомъ задыхается Западъ, который измучилъ Герцена и гонитъ до сего дня моихъ соотечественниковъ въ нашу убогую, но духовно живую родину?

Французъ встрепенулся, покраснѣлъ, словно получилъ ожидаемый ударъ, и заговорилъ быстро съ большой горячностью.

— Ваше возраженіе стало классическимъ и я зналъ, что вы его сдѣлаете!—съ жаромъ воскликнулъ онъ.—Да, вы правы. Если подъ понятіемъ мѣщанства подразумѣвать сытость, жажду достатка, здоровья, регламентаціи труда, да, мы переживаемъ эпоху, когда сытость и здоровье есть принципъ жизни. Мы знаемъ, что наша современная жизнь широкихъ массъ далека отъ героическаго вѣка Вольтера, но мы вѣримъ, что, утверждая благополучіе свое, своихъ близкихъ, своихъ дѣтей, друзей и товарищей, какъ неотъемлемое условіе существованія, мы проходимъ строгую школу воспитанія будущей общественности, когда вопросъ всеобщаго благосостоянія станетъ не чаяніемъ сентиментальныхъ бунтовщиковъ, а тѣмъ всеобщимъ императивомъ воли, который заставитъ насъ найти и соціальныя формы своего воплощенія... Да, мы считаемъ, что нищета, безпризорность, убожество, болѣзнь и вырожденіе постыдны, прокляты, вредны, унижающи для человѣка... Мы ихъ ненавидимъ всей силой, всѣмъ разумѣніемъ нашимъ, потому что видимъ, что нищета мучитъ человѣка слишкомъ тяжко, чтобы не раздавить на смерть его души. Мы боимся ея, какъ пожара, какъ сифилиса, какъ оспы, для себя и для близкихъ нашихъ, мы неустанно работаемъ, копимъ, скаредничаемъ, прячемъ деньги въ чулокъ, чтобы въ будущемъ наши дѣти были сыты, но эта великая, опустошающая тревога нашей частной жизни все настоятельнѣе пріучаетъ насъ смотрѣть на экономическое рабство вокругъ насъ, которое грозитъ каждому современному человѣку, какъ на жесточайшую пытку, совершае-

мую на нашихъ глазахъ, какъ на массовое мучительство людей, при которомъ мы вѣроломно безмолвствуемъ, и мы начинаемъ сознавать, что отъ рѣшенія экономическаго вопроса, который нависъ надъ современной исторіей Европы, намъ не уйти...

— Стало быть, по вашему, нашей интеллигенціи нечѣмъ гордиться и она себя переоцѣниваетъ?—съ горечью сказалъ я.

Старикъ покачалъ головой.

— Это не совсѣмъ такъ... Я считаю, что вашъ 19-й вѣкъ—блестящій вѣкъ литературы и постольку и долженъ быть оцѣненъ. Ваша публицистика же и философія не съумѣли создать той здоровой атмосферы идеологіи права, безъ которой немыслима никакая общественность, какъ бы радикальны ни были взгляды ея участниковъ, и я не боюсь быть слишкомъ смѣлымъ, утверждая, что именно въ этомъ заключается разгадка того, что вашъ настоящій режимъ еще долго, быть можетъ, будетъ вѣдать и опекать политическую жизнь вашей страны, въ то время, какъ интеллигенція будетъ утѣшаться шумной, декоративной и безправной общественностью съѣздовъ, комиссій и комитетовъ, въ которыхъ резолюціи должны быть панацеей отъ всѣхъ золъ, а битва словъ и партійныхъ принциповъ будетъ создавать иллюзію реальной борьбы за свободу... и я извиняюсь за сравненіе, напомнивъ вамъ, что въ плохомъ оркестрѣ всегда громче всего гудятъ барабаны...

— Что же на этомъ отсутствіи культа права и кончается вашъ обвинительный актъ?—угрюмо спросилъ я.

Французъ улыбнулся и неопредѣленно развелъ руками.

— Я бы еще хотѣлъ сказать нѣсколько словъ,—мягко сказалъ онъ, вопросительно глядя мнѣ въ глаза и, видимо, замѣтивъ мое взволнованное лицо, прибавилъ—но, быть можетъ, вамъ непріятно меня слушать?

— Нѣтъ, говорите, я готовъ выслушать васъ до конца,—тихо сказалъ я.

— Есть одно явленіе въ вашей жизни, которое насъ очень изумляетъ. Это навыкъ мысли вашей, который вы опредѣляете словомъ «непріятіе», и которое мы переводимъ курьезными словами: «бойкотъ идеи». У васъ есть мыслители, которые *не пріемлютъ* науки, государственности, западно-европейской культуры, біологическій инстинктъ протеста, идею суда, прогрессъ, отечество и т. д. Это явленіе одно изъ самыхъ изумительныхъ явленій вашей русской жизни... Мы знакомы съ отрицаніемъ тѣхъ, или иныхъ дифференцированныхъ явленій въ эпохи и въ обществахъ, которыя довели ихъ до высокой степени развитія, неизбѣжно вызывая сомнѣнія въ своей цѣнности и пользѣ, утомленіе, анализъ, критику. Такъ было въ эпоху высшаго напряженія римской государственной жизни, когда идею государства начинаетъ разлагать скептическая школа стоиковъ; такъ было

въ эпоху реставраціи Бурбоновъ, когда, утомленная политическими бурями, французская философская мысль, укрываясь въ гавани клерикализма, подвергла суровой критикѣ демократическія формы государственнаго строя. Въ періоды же роста этихъ явленій, мы привыкли въ исторіи встрѣчать не идею отрицанія ихъ, а идею реформы... Насъ крайне изумляетъ, что въ странѣ, гдѣ нѣтъ еще дифференцированной коллективной мысли, гдѣ философы—пророки, поэты—политики, ученые—публицисты, гдѣ въ университетахъ нѣтъ научныхъ школъ, и всю русскую науку составляютъ отдѣльныя, талантливыя лица, безслѣдно молніей проходящія черезъ вашу жизнь—въ этой странѣ идейный бойкотъ науки, суда, культуры, государственности и т. д. можно истолковать только, какъ слѣпой, несознанный, протестъ противъ плохой учености и плохой государственности, тотъ протестъ, который только и могъ породить историческій и логическій уникумъ—идею *пассивнаго сопротивленія* государственной власти—превозглашенную оппозиціей 1906 года... Ваша боязнь признать русскую дѣйствительность, потому что она плоха, ведетъ къ нелѣпому существованію самыхъ явленій, а въ обществѣ вызываетъ не патетическій порывъ реформаторовъ, а пассивное упорство мучениковъ...

Мы снова замолчали. Оркестръ давно уже затихъ. Музыканты собирали ноты и укладывали инструменты. Столики пустѣли. Лакеи суетливо собирали посуду. Затрещалъ, замигалъ и потухъ, словно лопнулъ, большой фонарь надъ входной калиткой. Повидимому, было уже очень поздно.

— Если судить по тому, что вы сказали о Россіи, то эта страна безнадежности, проклятая всѣми духами зла?—взволнованно сказалъ я.

Французъ бросилъ недокуренную папиросу, спряталъ портсигаръ и сказалъ послѣ минутной паузы.

— У васъ есть великое сокровище, которымъ никто уже изъ насъ, западно-европейскихъ народовъ не обладаетъ—ваша общественно-біологическая юность... Вы—нація, въ которой все могло бы бушевать, трещать, клокотать, какъ на рѣкѣ въ половодье... Вы не можете не увидать вашихъ ошибокъ молодости, вы, кажется, уже задумываетесь надъ ними. Ваши далекіе предшественники—русскіе теоретики общественной мысли 19 вѣка—видѣли предъ собой освобожденное человѣчество, ту священную вершину, на которой стремятся въ далекомъ будущемъ встрѣтиться всѣ народы, и ихъ ошибка въ томъ наивномъ заблужденіи, что русскій народъ придетъ туда скорѣе другихъ, налегкѣ, босикомъ, съ пустыми руками... а, между тѣмъ, вамъ нѣтъ иного пути, какъ ступать въ выбоины, сдѣланныя уже нами, и безъ тяжкой ноши культуры, изъ которой правовая государственность—испытанный методъ соціализаціи людей, безъ героической

исторіи народной борьбы за политическую свободу, которую мы, западно-европейскіе народы, всѣ несемъ за своими плечами, вы будете тщетно искать дороги!..

— Я знаю, Monsieur,—съ улыбкой продолжалъ онъ,—вы съ недовѣріемъ относитесь къ представителямъ «буржуазной» Франціи и, вѣроятно, не захотите прислушаться къ моимъ словамъ. Я знаю тоже, что наговорилъ вамъ много пренепріятныхъ вещей, но мнѣ казалось, что я, старый республиканецъ, много передумавшій на своемъ вѣку, могу сказать свое слово вамъ, молодому русскому идеалисту. Мы, старики, много видѣли и замѣчаемъ то, что другимъ непримѣтно; въ самой Франціи мы качаемъ головой тамъ, гдѣ другіе рукоплещутъ. Мы начинаемъ почитывать позитивную политику О. Конта и забытыя страницы J. de Maistre, критиковавшаго принципы народнаго самоуправленія, но пока это лишь наше стариковское занятіе и васъ оно интересовать не должно: вамъ надо, какъ можно, полнѣе и радостнѣе пережить ваше увлеченіе демократіей...

Кафе было пусто. Огни погасли, только въ раковинѣ оркестра горѣли нѣсколько электрическихъ лампочекъ. Лакеи громко переговаривались и косились въ нашу сторону. Мы разсчитались и вышли на дорогу. Былъ поздній часъ. Небо переливало звѣзды и казалось ниже послѣ огней кафе. Подъ деревьями было темно, какъ въ шатрѣ. Мы молча дошли до перекрестка.

— Намъ по дорогѣ?—спросилъ старикъ,—я живу на Avenue de Neully, здѣсь, около лѣса.

— Мнѣ въ обратную сторону...—сказалъ я и смущенно прибавилъ,—вы сказали мнѣ многое, надъ чѣмъ надо подумать...

— Тогда прощайте и покойной ночи, и, если я былъ вамъ непріятенъ, считайте меня за празднаго болтуна...

Онъ съ необычной для француза простотой протянулъ мнѣ руку. Было темно, и я не видѣлъ его лица, скорѣе догадался по интонаціи голоса, что онъ улыбается. Я пожалъ его руку, и мы разстались...

Т. Таманинъ.

О НАЦІОНАЛЬНОМЪ ВОПРОСѢ.

Кризисъ, переживаемый современной Европой, протекаетъ подъ знакомъ національной идеи, при чемъ идея эта выступаетъ въ двухъ на первый взглядъ діаметрально противоположныхъ воплощеніяхъ. Съ одной стороны, съ неслыханною силою свирѣпствуетъ національнизмъ аггрессивный и завоевательный, въ основѣ котораго лежитъ вѣра въ свой народъ, какъ избранный, «державный», призванный къ политическому и культурному господству надъ прочими неполноцѣнными народностями. Съ другой стороны, съ не меньшей энергіей проповѣдуется націонализмъ демократически-защитный, оборонительный, отправляющійся въ своей программѣ отъ признанія за каждой народностью права на культурное и политическое самоопредѣленіе.

Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны многимъ казалось, что внутренній смыслъ ея и сводится къ борьбѣ этихъ двухъ принциповъ. «Германскій имперіализмъ» съ его завоевательными планами представлялся единственнымъ серьезнымъ врагомъ свободы и самоопредѣленія націй Европы. Одною изъ главныхъ задачъ противогерманской коалиціи провозглашено было возстановленіе правъ мелкихъ народностей. Съ разныхъ сторонъ высказывалось убѣжденіе, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ побѣды надъ нѣмцами будетъ повсемѣстное торжество демократической національно-государственной идеи, т. е. политическая самостоятельность не только тѣхъ народностей, которыя стонутъ подъ игомъ центральныхъ имперій, но и всѣхъ прочихъ. Увѣренно и радостно пророчествовали о грядущемъ перераспредѣленіи политическихъ границъ въ соотвѣтствіи съ принципомъ національности и о созданіи такимъ путемъ надежной гарантіи мира въ освобожденной отъ милитаризма Европѣ.

Теперь мы такъ далеко отошли отъ этой мечтательной лирики войны, что уже съ трудомъ вѣрится, что ею могли увлекаться не только новообращенные радикалы, но и многіе солидные, расчетливые политики изъ рядовъ отвѣтственной оппозиціи. Впрочемъ, отрезвленіе отвѣтственныхъ политиковъ наступило очень быстро: достаточно было вспомнить о . . . «историческихъ задачахъ» на ближнемъ Востокѣ, чтобы сообразить, что

отстаиваніемъ національно-демократическаго принципа отнюдь не исчерпывается смыслъ нашего участія въ войнѣ. Гораздо больше романтическаго упорства, при явномъ недостаткѣ историческаго чутья и политическаго такта, обнаружили, какъ водится, безотвѣтственные радикалы. Однако, предметные уроки событій, разыгравшихся въ Греціи и Арменіи, Ирландіи и Польшѣ, были настолько демонстративны, что въ настоящее время даже самыхъ пылкихъ фантазеровъ охватило, повидимому, нѣкоторое раздумье, нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, что проблема національностей такъ близка къ своему рѣшенію, какъ это казалось два года тому назадъ.

Къ сожалѣнію, анализъ упомянутыхъ выше предметныхъ уроковъ текущей дѣйствительности все еще является «преждевременнымъ». Въ силу обстоятельствъ военнаго времени въ распоряженіи печати имѣются слишкомъ скудныя свѣдѣнія о положеженіи дѣлъ въ Ирландіи, Арменіи, Бельгіи; относительно Греціи и Польши мы болѣе освѣдомлены, но и этотъ сравнительно богатый и во многихъ отношеніяхъ особенно любопытный матеріалъ не можетъ еще быть подвергнутъ достаточно свободному и широкому обсужденію.

Приходится, такимъ образомъ, отказаться отъ разсмотрѣнія національнаго вопроса въ тѣхъ конкретныхъ условіяхъ, въ какія вдвинулъ его ходъ текущихъ событій, и ограничиться болѣе или менѣе общими разсужденіями. Я не думаю, однако, что это вынужденное ограниченіе дѣлаетъ обсужденіе національнаго вопроса совершенно безплоднымъ. Какъ ни значительны сами по себѣ факты переживаемаго времени, все же это лишь яркія иллюстраціи давно уже намѣтившихся линій развитія и ничего по существу новаго и неожиданнаго въ постановку національной проблемы ими не вносится.

Какова же эта постановка? При всемъ разнообразіи мнѣній и программъ въ области національнаго вопроса, здѣсь, какъ уже было сказано, выдѣляются два основныя теченія: имперіалистически-наступательное и демократически-защитное. Насъ интересуетъ въ данный моментъ по преимуществу вторая, демократическая разновидность національзма,—да и то не во всей полнотѣ связанныхъ съ нею проблемъ. Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о причинахъ, породившихъ эту идеологію, а также о ея философскомъ «оправданіи», т. е. о тѣхъ цѣнностяхъ, которыми она уже обогатила и еще можетъ обогатить нашу культуру. Мы предлагаемъ читателю всмотрѣться прежде всего въ самый фактъ демократическаго національзма въ обстановкѣ современной дѣйствительности, дать себѣ отчетъ въ общественно-политическомъ содержаніи формулы «національное самоопредѣленіе», въ тѣхъ чувствахъ, которыми одушевлены ея защитники, въ тѣхъ силахъ, которыя могли бы способствовать ея осуществленію.

Является-ли программа національнаго самоопредѣленія дѣйствительнымъ (т. е. дѣйственнымъ) *идеаломъ* демократіи, или же это только одинъ изъ тѣхъ безсильныхъ и мертвыхъ *идоловъ*, передъ которыми въ эпохи тяжелыхъ историческихъ испытаній не разъ уже склоняли колѣна разбитыя и подавленныя народныя массы?—Вотъ, собственно говоря, тотъ вопросъ, который будетъ стоять въ центрѣ нашего вниманія.

Характерную особенность всѣхъ послѣдовательно-демократическихъ программъ составляетъ ихъ логическая четкость и опредѣленность. Всякаго рода компромиссныя политическія формулы, являясь попыткой примиренія разнородныхъ общественныхъ силъ, неизбѣжно противорѣчивы и въ чисто логическомъ смыслѣ; развить вполнѣ послѣдовательно, довести до логическаго конца мысль, положенную въ основу компромисса, почти всегда значитъ довести ее до абсурда. Напротивъ, строго демократическія—какъ, впрочемъ, и строго антидемократическія—формулы не боятся, а требуютъ логической безпощадности; только въ самомъ крайнемъ логическомъ выраженіи находятъ онѣ свой подлинный смыслъ, свою дѣйствительную сущность. Безконечно сложны и запутаны могутъ быть пути къ осуществленію того или другого демократическаго лозунга, но самое содержаніе послѣдняго всегда просто, недвусмысленно, исключаетъ возможность различныхъ толкованій. Демократическій идеалъ трудно до конца реализовать въ жизни, но не представляетъ труда до конца продумать, реализовать въ мысли.

Съ этой чисто логической стороны идея національнаго самоопредѣленія рѣзко отличается отъ прочихъ демократическихъ идей и идеаловъ: ее крайне трудно продумать до конца, не прибѣгая къ условностямъ и произвольнымъ ограниченіямъ.

Несмотря на то, что національный вопросъ привлекаетъ къ себѣ острый интересъ европейской демократіи уже не первое десятилѣтіе; несмотря на то, что вопросу этому посвящена обширная литература,—до сихъ поръ никому еще не удалось въ удовлетворительной и для всѣхъ националъ-демократовъ пріемлемой формѣ опредѣлить самое основное понятіе националъ-демократической программы: понятіе «націи», какъ правомѣрной носительницы самоопредѣленія.

Носителемъ всѣхъ прочихъ демократическихъ правъ и притязаній является классическій «человѣкъ-гражданинъ», т. е. всякій взрослый человѣческій индивидуумъ. Возможны, конечно, разногласія относительно того, съ какого именно возраста человѣкъ долженъ считаться полноправнымъ гражданиномъ, но въ предѣлахъ демократіи разногласія этого рода никогда еще не выливались и едва ли когда-нибудь могутъ вылиться въ форму непримиримаго конфликта. Это мало вѣроятно уже по одному тому, что въ данномъ случаѣ группа обиженныхъ лишь временно

остается внѣ категорiи полноправныхъ гражданъ и, какъ бы остро ни ощущала она свою обиду, не имѣетъ основанiя занять принципiально отрицательную позицiю по отношенiю къ обществу, оказавшему ей несправедливость. Въ иномъ положенiи находится группа людей, сознающихъ себя самостоятельной народностью, но не подходящихъ подъ то опредѣленiе «нацiи», которое положено въ основу той или другой нацiонально-демократической программы. Здѣсь для обойденныхъ путь къ утвержденiю своей нацiональной особенности отрѣзанъ принципiально; они чувствуютъ себя парiями; между ними и отвергнувшимъ ихъ притязанiя обществомъ возникаетъ непереходимая пропасть. А такъ какъ всякое опредѣленiе по самой логической природѣ своей есть ограниченiе, то какой бы признакъ ни избрали мы для установленiя понятiя «нацiя», всегда можетъ оказаться группа обойденная, кровно обиженная и потому непримиримо враждебная выставленной нами программѣ нацiональнаго самоопредѣленiя.

Что дѣло идетъ здѣсь не объ одной только отвлеченно-логической возможности, а о фактахъ самой конкретной и самой горькой дѣйствительности,—объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторiя нацiональныхъ движенiй послѣдняго времени. Возьмемъ, напримѣръ, наиболѣе популярный признакъ «нацiи»: наличность особаго языка. При всей, казалось бы, естественности такого критерiя, ни одна практическая попытка построить на немъ программу нацiональнаго самоопредѣленiя не обходилась безъ того, чтобы не вызвать противъ себя бури негодованiя. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ верховный судья, способный непререкаемо установить ту степень филологической оригинальности, которая даетъ право говорить объ особомъ языкѣ въ отличiе отъ простого «нарѣчiя», «мѣстнаго говора» или «арго»? Читатель не забылъ еще, вѣроятно, тѣхъ споровъ объ украинскомъ языкѣ, которые велись года два тому назадъ, въ связи съ предполагавшимся тогда присоединенiемъ Галицiи. Правда, въ этомъ случаѣ распря произошла не между двумя демократическими теченiями, одинаково добросовѣстно преданными идеѣ нацiональнаго самоопредѣленiя, а между демократами, защищавшими нацiональныя права украинцевъ, съ одной стороны,—имперiалистами, фанатиками великорусской государственности, съ другой. Пусть такъ. Пусть для всякаго демократа ясно, что украинская рѣчь есть воистину языкъ, а не мѣстный говоръ польскаго или русскаго языка. Но такъ же ли безспорны для русской демократiи права на самоопредѣленiе калмыковъ, татаръ, киргизовъ, зырянъ, вотяковъ и еще многихъ мелкихъ народностей, языки которыхъ гораздо дальше отстоятъ отъ великорусскаго, чѣмъ украинскiй и даже польскiй?

Многiе нацiоналисты-демократы, чтобы избѣгнуть этого

затрудненія, выставляютъ критеріемъ самостоятельности національнаго языка не тѣ или другія его филологическія свойства, а практически доказанную имъ способность къ самобытному культурному развитію. Съ этой точки зрѣнія, правоспособна лишь та національность, которая пользуется своимъ языкомъ не только какъ разговорнымъ, но создаетъ на немъ письменность, поэзію, литературу. Не трудно, однако, убѣдиться, что такой уклонъ мысли приводитъ національно-демократическую программу изъ огня однихъ противорѣчій въ полымя другихъ, чуть ли еще не горшихъ. При господствующемъ среди современныхъ беллетристовъ увлеченіи «мѣстнымъ колоритомъ», трудно найти такую провинцію, въ которой не возникло бы чего-то вродѣ особой національной литературы. Имѣются, напримѣръ, повѣсти и разсказы, воспроизводящіе особенности говора вологжанъ и поморовъ въ такомъ сгущенномъ видѣ, что великороссу для полнаго пониманія ихъ текста приходится прибѣгать къ помощи спеціалистовъ. До сихъ поръ олонецко-вологодско-архангельская интеллигенція, не исключая и самихъ сѣверныхъ литераторовъ, причисляла себя, насколько извѣстно, къ великорусскому племени. Но стоитъ возникнуть здѣсь проблескамъ сознанія своей самобытности,—и нѣсколько колоритныхъ повѣстей съ добавленіемъ дюжины мѣстныхъ сказаній, пѣсенъ, легендъ тотчасъ же будутъ провозглашены національной литературой сѣверо-россовъ. А если присоединить сюда славное историческое прошлое сѣверо-россовъ, если припомнить, что это наслѣдники и хранители завѣтовъ пятинъ новгородскихъ, не знавшіе ни татарскаго, ни крѣпостного ига, то не останется уже и тѣни сомнѣнія въ томъ, что раскрыть свое «лицо», «выявить все богатство культурныхъ возможностей, заложенныхъ въ ихъ коллективной индивидуальности» и т. д. и т. п., сѣверо-россы смогутъ не иначе, какъ на почвѣ національнаго самоопредѣленія. Щедринъ отнесся нѣкогда съ насмѣшливымъ скептицизмомъ къ намѣренію Ивана Ивановича Перерепенко добиться автономіи Миргородскаго уѣзда. Если бы онъ дожилъ до нашихъ дней, если бы онъ имѣлъ счастье наблюдать тотъ пышный вертоградъ національно-демократическаго творчества, который благоухаетъ вокругъ насъ, онъ понялъ бы, насколько неумѣстна была его иронія, онъ преклонился бы передъ Иваномъ Ивановичемъ, какъ передъ однимъ изъ великихъ вождей великаго движенія демократіи.

Дѣло осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что идеологи какой-нибудь вновь пробуждающейся къ самостоятельному бытію націи, строго говоря, вовсе не обязаны опираться на уже сложившуюся національную литературу. Они съ полнымъ основаніемъ могутъ утверждать, что національная автономія какъ разъ и призвана создать тѣ благопріятныя условія, при ко-

торыхъ данный народный говоръ сможетъ развиться до литературнаго языка.

Возможность такого развитія ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть оспариваема апріори. Процессъ пробужденія, такъ называемыхъ, «не историческихъ» національностей показалъ, что при достаточномъ усердіи и добромъ желаніи національной интеллигенціи обогащать свое родное нарѣчіе заимствованными изъ другихъ языковъ «измами», самый бѣдный народный говоръ можетъ быть въ нѣсколько лѣтъ приспособленъ къ самымъ сложнымъ литературнымъ заданіямъ. А разъ признано, что всякая національность есть подлинная личность, т. е. такой же неприкосновенный носитель извѣстныхъ неотъемлемыхъ правъ, какъ и «гражданинъ» традиціонной демократической хартіи вольностей, — то, очевидно, демократія не можетъ ограничиться оппортунистической политикой предоставленія правъ однѣмъ только тѣмъ національнымъ личностямъ, которыя уже достигли самосознанія, уже осуществили свою индивидуальность вовнѣ и опредѣленно требуютъ принадлежащаго имъ права. Въ самомъ дѣлѣ, хорошъ бы былъ тотъ демократъ, который въ эпоху борьбы съ невольничествомъ въ Америкѣ или крѣпостнымъ правомъ въ Россіи, сталъ бы утверждать, что освобожденія заслуживаютъ лишь тѣ рабы, которые сознаютъ себя гражданами и уже доказали на практикѣ свою способность къ самостоятельному культурному творчеству, а всѣ прочіе, какъ неполноцѣнныя и сомнительныя индивидуальности, могутъ быть спокойно предоставлены ихъ рабской участи. Права человѣка и гражданина— не награда за хорошее поведеніе, не премія за гражданскія доблести или культурные успѣхи, а предпосылка всякихъ доблестей и успѣховъ [1]. Гражданская свобода мыслится демократической программой не какъ привилегія, предоставляемая особо квалифицированнымъ личностямъ, а какъ право, принадлежащее человѣку въ силу самого факта его существованія, какъ его *естественное* право и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ естественная обязанность демократическаго общества по отношенію къ каждому

[1] Строки эти были уже написаны, когда въ «Рѣчи» (26. X 1916.) появилась горячая статья В. Бурцева о томъ, что «Нѣмцы не могутъ быть союзниками для поляковъ». Содержаніе этой статьи ветерана русской демократіи хорошо резюмируется одной изъ заключительныхъ ея фразъ: «Если Германія будетъ побѣждена—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, какъ бы то ни было, союзники добьются полной побѣды—тогда о независимости Польши, дарованной нѣмцами, не будетъ и рѣчи. Вопросъ о судьбѣ Польши будетъ зависѣть исключительно отъ союзниковъ и отъ того, какую позицію займутъ во время войны поляки».

Повидимому, точка зрѣнія, усматривающая въ національной автономіи награду за хорошее поведеніе, не такъ чужда демократическому сознанію, какъ намъ казалось. Какъ бы то ни было, выводы настоящей статьи этимъ новымъ фактомъ въ развитіи демократической мысли, ничуть не колеблются.

своему члену. Такимъ образомъ, если идея «національной личности», лежащая въ основѣ наиболѣе рѣшительныхъ національно-демократическихъ программъ, не пустая фраза, не бутафорское ораторское украшеніе аргументаціи, а серьезный исходный пунктъ, то идея эта обязываетъ къ очень многому: она обязываетъ прежде всего къ отчетливому установленію признаковъ «національной личности», какъ субъекта правъ на самоопредѣленіе.

Какъ мы только что видѣли, «языкъ»—этотъ наиболѣе популярный среди націоналъ-демократовъ признакъ—такимъ объективнымъ критеріемъ служить не можетъ. Еще хуже обстоитъ дѣло съ попытками характеризовать національность біологическими, расовыми особенностями, вообще, какими-либо естественно-историческими признаками, независимыми отъ направленія и уровня развитія общественной культуры. Полученныя этимъ путемъ неподвижныя опредѣленія національныхъ особей такъ плохо мирятся съ запросами исторической дѣйствительности, что въ средѣ демократическихъ теоретиковъ національизма такой подступъ къ проблемѣ утратилъ уже почти всякій кредитъ. Но и въ области общественно-культурныхъ явленій поиски болѣе гибкаго признака національности не увѣнчались пока никакимъ успѣхомъ.

Присмотримся, напримѣръ, къ принципу, защищаемому виднѣйшимъ изъ современныхъ теоретиковъ демократическаго національизма, Отто Бауэромъ. Считая языкъ и всякія вообще внѣшне уловимыя черты слишкомъ грубыми, Отто Бауэръ довольствуется опредѣленіемъ національности, какъ группы людей, связанныхъ «общностью судьбы» въ процессѣ своего культурнаго развитія. Подъ «общностью» разумѣется здѣсь всякое общеніе на почвѣ совмѣстной работы, всякое сочетаніе усилій въ ходѣ культурнаго строительства, хотя бы это было сочетаніемъ усилій двухъ соціально-враждебныхъ классовъ, общеніемъ капиталиста и рабочаго при созиданіи продукта производства. Общность судьбы Бауэръ противопоставляетъ ея «однородности», т. е. сходству или даже тожеству функцій и интересовъ при отсутствіи необходимаго сотрудничества.—на почвѣ однородности судьбы выростаетъ, по Баэуру, то чувство симпатіи, которое испытываютъ другъ къ другу одинаковые классы различныхъ націй, отнюдь, однако, не сливаясь въ одно цѣлое. Однородныя группы, при всемъ своемъ взаимномъ доброжелательствѣ, въ сущности, вовсе не нуждаются другъ въ другѣ, лишены всякой органической связи, живутъ, хотя и бокъ о бокъ, но совершенно изолированной жизнью. Націи, связанныя общностью судьбы, даже при наличности величайшихъ внутреннихъ конфликтовъ, образуютъ все же единыя и нераздѣльныя коллективныя индивидуальности.

Нечего и говорить о томъ, насколько неудачна теорія Бауэра

если разсматривать ее, какъ объективную характеристику націи. Объективно «общность судьбы», особенно въ области экономической, сплошь да рядомъ гораздо тѣснѣе связываетъ членовъ различныхъ національностей одного и того же многонаціональнаго государства, чѣмъ членовъ той же самой націи. Самъ Бауэръ констатируетъ, что въ Австріи, которую онъ прежде всего имѣлъ въ виду строя свою теорію, развитіе капитализма не позволяетъ національностямъ отстояться въ опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ, но то и дѣло перемѣшиваетъ ихъ, создавая, напримѣръ, чешскіе островки среди населенія нѣмецкихъ провинцій и обратно; и само собой понятно, что такія ино-національныя вкрапленія вынуждены жить въ самой тѣсной хозяйственной общности съ окружающею ихъ народностью, ослабляя вмѣстѣ съ тѣмъ свою экономическую связь съ сородичами. Да и, независимо отъ этого, понятіе «культурной общности», именно въ силу своей чрезмѣрной гибкости и расплывчатости, менѣе всего пригодно для того, чтобы лечь въ основу сколько-нибудь содержательной теоріи національности.

Но если мы возьмемъ формулу Бауэра не въ томъ объективномъ смыслѣ, который онъ хочетъ ей придать, а субъективно, какъ характеристику опредѣленнаго настроенія, опредѣленнаго направленія коллективной воли, то нельзя будетъ не признать, что Бауэру удалось схватить основную черту національно-демократической психологіи. Какъ бы ни складывалась фактическая судьба различныхъ племенъ, какія бы бреши ни пробивала исторія въ ихъ національно замкнутомъ существованіи, воля ограничить общность культурно-политической судьбы предѣлами одной только своей народности составляетъ всегда самую сущность національнаго самосознанія. И чѣмъ сильнѣе фактическая разорванность такой пробужденной къ національному сознанію народности, чѣмъ интенсивнѣе принуждаются отдѣльныя ея группы общаться съ иноплеменниками, тѣмъ, обыкновенно, острѣе субъективная тяга къ національной замкнутости, тѣмъ непримиримѣе и исключительнѣе національное чувство.

Мы хотимъ строить свою культуру сами и для себя: наша нація должна стать самодовлѣющимъ, законченнымъ въ себѣ цѣлымъ; весь окружающій міръ не имѣетъ для насъ никакой самостоятельной цѣнности: это только болѣе или менѣе благопріятная среда для нашего національнаго развитія,—такова субъективная подпочва демократической программы національнаго самоопредѣленія. И если бы здѣсь дѣло шло о «національной культурѣ» въ строгомъ и узкомъ смыслѣ слова, т. е. о культивированіи духовныхъ особенностей данной націи—ее языка, ее преданій, литературы, искусства и т. п.,—то полное осуществленіе національныхъ вожделѣній въ демократическомъ строѣ не представляло бы никакихъ затрудненій. Не потребовалось бы даже

искать объективнаго опредѣленія понятія «нація». Къ числу неотъемлемыхъ правъ человѣка и гражданина относится и право ассоціацій, дающее возможность любой группѣ гражданъ духовно самоопредѣлиться въ любомъ направленіи, культивировать какія угодно «цѣнности». Но въ томъ то вся и бѣда, что противъ такого разрѣшенія «національной проблемы» въ порядкѣ свободныхъ частно-правовыхъ союзовъ, не требующихъ какой-либо особой юридической санкціи и вполнѣ гарантируемыхъ общедемократической декларацiей правъ человѣка и гражданина, протестуютъ въ первую голову сами націоналисты-демократы. Они мыслятъ національное самоопредѣленіе только на публично-правовой основѣ. Даже въ области культивированія духовной самобытности націи, говорятъ они, нельзя довольствоваться частно-правовыми союзами,—необходима проведенная государственной властью націонализація всѣхъ воспитательныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, начиная съ элементарной школы и кончая университетомъ.

Но духовной культурой въ узкомъ и строгомъ смыслѣ этого слова отнюдь не исчерпывается та сфера «самоопредѣленія», которой требуютъ національно-демократическія программы. Замкнутая въ себѣ «общность» національнаго бытія должна охватить всѣ жизненныя отношенія, какъ интеллектуальныя, такъ и матеріальныя,—должна проявиться не только въ умственномъ, но также въ хозяйственномъ и политическомъ самодовлѣніи націи. Очевидно, такимъ образомъ, что націоналистическія притязанія современныхъ демократій могутъ быть утолены только государственной самостоятельностью каждой отдѣльной націи, и при томъ самостоятельностью реальной, опирающейся на такой хозяйственный укладъ, при которомъ нація экономически независима отъ сосѣдей, способна собственными силами, въ предѣлахъ собственной государственной территоріи, удовлетворять всѣ свои существенныя потребности.

На практикѣ требованіе государственной самостоятельности, конечно, не осуществимо по отношенію ко всѣмъ мелкимъ народностямъ, пробудившимся къ національному самосознанію. Это до такой степени ясно, что въ средѣ самихъ угнетенныхъ націй такое требованіе выставляется лишь крупнѣйшими, и притомъ уже имѣвшими въ прошломъ государственную самостоятельность и сравнительно недавно ее утратившими; прочія—ограничиваются болѣе скромной программой такъ называемой «автономіи». Что касается демократическихъ программъ господствующихъ «державныхъ» націй, то ни одна изъ нихъ не выставляетъ принципа государственной самостоятельности націй какъ положительнаго требованія, распространяющагося на всѣ безъ исключенія народности; самыя радикальныя программы довольствуются чисто отрицательнымъ и по-

существу оппортунистическимъ положеніемъ: «всякая національность, пожелавшая образовать самостоятельное государство, имѣетъ право осуществить это намѣреніе, и демократія господствующей въ данномъ многонаціональномъ государствѣ націи не въ правѣ ей въ этомъ препятствовать».

Называя только что приведенный тезисъ оппортунистическимъ, я вовсе не хочу его опорочить: какимъ бы губительнымъ ни представлялось центробѣжное стремленіе, порожденное развитіемъ національзма, демократія не можетъ противопоставить ему внѣшняго насилія, не можетъ, не измѣняя своимъ основнымъ началамъ, насильственно удерживать въ данномъ политическомъ союзѣ націю, неоспоримое большинство которой сознательно и свободно высказалось за выходъ изъ союза. Сверхъ того не исключены отдѣльные частные случаи, когда образованіе новаго національнаго государства, хотя бы и въ очень несовершенныхъ формахъ, заслуживаетъ положительнаго отношенія. О *реальной* государственной самостоятельности, о самодовлѣющемъ хозяйственно-политическомъ бытіи небольшихъ народностей въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи; однако, возможно, и, какъ показываютъ текущія событія, при извѣстной комбинаціи международныхъ силъ даже неизбѣжно, возникновеніе такъ называемыхъ «буферныхъ» государствъ, номинальная самостоятельность которыхъ прикрываетъ политическую и экономическую зависимость ихъ отъ сосѣдней великой державы. Само собой разумѣется, такія мелкія государства-буферы, передовые посты великодержавнаго милитаризма, отнюдь не могутъ стать очагами демократическаго развитія, но все же въ отдѣльныхъ случаяхъ демократія вынуждена привѣтствовать ихъ, какъ наименьшее изъ всѣхъ возможныхъ золъ. Вѣдь не забудемъ, что для нѣкоторыхъ мелкихъ народностей, вродѣ турецкихъ армянъ, пребываніе въ нѣдрахъ многонаціональнаго государства равносильно перспективѣ чуть ли не поголовнаго физическаго истребленія. Къ сожалѣнію, въ такомъ положеніи находятся до сихъ поръ далеко не одни только армяне и далеко не въ одной только Турціи...

Въ практической политикѣ, при очевидной невозможности сдвинуться впередъ, въ направленіи провозглашенныхъ данной программой общихъ началъ, всякой партіи приходится порой довольствоваться оппортунистическимъ выборомъ наименьшаго изъ грозящихъ бѣдствій.

Но не объ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ навязаннаго обстоятельствами оппортунизма идетъ у насъ рѣчь. Программа національнаго самоопредѣленія выдвигается современной демократіей не какъ вынужденная уступка внѣшнимъ силамъ, а какъ одинъ изъ коренныхъ принциповъ, какъ тотъ общій фундаментъ, на которомъ должно строиться идеальное демократическое общество

Но такъ какъ, съ одной стороны, при теперешней крайне сложной и, все болѣе усложняющейся системѣ международнаго раздѣленія труда, реальная государственная самостоятельность каждой народности явно не осуществима, а, съ другой стороны, лицемѣрная форма самостоятельности при фактической зависимости никоимъ образомъ не можетъ входить въ программу идеальнаго демократическаго общежитія, то, повидимому, вполнѣ естественно, что демократическая мысль выдвигаетъ не государственную самостоятельность, а широкую «автономію», какъ основную форму національнаго самоопредѣленія.

Каковы же предѣлы этой автономіи? И по какому общему плану должно слагаться демократическое государство изъ автономно-національныхъ ячеекъ? Оба эти вопроса снова подводятъ насъ къ запутанному клубку противорѣчій національно-демократической теоріи и практики. Но на второй изъ нихъ все же легче дать опредѣленный отвѣтъ, чѣмъ на первый. Существуютъ двѣ схемы построенія національной автономіи: схема территоріальной или областной національной автономіи и схема автономіи экстерриторіальной или «персональной».

Исторически болѣе ранней и, по существу дѣла, гораздо болѣе естественной является идея территоріальной автономіи. Каковъ бы ни былъ объемъ національнаго самоуправленія, не разъ оно не ограничено задачами народнаго просвѣщенія, но призвано выполнять какія-нибудь хозяйственныя функціи, въ его вѣдѣніи, очевидно, должна быть опредѣленная территорія. Вѣдь даже тѣ заботы о благоустройствѣ городовъ, которыя возложены на наши далеко не самоуправляющіяся думы, не осуществимы безъ права распоряжаться въ извѣстныхъ предѣлахъ территоріей городскихъ поселеній. И, конечно, смѣшно было бы и говорить о національной автономіи, какъ основномъ элементѣ *государственнаго* строительства демократіи, разъ «автономнымъ» націямъ не будутъ предоставлены даже тѣ скромныя областныя права, какими пользуются въ настоящее время органы мѣстнаго самоуправленія въ самыхъ отсталыхъ государствахъ.

Между тѣмъ за послѣдніе годы все усиленнѣе пропагандируется идея автономіи экстерриторіальной, т. е. идея объединенія въ автономный союзъ всѣхъ *лицъ*, причисляющихъ себя къ данной націи, независимо отъ ихъ мѣста жительства; именно эта схема, разработанная австрійскими соціалъ-демократами, Шпрингеромъ и Бауэромъ, пользуется особеннымъ успѣхомъ въ рядахъ наиболѣе радикальной націоналистической демократіи. Какъ самое возникновеніе, такъ и широкое признаніе такой явно искусственной концепціи объясняется исключительно прискорбнымъ опытомъ современныхъ національно-демократическихъ движеній. Практика показала, что въ областяхъ съ населеніемъ смѣшаннаго національнаго состава процессъ пробужденія

мелкихъ «не историческихъ» національностей приводитъ къ полному параличу общественно-политической жизни. Никакая совмѣстная работа, даже въ скромной сферѣ чисто муниципальныхъ задачъ, становится невозможной для представителей различныхъ народностей съ того момента, какъ эти послѣднія начинаютъ сознавать себя самоцѣнными коллективными личностями. Оно и понятно. Дѣятельность органовъ самоуправленія можетъ развиваться хоть сколько-нибудь планомѣрно и плодотворно лишь постольку, поскольку они на самомъ дѣлѣ являются «органами», органическими составными частями нѣкотораго цѣлаго, въ интересахъ котораго и направляется вся ихъ работа. Но если цѣлое мыслится какъ чисто внѣшняя среда, въ которую, помимо воли, силой внѣшней исторической необходимости вдвинуты самодовлѣющіе національные организмы, то, разумѣется, согласованная работа такихъ организмовъ не можетъ имѣть мѣста. Тщательное отгораживаніе себя отъ всего окружающаго, стремленіе порвать всѣ отношенія, навязывающія національному организму «общность судьбы» съ иноплеменниками, настойчивыя попытки замкнуть всѣ отправленія духовной, хозяйственной и политической жизни въ предѣлахъ заколдованнаго круга, очерченнаго границами разселенія данной народности,— вотъ та единственная линія поведенія, которая доступна автономной, сознающей свою индивидуальность, націи. А такъ какъ могучія тенденціи экономическаго развитія дѣйствуютъ въ направленіи, какъ разъ противоположномъ національному разгораживанію, непрерывно усиливаютъ хозяйственную зависимость одной области отъ другой, неустанно перемѣшиваютъ національности въ котлѣ мірового капитализма, то автономистская политика не можетъ улечься въ формы мирнаго и благодушнаго провинціальнаго житія, но, по необходимости, принимаетъ въ высшей степени нервный и неуравновѣшенный, почти истерическій характеръ. Защищая свои обреченныя на гибель позиціи, національныя группы то и дѣло переходятъ въ наступленіе, поминутно бросаются въ атаку, чтобы остановить неумолимый ходъ исторіи, который ихъ просвѣтленному національнымъ сознаніемъ зрѣнію естественно рисуется въ видѣ козней и происковъ враждебной націи.

Нѣтъ, такимъ образомъ, ничего удивительнаго въ томъ, что борьба за демократическій національный идеалъ на практикѣ неизмѣнно превращается въ свою полную противоположность. Со стороны численно преобладающей націи излюбленными пріемами борьбы за свое національное самоопредѣленіе являются: бойкотъ національнаго меньшинства и самыя разнообразные виды насилія надъ нимъ, вплоть до физическаго разгрома. Національное меньшинство отвѣчаетъ на это систематической обструкціей, планомѣрной дезорганизаціей всѣхъ публичныхъ институтовъ, въ которые оно имѣетъ доступъ. Обще-

извѣстна классическая система обструкціи, разработанная въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій національными меньшинствами австрійскаго рейхсрата. Но ту же картину, какъ и рейхсратъ, представляетъ муниципалитетъ любого австрійскаго города со смѣшаннымъ населеніемъ; Бауэръ приводитъ примѣры длительнаго паралича чешско-нѣмецкихъ муниципалитетовъ изъ-за вопросовъ такого важнаго общественнаго значенія, какъ языкъ на дощечкахъ съ названіями улицъ, и т. п.

Въ началѣ статьи мы уже предупредили читателя, что анализъ историческаго развитія націонализма не входитъ въ нашу задачу. Однако, въ виду склонности современныхъ націоналистовъ вести свою родословную отъ гарибальдійцевъ и другихъ славныхъ дѣятелей старой демократіи, необходимо, хотя бы въ двухъ словахъ, отмѣтить коренное различіе между теперешнимъ националъ-демократизмомъ и тѣми національными движеніями, которыя происходили въ средѣ европейской демократіи въ половинѣ прошлаго вѣка.

Движенія германской демократіи эпохи франкфуртскаго парламента или итальянской демократіи эпохи Гарибальди носили не центробѣжный, а центростремительный характеръ. Не къ самодовлѣнію мелкихъ народностей—баварцевъ, швабовъ, пруссаковъ—стремились демократическіе борцы за великую Германію, не провинціальный патріотизмъ родной колокольни вдохновлялъ ихъ,—а, наоборотъ, именно на разрушеніе всякихъ провинціально-политическихъ и провинціально-культурныхъ границъ направлены были ихъ главныя усилія. «Нація» — являлась тогда могучей сплачивающей идеей. Великое національное государство, создающее одно органическое цѣлое изъ цѣлаго ряда мелкихъ раздробленныхъ племенъ и народностей, было тогда той формой, въ которой находили себѣ самое широкое осуществленіе прогрессивныя, объединяющія тенденціи хозяйственно-политическаго развитія Европы.

Въ настоящее время ростъ міровогo хозяйства сдѣлалъ новые гигантскіе шаги впередъ. Границы большихъ національныхъ государствъ становятся столь же узкими для его дальнѣйшаго развитія, какъ нѣкогда границы мелкихъ германскихъ или итальянскихъ владѣній. Имперіализмъ, насильственное расширеніе власти хозяйственно и численно сильныхъ державъ, подчиненіе политическому господству болѣе слабыхъ соперниковъ,—таковъ тотъ естественный методъ, которымъ правящіе классы «державныхъ» народностей пытаются осуществить прогрессивныя требованія хозяйственнаго развитія. Оставаясь на высотѣ этихъ неумолимыхъ и непреодолимыхъ требованій, демократія могла бы противопоставить имперіализму только «космополитизмъ» въ самомъ точномъ и строгомъ смыслѣ этого слова, т.-е.... идею, которая не была звукомъ пустымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы она опи-

ралась на сильную и сплоченную международно-демократическую партію. Только на этомъ, космополитическомъ, поприщѣ современная демократія явилась бы дѣйствительной преемницей великихъ демократовъ прошлаго вѣка. Но, какъ извѣстно, такое грандіозное организаціонное усиліе, требующее не только широкаго пониманія текущихъ событій, но и глубокаго психологическаго переворота, оказывается пока совершенно не по плечу демократическимъ массамъ. Игнорируя тенденціи историческаго развитія, демократія пошла по линіи наименьшаго сопротивленія. Наступательному національзму крупной буржуазіи она противопоставила національзмъ защитный,—факту мірового хозяйства—идею національнаго самодовленія,—объективной необходимости политическаго самоограниченія крупныхъ національностей — сентиментальную мечту о самоопредѣленіи національностей мелкихъ.

Только крайнее лѣвое, рабочее крыло европейской демократіи, вожди котораго сознавали всю безнадежную реакціонность демократическаго шовинизма, пыталось удержаться отъ окончательнаго паденія, искусно лавируя между Сциллой и Харибдой, нейтрализуя націоналистическій инстинктъ словеснымъ елеемъ платоническаго интернаціонализма. Такъ, напримѣръ, австрійская соціалъдемократія долгое время не придавала серьезнаго значенія національнымъ противорѣчіямъ своего отечества, объясняя уродливыя формы ихъ проявленія недостаточной демократичностью Австро-Венгріи.

Гордая своей сплоченностью, своимъ умѣніемъ сливать въ одну организацію славянъ и нѣмцевъ, она презрительно третировала національную распрю въ Австріи, какъ грызню цензовой буржуазіи, и увѣренно заявляла, что съ введеніемъ всеобщаго избирательнаго права безпринципная и поверхностная борьба національностей отступитъ на задній планъ передъ глубокими соціальными проблемами. Всеобщее избирательное право было введено, но грызня національно-буржуазныхъ группъ отъ этого отнюдь не прекратилась,—напротивъ, она съ каждымъ годомъ росла и ширилась, захватывала все болѣе глубокіе слои демоса, не исключая и рабочихъ массъ, организованныхъ соціалистами. Въ результатѣ соціалъ-демократія вынуждена была сложить оружіе передъ національно-буржуазной идеологіей; дальнѣйшее существованіе единой многонаціональной партіи стало невозможнымъ; соціалисты—нѣмцы и соціалисты—чехи образовали «автономныя» партійныя организаціи, связанные между собой на федеративныхъ началахъ. Недолгая исторія этой федераціи изобилуетъ такими образчиками внутри-партійныхъ чешсконѣмецкихъ столкновеній, которые далеко оставляютъ за собой самые пикантные инциденты австрійскаго рейхсрата, и даютъ очень яркій прообразъ счастливыхъ формъ жизни, ожидающихъ

европейскую демократію въ томъ случаѣ, если она построитъ свои «государства будущаго» въ видѣ федераціи автономныхъ національностей.

Исторически проектъ экстерриторіальной автономіи націй возникъ, какъ капитуляція соціалъ-демократической теоріи передъ торжествующей стихіей національзма. Разъ нельзя преодолѣть національзма, то надо по крайней мѣрѣ отвести его въ безопасное русло. Надо создать такую организацію общества, въ которой національности, такъ сказать, автоматически отграничивались бы другъ отъ друга, получали каждая свою особую, абсолютно замкнутую сферу дѣятельности, избавлялись отъ необходимости совмѣстно работать на почвѣ, хоть сколько нибудь затрагивающей національные интересы.

Автономія національностей, построенная на личномъ началѣ, на добровольной припискѣ къ той или другой національности, гражданъ, считающихъ себя ея членами, повидимому, является идеальнымъ рѣшеніемъ этой проблемы. Какъ бы ни сталкивались между собой члены различныхъ націй физически, въ сутолокѣ повседневной жизни,—юридически, какъ члены личныхъ автономныхъ союзовъ, они защищены отъ возможности какихъ-либо взаимныхъ столкновеній абсолютно непроницаемой преградой. Бѣда только въ томъ, что въ предѣлахъ такого юридическаго изолятора, отрывающаго націю отъ почвы, отъ территоріи, возможна автономія исключительно въ духовной области, но, какъ мы уже упоминали, немыслимо требуемое націоналъ-демократической программой самоопредѣленіе націй во всѣхъ сферахъ культуры, какъ духовной, такъ и матеріальной. Организація всѣхъ чеховъ и всѣхъ нѣмцевъ Австріи по принципу «персональной» автономіи, быть можетъ, и устранила бы споры о томъ, гдѣ и какіе именно должны быть открыты школы, гимназіи, университеты, ибо, разъ каждая нація прикрѣплена къ своимъ автономнымъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ, ей до учрежденій другой націи, дѣйствительно, нѣтъ никакого дѣла. Но совершенно непонятно, какимъ путемъ введеніе чешской и нѣмецкой автономій могло бы способствовать разрѣшенію вопроса о языкѣ офиціальнаго наименованія улицъ въ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, о порядкѣ работъ по благоустройству въ нѣмецкихъ и чешскихъ районахъ смѣшанной зоны и т. и.

Бауэръ и Шпрингеръ исходятъ, въ сущности, изъ предположенія, что жажда національной самостоятельности можетъ быть вполнѣ утолена автономной организаціей народнаго просвѣщенія, юридической помощи и нѣкоторыхъ второстепенныхъ функцій административнаго характера,—что хозяйственныя отношенія представляютъ область сверхнаціональныхъ, общегосударственныхъ задачъ, которыя могутъ объеди-

нить въ совмѣстной работѣ націоналъ-демократовъ разнаго происхожденія.

На дѣлѣ, именно, въ экономической области національные антагонизмы проявляются особенно рѣзко, «засиліе» иноплеменниковъ ощущается особенно болѣзненно, стремленіе къ независимости проявляется особенно остро.

Но можетъ ли итти рѣчь о хозяйственной независимости мелкихъ народностей въ эпоху, когда крупнѣйшія многонаціональныя имперіи не могутъ уже претендовать на полную экономическую самостоятельность? Когда проектируются гигантскіе тресты государствъ именно въ цѣляхъ созданія экономически самодовлѣющихъ областей? Ни одна изъ формъ автономіи не можетъ обезпечить націямъ и тѣни того самоопредѣленія, о которомъ грезятъ національно-демократическія программы. Послѣдовательный выводъ изъ постулата самоопредѣленія дѣлаетъ не робкій демократическій, а смѣлый имперіалистическій національзмъ. Такъ какъ самостоятельность націи въ предѣлахъ заселяемой ею территоріи явно невозможна, то приходится либо отвергнуть идею національнаго самоопредѣленія, какъ наивную утопію, либо осуществлять ее посредствомъ распространенія власти данной націи на болѣе обширную территорію. Образованіе мощнаго колоніальнаго государства является первымъ,—объединеніе подъ своей гегемоніей нѣсколькихъ сосѣднихъ государствъ—вторымъ необходимымъ шагомъ націи на пути къ дѣйствительному самоопредѣленію. Но и на этомъ дѣло не можетъ закончиться. Все болѣе и болѣе интенсивное развитіе всемірно-хозяйственныхъ связей выдвигаетъ *міродержавіе*, соединеніе всѣхъ земель и народовъ подъ властью данной націи, какъ конечную цѣль послѣдовательнаго націонализма, какъ такое условіе, при которомъ только и возможно вполнѣ реализовать идеалъ національнаго самоопредѣленія.

Разумѣется, такой имперіалистическій путь къ самоопредѣленію очень не легокъ и отнюдь не можетъ быть спокойнымъ и мирнымъ. Въ настоящее время имѣются, минимумъ, четыре серьезныхъ претендента на міровое господство; и только длинный періодъ напряженнѣйшихъ экономическихъ и военныхъ состязаній рѣшитъ, кто имѣетъ больше шансовъ, а слѣдовательно и правъ на міродержавіе.

Исходъ этихъ гигантскихъ конфликтовъ не поддается пока никакому предвидѣнію. Несомнѣнно лишь одно: если имперіализмъ попрежнему останется единственной реальной силой сверхнаціональнаго масштаба, единственной политической формой всемірнаго объединенія народовъ, диктуемаго ходомъ хозяйственнаго развитія,—то, прежде чѣмъ такое объединеніе будетъ достигнуто, погибнетъ не одна крупная національность, исчезнетъ съ лица земли не одинъ десятокъ мелкихъ народностей.

и мерзость запустѣнія покроетъ многіе цвѣтущіе центры современной культуры.

Можно, однако, надѣяться, что борьба народовъ за осуществленіе идеала національной самостоятельности не будетъ все же настолько продолжительной и упорной, чтобы за это время успѣлъ подняться до культуры и вытѣснить человѣчество какой-нибудь иной видъ земныхъ животныхъ, менѣе склонныхъ къ взаимопожиранію, чѣмъ люди.

Какъ бы то ни было, уже теперь достаточно выяснилось, что обѣ разновидности національзма, несмотря на всю ихъ кажущуюся противоположность, имѣютъ одинъ и тотъ же психологическій корень, одушевлены однимъ и тѣмъ же основнымъ стремленіемъ. Имперіализмъ—идеологія господствующихъ—болѣе послѣдователенъ, глубокъ и содержателенъ. Націоналъ-демократизмъ—достояніе низшихъ и среднихъ слоевъ—сравнительно поверхностенъ, идейно скуденъ, полонъ наивныхъ и смѣшныхъ противорѣчій. Имперіализмъ—это эсотерическая вѣра жреца; націоналъ-демократизмъ—простецкое идолопоклонство пастуха. И какъ жрецу нѣтъ никакой надобности сообщать низшимъ кастамъ свои подлинныя откровенія, но гораздо удобнѣе править чернью черезъ посредство деревянныхъ божковъ, въ которыхъ онъ самъ не вѣритъ,— точно также и для имперіалистовъ націоналъ-демократическое воодушевленіе низовъ—сущій кладъ: при всей своей словесной оппозиціи имперіализму національная демократія на дѣлѣ является его послушнымъ оружіемъ. Что за бѣда, если она мотивируетъ свою готовность работать во славу имперіализма особыми формулами, якобы . . . . лишенными всякой агрессивности. Важно то, что эти плохо продуманныя формулы являются выраженіемъ подлиннаго націоналистическаго чувства, что проникнутая этимъ чувствомъ демократія всегда здѣсь, подъ руками и, во имя борьбы съ агрессивностью, рада душу свою положить всякій разъ, когда имперіалистамъ удается предпринять хорошенькую агрессію.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

В. Базаровъ.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ХРОНИКИ.

Убійство Штюрка. — Выборы въ Соединенныхъ Штатахъ.

8-го октября въ одномъ изъ вѣнскихъ ресторановъ выстрѣломъ изъ револьвера былъ убитъ австрійскій министръ-президентъ гр. Штюркъ. Самъ по себѣ этотъ террористическій актъ былъ безсиленъ, конечно, измѣнить въ ту или иную сторону режимъ, установившійся въ Австріи съ начала войны. Тѣмъ не менѣе, совершенный на фонѣ крайне напряженныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній, онъ отмѣтилъ кровавой чертой ставшій неизбѣжнымъ поворотъ въ общемъ курсѣ австрійской политики.

Гр. Штюркъ не былъ яркой политической фигурой. Крупный землевладѣлецъ Штиріи по своему соціальному положенію, онъ еще въ началѣ 1890-хъ годовъ прошелъ въ рейхсратъ по землевладѣльческой куріи. Парламентскому мандату Штюркъ и былъ обязанъ, главнымъ образомъ, своимъ возвышеніемъ. Но по существу онъ былъ всегда и остался до конца своихъ дней довольно заурядным, хотя и исполнительнымъ, чиновникомъ. Совершенно безсильный въ области политическаго творчества, дѣятель «безъ программы», онъ обладалъ весьма опредѣленными политическими вкусами и симпатіями. Въ началѣ своей парламентской карьеры, въ періодъ Виндишгреца, Бадени и Туна, онъ былъ горячимъ противникомъ всякихъ національныхъ уступокъ. Позже, во время борьбы за избирательную реформу, онъ былъ не менѣе рѣшительнымъ врагомъ всеобщаго избирательнаго права. Въ качествѣ товарища министра народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Бека, а затѣмъ министра народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Бинерта онъ проявилъ себя яростнымъ реакціонеромъ-клерикаломъ. По мѣткому выраженію «Arbeiter Zeitung», министерство народнаго просвѣщенія превратилось при Штюркѣ въ отдѣленіе канцеляріи князя-архіепископа.

Ростъ рабочаго движенія, сказавшійся съ такой мощью въ 1905—1906 гг., создалъ въ Австріи благопріятную почву для реакціи, для сближенія буржуазныхъ элементовъ съ бюрократіей и аграріями. Граничащій съ сепаратизмомъ мелко-буржуазный радикализмъ не-нѣмецкихъ народностей, сталкиваясь съ центростремительными тенденціями капитализма, неизбѣжно долженъ былъ придать соціальной реакціи національный характеръ. Политика Бинерта и Штюрка вполнѣ отвѣчала этимъ потребностямъ момента. Какъ вѣрный и испытанный

слуга аграрно-клерикальной реакціи Штюркъ и былъ назначенъ на постъ премьера въ 1911 г. Несмотря на парламентскую карьеру министра-президента, либеральная печать единодушно оцѣнила новое министерство какъ «бюрократическое» и признала его назначеніе «новой зарей для христіанскихъ соціалистовъ». Европейская война лишь закрѣпила въ Австріи реакцію; вмѣстѣ съ тѣмъ, она упрочила и положеніе Штюрка.

Порядки, установившіеся въ Австріи съ начала войны, охарактеризованы достаточно ярко въ манифестѣ, опубликованномъ еще годъ тому назадъ интернаціоналистскимъ меньшинствомъ австрійскихъ соціалистовъ. «Голосъ правды, — говорилось въ немъ, — въ Австріи задавленъ; народы Австріи лишены малѣйшей возможности высказаться по поводу все возрастающей нищеты, все усиливающагося гнета и насилія... Конституція окончательно отмѣнена, палачи безпрепятственно и безъ ограниченій дѣлаютъ свое кровавое дѣло. Установилась бѣшеная ненависть къ печатному слову; тюрьма и висѣлица грозятъ на каждомъ шагу». За годъ къ этой мрачной характеристикѣ прибавились, конечно, новыя, еще болѣе мрачныя черты. Если политическій произволъ остался прежнимъ, то хозяйственная разруха, продовольственная неурядица достигли крайней степени. Въ странѣ подъ внѣшней видимостью «гражданскаго мира» и подъ гнетомъ военнаго положенія скопились громадные запасы горючаго матеріала. Европейская война и сама по себѣ взвалила на плечи народа невыносимое бремя, а внутренній режимъ сдѣлалъ все для того, чтобы это бремя ощущалось какъ можно болѣзненнѣе.

Продовольственный кризисъ и связанный съ нимъ ростъ недовольства въ массахъ заставилъ, въ концѣ концовъ, и буржуазныя группы придти къ сознанію неизбѣжности нѣкотораго смягченія царящаго въ Австріи порядка. Фактическій абсолютизмъ (парламентъ не созывался въ Австріи съ апрѣля 1914 г.) оказался не въ состояніи рѣшить выдвинутыя войной весьма сложныя хозяйственныя проблемы. Его банкротство неизбѣжно должно было поставить на очередь возвращеніе къ конституціонному правленію. И, дѣйствительно, въ теченіе мѣсяца, предшествовавшаго убійству Штюрка, кампанія въ пользу созыва парламента приняла весьма широкіе размѣры и захватила даже такіе элементы, какъ консервативныя и реакціонныя группы землевладѣльческисановной палаты господъ. Штюркъ оказывалъ этому движенію самое упорное сопротивленіе, не считаясь ни съ броженіемъ въ массахъ, ни съ желаніемъ буржуазіи быть допущенной къ контролю правительственной дѣятельности. Въ томъ, что министерство Штюрка не выйдетъ изъ этой борьбы побѣдителемъ, что оно уже обречено на гибель, не было, въ сущности, сомнѣнія, когда пуля Фридриха Адлера положила насильственный конецъ его существованію.

Убійца гр. Штюрка, Фр. Адлеръ — сынъ извѣстнаго соціалиста-

ческаго дѣятеля Виктора Адлера, положившаго въ свое время не мало трудовъ на борьбу съ анархическими тенденціями въ австрійскомъ рабочемъ движеніи. И самъ Фридрихъ Адлеръ былъ до сихъ поръ, насколько извѣстно, совершенно чуждъ террористическихъ увлеченій. Въ послѣднее время онъ былъ редакторомъ австрійскаго соціалистическаго органа «Der Kampf.» Принадлежа къ лѣвому, интернаціоналистическому крылу соціалъ-демократіи, онъ стоялъ за борьбу противъ войны международными средствами. Но эта борьба должна была быть борьбой классовой; признавая самыя крайнія формы борьбы, Адлеръ до конца оставался вѣренъ принципу массоваго дѣйствія. Трудно сказать, что подвинуло его на террористическій актъ. Повидимому, онъ крайне болѣзненно переживалъ уклоненіе германской и австрійской соціалъ-демократіи въ сторону притупленія классовой борьбы и сближенія съ правящими империалистическими кругами. Его душевное равновѣсіе было глубоко потрясено кризисомъ второго интернаціонала, въ мощь котораго онъ такъ искренно вѣрилъ. Чрезвычайно чуткій и впечатлительный, онъ крайне остро реагировалъ на ужасы войны и на ея отраженія внутри страны. Таковы были чисто личныя условія, сдѣлавшія возможнымъ для Адлера актъ, противорѣчащій всѣмъ принципамъ его прежней дѣятельности. Но не слѣдуетъ забывать, что этотъ индивидуальный актъ имѣетъ и свое, притомъ весьма глубокое, общественное значеніе. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

* * *

25-го октября въ Соединенныхъ Штатахъ происходили выборы выборщиковъ, которымъ предстоитъ въ началѣ января избрать президента на будущее четырехлѣтіе. Такъ какъ кандидаты обѣихъ большихъ партій заранѣе намѣчаются на ихъ партійныхъ съѣздахъ, то результатъ октябрьскихъ выборовъ, если та или иная изъ партій проведетъ абсолютное большинство своихъ выборщиковъ, предрѣшаетъ и вопросъ о президентѣ. На этотъ разъ абсолютное большинство выборщиковъ (269 изъ 531) оказалось принадлежащимъ къ демократической партіи, и такимъ образомъ, президентомъ Соединенныхъ Штатовъ останется и послѣ 4-го марта 1917 г. настоящій президентъ — кандидатъ демократовъ В. Вильсонъ.

Та грань принциповъ, которая отдѣляла американскія партіи другъ отъ друга въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, давно уже стерлась. Къ концу столѣтія партіи все болѣе и болѣе превращались въ организаціи, преслѣдующія исключительно цѣли захвата и дѣлежа власти.

Тѣмъ не менѣе, по своему соціальному составу онѣ различались даже въ моменты своего наибольшаго упадка. Демократы всегда были связаны съ югомъ, съ его землевладѣльческими элементами, республиканцы — съ сѣверными финансистами и промышленниками; поэтому республиканцы всегда стояли за весьма высокій покровительственный тарифъ, демократы были склонны заигрывать съ идеей свободной торговли; поэтому же республиканцы явились въ началѣ XX вѣка носителями идей агрессивнаго имперіализма, тогда какъ демократы, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, оставались противниками широкихъ завоевательныхъ замысловъ. Вполнѣ естественно, что демократы долгое время были отодвинуты отъ власти: бурный экономическій прогрессъ Соединенныхъ Штатовъ неизбѣжно долженъ былъ выдвигать на политическую авансцену республиканцевъ.

За послѣднее десятилѣтіе обстятельства нѣсколько измѣнились въ пользу демократовъ. Во-первыхъ, для юга настала, въ свою очередь, пора хозяйственнаго оживленія. Во-вторыхъ, демократы сумѣли учесть въ свою пользу поднявшуюся въ Соединенныхъ Штатахъ въ началѣ XX в. волну соціально-политическаго радикализма. Хозяйственный прогрессъ Соединенныхъ Штатовъ, обостривши соціальныя противорѣчія, создалъ необходимыя предпосылки для освобожденія массъ отъ вліянія старыхъ партійныхъ организацій. Возникла соціалистическая партія. Но въ нее ушли пока лишь наиболѣе передовые элементы рабочаго класса. Большая часть рабочихъ и мелкихъ фермеровъ осталась въ старыхъ партіяхъ и образовала въ нихъ радикальную оппозицію, выдвинувшую опредѣленную, хотя и очень мало-продуманную, политическую и соціальную программу. Оппозиція была сильнѣе въ республиканской партіи. Но связанная съ финансовыми и промышленными магнатами, эта партія не могла согласиться на включеніе въ свою платформу радикальныхъ требованій. Ростъ радикализма вызвалъ въ ней въ 1912 г. расколъ. Демократамъ было легче пойти на уступку идеямъ соціальной реформы; воспользовавшись расколомъ среди республиканцевъ и принявъ радикальную программу, они четыре года тому назадъ добились власти послѣ 16-лѣтняго господства республиканцевъ. Часть этой программы (отвѣтственность предпринимателей, 8-мичасовой рабочій день на желѣзныхъ дорогахъ, подоходный налогъ) была дѣйствительно осуществлена ими въ президентство Вильсона.

Ко времени президентской кампаніи 1916 г. республиканскій радикализмъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ исключительнаго промышленнаго подъема въ связи съ войной, но частью также подъ вліяніемъ умѣренно-реформаторской политики Вильсона потерялъ почву подъ ногами. Обѣ фракціи республиканской партіи объединились и выставили своимъ кандидатомъ весьма умѣреннаго по своимъ соціально-политическимъ взглядамъ Юза, рѣшительнаго врага вильсоновскаго рабочаго законодательства. Въ качествѣ лозунга республиканцы

выдвинули на этотъ разъ противъ демократовъ программу активной внѣшней политики. Не слѣдуетъ думать, чтобы демократы въ періодъ своего правленія совершенно игнорировали тѣ требованія, какія предъявлялъ въ области внѣшней политики аггрессивный американскій капиталъ. Наоборотъ, на практикѣ они шли навстрѣчу этимъ требованіямъ достаточно далеко; правительство президента Вильсона вмѣшивалось не разъ, въ интересахъ американскаго капитала, и въ дѣла Мексики, и въ дѣла другихъ средне-американскихъ республикъ. Не отказывалось оно, при всемъ словесномъ пасифизмѣ своего главы, и отъ увеличенія флота, и отъ повышенія боевой готовности Соединенныхъ Штатовъ. Но тѣмъ не менѣе, для агрессивныхъ имперіалистовъ республиканскаго лагеря демократическая политика въ вопросахъ военныхъ и дипломатическихъ представлялась еще недостаточно рѣшительной, недостаточно твердой.

Поддержанный Американской Федераціей Труда, Вильсонъ одержалъ побѣду надъ Юзомъ, хотя и не очень крупнымъ большинствомъ голосовъ. Этимъ вотумомъ американскій народъ съ одной стороны одобрилъ реформаторскую политику демократовъ, съ другой — призналъ достаточнымъ для даннаго момента исключительнаго преуспѣянія «мирный» имперіализмъ Вильсона, отвергъ аггрессивно-имперіалистическіе лозунги Юза и Рузвельта. Надолго ли, — это другой вопросъ.

В. Волгинъ.

ФАКТЫ АНГЛІЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Десятипенсовый хлѣбъ.

Четырехфунтовый хлѣбъ, который стоилъ до войны четыре съ половиной пенса, дошелъ уже за послѣдніе дни до 9½ и даже до 10 пенсовъ. Ни одна таблица роста цѣнъ, составленная учеными экономистами, ни одно строго-научное исчисленіе индекснаго числа дороговизны не является для рядового англичанина такимъ страшнымъ и такимъ яркимъ показателемъ растущаго процесса экономической дифференціаціи населенія, какъ этотъ простой, ясный и безжалостный фактъ: за «лоофъ» (loaf) хлѣба надо либо платить въ 2¼ раза дороже, либо положить на столъ значительно уменьшенный лоофъ. Правда, ученые экономисты подходятъ къ этому вопросу отнюдь не такъ просто: высчитывая съ научной точностью показательныя (индексныя) числа дороговизны, они значительно взвѣшиваютъ всяческія среднія числа, представляющія ростъ цѣнъ той или иной группы продуктовъ, и затѣмъ берутъ, такъ называемую, взвѣшенную среднюю

всѣхъ среднихъ. Въ полученномъ такимъ способомъ индексномъ числѣ исчезаетъ дороговизна *отдѣльныхъ* продуктовъ. И страшный десятипеисовый хлѣбъ обезличивается до уровня одного изъ *элементовъ* дороговизны, одного изъ составныхъ чиселъ ея; онъ уже не рисуется маленькимъ, бѣдненькимъ хлѣбикомъ, уменьшившимся въ объемѣ и могущемъ наполнить лишь половину человѣческаго желудка, онъ становится просто сѣрой, абстрактной цифрой, одной изъ многихъ цифръ, изъ которыхъ складывается общій и далеко еще не такой страшный показатель *дороговизны вообще*, безотносительно потребленія отдѣльныхъ группъ.

Такимъ образомъ, въ общей формѣ сентябрьскій индексъ дороговизны исчисляется слѣдующей таблицей:

	Хлѣбъ и мясо.	Другіе пищевые продукты (чай, сахаръ и т. д.).	Ткани.	Минеральныя вещества.	Разные продукты (резина, лѣсъ, наст. масла и т. д.)	Всего.	Повышеніе въ %.
Принимая за основу счисленія:							
среднюю за 1901—1905 гг.	500	300	500	400	500	220,0	100
1 января 1914 г.	563	355	642	491	572	2,623	119,2
Конецъ іюля 1914 года. . .	579	352	616,5	464,5	553	256,5	116,6
» авг. » » . .	641	369	626	474	588	269,8	122,6
» янв. 1915 » . .	786	413	635	521	748	300,3	136,5
» авг. » » . .	841	438,5	628	610,5	778	329,6	149,8
» янв. 1916 » . .	946,5	465	782,5	761,5	884,5	384,0	174,5
» авг. » » . .	999,5	631,5	882	873	108,6	437,2	198,7

Повышеніе, высчитанное здѣсь, приравнивается къ среднимъ цѣнамъ за пятилѣтіе 1901—1905 г. Само по себѣ оно даетъ 2 достаточно поучительныя цифры: за 9 лѣтъ (съ 1905 по 1914) приростъ цѣнъ выразился въ среднемъ 19,2%, а за 11 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ (по 1 сент. 1916 г.) это среднее повышеніе выражается уже 98,7%. Но чтобы лучше выявить повышеніе, имѣвшее мѣсто за послѣдніе 2 года, необходимо высчитать его по отношенію къ цѣнамъ конца іюля 1914 г., т. е. момента объявленія войны. Тогда послѣдняя графа таблицы приметъ такой видъ:

Конецъ іюля	1914	100
» »	1915	105
» янв.	1915	117
» авг.	1915	128,5
» янв.	1916	149,6
авг.	1916	170,4

И выйдетъ, что *въ среднемъ* стоимость жизни за два года войны повысилась на 70,4%. Въ этой цифрѣ исчезъ и растворился десятипенсовый лофъ, стоимость котораго возрасла, однако, на 122%, а индексное число котораго выразилось бы, слѣдовательно, числомъ 222. Но если среднія числа, высчитываемыя притомъ же для оптовыхъ цѣнъ, чрезвычайно важны для государственныхъ мужей и статистиковъ, то повышеніе цѣнъ отдѣльныхъ продуктовъ, играющихъ очень большую роль въ питаніи отдѣльныхъ группъ населенія, являются исключительно показательными именно для этихъ послѣднихъ, ибо именно ихъ они бьютъ больнѣе всего.

Такимъ образомъ, подлинное значеніе десятипенсоваго хлѣба выявится въ совершенно иномъ свѣтѣ, если отъ исчисленія индексныхъ чиселъ оптовыхъ цѣнъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію *бюджетовъ* и *доходовъ* отдѣльныхъ группъ населенія. Основнымъ принципомъ дѣленія доходовъ на группы придется взять тогда относительное увеличеніе или уменьшеніе этихъ доходовъ по сравненію съ индекснымъ числомъ 170,4. Если доходы той или иной группы повысились больше, чѣмъ на 70,4%, то ясно, что реальная стоимость жизни понизилась для нихъ, а не повысилась, и что хлѣбъ играетъ въ ихъ бюджетѣ сравнительно небольшую роль, тогда какъ продукты, обозначенные въ таблицѣ подъ рубрикой и т. д., или же совсѣмъ не учтенные этой таблицей, должны занимать въ ихъ бюджетѣ немаловажное значеніе. Совершенно иначе обстоитъ дѣло для той группы, гдѣ доходы возросли меньше, чѣмъ на 70,4% и въ питаніи которыхъ хлѣбъ игралъ и раньше, и теперь огромную роль.

Недавно произведенная Женской Кооперативной Ассоціаціей анкета о заработной платѣ и о бюджетѣ рабочей семьи даетъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытныя данныя. Показанія хозяекъ-кооператорнъ устанавливаютъ, что ростъ цѣнъ продуктовъ низшаго качества, употребляемыхъ по необходимости бѣднѣйшими группами, идетъ очень часто безконечно болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ возрастаніе цѣнъ болѣе дорогихъ продуктовъ [1]. Характерный образчикъ такой разницы относительныхъ повышеній даютъ цѣны на мясо. Въ то время, какъ максимальное повышеніе, отмѣчаемое офиціальной статистикой, *для всѣхъ сортовъ мяса* составляетъ 128%, низшіе сорта его, такъ называемые «обрѣзки и внутренности», потребляемые исклю-
устанавливаетъ фактъ полнаго исчезновенія мяса съ рабочаго стола
устанавливаетъ фактъ полнаго исчезновенія мяса съ рабочаго стола
или значительное сокращеніе его потребленія. Въ то же время потребленіе хлѣба, наоборотъ, увеличилось. Чрезвычайно характернымъ является въ этомъ отношеніи слѣдующій бюджетъ рабочей семьи до и послѣ войны. Семья живетъ въ Ликѣ (Leeck) и состоитъ изъ матери

[1] См. The New Statesman отъ 12 августа, статья Food Prices.

и семерыхъ дѣтей; отецъ на войнѣ. Доходъ семьи составлялъ 36 шиллинговъ въ недѣлю до войны и 41 шиллингъ лѣтомъ 1916 г. Недѣльное потребленіе и расходы ея до войны и теперь иллюстрируются слѣдующими цифрами:

До войны.	Ф.	Ш.	П.	Во время войны:	Ф.	Ш.	П.
7 ф. мяса . . .	0	1	8	3 ф. мяса	0	3	0
4 » сахара . .	0	1	0	2 » сахара . .	0	1	0
3½ » свиного сала	0	2	4	2 » свиного сала .	0	2	4
3½ » сыра . . .	0	2	4	1 » сыра . . .	0	1	2
50 » картофеля .	0	4	10½	20 » картофеля . .	0	2	9
3½ » мука . . .	0	0	5	1¾ » муки . . .	0	0	5
56 » хлѣба . . .	0	5	3	84 » хлѣба . . .	0	14	0
12 квартъ молока . .	0	3	0	7 квартъ молока . .	0	2	0½
Итого .	1	—	10½	Итого . .	1	6	8½

Въ этомъ бюджетѣ стоимость хлѣба во время войны принята еще въ 2 пенса за фунтъ или въ 8 пенсовъ за лоофъ, ибо 9 и 10 пенсовъ цѣна его достигла уже въ августѣ нынѣшняго года въ связи съ спекуляціей и неурожаями въ Сѣверной Америкѣ. Несмотря на значительное повышеніе цѣны хлѣба, потребленіе его все же повысилось съ 56 ф. до 84, возмѣщая, повидимому, недостающіе молоко, мясо, сыръ и т. д. Отсюда ясно, какъ чувствительно было для такихъ бюджетовъ новое повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, достигшее теперь уже 9½ и 10 пенсовъ.

Комментируя этотъ бюджетъ, составитель отчета замѣчаетъ, что положеніе этой семьи «относительно еще счастливое, ибо ей не надо кормить главнаго ѣдока — мужа, находящагося на войнѣ». Но у многихъ семействъ нѣтъ и этого облегченія. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ: 1) Доходъ семьи 40 шиллинговъ въ недѣлю; повышенія заработной платы не было; отецъ — развозчикъ молока; дѣтей шестеро. 2) Въ семьѣ 7 дѣтей, въ возрастѣ отъ 14 мѣсяцевъ до 12 лѣтъ. Отецъ — рабочій на текстильной фабрикѣ. Заработокъ его повысился на 5% и составляетъ теперь 30 шиллинговъ въ недѣлю. 3) Въ семьѣ 4 малолѣтнихъ дѣтей. Отецъ — подметальщикъ улицъ. До войны получалъ 25 ш. 6 п., теперь — 28 шиллинговъ»[1].

Помимо этихъ, добытыхъ путемъ анкеты, данныхъ имѣется еще цѣлый рядъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ показаній о заработной платѣ.

Въ іюлѣ, принимая депутацію рабочихъ по поводу борьбы съ дороговизной, Гаркауртъ заявилъ имъ, что теперь приходится заботиться не о заработной платѣ (wages), а о заработкѣ (Earnings). Онъ считаетъ, что «въ среднемъ заработная плата повысилась только на 10%», зато

[1] См. вышецитированную статью изъ «The New Statesman».

поднялись значительно *заработки*, что обусловливается воскреснымъ и праздничнымъ трудомъ, большей регулярностью труда и значительной интенсификаціей его.

Цѣлый рядъ забастовокъ, нависшихъ теперь надъ страной, выдвинулъ опять-таки на первый планъ показанія объ увеличеніи заработной платы во время войны. Выяснилось, что текстильщики получили до сихъ поръ только 5% прибавки, что портовые рабочіе требуютъ прибавки на 15%, котельщики — на 15% для работающихъ поштучно и на 6 шиллинговъ въ недѣлю для работающихъ поденно, что стекольщики просили прибавки на 10%, но что организація хозяевъ предложила имъ всего 3 шиллинга въ недѣлю... и т. д., и т. д.

Особенно показательны цифры о заработной платѣ желѣзнодорожниковъ, ведущихъ вотъ уже почти 10 лѣтъ ожесточенную борьбу за повышеніе заработной платы. Максимума напряженія борьба эта достигла въ 1911 г., когда въ разразившейся тогда забастовкѣ приняло участіе 220.000 человѣкъ (1/3) всѣхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ Англіи) и когда центръ движенія — Ливерпуль — превратился въ настоящій станъ гражданской войны. Важнѣйшимъ въ числѣ выдвигаемыхъ тогда требованій было требованіе минимальной заработной платы въ 24 шиллинга въ недѣлю (4 шиллинга въ день). Съ этой цифрой 24 шиллинга въ недѣлю мы встрѣчаемся, однако, снова въ сентябрѣ 1916 г. Ибо, несмотря на то, что въ октябрѣ 1915 г. желѣзнодорожники получили «военную надбавку» (war bonus) въ 5 шиллинговъ въ недѣлю, теперь, во время недавнихъ переговоровъ между представителями рабочихъ и акціонеровъ, выяснилось, что «много тысячъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ все еще получаютъ не больше 24 шиллинговъ въ недѣлю. Другіе же получаютъ съ помощью сверхурочныхъ работъ довольно приличное вознагражденіе». (Times отъ 14 сент.). Переговоры между рабочими и хозяевами кончились компромиссомъ: первые требовали новой прибавки въ 10 шиллинговъ въ недѣлю, вторые давали только 3. Въ концѣ концовъ, подъ угрозой пріостановки работъ, дали 5. Такимъ образомъ, надбавка за все время войны составляетъ 10 шиллинговъ въ недѣлю или *въ среднемъ*, по вычисленію Economist'a, около 33% по сравненію съ до-военной платой.

Чрезвычайно интересны также показанія о заработной платѣ женщинъ, работающихъ теперь въ цѣломъ рядѣ промышленныхъ предпріятій. По даннымъ комитета о здравіи рабочихъ [illegible] mun tion workers Committee), дневной рабочій день работницъ длится зачастую отъ 6 ч. утра до 8 ч. вечера. Плата же ихъ установлена была еще въ октябрѣ прошлаго года въ 1 ф. въ недѣлю и почти не сдвинулась съ мѣста съ тѣхъ поръ, несмотря на торжественное обѣщаніе Ллойдъ-Джорджа, что женщины-работницы будутъ получать «справедливое вознагражденіе, минимумъ котораго будетъ опредѣленъ закономъ». Особый промысловый судъ, долженствующій — по смыслу

проведеннаго тогда Amending Act — устанавливать заработокъ работницъ, опять и опять возвращался при всѣхъ треніяхъ къ сакраментальному фунту въ недѣлю.

Таковы отдѣльныя, но достаточно симптоматическія показанія о заработной платѣ англійскихъ рабочихъ и возрастаніи ея во время войны. Каковы бы ни были исключенія, бросающіяся въ глаза досужимъ наблюдателямъ изъ зажиточныхъ классовъ и обобщаемыя ими съ такой готовностью и простотой, фактъ остается фактомъ: реальная заработная плата большинства англійскихъ рабочихъ понизилась, ибо приростъ заработной платы далеко отстаетъ отъ прироста цѣнъ и въ особенности цѣнъ на продукты массового потребленія. Для огромнаго числа англійскихъ рабочихъ десятипенсовый хлѣбъ является, слѣдовательно, страшнымъ символомъ пониженія *жизненнаго уровня.*

Въ оправданіе повышеніямъ цѣнъ на продукты ученые экономисты обычно приводятъ пресловутый «законъ спроса и предложенія». Этотъ удивительный законъ умѣетъ, какъ извѣстно, приспособляться не только къ естественному сокращенію предложенія, но и къ искусственному. Въ Россіи передъ недавнимъ пересмотромъ твердыхъ цѣнъ на хлѣба, зерно исчезло съ рынка, отсутствовало тамъ, пока помѣщики распинались на съѣздахъ за необходимость 100 и 200% повышенія цѣнъ, и опять-таки отсутствуетъ теперь въ виду недовольства помѣщиковъ полученной надбавкой. Можно ли назвать закономъ экономической жизни такой волевой актъ опредѣленной группы населенія, не стѣсняющейся ставить на карту питаніе всей страны ради отстаиванія своихъ групповыхъ интересовъ, — это вопросъ спорный. Въ Въ Англіи его не приходится, однако, даже и ставить. Количество хлѣба, поступившаго на англійскій рынокъ въ 1915—1916 сельско-хозяйственному году, *не уменьшилось* по сравненію съ соотвѣтствующимъ періодомъ 1912—1913 года. Измѣнилось только нѣсколько соотношеніе между ввозимымъ и своимъ хлѣбомъ, какъ это показываетъ слѣдующая таблица:

	1912—1913		1913—1914		1914—1915		1915—1916	
	Въ милл. англ. центнеровъ.[1]	Въ %%	Въ милл. англ. центнеровъ.	Въ %%	Въ милл. англ. центнеровъ.	Въ %%	Въ милл. англ. центнеровъ.	Въ %%
Ввезено за 52 недѣли (за вычетомъ вывоза)	123,9	84	110,1	78	106,4	74	106,7	72
Поступило на рынокъ собственнаго хлѣба.	24,3	16	31,4	22	36,7	26	41,6	28
Всего .	148,2	100	141,5	100	143,1	100	148,3	100

Такимъ образомъ, предложеніе сократилось очень незначительно

[1] Англ. центнеръ=50 килограммамъ или 3,1 пуда.

въ первый годъ и сдѣлалось уже нормальнымъ во второй годъ войны. Нѣсколько сократившійся ввозъ вполнѣ компенсировался увеличеніемъ собственной посѣвной площади.

Чѣмъ же обусловливается скачекъ съ 4½ до 10 пенсовъ? Если одни переплатили ихъ на своемъ повседневномъ питаніи, то кому пошла эта переплата? Иначе говоря, чьи барыши повысились въ зависимости отъ этой переплаты? Изъ многочисленныхъ инстанцій наживы, вполнѣ ясныя и опредѣленныя показанія имѣются у насъ для трехъ категорій хлѣбопромышленниковъ: 1) владѣльцевъ судовъ, на которыхъ ввозится въ Англію свыше 70% потребляемаго ею хлѣба, 2) многочисленныхъ американскихъ хлѣбныхъ спекулянтовъ и 3) англійскихъ фермеровъ и хлѣбодержателей.

Полная сумма возросшихъ барышей судовладѣльцевъ не поддается учету, но по ней можно себѣ составить представленіе по слѣдующей таблицѣ, представляющей барыши 11 крупныхъ судоходныхъ компаній, уже опубликовавшихъ свои отчеты.

	1914	1915	1916
	въ фунтахъ стерлинговъ.		
Booth Steamship	29,856	73,190	179,060
Canard Steamship	321,899	615,321	882,011
Eagle Oil Transport	—	191,148	314,821
Frederick Leyland	387,583	412,188	1,196,684
Houlder Line	30,725	32,034	184,762
Lamport and Holt	200,691	149,209	332,898
London and Northern Steamship	73,127	81,062	567,008
Nitrate Producers Steamship	125,990	134,825	381,598
Oceanic Steam Novigation	517,664	632,397	1,711,381
Royal Mail Steam Packet	249,459	159,979	495,792
William France, Fenwick, and C-	76,758	64,876	179,132
Итого	2,013,754	2,226,271	6,425,153

Цифры эти не лишены художественности. Въ среднемъ для 11 компаній повышеніе составляетъ 4,4 милліона на 2 милліона или 220%. Возрастаніе это ровно въ 3 раза больше, чѣмъ возрастаніе стоимости жизни, опредѣляемое въ среднемъ въ 70,4%. Слѣдовательно, для акціонеровъ этихъ компаній стоимость жизни *уменьшилась*, а не увеличилась. Однако, компаніи эти находятся далеко не въ самомъ благопріятномъ положеніи, ибо всѣ эти отчеты относятся къ пароходамъ типа liners, связанныхъ извѣстной регламентаціей какъ по отношенію къ количеству рейсовъ, такъ и по отношенію къ взимаемымъ провознымъ фрахтамъ. Въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи находятся пароходы типа tramps, о которыхъ «The Economist» говоритъ, что «они пользуются каждымъ случаемъ поживиться высокими фрахтами, какой только имъ попадается» и потому «использовали войну въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ liners. Такимъ образомъ, приведенныя цифры «отнюдь не представляютъ полной суммы барышей,

реализованныхъ судовладѣльцами во время войны». Чтобы получить послѣднюю, слѣдуетъ «взять соотвѣтственное увеличеніе для всей судоходной промышленности и увеличить его въ должной пропорціи для пароходовъ типа tramps. Тогда только мы получимъ нѣкоторое представленіе о томъ, какой доходъ дали повышенные фрахты судовладѣльцевъ за 2 года войны» («The Economist» отъ 22 іюля 1916 г.). Барыши, о которыхъ идетъ рѣчь — чистые барыши, за вычетомъ всѣхъ повышенныхъ расходовъ на уголь, страховку, инвентарь и пр. Заработная же плата судовыхъ рабочихъ возрасла въ ничтожной пропорціи, если взять ее въ денежныхъ знакахъ, и не только не возрасла, а, наоборотъ, уменьшилась, если перевести ее на потребительныя цѣнности. Такимъ образомъ, соціальная структура нажитыхъ милліоновъ чрезвычайно проста и явственна: она складывается изъ пенсовъ, переплачиваемыхъ за хлѣбъ, мясо и другіе продукты массоваго питанія, ввозимые въ Англію извнѣ. Если допустить, что изъ каждыхъ 6 пенсовъ, переплачиваемыхъ за лоофъ, 1 пенсъ обращается на повышеніе заработной платы сотнямъ тысячъ рабочихъ, участвующихъ въ процессѣ подвоза этихъ продуктовъ, то остальные 5 пенсовъ слагаются въ милліоны, распредѣляющіеся между судовладѣльцами, углевладѣльцами, хлѣбо и мясоторговцами и т. д.

И здѣсь опять-таки сущность дѣла затемняется красивой фразой и вступаетъ въ свои права пресловутый законъ спроса и предложенія. До . . процентовъ судовъ торговаго флота понадобилось для обороны и, слѣдовательно... слѣдовательно, остальные . . «считаютъ себя въ правѣ использовать создавшееся положеніе въ цѣляхъ наживы»... такъ, чтобы каждый пенсъ повышенія фрахта превращался въ теченіе года въ сотни милліоновъ фунтовъ и оплачивался бы потребителемъ на продуктахъ первой необходимости... Бремя войны распредѣляется, такимъ образомъ, пропорціонально количеству ртовъ, которые должна кормить каждая семья, а не пропорціонально платежной способности различныхъ семействъ. Выходитъ, что сокращеніе тоннажа даетъ возможность судовладѣльцамъ обложить націю какъ бы особымъ видомъ поголовнаго налога». (The New Statesman, № 176).

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ великолѣпно использованнымъ, но все же естественнымъ сокращеніемъ предложенія, не зависящимъ отъ воли судовладѣльцевъ. Но англійскій потребитель обязанъ платить не только за такое сокращеніе предложенія: бокъ-о-бокъ съ нимъ идетъ и другое сокращеніе, носящее въ англійской практикѣ названіе «корнера», т. е. хлѣбнаго заговора. Корнеръ состоитъ въ добровольномъ задерживаніи или уничтоженіи огромныхъ массъ товара поставщиками его ради искусственнаго сокращенія предложенія и вздутія цѣнъ; уголовнымъ кодексомъ дѣяніе это не карается, а въ политической экономіи покрывается всеобъемлющимъ закономъ спроса и предложенія. Главные поставщики англійскаго хлѣбнаго рынка — сѣверо-американскіе

экспортеры — прибѣгаютъ къ этому освященному традиціями капитализма обычаю каждый разъ, какъ къ тому представляется благопріятный случай. Въ послѣдній разъ такой корнеръ имѣлъ мѣсто въ 1898 г. Теперь европейская война, съ одной стороны, и неурожай и недосѣвъ въ самой Америкѣ съ другой, создали благопріятную почву къ новому корнеру: «Америка, — пишетъ нью-іоркскій корреспондентъ «Times'a»— поставила себѣ колоссальную задачу задержать 10 милліоновъ квартеровъ хлѣба, уже вымолоченнаго и проданнаго фермерами хлѣботорговцамъ. Корнеръ этотъ обходится его организаторамъ до 3.000 фунтовъ въ день, не считая издержекъ храненія» («Times» отъ 16 августа). На чикагскомъ и винипегскомъ (Канада) рынкахъ шла въ это время лихорадочнымъ темпомъ дикая спекулятивная купля-продажа хлѣба; прежде, чѣмъ быть погруженнымъ, хлѣбъ перепродавался *по нѣсколько разъ* на бумагѣ.. И въ результатѣ, «американскіе спекулянты реализовали и продолжаютъ реализовать колоссальные барыши, вынимая, такимъ образомъ, изъ кармановъ европейскихъ покупателей не мало милліоновъ фунтовъ стерлинговъ» («The Economist» отъ 26 авг.)

Такъ просто, откровенно и развязно совершается этотъ беззастѣнчивый грабежъ, не предусмотрѣнный уголовными законами, но покрываемый зато «закономъ» буржуазной экономіи.

И опять-таки болѣе, чѣмъ ясна соціальная структура милліоновъ, получаемыхъ отъ многократной перепродажи на бумагѣ хлѣба, задерживаемаго у рта потребителя.

Слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ и объ англійскихъ фермерахъ. Поиски дешеваго труда и старанія понизить предѣльный рабочій возрастъ дѣтей не мѣшаютъ имъ заботиться о томъ, чтобы цѣна на хлѣбъ не падала слишкомъ низко. Такимъ образомъ, когда весной 1916 г. цѣна на хлѣбъ значительно упала, благодаря организаціи правительствомъ подвоза его изъ Канады, фермеры заволновались и стали требовать введенія предѣльной *минимальной* цѣны на тонну пшеницы. Правительство рѣшило этотъ вопросъ инымъ путемъ: оно задержало вывозъ хлѣба, закупленнаго имъ въ Индіи, и кривая роста цѣнъ сразу поднялась вверхъ. И только тогда, когда ростъ показался чрезмѣрнымъ, былъ организованъ новый подвозъ. Новое подешевѣніе цѣнъ принесло, однако, лишь временное облегченіе: корнеръ въ Америкѣ снова поднялъ вверхъ кривую хлѣбныхъ цѣнъ.

Такова была скромная лепта англійскихъ фермеровъ въ дѣлѣ взвинчиванія хлѣбныхъ цѣнъ. Несложность ея объясняется той небольшой ролью, которую они играютъ въ снабженіи страны хлѣбомъ.

Повышеніе цѣны на хлѣбъ — это лишь наиболѣе яркій примѣръ, характеризующій происходящую подъ вліяніемъ войны соціально-экономическую дифференціацію. Но стоитъ лишь вглядѣться въ цифры доходовъ другихъ предпринимателей, чтобы убѣдиться, какимъ мощнымъ толчкомъ къ аккумуляціи капитала явилась война.

Приведемъ здѣсь нѣсколько наиболѣе характерныхъ примѣровъ возрастанія барышей за время войны.

	1914	1915	1916
	въ фунтахъ стерлинговъ.		
	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Бенгальское О-во Желѣза, стали и угля . .	45,397	50,273	122,735
Джутовая фабрика Сампугуръ	86,576	44,306	299,830
» » Титагуръ	143,690	68,519	326,960
О-во Безпроволочнаго Телеграфа Маркони .	122,324	232,716	377,818
О-во «Британское и аргентинское мясо». .		42,684	521,852
О-во «Смитфильдское и аргентинское мясо» .	—	25,732	142,055
Британское О-во Растительныхъ маселъ . .	139,041	140,703	499,610
О-во судоходства по Манчестерскому кан. .	34,742	29,790	105,258

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ удвоеніемъ, утроеніемъ и даже удесятереніемъ барышей. Страницы Economist'а пестрятъ такими примѣрами.

«Во всей исторіи Британской Имперіи, говоритъ The New Statesman — общая сумма барышей этого рода даже приблизительно не доходила до той баснословной цифры, которой она выражается теперь». «Барыши этого рода» — это барыши «судовладѣльцевъ, копевладѣльцевъ, владѣльцевъ орудійныхъ заводовъ, поставщиковъ арміи, банкировъ, фермеровъ и всей той многочисленной банды предпринимателей, чьи непомѣрно вздутые барыши выявляются въ опубликованныхъ отчетахъ акціонерныхъ обществъ, а паче всего въ неопубликованныхъ отчетахъ, представляемыхъ министру военныхъ снабженій и государственному казначею» (The New Statesman отъ 19 авг.)

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

И. Смитъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ КРИЗИСЪ ВЪ ДАНІИ.

Датскій политическій кризисъ начался въ августѣ оригинальнымъ споромъ о «простыхъ законахъ нравственности и морали». Ригсдагъ въ эти дни напоминалъ скорѣе средневѣковый духовный соборъ или ученое философское общество, чѣмъ законодательное учрежденіе. Депутаты обкладывали себя фоліантами «великихъ датскихъ философовъ», цитировали Св. Писаніе, призывали на помощь схоластику. Если не въ повѣсткѣ, то въ порядкѣ дня стоялъ вопросъ о томъ, имѣютъ ли право радикальные министры лгать?..

Консерваторы, представляющіе интересы группъ населенія, вся жизнь которыхъ испоконъ построена на лжи и преступленіяхъ, умѣренные лѣвые, имѣвшіе въ своихъ рядахъ, когда они стояли у власти, казнокрада Альберти, духовенство, олицетворяющее ложь того, что называется «датской народной церковью» — съ пѣной у рта доказывали съ трибуны и въ печати, что лгать нельзя, по крайней мѣрѣ, радикальнымъ министрамъ. Радикалы и соціалъ-демократы, хотя и соглашались въ принципѣ, что лгать вообще нехорошо, ссылками на прецеденты и цитатами изъ произведеній авторитетныхъ консервативныхъ и умѣренно-либеральныхъ авторовъ убѣждали, что министры могутъ и врать, если этого требуютъ интересы государства или стремленіе къ сохраненію портфелей.

Въ этомъ диспутѣ принимало участіе, конечно, и общество. Истеричныя барышни требовали отставки «лживаго министерства» для сохраненія основъ семейной нравственности. Консервативные студенты размахивали кулаками по адресу «массона» Скавеніуса и «еврея» Брандеса, не признающихъ истинъ христіанской церкви. О прессѣ и говорить не приходится: копаясь въ Кантѣ и Житіяхъ Святыхъ, она забыла даже о «золотыхъ и серебряныхъ свадьбахъ» своихъ читателей, чѣмъ доставила имъ не мало огорченій, которыя ставились въ счетъ радикальному министерству. И не одно семейное счастье было разрушено въ эти «бурные» дни за пуншемъ и виски въ кафе или обѣдами дома.

Во лжи были изобличены два министра: иностранныхъ дѣлъ Скавеніусъ и финансовъ Брандесъ, отставки которыхъ блюстители семейной нравственности и церковныхъ доходовъ потребовали въ первый же день. Заодно уже прихватили и министра народной обороны Мунка, который, правда, еще не солгалъ, но можетъ солгать. А такъ какъ нѣтъ гарантій, что и другіе министры не провинятся когда-либо въ томъ же, то крикъ «въ отставку» направили по адресу всего кабинета.

Вся эта буря возмущенія и негодованія разыгралась въ связи съ

продажей трехъ маленькихъ Вестъ-Индскихъ островов Америкѣ. Еще въ январѣ министерство довело до свѣдѣнія лидеровъ всѣхъ партій, что оно начало переговоры о продажѣ этихъ островов, но просило этого сообщенія не оглашать по желанію правительства Соединенныхъ Штатовъ. Когда въ американской печати все же появилось сообщеніе о предстоящей сдѣлкѣ, копенгагенская газета Kolenhavu запросила объ этомъ сначала министра иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ и министра финансовъ, которому подвѣдомственны колоніи; но оба министра, глазомъ не моргнувъ, заявили, что они объ этомъ ничего не знаютъ и считаютъ все сообщеніе уткой. Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ последняго интервью въ ригсдагъ былъ внесенъ законопроектъ о продажѣ островов Америкѣ...

Есть всѣ основанія думать, что противниковъ министерства меньше всего интересовала судьба островов.

За вычетомъ періода съ 1807 по 1814 г., когда эти острова были заняты Англіей, Данія извлекала изъ владѣнія ими кой-какіе доходы вплоть до тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Затѣмъ начались приплаты изъ государственнаго казначейства на расходы по управленію островами, продолжающіяся и по сію пору. Датчане проявили полную неспособность къ колоніальной политикѣ. Населеніе островов систематически уменьшается, хотя государствомъ и частными лицами и принимаются противъ этого кой-какія мѣры. По официальнымъ даннымъ числилось на островахъ въ 1835 г. 43.178 человѣкъ, а въ 1911 — 27.806. Послѣ этого года переписи населенія на островахъ не было; но данныя о движеніи населенія говорятъ о томъ, что процессъ вымиранія не прекратился: съ 1911 по 1915 г. число рожденій, включительно и мертворожденныхъ, составляло 4.340, а число смертей — 5.169.

Никакого интереса къ островамъ у датскаго населенія нѣтъ. Торговые обороты съ ними ничтожны: вывозъ въ среднемъ не превышаетъ ста тысячъ кронъ, а ввозъ—полумилліона кронъ въ годъ. Въ свою очередь, и туземное населеніе проявляетъ очень слабый интересъ къ метрополіи. У него давно уже установилась сильная тяга къ Америкѣ; въ послѣдніе годы зародилось что-то вродѣ рабочаго движенія подъ руководствомъ негра Джаксона, но тяга къ Америкѣ, благодаря этому, не уменьшилась, а скорѣе, наоборотъ, увеличилась.

Еще въ 1867 г. датскій ригсдагъ рѣшилъ продать острова Америкѣ за 28 милліоновъ кронъ. Туземное населеніе тоже высказалось за продажу. Но договоръ, тѣмъ не менѣе, не состоялся изъ-за отказа со стороны американскаго правительства.

Въ 1902 г. переговоры о продажѣ возобновились. На этотъ разъ Соединенные Штаты давали только 20 милліоновъ кронъ. Фолькетингъ — нижняя палата — высказался за продажу, но въ ланд-

стингѣ — верхней палатѣ — большинства не набралось: 32 голосовали «за», 32 — «противъ», а одинъ воздержался.

Теперь Америка предлагаетъ 25 милліоновъ долларовъ или около ста милліоновъ кронъ. Такая сумма и во снѣ не снилась ни одному датчанину... Почему Америка рѣшила сейчасъ пріобрѣсти эти острова во что бы то ни стало, понятно. Съ прорытіемъ Панамскаго канала, маленькіе датскіе острова оказались, такъ сказать, на большой дорогѣ, а вмѣстѣ съ ними попадаетъ на ту же дорогу и сама Данія. Острова эти, изъ которыхъ St. Thomas напр., имѣетъ хорошія гавани, могутъ быть использованы, какъ военная и стратегическая база возможными противниками Соединенныхъ Штатовъ, — Германіей или Японіей. Сохраняя за собою острова, маленькая Данія рискуетъ конфликтомъ съ той или иной крупной державой, и одного этого уже достаточно, чтобы здравомыслящій датчанинъ старался отдѣлаться отъ этихъ острововъ, какъ можно скорѣе, а тѣмъ болѣе, за такую значительную сумму, которую предлагаетъ теперь американское правительство.

Но все же, когда законопроектъ о продажѣ былъ внесенъ въ ригсдагъ, за него голосовали только радикалы и соціалъ-демократы, а консерваторы и умѣренные лѣвые голосовали противъ. Въ фольксетингѣ, гдѣ радикалы и соціалъ-демократы въ большинствѣ, законопроектъ прошелъ, а въ ландстингѣ, гдѣ въ большинствѣ консерваторы и умѣренные лѣвые, законопроектъ провалился, причемъ мотивировали не доводами по существу, а сначала «основными законами морали и нравственности», а затѣмъ перешли къ вопросу о некомпетентности ригсдага въ данномъ составѣ.

Строго говоря, настоящій ригсдагъ былъ избранъ еще въ 1913 г. по спеціальной платформѣ — проведеніи новой конституціи, за которую умѣренные лѣвые, радикалы и соціалъ-демократы боролись, сообща, еще съ 1905 г. Выборы дали преобладающее большинство сторонниковъ новой конституціи въ фольксетингѣ и значительное большинство въ ландстингѣ, позволившее, наконецъ, не безъ треній провести конституцію въ обѣихъ палатахъ. Такъ какъ по старой конституціи измѣненіе ея получаетъ законную силу только въ томъ случаѣ, если оно принимается двумя ригсдагами подрядъ, то, по взаимному соглашенію, выборы въ 1915 г. производились только формально, и въ ригсдагѣ остались тѣ же депутаты, которые были избраны въ 1913 г.

При нормальныхъ условіяхъ ригсдагъ 1915 г. нужно было распустить сейчасъ же по принятіи конституціи, но изъ-за войны радикальное правительство, опирающееся на соціалъ-демократовъ, потребовало продленія его полномочій до окончанія войны. Противъ этого запротестовали консерваторы и умѣренные лѣвые. Въ результатѣ сошлись на компромиссѣ: полномочія ригсдага продлены были сначала на годъ, а затѣмъ еще на годъ, до 5 іюня слѣдующаго года.

Новая конституція значительно расширяетъ кругъ избирателей, понижая избирательный возрастъ до 25 лѣтъ и распространяя избирательныя права на женщинъ; отмѣняетъ привиллегированное избирательное право, расширяетъ кругъ избирателей въ верхнюю палату и т. д. Но конституція вступаетъ полностью въ силу не сразу, а черезъ одну выборную кампанію: при первыхъ выборахъ по новой конституціи выбираются только тѣ, кому исполнилось ко дню выборовъ 29 лѣтъ. По приблизительному подсчету, это дало бы при выборахъ въ октябрѣ текущаго года новыхъ избирателей мужчинъ 50.000 и женщинъ 640.000. Оппозиція и заявила, что нѣтъ основаній лишать этихъ избирателей права высказаться по вопросу о продажѣ острововъ. Старый ригсдагъ долженъ быть распущенъ и назначены новые выборы.

Противъ этого требованія самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались радикалы и соціалъ-демократы. Они заявили, что они не собираются лишать новыхъ избирателей возможности высказаться по вопросу о продажѣ, но для этого вовсе не нужно прибѣгать къ выборамъ: по принятіи акта о продажѣ обѣими палатами, его можно пустить на референдумъ новыхъ избирателей или избирателей вообще. Но такъ какъ для оппозиціи важенъ не вопросъ объ островахъ, а стремленіе къ сверженію нынѣшняго правительства, то она отъ предложенія правительства отказалась и никакіе переговоры съ нею ни къ чему не приводили.

Вопреки конституціи, въ дѣло вмѣшался король, не безъ согласія, вѣроятно, правящихъ партій. Пригласивъ къ себѣ лидеровъ всѣхъ партій, онъ попросилъ ихъ не нарушать мира въ странѣ въ настоящее тревожное время. Послѣ этого правящія партіи предложили оппозиціи составить коалиціонное министерство. Каждая партія получаетъ по три министерскихъ портфеля, но подъ условіемъ сохраненія стараго курса политики, гарантіей чего должно быть оставленіе нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ и сохраненіе за нимъ или за нынѣшнимъ министромъ-президентомъ президентства и въ новомъ кабинетѣ. Вопросъ о продажѣ острововъ долженъ быть рѣшенъ ригсдагомъ нынѣшняго состава съ передачей его рѣшенія на референдумъ избирателей старше 29 лѣтъ. Полномочія ригсдага продолжаются до конца войны.

Оппозиція сначала отъ вступленія въ такого рода коалиціонное министерство отказалась.

Въ свою очередь, радикалы и соціалъ-демократы также пришли къ заключенію, что выборы неизбѣжны. «Лучше ужъ выборы, чѣмъ такой гуляшъ!» — сказалъ и министръ-президентъ.

Партіи начали готовиться къ выборамъ, которые предполагались въ октябрѣ. Министерство внесло въ фолькетингъ законопроектъ о вступленіи въ силу новой конституціи. Но въ возможность выборовъ въ странѣ мало кто вѣрилъ. За кулисами происходила работа и въ одинъ прекрасный день изъ рядовъ умѣренныхъ консерваторовъ было

сдѣлано предложеніе пріостановить обсужденіе законопроекта о введеніи новой конституціи и возобновить переговоры между партіями. Въ два-три дня живо столковались, и правящія партіи, и оппозиція и приняли слѣдующее предложеніе графа Фриса.

Стоящее у власти министерство дополняется тремя министрами безъ портфелей: изъ консерваторовъ, умѣренныхъ лѣвыхъ и соціалъ-демократовъ. Новые министры входятъ въ кабинетъ, участвуютъ въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ и пользуются оригинальнымъ правомъ вето: если кто-либо изъ нихъ не согласенъ съ предлагаемымъ кабинетомъ законопроектомъ, то внесеніе его откладывается до обсужденія этого вопроса партіей министра, заявившаго протестъ. Министерство, впрочемъ, не вноситъ никакихъ законовъ, по которымъ возможны принципіальныя разногласія между партіями. Право вето не распространяется на бюджетъ, законы, вызванные войной и требующіе спѣшнаго проведенія; новые министры не могутъ также пользоваться правомъ вето при назначеніи должностныхъ лицъ. Вопросъ о продажѣ острововъ обсуждается предварительно въ комиссіи, въ которую входитъ по 15 членовъ отъ каждой палаты. Комиссія обязана закончить свои работы въ шестинедѣльный срокъ. Изъ комиссіи законопроектъ переходитъ въ ригсдагъ, гдѣ за него голосуютъ всѣ партіи, принявшія компромиссъ. По принятіи проекта обѣими палатами, онъ передается въ двухнедѣльный срокъ на референдумъ избирателей старше 29 лѣтъ. Полномочія настоящаго ригсдага, продолженныя до 5 іюня 1917 г., остаются и впредь, если къ тому времени война не окончится.

30 сентября въ «лживое» министерство вошли консерваторъ Родбелль, игравшій первую скрипку во всей этой бучѣ, бывшій неоднократно министромъ лидеръ умѣренныхъ лѣвыхъ И. Кристенсенъ и соціалъ-демократъ Стаунингъ. Политическій кризисъ этимъ можно считать ликвидированнымъ или точнѣе отсроченнымъ до перваго принципіальнаго разногласія въ «новомъ» министерствѣ...

Постороннему наблюдателю датской политической жизни въ закончившемся на-дняхъ кризисѣ прежде всего бросается въ глаза непонятный страхъ передъ избирателемъ какъ разъ со стороны тѣхъ политическихъ партій, которыя ранѣе такъ упорно добивались расширенія избирательныхъ правъ населенія и измѣненія конституціи. Въ чемъ лежатъ причины этого страннаго недовѣрія къ избирателю? Нѣтъ ли въ дѣятельности радикальнаго министерства такихъ сторонъ, которыя вынуждаютъ радикаловъ и идущихъ съ ними все время рука объ руку соціалъ-демократовъ откладывать выборы до того момента, когда грѣхи министерства потеряютъ актуальное значеніе и расплата за нихъ будетъ не такъ велика?

Съ принципіальной точки зрѣнія можно многое возразить противъ практики министерства и радикальной и соціалъ-демократической партій, на которыхъ оно опирается. Онѣ свели, такъ сказать, въ прин-

цитъ компромиссъ: чтобы получить меньшее благо, отказываются отъ большаго и выбрасываютъ за бортъ все, что можетъ помѣшать проведенію того или иного незначительнаго улучшенія. Трудно на практикѣ провести сейчасъ демаркаціонную линію не только между соціалъ-демократами и радикалами, но и радикалами и умѣренными лѣвыми. Коренныйъ разногласіемъ между ними, рѣшившимъ, въ концѣ концовъ, вопросъ объ отколѣ радикаловъ отъ умѣренныхъ лѣвыхъ, съ которыми они шли вмѣстѣ до 1905 г., былъ вопросъ о милитаризмѣ. Опираясь на мелкихъ крестьянъ и вообще на мелкую буржуазію, умѣренные лѣвые вынуждены были придать большее значеніе вопросу о защитѣ страны, чѣмъ этого требуютъ интересы дѣйствительнаго положенія вещей, и сблизиться въ этомъ вопросѣ съ консерваторами. Радикалы же стояли на позиціи необходимости ослабленія тяжести милитаризма для проведенія болѣе настоятельныхъ реформъ. Были, конечно, и другіе пункты разногласія, но ни одинъ изъ нихъ не игралъ столь рѣшающаго значенія при расколѣ, какъ этотъ вопросъ. Между тѣмъ, ставъ у власти, радикальное министерство, при прямой поддержкѣ соціалъ-демократовъ, т. е. принципіальныхъ антимилитаристовъ по программѣ, не только не ослабило бремени милитаризма, но, наоборотъ, увеличило его во много разъ сравнительно съ тѣмъ, что было во время управленія умѣренно-лѣваго министерства, а расходы на охрану нейтралитета довели въ прошломъ году до 80 милліоновъ кронъ, и если война продолжится еще годъ, то въ текущемъ году она обойдется еще въ 100 милліоновъ и т. д. «Реальная политика» оказалась очень рискованнымъ средствомъ, превратившимъ соціалистическую партію въ партію умѣренныхъ реформъ, опирающуюся на рабочихъ, но отстаивающую интересы мелкой буржуазіи и того, что вообще называется «народомъ». Не даромъ редакторъ центральнаго органа партіи Боргбьергъ такъ часто налегаетъ, что соціалъ-демократія, прежде всего, «народная» партія!..

Во всѣхъ группахъ населенія, на которыхъ опираются радикалы и соціалъ-демократы, за исключеніемъ развѣ интеллигенціи, замѣчается сильное недовольство этой стороной дѣятельности радикальнаго министерства, но все же главныя причины страха передъ избирателями со стороны радикаловъ и соціалъ-демократіи коренятся въ міровой войнѣ.

Въ первые дни войны Данія ожидала для себя участи Бельгіи. Нападеніе со стороны Германіи считалось почти неизбѣжнымъ. За возможность его говорили примѣръ Бельгіи и вызванная историческими причинами нелюбовь и недовѣріе датчанъ къ своей сильной сосѣдкѣ. Еще не вымерло окончательно поколѣніе, принимавшее участіе въ войнѣ 1864 г. Еще больше осталось тѣхъ, которые помнятъ, что въ 1878 г. Германія, вопреки договору, окончательно аннексировала Шлезвигъ съ преобладающимъ датскимъ населеніемъ безъ предвари-

тельнаго плебисцита. Наконецъ, слишкомъ хорошо знакома каждому датчанину та система пруссификаціи края, которая проявлялась въ томъ, что датчане въ Шлезвигѣ не могли носить даже галстуковъ изъ соединенія краснаго и бѣлаго цвѣтовъ, устраивать клумбы цвѣтовъ изъ той же комбинаціи, употреблять чашки съ рисунками изъ Даніи и т. д. Датскій языкъ изгонялся изъ школы, церкви, даже семьи. Замазывались датскія надписи на магазинахъ. Высылались датскіе артисты или ораторы еще ранѣе, чѣмъ они успѣвали выступать на сценѣ или съ трибуны...

Эти мелкіе уколы, въ силу своего, такъ сказать, постояннаго дѣйствія, вызывали неудовольствіе датчанъ и ненависть къ нѣмцамъ еще сильнѣе, чѣмъ самый фактъ аннексіи Шлезвига. И когда разыгралась война, датчанинъ, естественно, ожидалъ нападенія...

Анализъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ могъ бы ему сразу показать, что страхи его несостоятельны: меньше всего въ интересахъ Германіи, пока она воюетъ съ Англіей, задѣвать Данію, еще менѣе, чѣмъ въ интересахъ Россія вовлечь въ войну Швецію. Но страхъ, соединенный съ ненавистью, не разсуждаетъ... Правительство объявило о своемъ желаніи сохранить нейтралитетъ, приняло кой-какія мѣры, ввело телеграфную цензуру, пригласило населеніе воздерживаться отъ какихъ бы то ни было симпатій въ ту или другую сторону и т. д. Затѣмъ начался періодъ «умасливанія» нѣмцевъ. Противъ этого запротестовала Англія. Правительству пришлось лавировать между желаніями Германіи и требованіями Англіи. Опасность подвергнуться нападенію открылась вдругъ съ другой стороны. Стоящее у власти правительство и поддерживающіе его соціалъ-демократы склонны приписывать ловкости Скавеніуса, что Данія до сихъ поръ не вовлечена въ конфликтъ.

Какъ бы то ни было, но правительство вело и ведетъ скорѣй германофильскую политику, чѣмъ англофильскую, а народъ настроенъ скорѣе дружественно къ Англіи, чѣмъ къ Германіи. Для иллюстраціи второго положенія достаточно указать на подборъ свѣдѣній въ вывѣшиваемыхъ газетныхъ плакатахъ, на успѣхъ книги Ергенсена, не блещущей особыми художественными красотами, но посвященной Бельгіи и выдержавшей уже 19 изданій;—на успѣхъ аналогичныхъ произведеній о «нѣмецкихъ звѣрствахъ»; на громадные сборы въ пользу бельгійцевъ, на вступленіе датчанъ во французскую армію, на нежеланіе разговаривать съ нѣмцами по-нѣмецки и т. д.

Когда выяснилась невѣроятность того, чтобы Германія напала на Данію, но что, съ другой стороны, не можетъ былъ полной увѣренности, что Англія въ дальнѣйшемъ періодѣ войны не сдѣлаетъ попытки вовлечь Данію въ міровой конфликтъ, въ странѣ выдѣлились двѣ группы. Одни, исходя изъ того, что Данія обречена на сближеніе съ Германіей, считаютъ недостаточными принимаемыя правительствомъ мѣры въ

этомъ отношеніи и требуютъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Эти же элементы недовольны антинѣмецкими симпатіями населенія и борятся съ ними всѣми доступными имъ средствами. Другіе круги, такъ называемые «не нейтральные круги», недовольны нѣмцефильскимъ курсомъ правительства; на языкѣ правительственной и соціалъ-демократической прессы они называются «шовинистами».

Эта послѣдняя группа болѣе опасна по существу, не взирая на свою малочисленность. Если бы выборы состоялись, они, несомнѣнно, постарались бы поиграть на «нѣмцефобскихъ» инстинктахъ массы населенія. Но пользовались ли бы они успѣхомъ? Я склоненъ думать, что нѣтъ, и вотъ почему. Прежде всего, это крайніе консерваторы, которые не могутъ пользоваться успѣхомъ у народа, настроеннаго демократически и стремящагося къ развитію и закрѣпленію тѣхъ ростковъ, которыхъ онъ добился не безъ сильной борьбы. Вся программа консерваторовъ построена такимъ образомъ, что за нее могутъ голосовать только крупные фабриканты, крупные помѣщики, крупные домовладѣльцы, но и изъ нихъ рѣдко кто хочетъ войны. Я имѣю возможность иллюстрировать свое утвержденіе не только эмпирическими наблюденіями, но и фактомъ, имѣвшимъ мѣсто въ разгарѣ борьбы противъ министерства. Enfant terrible всей исторіи былъ I. Christensen бывшій неоднократно министромъ, лидеръ умѣренныхъ лѣвыхъ, пользующейся громадной популярностью среди крестьянъ, въ особенности на родинѣ его въ Ютландіи. Но достаточно было намекнуть на то, что провалъ министерства связанъ съ опасностью войны для Даніи, достаточно было привести выдержки изъ нѣмецкой прессы, недовольной недостаточной якобы безпартійностью датчанъ, достаточно было привести тотъ или другой разсказъ нѣмецкаго купца, что борьба за власть въ Даніи понимается въ Германіи, какъ желаніе Даніи вступить въ войну на сторонѣ англичанъ, чтобы крестьяне вмѣсто Кристенсена избрали предсѣдателемъ своего союза соціалъ-демократа, и это въ томъ районѣ, гдѣ Кристенсенъ пользуется наибольшей популярностью, гдѣ его положеніе особенно прочно!..

Мнѣ кажется, что, вообще, страхъ передъ избирателемъ со стороны радикаловъ и соціалъ-демократовъ построенъ въ значительной мѣрѣ на непониманіи дѣйствительнаго настроенія народа. Это великолѣпно понимали консерваторы и умѣренные либералы, которые поэтому бряцали оружіемъ только для того, чтобы вынудить правящія партіи пойти на уступки и дать имъ реальныя гарантіи, что пока будетъ продолжаться война, радикалы и соціалъ-демократы, формально владѣя властью, фактически будутъ проводить въ жизнь только то, чего отъ нихъ потребуютъ фабриканты, купцы, помѣщики и крестьяне. Вотъ почему оппозиція отказалась отъ большого количества портфелей безъ гарантій и приняла только два портфеля съ гарантіей и съ правомъ вето. Вотъ почему они и въ этомъ случаѣ согласились войти

въ кабинетъ только подъ тѣмъ условіемъ, что туда войдетъ офиціально также и соціалъ-демократъ... Связать нужно покрѣпче и всѣхъ!.. И, къ сожалѣнію, ихъ тактика имѣла успѣхъ, они сумѣли настращать радикаловъ и соціалистовъ и связать ихъ по рукамъ и ногамъ.

Горькой ироніей звучитъ гордость предсѣдателя экстраординарнаго конгресса соціалъ-демократовъ, постановившаго преобладающимъ большинствомъ послать своего «заложника» въ министерство Цале вмѣстѣ съ консерваторомъ и умѣреннымъ лѣвымъ, на условіи не проводить ничего, съ чѣмъ принципіально не согласенъ либералъ, защищающій интересы мелкихъ собственниковъ, и консерваторъ, защищающій интересы крупныхъ капиталистовъ, помѣщиковъ, ленныхъ владѣльцевъ: «Мы своимъ рѣшеніемъ спасаемъ страну!..» Не спасло датское крестьянство вступленіе въ министерство въ 1901 г. крестьянина, не спасло датскихъ торпарей вступленіе въ 1905 г. въ министерство торпаря и еще менѣе спасетъ датскихъ рабочихъ вступленіе въ министерство рабочаго Стаунинга!..

Офиціальная датская партія имѣетъ право возразить, что по существу ничего не измѣнилось, что партія только формально закрѣпила то сотрудничество съ буржуазіей, которое она практикуетъ уже давно, въ особенности съ 1913 г., когда Цале согласился составить кабинетъ только тогда, когда соціалъ-демократы гарантировали ему поддержку во всемъ, вплоть до голосованія за бюджетъ. Тогда это мотивировалось необходимостью проведенія новой конституціи, теперь — необходимостью отсрочки введенія той же конституціи, которой такъ добивались, а завтра... найдется какая-либо другая необходимость, хотя бы удержанія въ рабочихъ рукахъ министерскаго портфеля...

Года полтора тому назадъ, редакторъ центральнаго органа датской соціалъ-демократіи Боргбьергъ высказалъ съ трибуны слѣдующую курьезную мысль: соціализмъ въ Даніи будетъ введенъ, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ ранѣе, чѣмъ въ Швеціи, потому что датчане уже ввели женское избирательное право, а шведы еще нѣтъ. Теперь оказалось, что для проведенія въ жизнь «датскаго» соціализма нужно отложить на время принадлежащее женщинамъ избирательное право... И все же, какъ утверждаетъ Боргбьергъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Соціалъ-демократа», «соціализмъ въ Даніи уже вводится»: Брантингъ въ Швеціи уже давно добивается «золотыхъ штановъ», но все еще ихъ не получилъ, а лидеръ датскихъ рабочихъ, Стаунингъ, уже удостоился!..

Н. Совскій.

НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ.

По дорогѣ къ международной, точнѣе междугосударственной, постановкѣ польскаго вопроса, который выдвинула мiровая война, центральныя державы сдѣлали рѣшительный шагъ. Отнынѣ вопросъ этотъ перестал быть «внутреннимъ» дѣломъ каждой изъ державъ, подѣлившихъ между собой въ свое время Польшу, къ каковой постановкѣ вопроса стремилось въ Россiи, напримѣръ, не только правительство, но и такъ называемая либеральная буржуазiя съ кадетами во главѣ. На этой точкѣ зрѣнiя стояли, впрочемъ, не такъ давно и болѣе лѣвые элементы. Достаточно вспомнить передовую статью газеты «День», написанную послѣ отступленiя русскихъ войскъ отъ линiи Вислы и эвакуацiи столицы Царства Польскаго. *Варшава должна быть наша*,— заявилъ тогда «День», однимъ росчеркомъ пера рѣшая, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ «обществомъ», польскiй вопросъ.

Что «День» не былъ среди россiйской лѣвой одинокимъ, свидѣтельствуютъ выступленiя В. Л. Бурцева, который еще нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ доказывалъ въ «Рѣчи», что единственное рѣшенiе польскаго вопроса — это автономiя въ предѣлахъ Россiи.

. . . .

. . . . оккупировавшiя Польшу центральныя державы спѣшатъ фактически рѣшить польскiй вопросъ, пользуясь оккупацiей всей этнографической Польши.

Приводить въ исполненiе это рѣшенiе центральныя державы взялись сейчасъ же послѣ оккупацiи Польши. Подготовкой и первымъ шагомъ къ этому было со стороны Германiи открытiе въ Варшавѣ польскаго университета и политехническаго института, а также передача всего школьнаго дѣла въ Польшѣ полякамъ, съ разрѣшенiемъ вести его на родномъ языкѣ. Слѣдующимъ шагомъ германскихъ оккупацiонныхъ властей было признанiе за жителями Царства Польскаго права *польскаго гражданства*, которымъ былъ замѣненъ терминъ «русскiй подданный», употребляемый русскими властями. Введя принципъ польской гражданственности, германцы опирались на постановленiя вѣнскаго конгресса, конституировавшаго Царство Польское. Варшава, вмѣстѣ съ тѣмъ, получила названiе столичнаго города. По распоряженiю оккупацiонныхъ властей, во всѣхъ официальныхъ документахъ и выступленiяхъ Варшава должна именоваться такъ: «столичный городъ Варшава».

Далѣе Германiя дала Варшавѣ самоуправленiе, предоставивъ и здѣсь полную свободу пользованiя роднымъ языкомъ.

О внутренней цѣнности и демократичности этихъ и всѣхъ вообще «германскихъ реформъ» мы здѣсь говорить не будемъ, ибо въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ не сущность, а только внѣшняя, политическая сторона этихъ актовъ, которыми Германія старалась доказать полякамъ, что новый режимъ лучше прежняго.

Во время всѣхъ этихъ преобразованій Германія стремилась найти въ Польшѣ соотвѣтствующую политическую группу, на которую она могла бы опираться въ своихъ дѣйствіяхъ. На первомъ торжественномъ засѣданіи Варшавскаго муниципалитета всѣ буржуазныя партіи объявили, какъ извѣстно, общую декларацію. «Независимое польское государство, обладающее органами и средствами независимость свою выражать и защищать, — вотъ высшая цѣль прошлыхъ и настоящихъ стремленій польскаго народа. Это наша святая задача, къ которой мы стремимся. Въ надеждѣ, что настоящая война разрѣшитъ эту задачу, отдаемъ честь вѣрнымъ сынамъ отечества, которые въ теченіе полутора вѣка проливали кровь за свободу и *независимость Польши*».

Такова общая платформа всѣхъ буржуазныхъ группъ польскаго общества, прочитанная на первомъ историческомъ засѣданіи Варшавской Городской Думы гр. Бабинскимъ отъ имени всѣхъ польскихъ группъ, къ которымъ присоединилась также группа еврейскихъ неоассимиляторовъ. Ту же основную точку зрѣнія развилъ въ своей вступительной рѣчи президентъ гор. Варшавы кн. Здиславъ Любомирскій, говоря, что будущей работѣ Городской Думы должна постоянно сопутствовать мысль о томъ, что единственной цѣлью всѣхъ должно быть счастье вступающей въ новую жизнь свободной *независимой* отчизны. На такой же позиціи стоялъ и предсѣдатель городской Думы, ректоръ университета д-ръ Брудзинскій: «Мы дожили до того момента, — говорилъ онъ, — когда стало понятнымъ, что надо сѣять любовь къ отечеству и духъ самоотреченія, а выраститъ *государство* Rzeczpospolita) *сильное и могучее*».

Радикальные и демократическіе элементы польскаго народа — соціалъ-демократы — въ этой общей декларацiи не участвовали, ибо они, согласно съ общими принципами международной демократіи, относили рѣшеніе польскаго вопроса въ совершенно иную плоскость, туда, гдѣ возможна дѣйствительно демократическая и единственно правильная его постановка. Линія же, которую ведутъ нынѣ всѣ «національныя» партіи въ Польшѣ отъ реалистовъ (угодовцовъ) до революціонной фракціи польской соціалистической партіи, является результатомъ компромисса съ современнымъ положеніемъ вещей, вызваннымъ войной, положеніемъ, которое притомъ можетъ во всякую минуту измѣниться, и не дающимъ, поэтому, никакихъ основаній для того, чтобы строить на немъ истинно-демократическую, народную, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, политику.

Примѣру Германіи послѣдовала вскорѣ Австро-Венгрія, введя въ оккупированной ею части Царства Польскаго городское самоуправленіе въ четырехъ губернскихъ (Люблинъ, Кѣльцы, Радомъ, Петроковъ) и 34 другихъ городахъ. Оккупаціонныя власти энергично занялись выработкой избирательнаго закона, чтобы въ ближайшемъ будущемъ провести его въ жизнь.

Послѣ этихъ какъ бы вступительныхъ реформъ въ оккупированной Польшѣ центральныя державы рѣшили приступить къ рѣшенію коренного вопроса — государственно-правового положенія Польши и ея отношенія къ нимъ. Вопросъ этотъ былъ, однако, гораздо сложнѣе тѣхъ задачъ, которыя германцы разрѣшали до сихъ поръ. Входя въ область государственнаго строительства Польши, германцы должны были найти среди польскихъ группъ такія, на которыя они могли бы опираться, и которыя могли бы принять и проводить ихъ программу. Это стало возможнымъ послѣ того, когда разрозненныя группы, дѣйствовавшія въ Польшѣ, извѣстнымъ образомъ конституировались въ блоки. Въ настоящее время этотъ процессъ группировки уже закончился; на территоріи Царства Польскаго дѣйствуютъ четыре политическія группы; изъ нихъ три буржуазныя: 1) междупартійное коло, 2) центръ, 3) національная лѣвая и, наконецъ, 4) — демократическая рабочая группа. Три первыхъ группы въ извѣстныхъ случаяхъ координируютъ свои дѣйствія, — рабочая группа, состоящая также изъ нѣсколькихъ организацій, выступаетъ совершенно самостоятельно и обособленно.

Ниже мы постараемся дать общую характеристику настроеній этихъ партій въ Царствѣ Польскомъ и ихъ отношеніе къ коренному вопросу момента. Для этого мы принуждены пользоваться исключительно лишь тѣмъ скуднымъ матеріаломъ, какой появляется въ польской печати въ Россіи, и поэтому характеристика эта не можетъ претендовать на достаточную полноту и точность.

Междупартійное коло занимаетъ крайнюю правую въ политической группировкѣ польскихъ партій. Оно состоитъ изъ слѣдующихъ организацій: народовая партія (stronnictwo narodowe) состоящая, главнымъ образомъ, изъ представителей крупнаго землевладѣнія, принадлежавшихъ раньше къ народовой демократіи Во главѣ этой партіи стоятъ — гр. А. Ронпкеръ, гр. В. Ростворовскій, ксендзъ Поплавскій и адвокатъ М. Зборовскій. Второй организаціей, входящей въ составъ коло, является группа варшавскихъ реалистовъ. Такъ называются теперь бывшіе «угодовцы», партія, которая въ свое время (въ эпоху до 1905 г. — при жизни Спасовича) стояла ближе всего къ русскимъ правящимъ сферамъ. Нынѣ реалисты въ значительной степени измѣнили свою политическую физіономію, являясь представителями богатой городской буржуазіи. Во главѣ реалистовъ стоятъ извѣстный ксендзъ Хелмицкій, инженеръ Марчевскій и прис. пов. Сулиговскій. Далѣе, въ

составъ междупартійнаго коло входитъ народовая демократія. Партія эта отъ оккупаціи Польши германскими войсками потерпѣла больше всего. Всѣ ея вожди, во главѣ съ Романомъ Дмовскимъ, «эвакуировались» на востокъ, чтобы продолжать тамъ свою прежнюю «оріентацію». Оставшіеся въ Польшѣ эндеки, дабы не потерять совсѣмъ вліянія на польскую буржуазію, должны были радикально перемѣнить фронтъ и опредѣленно высказаться за программу польской независимости. Передовая статья въ этомъ духѣ небезызвѣстной «Двугрошовки» произвела своимъ появленіемъ большую сенсацію и поставила въ чрезвычайно неловкое положеніе «эвакуировавшихся» эндековскихъ политиковъ. Изъ оставшихся въ Варшавѣ эндековъ во главѣ этой партіи стоятъ теперь — В. Яблоновскій, д-ръ А. Ржондъ, д-ръ Падеревскій и П. Мончевскій, нынѣшній редакторъ газеты «Два гроша». Наконецъ, въ составъ междупартійнаго коло входятъ двѣ прогрессивныя группы: польскій прогрессивный союзъ и польская прогрессивная партія. Послѣ того, какъ идейный руководитель первой изъ нихъ, А. Свентховскій, выѣхавъ въ Россію, сошелъ съ политической арены, а руководитель второй — прис. пов. Г. Коницъ, былъ высланъ германцами въ концентраціонный лагерь, партіи эти утратили остатки своего, никогда, впрочемъ, не бывшаго большимъ, вліянія на политическую жизнь польской буржуазіи. Прогрессивный союзъ представляетъ нынѣ прис. пов. Лыпацевичъ, нотаріусъ Борковскій и К. Жицкій, прогрессивную партію — инженеръ Россетъ и прис. пов. Ст. А. Раппопортъ.

Формально къ междупартійному коло принадлежитъ также группа народоваго труда (grupa pracy narodowej), издающая газету «Курьеръ Польскій», редактируемую Б. Страшевичемъ и Ст. Крживошевскимъ. Дѣятельными представителями этой группы являются также Л. Грендышинскій, Л. Хржановскій и инж. Роговичъ.

Національный центръ составляетъ только одна, но наиболѣе дѣятельная сейчасъ группа въ Царствѣ Польскомъ — Лига Польской Государственности. Въ составъ ея входитъ часть группы національно-радикальной, затѣмъ такъ называемая «сецессія», отколовшаяся еще задолго до войны отъ народовыхъ демократовъ, многіе безпартійные, ученые, публицисты и другіе элементы буржуазной интеллигенціи. Лига издаетъ въ Варшавѣ нелегальный журналъ «Стражница» и легальный еженедѣльникъ «Тыгодникъ Польскій». Кромѣ того, Лига пользуется для распространенія своихъ идей нѣсколькими ежедневными газетами, какъ, напримѣръ, «Курьеръ Польскій» и «Новая Газета», а также ежемѣсячнымъ журналомъ «Мысль Польская». Во главѣ этой Лиги стоитъ депутатъ четвертой Думы — Михаилъ Лемпицкій; въ нее входятъ также многіе видные общественные дѣятели: деп. Парчевскій, Л. Абрамовичъ, И. Мощенская, Т. Филиппевичъ, Ю. Васерцугъ и другіе. Съ дѣятельностью Лиги солидаризируются также извѣстные публицисты В. Ржимовскій и Т. Гружевскій.

Лига координируетъ свою дѣятельность съ галиційскимъ Верховнымъ Національнымъ Комитетомъ, въ то время, какъ элементы, сконцентрированные въ Междупартійномъ Коло, склоняются противъ дѣйствій Верховнаго Комитета на территоріи Царства Польскаго.

Въ составъ буржуазной лѣвой, образующей такъ называемый Центральный Національный Комитетъ, входитъ революціонная фракція польской соціалистической партіи, Національный рабочій союзъ, Польская конфедерація, Крестьянская организація (stronnictwo ludowe), союзъ патріотовъ и часть группы національно-радикальной.

Революціонная фракція П. П. С., которая передъ войной, расплавшись еще на нѣсколько фракцій, совсѣмъ утратила вліяніе на рабочія массы и интеллигенцію, съ объявленіемъ войны значительно оживилась. Воспринявъ новѣйшую «военную» идеологію. фракція занялась исключительно . . . .
пропагандой милитаризма . . . .

Фракція издаетъ нелегальный органъ и нѣсколько легальныхъ журналовъ: «Къ дѣлу» (Do czynu), «Рабочее единство» и «Работникъ»— въ Домбровѣ Горной.

Второй группой, входящей въ Центральный Національный Комитетъ, является Національный Рабочій Союзъ. Организація эта прославилась еще во время своего образованія въ 1905 году, какъ организація штрейкбрехеровъ, и была основана народовыми демократами для борьбы съ освободительнымъ движеніемъ въ Польшѣ. Съ теченіемъ времени она разошлась со своими идейными вдохновителями, принявшими программу «угодовцевъ» и, ставъ на точку зрѣнія независимости, стала группировать около себя консервативно настроенные рабочіе элементы, главнымъ образомъ, ремесленниковъ и мелкихъ буржуа. Вліяніе ея должно быть теперь значительнымъ, такъ какъ при выборахъ въ Варшавскую Городскую Думу она получила въ рабочей куріи 7 мандатовъ, больше чѣмъ всѣ другія рабочія организаціи, взятыя вмѣстѣ. [1]

Польская Конфедерація заключаетъ въ себѣ буржуазные элементы Польши, опирающіеся скорѣе на Германію, въ виду ея силы, чѣмъ на Австрію. Изъ дѣятелей ея слѣдуетъ указать В. Студницкаго и К. Маковецкаго, издателя газеты «Гонецъ», которая является главнымъ ихъ органомъ. Студницкій и Маковецкій основали недавно въ Варшавѣ *Клубъ польскихъ государственниковъ*, который развиваетъ энергичную дѣятельность въ духѣ германофильской оріентаціи. Клубъ устроилъ въ Варшавѣ нѣсколько многолюдныхъ митинговъ, на которыхъ проводилъ резолюціи съ требованіемъ немедленнаго объявленія независимости Польши и организаціи польской арміи . . . .

[1] Условія для ея дѣятельности и агитаціи въ настоящее время, впрочемъ, очень благопріятны, тогда какъ классовыя рабочія организаціи, за свою непримиримую международную позицію, энергично преслѣдуются оккупаціонными властями; вожди ихъ и болѣе дѣятельные работники высылаются въ концентраціонные лагери.

. . . . Противъ этой агитаціи выступило Междупартійное Коло. Это въ свою очередь вызвало контръ-протестъ со стороны Лиги польской государственности, которая заявила, что хотя она и не выступала совмѣстно съ Клубомъ, тѣмъ не менѣе, однако, поддерживаетъ основныя его требованія — возсозданіе польскаго государства и польской арміи.

Въ отвѣтъ на это партіи Междупартійнаго Коло объяснили, что онѣ выступали только противъ политическихъ методовъ Клуба, требованіе же независимости и стремленіе къ возсозданію независимаго Царства Польскаго ставятъ во главѣ своихъ политическихъ программъ и на этомъ концентрируютъ всѣ свои силы.

На слѣдующемъ митингѣ, устроенномъ Клубомъ государственниковъ совмѣстно съ Центральнымъ Національнымъ Комитетомъ, была еще разъ принята прежняя резолюція, *требующая возстановленія Польскаго государства и организаціи польской арміи.*

Ту же самую точку зрѣнія провела на своемъ съѣздѣ, который имѣлъ мѣсто въ Петроковѣ, и Лига польской государственности. Принятая резолюція гласила: «объявленіе польскаго государства, организацію правительства и польской арміи уже во время настоящей войны съѣздъ считаетъ цѣлью, достойной высшихъ жертвъ народа, и призываетъ все общество дѣйствовать въ этомъ направленіи».

Въ составъ національной лѣвой входитъ еще крестьянская организація, которая образовалась изъ крестьянскаго союза, національнаго крестьянскаго союза и группы органа «Зараніе». Всѣ эти «народническія» организаціи стоятъ на точкѣ зрѣнія независимости, ведутъ энергичную дѣятельность самопомощи въ видѣ организаціи сельскихъ кооперативовъ и т. д. Общественный радикализмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ существовалъ у русскихъ народническихъ группъ, совершенно чуждъ польскимъ крестьянскимъ группамъ.

Входящіе въ составъ Центральнаго Національнаго Комитета Союзъ Патріотовъ и національно-радикальная группа состоятъ изъ небольшихъ группъ интеллигенціи и не играютъ видной роли въ политической жизни страны.

Совершенно отдѣльную позицію занимаютъ классовыя организаціи рабочаго класса:—Соціалдемократія Царства Польскаго и Литвы, расколотая на двѣ части, такъ называемыхъ розламовцевъ и правленцевъ, и лѣвица польской соціалистической партіи. Организаціи эти, какъ было уже упомянуто, стоятъ на классовой международной позиціи, высказываясь противъ всѣхъ существующихъ оріентацій, какъ «западной», такъ и «восточной». Онѣ не считаютъ возможнымъ на политико-стратегическихъ комбинаціяхъ войны основывать свою «національную» политику, относя рѣшеніе національнаго вопроса ко второму акту міровой трагедіи. Организаціи эти, кромѣ обычной для нихъ работы, ведутъ сейчасъ довольно широкую легальную дѣятельность, издавая журналы «Наша Трибуна»

(с.-д. розламовцы), «Наша Справа» (с.-д. правленцы) и «Рабочій Голосъ» (лѣвица П. П. С.).

Таковы политическія группировки и программы въ современной Польшѣ. . . . .

. . . .

Разница между существующими группами заключается въ методахъ дѣйствія и точкахъ опоры. Въ то время, какъ Междупартійное Коло по-прежнему занимаетъ довольно ясно выраженную антигерманскую позицію и скептически относится ко всѣмъ германскимъ начинаніямъ, центръ, т. е. Лига польской государственности, тяготѣетъ къ австрійской оріентаціи. Лига склоняется къ проекту галиційскаго Верховнаго Національнаго Комитета — присоединить Царство Польское къ Галиціи, чтобы образовать въ Австріи третью составную ея часть и превратить ее такимъ образомъ изъ дуалистической въ тріалистическую монархію.

Національная же лѣвая, главнымъ образомъ, Клубъ польскихъ государственниковъ, стремится войти въ соглашеніе съ Германіей. Конечно, при такомъ положеніи дѣла, онъ долженъ хотя бы временно отказаться отъ присоединенія къ составу независимой Польши княжества Позна́нскаго, ибо, само собой понятно, нѣмцы совсѣмъ не склонны добровольно умалять своей территоріи. И клубъ, во главѣ съ В. Студницкимъ, сознательно идетъ на такую уступку ради достиженія независимости хотя части территоріи Польши; другіе элементы центра и лѣвой идутъ за нимъ, замалчивая этотъ вопросъ.

Всѣ эти обстоятельства должны были учесть австро-германцы при разрѣшеніи польскаго вопроса. И, дѣйствительно, какъ Австрія, такъ и Германія, прежде чѣмъ приступить къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ, должны были оставить нѣсколько составленныхъ ими проектовъ. Конечно, во всѣхъ планахъ Германіи первостепенную роль играли ея государственно-политическіе интересы, и, въ зависимости отъ нихъ, польскій вопросъ то выдвигался на первый планъ, то рѣшеніе его отдалялось. Въ последнее время политическое положеніе очевидно, сложилось, такимъ образомъ, что Германія рѣшилась на опредѣленныя дѣйствія.

Первоначальный планъ центральныхъ Имперій раздѣлить между собою оккупированныя польскія земли былъ оставленъ скоро. Кромѣ новыхъ хлопотъ онъ не доставилъ бы австро-германцамъ никакихъ выгодъ.

По той же причинѣ была оставлена другая идея — созданія такъ называемаго кондоминіума, т. е. имперской провинціи, которая принадлежала бы одновременно обѣимъ державамъ.

Слѣдующимъ планомъ, предлагаемымъ австрійскимъ правительствомъ и поддерживаемымъ имъ въ видахъ возвеличенія могущества династіи Габсбурговъ, было присоединеніе Царства Польскаго къ Галиціи и созданіе изъ Австріи триединой монархіи. Какъ мы видѣли, планъ этотъ поддерживалъ въ Галиціи Верховный Національный Комитетъ, ко-

торый нашелъ себѣ опору въ Царствѣ Польскомъ въ Лигѣ польской государственности. Однако, и этотъ планъ, усиливающій положеніе Австро-Венгерской монархіи, былъ отвергнутъ германскими отвѣтственными политиками.

Наиболѣе пріемлемымъ для обѣихъ сторонъ оказался «нейтральный» проектъ созданія независимаго формально государства-буфера, которое, однако, согласно замысламъ Германіи, фактически въ экономическомъ, политическомъ и военномъ отношеніи находилось бы подъ вліяніемъ центральныхъ державъ, главнымъ образомъ, разумѣется, Германіи.

На этомъ проектѣ центральныя державы остановились лѣтомъ нынѣшняго года и, по заграничнымъ сообщеніямъ, тогда же собирались привести его въ исполненіе. Въ планъ германцевъ, по тѣмъ же заграничнымъ сообщеніямъ, входило, между прочимъ, воспользоваться актомъ возстановленія независимой Польши не только для того, чтобы выиграть лишній козырь передъ нейтральными державами и на будущемъ мирномъ конгрессѣ, выступая въ роли освободительницы малыхъ народовъ, но также улучшить свое стратегическое положеніе, организовавъ польскую армію и присоединивъ ее къ арміямъ центральныхъ державъ, а также освободивъ стоящую въ Польшѣ оккупаціонную армію.

Однако, лѣтомъ планъ австро-германцевъ относительно Польши осуществленъ не былъ. Очевидно, онъ былъ отложенъ по политическимъ соображеніямъ высшаго порядка. Очень возможно, что на рѣшеніе Германіи оказало также нѣкоторое вліяніе донесеніе Варшавскаго ген.-губернатора Безелера, который высказываетъ свои сомнѣнія относительно возможности объявленія рекрутскаго набора въ Царствѣ Польскомъ. По словамъ Безелера, польскій народъ оказалъ бы такому набору сопротивленіе, причемъ возможны даже и бунты. Каковы бы ни были соображенія центральныхъ монархій, рѣшеніе вопроса было отложено. Наступило нѣкоторое затишье, и только осенью польскій вопросъ былъ опять поставленъ въ порядокъ дня центральныхъ державъ. Къ тому времени положеніе въ Польшѣ выяснилось благодаря политической дѣятельности Клуба и Лиги, о которой уже говорилось выше. На эти-то политическія организаціи и рѣшилось опереться германское правительство. Представители «государственниковъ» ѣздили въ Берлинъ и Вѣну, гдѣ вопросъ объявленія независимости былъ окончательно рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, австрійскія власти внесли измѣненія въ положеніе польскихъ галиційскихъ легіоновъ, переименовавъ ихъ въ Польскій вспомогательный корпусъ, т. е. преобразовавъ ихъ въ духѣ польскаго войска. Фактъ этотъ печать, стоящая на позиціи Верховнаго Національнаго Комитета, комментировала такимъ образомъ, что за нимъ послѣдуютъ и другіе, болѣе важные, которые утвердятъ самостоятельность польскихъ легіоновъ.

Газета «Напрждъ» («Впередъ») прибавляетъ къ этому, что

польскій вспомогательный корпусъ является этапомъ по дорогѣ къ польской арміи и польской государственности.

Къ объявленію акта центральными державами было, такимъ образомъ, въ принципѣ рѣшено приступить немедленно, не рѣшеннымъ остался только вопросъ относительно границъ будущей независимой Польши. Германія склонялась къ тому, чтобы къ территоріи Царства Польскаго присоединить Галицію, Австрія соглашалась на это въ томъ случаѣ, если Германія съ своей стороны присоединитъ княжество Познанское. Такъ какъ Германія на такое предложеніе не пошла, остановились окончательно на Царствѣ Польскомъ. Событія пошли теперь усиленнымъ темпомъ. По сообщеніямъ газетъ, 17 октября министръ иностранныхъ дѣлъ Буріанъ принялъ прибывшую изъ Берлина депутацію польскихъ нотаблей, въ томъ числѣ ректора варшавскаго университета Брудзинскаго, городского голову Хмѣлевскаго, представителя еврейскаго общества Дикштейна, бывшаго члена Гос. Думы Лемпицкаго и другихъ. Брудзинскій обратился къ Бріану съ рѣчью, говоря о необходимости возстановленія бывшаго польскаго государства въ его цѣломъ. Буріанъ отвѣтилъ, что оба союзныхъ императора рѣшили возстановить Польшу въ тѣсномъ военномъ и политическомъ союзѣ съ центральными державами. 18 октября депутація вернулась въ Варшаву.

Наконецъ, 23—5 октября ген.-губ. Безелеръ въ германской оккупаціи и ген. Кукъ въ австрійской, отъ имени германскаго и австрійскаго императоровъ, объявили актъ объ образованіи польскаго независимаго государства.

Вотъ его содержаніе: «Германскій Императоръ и Императоръ австрійскій и король Венгріи, основываясь на твердой увѣренности въ окончательной побѣдѣ ихъ оружія и вдохновляясь желаніемъ указать путь къ счастливой будущности польскимъ областямъ, которыя ихъ храбрыя арміи цѣною тяжелыхъ жертвъ отняли у русскаго государства, пришли къ соглашенію создать изъ этихъ областей самостоятельное государство подъ наслѣдственнымъ монархическимъ управленіемъ и съ конституціоннымъ устройствомъ. Болѣе точное опредѣленіе границъ Королевства Польскаго предполагается въ будущемъ. Новое королевство, тѣсно примкнувъ къ обѣимъ союзнымъ державамъ, найдетъ въ этомъ тѣ гарантіи, которыя ему требуются для свободнаго развитія его силъ. Вопросъ о потребности его въ собственной арміи будетъ рѣшенъ согласно главнымъ традиціямъ польскихъ армій прежнихъ временъ и воспоминаніямъ о храбрыхъ польскихъ соратникахъ въ настоящую войну. Союзные монархи съ полной увѣренностью надѣются, что ихъ пожеланія о государственномъ и національномъ развитіи Польскаго Королевства въ настоящее время получатъ осуществленіе какъ съ точки зрѣнія общей политической обстановки въ Европѣ, такъ и съ точки зрѣнія благополучія и безопасности своихъ собственныхъ

странъ и народовъ. Великія западныя сосѣднія державы Королевства Польскаго съ радостью будутъ взирать на ростъ и процвѣтаніе на ихъ восточной границѣ свободнаго, благополучнаго и довольнаго своимъ національнымъ самоопредѣленіемъ государства».

Одновременно австрійскій императоръ издалъ нижеслѣдующій рескриптъ на имя предсѣдателя министровъ Кербера, касающійся расширенія автономныхъ правъ Галиціи въ Австро-Венгерской Монархіи:

«По состоявшемуся между мною и германскимъ Императоромъ соглашенію, изъ польскихъ областей, исторгнутыхъ нашими войсками изъ-подъ власти Россіи, будетъ образовано самостоятельное государство, наслѣдственная монархія съ конституціоннымъ управленіемъ. Галиція должна была принести во время настоящей войны многія жертвы, что обезпечило ей право на мои самыя горячія отеческія попеченія. Посему, мое желаніе, чтобы въ настоящій моментъ, когда возникаетъ новое государство изъ русскихъ губерній, Галиціи было пожаловано право мѣстнаго самоуправленія во всемъ томъ объемѣ, который согласуется съ принадлежностью ея къ австрійской монархіи. Въ процвѣтаніи этой послѣдней галиційское населеніе найдетъ обезпеченнымъ свое національное и экономическое развитіе».

Согласно корреспонденціямъ, полученнымъ изъ Стокгольма польскими газетами, издающимися въ Россіи, провозглашеніе акта въ Варшавѣ было обставлено особой пышностью. Послѣ торжественнаго прочтенія акта ген. Безелеромъ въ замкѣ, передъ собранными тамъ представителями польскаго общества, ректоръ варшавскаго университета и предсѣдатель городской думы, д-ръ Брудзинскій, произнесъ нижеслѣдующую рѣчь-декларацію:

«Это торжественное заявленіе союзныхъ императоровъ, которое признаетъ и подтверждаетъ наши никогда не устарѣвшія права на независимое государственное существованіе, принимаемъ въ твердомъ убѣжденіи, что его содержаніе, продиктованное дѣйствительнымъ сочувствіемъ, скоро и съ сознаніемъ цѣли станетъ дѣйствительностью. Самый вѣрный залогъ введенія этого въ жизнь мы видѣли бы въ назначеніи регента, какъ символа польской государственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ установленія временнаго Національнаго Совѣта до времени, пока польскій король не станетъ во главѣ сорганизованнаго окончательно и опредѣленнаго въ своихъ границахъ польскаго государства. Мы увѣрены, что общность государственныхъ интересовъ, которая соединяетъ центральныя монархіи съ Польскимъ Королевствомъ, утвердитъ между нами пріятельскія сосѣдскія отношенія и, такимъ образомъ, создастъ для всѣхъ гражданъ нашего государства желательныя условія развитія нашей національной жизни. Да здравствуетъ свободная и независимая Польша!»

Въ отвѣтѣ своемъ ген. Безелеръ сообщилъ, что центральныя монархіи готовы помогать Польшѣ въ возсозданіи ея государственнаго

быта, надежнымъ защитникомъ котораго должна быть возрожденная польская армія, какъ символъ государственной независимости.

Согласно послѣднимъ телеграммамъ, уже установленъ Національный Совѣтъ, въ составъ котораго, между прочимъ, вошли: ректоръ Брудзинскій, З. Хмѣлевскій, А. Сливинскій, Е. Смяровскій, Л. Грендышинскій, А. Венявскій, С. Дзержбицкій и гр. А. Ронникеръ, т. е. представители всѣхъ трехъ группъ буржуазіи, дѣйствующихъ въ Польшѣ, причемъ національ-демократы, реалисты и двѣ прогрессивныхъ партіи изъ Междупартійнаго Коло по неизвѣстнымъ намъ пока мотивамъ остались въ сторонѣ.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Клубъ польскихъ государственниковъ и Центральный Національный комитетъ выпустили по поводу объявленія акта спеціальныя воззванія. Воззванія эти по содержанію своему значительно разнятся другъ отъ друга. Въ то время, какъ, опирающійся на Германію, клубъ говоритъ о творческой работѣ, имѣющей цѣлью создать польское государство, и указываетъ на то, что въ этой работѣ поляки должны опереться на помощь Германіи, ибо современнаго государства создать въ нѣсколько дней нельзя, Центральный Національный Комитетъ пробуетъ поставить вопросъ въ демократической плоскости. Онъ требуетъ конституціоннаго сейма, то-есть учредительнаго собранія, избраннаго широкими народными массами, который далъ бы основаніе строительству Польши и создалъ бы краеугольные камни ея мощи. Сеймъ этотъ долженъ создать Національную Армію, ибо она одна можетъ дать гарантію того, что польское государство будетъ организмомъ крѣпкимъ и независимымъ отъ чужихъ вліяній.

Таково внѣшнее отношеніе къ акту центральныхъ державъ въ самой Польшѣ. Онъ принятъ большинствомъ народа, какъ фактъ, какъ дѣйствительность, отъ которой отказаться не было никакой надобности, подобно тому, какъ поляки не отказались отъ польскихъ учебныхъ заведеній, высшихъ и низшихъ, отъ городского самоуправленія. Несомнѣнно, польскія буржуазныя группы сознаютъ, что провозглашеніе акта не закрѣпляетъ . . . . . окончательно новаго порядка вещей, является только этапомъ къ нему, завершеніе окончательное котораго будетъ имѣть мѣсто впослѣдствіи. И поэтому группы эти, за исключеніемъ одного лишь Клуба, занимаютъ въ отношеніи къ германцамъ довольно сдержанную позицію.

Демократическихъ и радикальныхъ элементовъ польской націи новый порядокъ удовлетворить не можетъ. По ихъ мнѣнію, дѣйствительное самоопредѣленіе націй возможно лишь въ процессѣ и въ результатѣ борьбы, которая лишь одна способна установить новый по-

рядокъ, отвѣчающій требованіямъ современной демократіи. Лишь порядокъ, установленный такимъ образомъ, представляетъ гарантіи того, что онъ будетъ твердымъ и незыблемымъ. Ничего подобнаго въ актѣ, провозглашенномъ германцами, нѣтъ. Самопроизвольно устанавливая границы новаго государства, отрѣзывая отъ народа живыя его части, актъ этотъ не даетъ, кромѣ того, никакой твердой гарантіи существованія созданному государству, ибо реальная сила находится фактически на сторонѣ тѣхъ, которые актъ этотъ октроировали. Не поможетъ въ данномъ случаѣ учредительное собраніе и національная армія, о которой говоритъ въ своемъ воззваніи буржуазная лѣвая — Центральный Національный Комитетъ. Учредительное собраніе, созываемое въ моментъ, когда въ государствѣ стоитъ полумилліонная оккупаціонная армія, когда въ столицѣ остается военный генералъ-губернаторъ или даже замѣняющій его регентъ, когда громадная часть народа находится подъ чужими знаменами, такое учредительное собраніе не можетъ быть выраженіемъ дѣйствительной народной воли. Поэтому польская демократія, ставъ на почву новаго создавшагося положенія, будетъ добиваться тѣхъ условій, которыя сдѣлаютъ возможнымъ дѣйствительное національное самоопредѣленіе.

Въ изложенномъ выше мы познакомились съ тѣмъ, что происходило въ самой Польшѣ. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о томъ, какъ актъ Германіи былъ принятъ зарубежными поляками, т. е. тѣми польскими политиками, которые, эвакуировавшись, хотѣли все-таки издали вести отвѣтственную «національную» политику,—и какъ на объявленіе акта реагировали офиціальныя «союзныя» сферы.

Лидеръ Польскаго Коло — деп. Я. Гарусовичъ вмѣстѣ со всѣми эндековскими политиками видятъ въ провозглашенномъ актѣ, прежде всего, желаніе германцевъ произвести въ Польшѣ рекрутскій наборъ, чтобы пополнить порѣдѣвшіе ряды своихъ армій. На такой же точкѣ зрѣнія, впрочемъ, стоятъ и русскіе либералы, высказывавшіеся въ печати относительно новаго акта. Кромѣ того, политики Коло подчеркиваютъ сильно то обстоятельство, что въ составъ вновь образованной Польши не входитъ ни Галиція, ни Познань, тогда какъ, по ихъ мнѣнію, первостепенной задачей является объединеніе польскихъ земель, провозглашенное въ извѣстномъ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго.

Однако, въ декларапіи, которую прочелъ деп. Гарусовичъ въ Государственной Думѣ 1-го ноября, кромѣ обыкновенныхъ риторическихъ восклицаній, которыми оперируютъ эндековскіе политики, появились новыя ноты, доселѣ имъ чуждыя. Депутатъ Гарусовичъ впервые долженъ былъ заговорить о томъ, что создавшееся положеніе ставитъ польскій вопросъ въ плоскость международной политики и впервые выразилъ надежду на то, что Польша получитъ самостоятельную государственную жизнь. Что подъ этимъ новымъ для нихъ терминомъ

понимают офиціальные національ-демократы, — до сихъ поръ неизвѣстно.

Декларація отъ 25 ноября 1914 г. Національнаго Польскаго Комитета, въ которой нѣтъ никакихъ указаній на необходимость началъ государственности, остается до сихъ поръ офиціальнымъ его мнѣніемъ. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Что касается русскихъ правительственныхъ сферъ, то онѣ на актъ Германіи отвѣтили нижеслѣдующимъ сообщеніемъ:

«Германское и австро-венгерское правительства, пользуясь временнымъ занятіемъ ихъ войсками части русской государственной территоріи, провозгласили отдѣленіе польскихъ областей отъ Россійской Имперіи и образованіе изъ нихъ самостоятельнаго государства. При этомъ наши враги имѣютъ, очевидно, цѣлью произвести въ Русской Польшѣ рекрутскій наборъ для пополненія своихъ армій.

Императорское правительство усматриваетъ въ этомъ актѣ Германіи и Австро-Венгріи новое грубое нарушеніе нашими врагами основныхъ началъ международнаго права, воспрещающихъ принуждать населеніе временно занятыхъ военною силою областей къ поднятію оружія противъ собственнаго отечества. Оно признаетъ сказанный актъ недѣйствительнымъ.

По существу польскаго вопроса, Россія съ начала войны уже дважды сказала свое слово. Въ ея намѣренія входитъ образованіе цѣлокупной Польши, изъ всѣхъ польскихъ земель, съ предоставленіемъ ей, по завершеніи войны, права свободнаго строенія своей національной, культурной и хозяйственной жизни, на началахъ автономіи, подъ Державнымъ скипетромъ Государей Россійскихъ и при сохраненіи единой государственности. Это рѣшеніе нашего Августѣйшаго Государя остается непреклоннымъ».

Здѣсь, какъ видимъ, подтверждается готовность русскаго правительства дать возсоединенной Польшѣ право строенія своей жизни на началахъ *автономіи*. Къ этому акту вполнѣ присоединились правительства Англіи и Франціи. Протестуя противъ созданія новаго государства. Бріанъ и Асквитъ съ радостью встрѣчаютъ выступленіе Россіи, которая обѣщала полякамъ возсоединеніе и автономію. Къ этой деклараціи присоединяется впослѣдствіи и итальянскій премьеръ Бозелли.

. . . .

. . . .

Т. Гильевичъ.

НА ДОНУ.

I.

День былъ непастный, собирался дождь. Вѣтеръ гналъ по рѣкѣ мутную зыбь. Донъ казался некрасивымъ, сѣрымъ; онъ похожъ былъ на старика, плохо спавшаго ночь, хмураго, непривѣтливаго. Въ хлюпаньѣ волнъ слышалась старческая, безсильная воркотня.

Пассажировъ немного. Некуда ѣхать. Дѣла па Дону тихія, да и время глухое—начало сентября. Идетъ молотьба хлѣба, сборъ винограда, уборка картофеля, огородовъ, баштановъ—не до ѣзды.

На набережной тоже тихо. Въ прежнее время, до войны, ростовская набережная представляла любопытное зрѣлище. Здѣсь неустанно кружился цѣлый водоворотъ торговаго движенія. Вереницы подводъ, груженыхъ мѣшками, боченками, тюками, углемъ, запружали спуски и набережную. Отъ галдежа, толкотни, грохота и лязга можно было одурѣть, оглохнуть.

Теперь не то. Война смела этотъ водоворотъ, захлопнулись наглухо амбары, стало просторно на рѣкѣ, у пристаней не толпятся пароходы, въ ожиданіи нагрузки или разгрузки.

Пароходъ гудитъ въ послѣдній разъ. Подъ дождемъ и вѣтромъ мы отходимъ отъ пристани. Донъ непривѣтливъ, хмуръ и гонитъ съ палубы въ каюты.

Въ столовой, за столомъ, плетутся степенные разговоры. Донской помѣщикъ, красивый старикъ, жалуется пожилому торговцу, пьющему чай съ рафинадомъ, па затрудненія съ землей.

— Вотъ ѣздилъ въ Хоперскій округъ насчетъ земли.

— А что?—спрашиваетъ торговецъ.

— Участокъ тамъ у меня, четыреста десятинъ, мужики держатъ. Взяли по девяти рублей, а теперь получаю письмо—будемъ платить три. Почему три? Разсчету нѣтъ платить больше, земля на половину гуляетъ, ...

— Ну и что же?

— Пришлось согласиться. Контрактъ у меня еще на два года, но попробуй, судись, все равно не получишь. Да и никто не дастъ больше. Аренда сильно упала, цѣны на земли тоже низкія. Теперь, у кого свободныя деньги, можетъ за безцѣнокъ

скупать земли. А послѣ войны заработаетъ. Земля теперь, если самъ не обрабатываешь, обуза, а не богатство.

Объ упадкѣ земельныхъ дѣлъ па югѣ приходится часто слышать. Въ 1915 году покупныя и арендныя цѣны на землю сильно понизились. Причинъ тутъ много: . . . . сокращеніе посѣвной площади, дороговизна и недостача орудій обработки и, наконецъ, ликвидація нѣмецкаго землевладѣнія.

Эта ликвидація внесла не мало путаницы и разрухи въ хозяйственную жизнь края. Нѣмецкое землевладѣніе на югѣ—фактъ крупный, многозначительный. А къ нему подошли такъ, точно въ рукахъ нѣмцевъ не сотни тысячъ, а только десятки десятинъ. Вмѣсто того, чтобы использовать хорошо поставленныя нѣмецкія хозяйства, предоставивъ возможность . . . . землевладѣльцамъ свободно обрабатывать земли, начали продавать нѣмецкія земли, выселять колонистовъ-нѣмцевъ, сидѣвшихъ въ Россіи десятки лѣтъ, поставили ихъ въ самое ложное и неопредѣленное положеніе. Въ Херсонской и Таврической губерніяхъ и Донской области не одна тысяча десятинъ перешла за безцѣнокъ въ неумѣлыя руки. Хозяйства были разрушены, налаженное десятилѣтіями дѣло упало и наше сельскохозяйственная производительность не досчиталась нѣсколькихъ милліоновъ пудовъ зерна.

Потомъ спохватились и пріостановили ликвидацію, но ложность и неопредѣленность положенія осталась . . . .

— . . . . . .

Разговоры на пароходѣ все житейскіе—про хлѣбъ, про дороговизну, про всякія недостачи.

Торговецъ, пившій чай съ рафинадомъ, говоритъ:

— Теперь все въ разстройство пришло. Вы вотъ на что вниманіе обратите: торговецъ по станицамъ и хуторамъ прятаться сталъ.

— Какъ прятаться?

— Да такъ: прикрывать дѣло. Тутъ, на Дону, я вамъ любую станицу назову, гдѣ по нѣсколько торговцевъ позакрывали свои дѣла.

— Какая же причина?

— Съ одной стороны, боятся, а съ другой—недостача товара, торговать нечѣмъ.

— А боятся чего?

— И начальства, и покупателей. Попробуй-ка, не угоди кому—штрафъ, а тутъ еще хуже—. . . . Продавать по преж-

нимъ цѣнамъ невозможно, оптовая покупка дороже стоитъ, а новыя цѣны вызываютъ ропотъ: «ты съ насъ шкуру дерешь». Вотъ и вертись тутъ, какъ знаешь. Я вамъ прямо скажу, я человѣкъ добросовѣстный и свое дѣло считаю нужнымъ,—у меня въ станицѣ торговля краснымъ товаромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вижу, что никакъ не удержишься, и тоже свое дѣло прикрываю.

— А новыя торговли открываются?

— Нѣтъ. Боятся. Я такъ думаю, что это къ худому приведетъ. Какъ жить на хуторѣ или въ станицѣ, если на сто верстъ кругомъ ничего не достанешь? . . . .
. . . .

II.

Донъ—скучная степная рѣка. Берега низкіе, то песчаные, то глинистые. Течетъ прихотливо, извилисто. Напрасно называютъ Донъ тихимъ. Это очень безпокойная, непостоянная рѣчка; каждую весну она мѣняетъ русло, течетъ по новымъ путямъ.

Капризы Дона доставляютъ много хлопотъ техническому надзору за рѣкой. Каждую весну приходится провѣрять фарватеръ. Мели то появляются, то исчезаютъ. Пески душатъ Донъ, онъ инстинктивно убѣгаетъ отъ нихъ и, можетъ быть, поэтому бросается изъ стороны въ сторону, мѣняя русло.

Теперь на Дону начата большая работа по сооруженію шлюзовъ. Начало вышло скверное, скандальное. Министерство путей сообщенія поручило эту важную, отвѣтственную работу малосвѣдующимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ недобросовѣстнымъ людямъ. Вмѣсто того, чтобы отдать работу съ подряда, они начали постройку шлюзовъ хозяйственнымъ способомъ, и этимъ было открыто широкое поле для всякаго рода вольныхъ и невольныхъ злоупотребленій. Хозяйственная безтолковщина воцарилась при постройкѣ шлюзовъ во всю свою ширь и мощь. Строители, какъ нарочно, окружили себя неумѣлыми, ненужными людьми, поручая имъ отвѣтственныя мѣста. И вмѣстѣ съ тѣмъ присосалась къ постройкѣ цѣлая стая всякаго рода поставщиковъ, комиссіонеровъ, посредниковъ и прочаго шустраго, пронырливаго люда. Все это тянулось жадными руками къ хозяйственной постройкѣ и зарабатывало не малую толику, втягивая строителей въ анекдотическія сдѣлки. Цѣлый годъ шла вакханалія хищническаго и безтолковаго строительства. Началась война. Но и великія событія нисколько не измѣнили тактики строителей.

И вотъ, наконецъ, о нихъ заговорили. Заговорили о злоупотребленіяхъ, о дутыхъ счетахъ и поставкахъ. Забила тревогу мѣстная печать; въ донскихъ газетахъ стали появляться разоблаченія. И только тогда министерство заглянуло серьезными глазами на то, что дѣлается на Дону. Назначено было

слѣдствіе. Руководителей отстранили отъ постройки и предали суду.

. . . .

. . . . Выяснилась, между прочимъ, такая подробность: пропали изъ управленія договоры о поставкахъ разныхъ матеріаловъ. Строители постарались, какъ можно больше, замести слѣды.

Теперь на Дону работаетъ другой составъ инженеровъ. Работа идетъ, какъ будто, съ оглядкой, не такъ безшабашно, какъ при прежнемъ составѣ, но вѣры въ нее нѣтъ, и общій голосъ таковъ, что устройство шлюзовъ на Дону—брошенныя деньги.

III.

Въ станицу Константиновскую мы пришли рано утромъ.

Выше и ниже Константиновской стоятъ станицы, славящіяся своими виноградниками—Раздоры, Цымла, Потемкинская, но въ этомъ году винограда нѣтъ, его продали почти на корню по цѣнамъ, какія раньше никому и не снились. Прежде оптовыя цѣны на виноградъ были отъ 80 коп. до 2 руб. пудъ; теперь въ Цымлянской станицѣ виноградъ закупали по 16—18 руб. пудъ, и спросъ при этомъ такой, что только давай. Въ розничной продажѣ цымлянскій виноградъ доходилъ на мѣстѣ до полтинника за фунтъ.

Несмотря на трезвость и запрещеніе свободной продажи вина, донскіе винодѣлы или, вѣрнѣе, винодавы не зѣваютъ. Они рвутъ виноградъ изъ рукъ и давятъ, давятъ. Вино вздорожало, потребность въ немъ большая. Торгуютъ виномъ потихоньку, изъ подъ полы, и такъ какъ времена скудныя, а продажа тайная, то за вино сходитъ всякая дрянь, получаемая послѣ второй и третьей перегонки. Доходитъ до того, что рѣжутъ виноградную лозу, наливаютъ водой, настаиваютъ, потомъ для вкуса сдабриваютъ винограднымъ сусломъ и эта бурда сходитъ съ рукъ по весьма приличной цѣнѣ.

— Абы хочь пахло! Абы похоже было на вино.

Спрашиваю у константиновцевъ:

— Есть ли вблизи какія-нибудь ископаемыя?

Говорятъ чуть не съ гордостью:

— Да мы живемъ на каменномъ углѣ. Пласты идутъ подъ самой станицей. Копай во дворѣ шахту и бери.

— Что же, разрабатывается уголь?

— Нѣтъ!

— Почему?

— Некому.

Обычная на Дону картина.

Въ области много войсковой земли, насыщенной минераль-

ными богатствами, особенно каменнымъ углемъ и антрацитомъ. Войсковые участки, отданные подъ разработку, составляютъ площадь около 8 тыс. десят. Но разработка ведется слабо. Войсковая земля, включая сюда и грушевскій раіонъ, даетъ въ годъ немного болѣе 100 милл. пудовъ угля. Въ запасѣ остаются еще войсковые участки съ залежами каменнаго угля и антрацита въ 7.100 десят. Кромѣ того, въ распоряженіи войска имѣется еще Провальская дача въ 22.150 дес. съ богатыми залежами антрацита и 3.750 дес. лѣса, гдѣ тоже есть залеганія угольныхъ пластовъ.

Въ юго-западной части Провальской дачи начата разработка такъ называемыхъ долманскихъ пластовъ, считающихся лучшими послѣ грушевскихъ. Но разработкѣ мѣшаетъ войсковой конный заводъ, занимающій Провальскую дачу. Тамъ, гдѣ земля могла бы давать сотни милліоновъ пудовъ антрацита, гуляютъ войсковые табуны, которые безъ ущерба можно было бы перевести на другіе участки, отдаваемые въ аренду частнымъ коннозаводчикамъ по сказочно-дешевой цѣнѣ—отъ 2 коп. за десятину.

Теперь на Дону идутъ разговоры о томъ, чтобы нѣдра юртовыхъ земель считать собственностью войска. Случайные обладатели ихъ—станичныя общества—едва ли согласятся на это, такъ какъ нѣдра и теперь уже даютъ станицамъ хорошій доходъ, а въ будущемъ, когда на разработку ихъ будетъ обращено серьезное вниманіе, они явятся источникомъ обогащенія станицъ.

Трудно ожидать, чтобы разработка нѣдръ улучшилась количественно и качественно, если они будутъ переданы войску. Въ распоряженіи войска не мало угленосныхъ земель и тѣмъ не менѣе онѣ не разрабатываются, на нихъ въ лучшемъ случаѣ, какъ на Провальской дачѣ, гуляютъ табуны.

Ни войскомъ, ни станицами не производится геологическихъ изслѣдованій и изученія своихъ земель въ горно-техническомъ отношеніи, что задерживаетъ развитіе горной промышленности.

Контроль надъ количествомъ добываемаго и вывозимаго каменнаго угля и антрацита на войсковыхъ участкахъ осуществляется въ недостаточной степени.

Надлежащая статистика не ведется, и въ станичныхъ правленіяхъ, за исключеніемъ станицы Новочеркасской, не имѣется свѣдѣній, сколько станичныхъ участковъ разрабатывается въ данное время, гдѣ расположены эти участки, какое количество угля добывается въ юртѣ станицы, какой доходъ имѣютъ станицы отъ горнаго промысла.

. . . .

Картина достаточно яркая, не нуждающаяся въ поясненіяхъ

и очень краснорѣчивая для характеристики хозяйственной жизни тихаго Дона.

IV.

Въ Константиновской я пересѣлъ на пароходъ «Императоръ». Это оказалась самая утлая щепа донской флотиліи. Перваго класса нѣтъ; есть мужская общая каюта II класса, она же и столовая, такая низкая, что приходится ходить, сгорбившись. Для третьеклассныхъ пассажировъ отведенъ внизу трюмъ, но тамъ духота, грязь, тѣснота; на палубѣ, на вольномъ вѣтеркѣ, у машинъ, лучше.

Всѣ мѣста въ каютѣ были заняты. Ѣхало пять рясъ и душъ десять станичниковъ. Часъ былъ ранній, пассажиры только подымались.

Умывшись и помолившись кратко, отцы приступили къ чаепитію. По ихъ приготовленіямъ видно было, что духовнымъ отцамъ не плохо живется въ донскихъ приходахъ. У каждаго было и маслице, и сахарокъ, и курочка, и рыбка, и яички. Матушки, собирая въ дорогу, снабдили всѣмъ вдоволь.

Отъ сверточковъ и яствъ на столѣ стало тѣсно. Правую сторону заняло духовенство; на лѣвомъ концѣ, тѣснясь, пріютились міряне. Буфетный Ваня, молодой человѣкъ съ бритымъ лицомъ, въ пиджакѣ, едва успѣвалъ носить кипятокъ.

— Ваня!

— Что прикажете?

— Приборчикъ.

— Сію минутъ.

Отцы жуютъ весьма старательно, изрѣдка перебрасываясь словами.

Говорятъ о скудости, о дороговизнѣ. Жалуются на недостачи. Постепенно разговоръ переходитъ на потребительныя лавки, на кредитныя товарищества и согласованность въ бесѣдѣ падаетъ. Молодой дьяконъ въ парусиновомъ подрясникѣ горячо защищаетъ кооперативы. Пожилой батюшка въ рыжемъ подрясникѣ сомнѣвается. Его поддерживаетъ плотный красно щекій человѣкъ въ черной бородѣ, повидимому, торговецъ, которому не нравится кооперація. Онъ съ неудовольствіемъ слушаетъ складную рѣчь дьякона и говоритъ, круто обрывая слова:

— Что жъ потребиловки? Какой отъ нихъ прокъ? Цѣны, можетъ, и дешевле, зато и товаръ хуже. Я, ежели поѣду, такъ, дѣйствительно, товаръ куплю, а тамъ развѣ разбираютъ? Абы дешевше. Дермо дадутъ—и дермомъ будутъ торговать. Люди безъ понятія, не свое.

— Извините-съ,—протестуетъ дьяконъ.—Если кто и торгуетъ дермомъ, такъ это вы, торговцы, а не потребительныя

лавки. Тамъ дѣло общественное, каждый для себя, а вамъ лишь бы съ рукъ сбыть.

— Да вѣдь ежели я стану гнилымъ торговать, ко мнѣ и покупатель не пойдетъ, я же въ убыткѣ буду.

— Ну-у, вы мнѣ не разсказывайте. Правило смѣшенія тоже учили.

Споръ вертится, какъ рулевое колесо, медленно и неуклюже.

Дверь въ это время раскрывается и въ каюту входитъ плотный старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ съ кудрявой бородкой и свѣжимъ, красивымъ лицомъ. На немъ картузъ, пиджакъ, сапоги бутылками. Движется медленно, въ развалку. За нимъ съ салфеткой подъ мышкой идетъ Ваня.

— Ну-ка, Ваня, горяченькаго мнѣ.

— Сію минутъ.

Старикъ садится у стола, крякаетъ, снимаетъ картузъ, смотритъ на батюшекъ. Споръ притихъ. Батюшки тоже смотрятъ на старика.

— Прямо можно сказать, вселенный соборъ,—дѣлаетъ замѣчаніе вслухъ старикъ, разглядывая отцовъ.—Цѣлое архіерейское служеніе.

Батюшки молчатъ. Смотрятъ на старика испытующими глазами. Отъ всей его кряжистой фигуры вѣетъ скрытымъ недоброжелательствомъ къ духовнымъ отцамъ, и отцы почувствовали это сразу.

— Эхъ,—крякаетъ старикъ,—молиться у насъ есть кому, а живемъ мы все-таки плохо. Должно быть, молитвы не доходятъ. Все равно, какъ для дѣла бываетъ рука легкая и тяжелая, такъ и уста для молитвы. У нашего духовенства молитвы тяжелыя.

Станичники съ острымъ любопытствомъ прислушиваются.

— Зазвонилъ Звоновъ,—срывается легкій смѣшокъ, и, чтобы подзадорить старика, спрашиваютъ:

— Почему тяжелыя?

— О земномъ много думаютъ. Мы церкви строемъ, сажаемъ поповъ, а онъ сѣлъ и сейчасъ же курочекъ, лошадку, земельку, глядь—и молиться некогда за своими дѣлами.

— Что же, ты хотѣлъ бы, чтобы духовенство духомъ святымъ жило?—не вытерпѣлъ батюшка въ рыжемъ подрясникѣ.

— Зачѣмъ непремѣнно духомъ? Но, какъ сказано въ писаніи: идите и научите всѣ народы въ духѣ и силѣ. А у насъ вмѣсто ученія—лошадки, бычки. Да что тамъ говорить?

Старикъ опрокинулъ порожній стаканъ и сказалъ:

— Вотъ я голаго чайку попилъ и сытъ, а батюшки, небось,

курочку кушали. Бѣдствуетъ наше духовенство. Въ мясопустные дни курочекъ кушаетъ.

Онъ всталъ и развалистой походкой вышелъ изъ каюты. За нимъ слѣдомъ, крутя головой и посмѣиваясь, точно преданный песъ за хозяиномъ, вышелъ Ваня.

— Ну, и дѣдушка,—смѣялись и крутили головами станичники.—Крутой старикъ. Должно быть, его при постройкѣ гдѣ-нибудь нагрѣли.

— Просто болтаетъ зря,—загудѣли, какъ жуки, духовные отцы.—И все на духовенство. Какихъ только поклеповъ не возводятъ.

— Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ,—сказалъ дьяконъ.

— Обидно все-таки. Какъ будто мы не такіе же люди. Вѣдь у насъ тоже и домъ, и семья. А доходы какіе? Едва концы съ концами сводишь. И какъ все это достается? Точно милостыня: дали—спасибо, не дали—и такъ сидишь. Всѣ видятъ коровокъ да лошадокъ, а никто не видитъ, какъ они достаются, какимъ трудомъ. Въ писаніи сказано: трудящій да ястъ. А мы ли не трудимся? Въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой.

Долго еще плакались и вздыхали духовные отцы. Слова были жалкія, а лица и фигуры говорили иное. По всему видно было, что батюшкамъ не такъ ужъ плохо живется въ богатыхъ донскихъ станицахъ.

Потомъ, наплакавшись, соединились въ квартетъ и записали пульку. Сразу забылись всѣ огорченія и печали.

— Червивыя.

— Дайте, отецъ, на семь.

— Песъ.

Игроковъ окружили любопытствующіе, трепетно слѣдя за ходомъ игры.

V.

Погода все никакъ не наладится. Небо сѣрое, дали подернуты мглой. То посыплется дождикъ и гонитъ всѣхъ подъ навѣсы и въ каюты, то опять посвѣтлѣетъ. Вѣтеръ посвистываетъ наверху, холодно, старикъ-капитанъ надѣлъ шубу.

На пароходѣ много старыхъ казаковъ и бабъ-казачекъ. Все это жмется къ машинному отдѣленію, гдѣ теплѣе, глотаетъ копоть и гарь, ѣстъ, пьетъ, спитъ, разговариваетъ. Всюду много грязи, мокроты, яичной скорлупы, арбузныхъ корокъ.

Бойкій мальчуганъ, лѣтъ девяти читаетъ стишки про Кузьму Крючкова. Слушатели подбадриваютъ мальчугана, заставляютъ повторить.

— Дакъ какъ-какъ? Прочхни-ка еще.

Мальчикъ, вертя то въ ту, то въ другую сторону стриженой головой въ картузѣ съ краснымъ околышемъ, бойко читаетъ:

Долой, надменные прусаки!
Вѣдь не собрать отъ васъ клочковъ,
Когда пойдутъ на васъ казаки
И налетитъ Кузьма Крючковъ.
Они своей отважной лавой
Охватятъ вмигъ со всѣхъ сторонъ,
И снова боевою славой
Покрытъ во вѣки славный Донъ.

— Кто тебя выучилъ такому стишку?—спрашиваю у мальчугана.

— А въ школѣ отъ товарищей. Патретъ, а подъ нимъ стишки.

Баба, обмотанная теплымъ платкомъ, ѣдущая въ Чиры, разсказываетъ:

— Прямо житья нѣтъ, такъ цѣлыми стаями и ходятъ.

— Кто?

— Мыши. Набѣжало ихъ тьма тьмущая. И все грызутъ, все грызутъ. Хомуты, кожу, ремни поѣли. Въ амбарахъ, гдѣ мука, гдѣ зерно, все точатъ.

— Откуда ихъ пропасть такая?

— Изъ голодныхъ степей идутъ. Теперь на Дону хлѣба много, у каждаго хозяина полны закрома, вотъ и слышатъ. Чуютъ голодъ и идутъ.

— А я такую исторію слыхалъ,—вмѣшался казакъ, похожій на странника, весь какой-то убогій.—Повстрѣчался нашъ казакъ съ другимъ человѣкомъ. Ѣдетъ на бричкѣ, а въ задку четыре мѣшка лежатъ. Дѣло было ночью, и курить хочется. Остановился, огоньку попросилъ. Спрашиваетъ:—Откуда?— Изъ за Астрахани.—А что везешь?—Мышей.—Какихъ мышей?— Живыхъ, а то у насъ много, надо и вамъ надѣлить. Сказалъ это да хлысь по лошади, только его и видѣлъ казакъ. А лицо у человѣка было бритое.

— Какъ же это понимать?—переглянулись бабы.

— А такъ,—понизилъ голосъ странникъ.—Тѣхъ мышей развозилъ нѣмецъ.

Бабы ахаютъ, качаютъ головами. Онѣ повѣрили легендѣ, и она уже бѣжитъ по пароходу, а потомъ пойдетъ гулять по станицамъ и хуторамъ.

Стемнѣло. Вѣтеръ и дождь усилились. Пароходъ идетъ медленно. Мы уже вступили въ полосу перекатовъ. Бѣлѣютъ по обѣ стороны песчаные отмели и острова. Красные и желтые огоньки тускло мерцаютъ. Пароходъ ползетъ мимо нихъ, нащупывая дорогу.

Въ каютѣ тѣсно. За столомъ сплошное чаепитіе; Ваня едва

успѣваетъ носить кипятокъ. Разговоры какіе-то разбивчивые— ни о чемъ.

И вдругъ одинъ за другимъ два толчка. Свѣтъ лампочекъ на минуту погасъ. Пароходъ остановился.

— Готово,—сказалъ кто-то.

Наверху слышались голоса, крики и дробная бѣготня. Тьма кромѣшная. Шумѣлъ вѣтеръ, хлюпалъ дождь.

По верхней площадкѣ бѣгалъ капитанъ и кричалъ сердито:

— Черти! Досмотрѣли! Только спустился внизъ стаканъ чаю выпить, какъ вотъ тебѣ наградили. Прямо на берегъ вылѣзли. Срамота!

Рулевые почесывались, стоя въ рулевой будкѣ. Пассажиры съ спокойнымъ любопытствомъ ждали, что будетъ дальше.

— Задній ходъ... Черти! Еще,—командовалъ капитанъ. — Очистить носъ. Гони всѣхъ на корму!... Полный ходъ!

Но толку отъ этихъ выкриковъ было мало. Колеса вертѣлись, бурля воду, а пароходъ не двигался. Какъ сытый боровъ послѣ долгаго бѣга, онъ стоялъ теперь, похрюкивая, зарывшись носомъ въ песокъ.

Рѣшили пустить въ ходъ канаты и якоря. Завертѣлись зубчатыя колеса, канатъ натянулся, но пароходъ не двигался.

— Стоитъ, стервецъ,—шепталъ сквозь зубы капитанъ.

Долго стучали чугунными зубами колеса, шлепалъ по водѣ канатъ. Наконецъ, пароходъ дрогнулъ и сдвинулся, къ великому удовольствію капитана и пассажировъ.

Черезъ полчаса, убравшись съ канатами и якорями, мы опять шли ощупью по рѣкѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ.

Эта ночь вся была какая-то тревожная, несуразная.

Часа въ два, когда всѣ уже спали, ввалился въ каюту Звоновъ и сталъ кричать:

— Эй вы, черти, вставайте! Дайте мѣсто раненому. Раненый мерзнетъ на холодѣ, а вы тутъ спите въ теплѣ. А еще пастыри, духовные отцы.

Старикъ былъ, повидимому, въ большихъ градусахъ. Онъ тащилъ за собой молоденькаго казачка, почти мальчика, съ обмотанной бѣлой тряпицей ногою.

Казачекъ упирался и бормоталъ растерянно:

— Да ня надыть, дѣдушка, ей Богу, ня надыть. Я думалъ сюды можно, а тутъ—второй классъ.

— Иди,—тянулъ его Звоновъ.—Я за тебя плачу. За два билета плачу... Ишь разлеглись,—обернулся онъ въ уголъ, гдѣ кудлатились головы духовныхъ отцовъ.—Тутъ раненый, кровь свою на войнѣ проливалъ, а они, какъ боровы, лежатъ... Занимай мѣсто. Ложись.

— Ей Богу, дѣдушка, ня надыть,—упирался казачекъ. Лицо у него было жалкое, испуганное.

Вся каюта проснулась. Сперва никто ничего не понималъ. Смотрѣли на безпокойнаго старика ошалѣлыми глазами и не находили въ свою защиту никакихъ словъ.

Потомъ кто-то всмотрѣлся въ казачка и сказалъ:

— Да какой тамъ онъ раненый? Онъ и на войнѣ не былъ. Просто изъ больницы ѣдетъ.

Настроеніе каюты сразу измѣнилось. Забыли про раненаго и всѣмъ своимъ негодованіемъ за потревоженный сонъ набросились на Звонова.

— Да ты што тутъ распоряжаешься? Што ты капитанъ тутъ, што-ли?

— А вы чего спите, черти?—не унимался старикъ.—Раненый тамъ на холодѣ, а вы въ теплѣ. Господа какіе!

— Да тебѣ какое дѣло? Нализался и буянитъ. Надо капитану заявить.

— Да што тамъ капитану? Просто выставить его отселя съ боемъ.

— А ну попробуй!.. Подойди!

И Звоновъ сталъ засучивать рукава.

Положеніе создавалось нелѣпое. Всѣ пассажиры проснулись и съ раздраженнымъ любопытствомъ ждали, что будетъ дальше. Казачекъ тѣмъ временемъ улизнулъ.

Звоновъ стоялъ возлѣ дверей, грузный, рѣшительный, и отчитывалъ второй классъ:

— Спятъ, черти, въ теплѣ. На позицію бы васъ. А еще пастыри. Раненому мѣста не дадутъ. Ищи тутъ правды. Брюхо отростили и знать ничего не хотятъ.

— Да ты то здѣсь при чемъ? Чего тебѣ нужно?—стали наступать на Звонова.

— Правды мнѣ нужно.

— Пошелъ къ чертямъ. Ты не имѣешь права ночью безпокоить людей.

Звоновъ ушелъ. Но каюта еще долго не могла уснуть.

VI.

Пароходъ пристаетъ къ берегу, ставятся сходни. На берегу кучка людей.

Прежде, говорятъ, къ приходу парохода выстраивались цѣлые базары. Бабы-казачки выносили рыбу, яйца, цыплятъ, баранину, каймакъ, виноградъ. Теперь пусто и скудно. Въ поливяной чашкѣ лежитъ вареный цыпленокъ, встрѣчающій пароходъ уже не въ первый разъ.

— Сколько за цыпленка?

—Полтора рубля.

У другой каймакъ въ горшкѣ величиною въ стаканъ.

— Какая цѣна?

— Пятьдесятъ копеекъ.

А прежде такіе горшочки шли по гривеннику. И такъ за все. Яйца—гривенникъ штука, арбузъ двадцать копеекъ, виноградъ четвертакъ. Все вздорожало втрое, впятеро.

Когда начинаешь говорить, что это дорого, что это—грабительскія цѣны, неизмѣнно слышишь въ отвѣтъ:

— А ботинки? А ситецъ теперь почемъ? Съ насъ берутъ дорого и мы дороже продаемъ.

Это не спекуляція, а простой хозяйственный разсчетъ. Но въ разрѣшеніи его не ищите безпристрастія, и если покупаютъ дорого, то стараются продать еще дороже.

. . . .

Одинъ почтенный, сѣдовласый, вполнѣ обезпеченный казакъ-земледѣлецъ говорилъ мнѣ:

— Въ девятьсотъ пятомъ году я былъ правый. Считалъ, что Донъ для донцовъ, что казачество сильно своей самобытностью, что лѣвые—враги порядка и государства. Но постепенно у меня раскрывались глаза, мѣнялись взгляды. Вы спросите, что раскрывало мнѣ глаза? Да сама жизнь. Война отрезвила окончательно. И теперь я уже ясно вижу, что намъ нужна не самобытность, а культура, что правые ведутъ страну къ застою, а застой ведетъ къ гибели, что безъ земства, безъ широкой гласности, безъ общественной работы нашъ Донъ совсѣмъ заглохнетъ, поростетъ быльемъ, засыпется песками.

— И много такихъ прозрѣвшихъ?

— Да всѣ теперь прозрѣли или на пути къ прозрѣнію. Война отполировала всѣхъ. Только тѣ, у кого свой расчетъ, остались на прежнемъ мѣстѣ.

На верхней палубѣ тепло и уютно. Ласково грѣетъ сентябрьское солнце.

Все съ большей осторожностью, совсѣмъ шагомъ, движется пароходъ. Отмели по всѣмъ направленіямъ изрѣзываютъ рѣку. Порой даже слышно, какъ пароходъ ползетъ брюхомъ по песку, вздрагивая отъ натуги. Матросъ почти безпрерывно дѣлаетъ промѣры, показывая знаками:

— Четыре... Три съ половиною... Три...

Слушаешь, смотришь и диву даешься. Прекрасная, многоводная рѣка, облѣпленная богатыми станицами,—и такое убогое сообщеніе. Одинъ пароходъ въ недѣлю, да и тотъ застреваетъ, и нѣтъ никакой увѣренности за благополучный рейсъ. А вѣдь

за Калачемъ лежитъ Поволжье, откуда текутъ всѣ богатства Россіи, гдѣ и лѣсъ, и рыба, и хлѣбъ, и желѣзо съ Урала, и хлопокъ изъ Туркестана. Какъ не додумались до сихъ поръ до прорытія Волго-Донского канала? Вѣдь это сооруженіе входило еще въ планы Петра.

Съ трепетомъ проходимъ самый опасный перекатъ. Капитанъ выпрямился, подтянулся и уже не напоминаетъ своимъ видомъ стараго, облѣнившагося кота, которому надоѣло ловить мышей. Пассажиры не безъ волненія слѣдятъ за каждымъ шагомъ парохода; дѣвицы ахаютъ. У каждаго въ головѣ тревожный вопросъ: сядемъ или не сядемъ на мель?

Толчекъ. Остановка. И у всѣхъ вырывается одно слово:

— Сѣли.

Однако, пароходъ бурлитъ воду, пятится назадъ и идетъ дальше.

Такъ было не одинъ разъ. Судьба наша висѣла на волоскѣ. И все-таки прошли эти опасные перекаты.

Въ дальнѣйшемъ предстояло еще долго ползти, но все же была теперь увѣренность, что мы дотащимся до Калача.

VII.

Публика на пароходѣ мѣняется.

Пока доѣхали до Чировъ, растеряли всѣхъ батюшекъ и дяконовъ.

Утромъ пришелъ въ каюту Звоновъ, вслѣдъ за нимъ шелъ дьячекъ, кругленькій черный человѣчекъ съ давно небритымъ, тусклымъ отъ перепоя лицомъ, за дьячкомъ Ваня съ приборомъ въ рукахъ.

— Что тамъ у тебя есть?—спросилъ Звоновъ.

— Барашки есть. Можно антрекотъ съ гарниромъ.

— Ну, барашка давай, двѣ порціи. Да бутылочку.

— Сію минутъ.

Ваня принесъ двѣ порціи барашка и бутылку вина.

— Садись, закусимъ,—хлопнулъ дьячка по плечу Звоновъ.

Онъ налилъ себѣ и дьячку. Выпили.

— Я люблю по хорошему,—говорилъ Звоновъ, тыча вилкой въ барашки.—Ѣшь, кутья.

— Ты что же лаешься,—огрызнулся дьячекъ.

— А развѣ ты не кутья? Самый настоящій кутейникъ. Пей!

— Не хочу.

— Вотъ и дуракъ.

— Да ты не ругайся. Ругаться и я могу.

— А ты не разсуждай. Твое дѣло панихиды служить да пятаки собирать, а ты въ разсужденія. Ѣшь молча.

— Не хочу я. Уйду,—засовался дьячекъ и въ мутныхъ глазахъ блеснула злоба.

— Ну, сиди, сиди. Шутокъ не понимаешь. Давай выпьемъ, кутья.

Дьячекъ смирялся и пилъ.

Черезъ полчаса Звоновъ, оставивъ дьячка, говорилъ какому-то степенному станичнику:

— Вотъ я пріѣду, сходъ соберемъ, потолкуемъ. Приговоръ постановимъ и начнемъ строить. Церковь будетъ знатная,—какъ разъ по вашей станицѣ. Я вамъ могу и воспомоществованіе выхлопотать.

— Откуда?

— Изъ питейнаго капитала.

— А развѣ дадутъ?

— Обязательно. Я это могу схлопотать.

— А сколько дадутъ?

— Да тысячъ двадцать.

— Вотъ это дѣло.

— А что ты думаешь? Звоновъ даромъ не скажетъ. Такую церковь поставимъ, что глядѣть любо. И возьму не дорого,—сойдемся.

Вино въ бутылкѣ усохло.

Мы приближались къ Калачу. На правомъ берегу кудрявились зеленые, покрытые мелколѣсьемъ холмы. На одномъ изъ нихъ, у оврага, стоялъ старообрядческій скитъ, обнесенный деревянными стѣнами. Синѣли главки маленькой церковки, нѣсколько рубленыхъ домиковъ стояло за оградой. А кругомъ пустынно, одиноко,—только зеленые мягкіе холмы да спокойная рѣка, да зарѣчный просторъ.

Калачъ придвинулся совсѣмъ близко. Весь онъ въ садахъ, зеленый и тихій. Много захлопнутыхъ наглухо амбаровъ и лавокъ. Прежде это было бойкое торговое мѣстечко, а теперь глухой хуторъ, о которомъ говорятъ здѣсь:

— Хуторъ Калачъ, прежде жили вскачь, а теперь хоть плачь.

Хуторъ убила желѣзная дорога, проведенная отъ Царицына до Лихой. Калачъ остался въ сторонѣ и замеръ, зеленый и тихій, весь въ садахъ.

Пароходъ повернулъ въ затонъ и остановился у пристани. Загремѣли сходни.

— Слава те, Господи. Дотащились,—перекрестился какой-то странникъ-казакъ, весь рваный, съ котомками черезъ плечо.

И показалось, что это вздохнулъ весь пароходъ:

— Слава те, Господи. Дотащились.

П. Сурожскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЮДЖЕТЪ 1917 ГОДА.

Мы уже останавливались [1] съ достаточной подробностью на томъ вліяніи, которое оказываетъ война и прекращеніе казенной продажи питей на нашъ государственный бюджетъ. Поэтому при разсмотрѣніи проекта росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1917 годъ можно ограничиться самымъ необходимымъ.

Остановимся прежде всего на общей суммѣ доходовъ и расходовъ послѣдняго пятилѣтія (1913—1917 гг.), включая и расходы на войну.

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Доходы (милл. руб.)	3.897,1	3.474,9	2.878,3	3.975,0	4.004,6
Расходы (милл. руб.)	3.382,9	4.860,5	11.170,4	16.260,6	29.242,9
	+514,2	— 1.385,6	— 8.292,1	— 12.285,6	—15.238,3

Прежде всего бросается въ глаза . . . картина все растущихъ благодаря войнѣ дефицитовъ. Если сложить всѣ дефициты вмѣстѣ (37.201,6) и вычесть изъ суммы ихъ 514,2 м. р. свободной наличности къ 1 янв. 1914 г., то стоимость войны къ 1 янв. 1918 года опредѣлится колоссальной суммой въ 36.787,4 м. р. Что эти дефициты обусловлены именно издержками войны, видно изъ цифръ расходовъ на войну, произведенныхъ въ 1914 г.—1.657 м. р. и въ 1915 г.—8.815 м. р. и ожидаемыхъ въ 1916 г. — 12.870 м. р. и въ 1917 — 15.000 м. р. Если принять во вниманіе, что ожидаемые расходы на войну оказывались въ дѣйствительности еще большими, то весьма вѣроятно, что въ случаѣ продолженія войны до конца 1917 года, какъ это предполагаетъ министръ финансовъ, стоимость ея дойдетъ и до 40 милліардовъ. При условіи покрытія военныхъ расходовъ кредитными операціями на ту же сумму—другого источника нѣтъ и не создано—отъ войны остается долгъ въ 40 милліардовъ, который потребуетъ съ 1918 г. ежегодной уплаты 2 милліардовъ процентовъ. Это будетъ въ томъ случаѣ, если долгосрочные ликвидаціонные займы будутъ въ среднемъ 5%-ными. Для этихъ 2 милліардовъ новаго ежегоднаго расхода пока не изыскано никакихъ средствъ покрытія.

До сихъ поръ наши военные расходы покрывались добровольными и принудительными займами, (учетъ краткосрочныхъ обязательствъ казны въ Г. Банкѣ, выпуски бумажныхъ денегъ). Отъ этихъ займовъ было выручено: въ 1914 г.—1.595,35 м. р.,въ 1915 г.—8.272,5 м. р. и въ 1916 г. (до 1 сентября) — 7.900,1. Кромѣ того, въ текущемъ году приступлено къ реализаціи новаго 3-хъ милліарднаго внутренняго займа. Однако, для покрытія военныхъ расходовъ до 1 янв. 1917 г. (23,2 милліарда) указанныхъ средствъ (ок. 20.5 м.) недостаточно и

[1] Въ декабрьской книгѣ «Лѣтописи» 1915 года.

придется опять учитывать краткосрочныя обязательства на сумму до 4 миллiардовъ рублей. Кромѣ того, разрѣшена новая кредитная операцiя за-границей, путемъ учета на 2 миллiарда рублей краткосрочныхъ обязательствъ. Въ 1917 году придется еще произвести кредитныхъ операцiй на сумму до 20 миллiардовъ рублей. Въ результатѣ войны нашъ государственный долгъ увеличится по предварительному подсчету министра финансовъ къ 1 янв. 1916 г. до 18,9 м. р., а 1 янв. 1914 г. онъ составлялъ только 8,8 миллiарда. Уплата %% и погашенiя по этому долгу, составившая въ 1913 г. 424 м. р., возрастала такъ: въ 1915 г.—439,7, въ 1916 г.—690 м. р. и въ 1917 г.—720,8 м. р., а съ 165 м. р. процентовъ по упомянутому 3-хъ миллiард. займу составитъ 885,8 м. р.[1]. Въ заключенiе можно замѣтить, что стоимость войны къ началу 1918 г. будетъ равна 10 теперешнимъ бюджетамъ, а ежегодная уплата процентовъ по ней — половинѣ бюджета на 1917 г.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнiю нѣкоторыхъ особенностей бюджета 1917 г. Изъ приведенной выше таблички видно, что размѣръ ожидаемыхъ доходовъ уже въ текущемъ году нѣсколько превысилъ послѣднiй довоенный бюджетъ 1913 г., а въ 1917 году превыситъ еще болѣе (3.897—3.975—4.004 м. р.).

Этотъ результатъ достигнутъ повышенiемъ ряда старыхъ налоговъ и введенiемъ новыхъ, равно какъ увеличенiемъ тарифовъ и пошлинъ—т. е. платы за разныя услуги, оказываемыя населенiю государствомъ. По предварительному подсчету министра финансовъ, отъ увеличенiя прежде существовавшихъ налоговъ и сборовъ и отъ введенiя новыхъ въ 1915 г. поступило на 426,5 м. р. болѣе, чѣмъ въ 1914 г. Несмотря на это, общая выручка отъ налоговъ и сборовъ оказалась менѣе таковой же въ 1914 г. на 70,1 м. р. При сравненiи же доходовъ трехлѣтiя 1913 — 1916 г.г. по перiодамъ съ 1 iюля по iюнь включительно, обнаруживается слѣдующее: въ первый годъ войны общiй недоборъ въ доходахъ составилъ 1.130,5 милл. руб., въ томъ числѣ 801,2 милл. руб. отъ прекращенiя казенной продажи вина; во второй годовой перiодъ войны доходы снова возросли на 903 милл. руб., причемъ всѣ доходы не отъ винной монополiи возросли на 969,8 милл. руб., при сравненiи ихъ съ перiодомъ 1913—1914 г., предшествовавшимъ войнѣ. Уменьшенiе же доходовъ во второй годовой перiодъ войны 1915—1916 г. составило лишь 227,5 милл. руб., такъ какъ недоборъ виннаго дохода уже возмѣстился увеличенiемъ прочихъ поступленiй на 640,5 милл. руб.

Весьма любопытно и поучительно также сравненiе поступленiя доходовъ въ оба разсматриваемые перiода 1914—1915 г. и 1915—1916 г. по разнымъ кассамъ министерства финансовъ. Поступленiе

[1] При этомъ надо имѣть въ виду, что проценты по краткосрочнымъ обязательствамъ вычитаются изъ номинальной суммы ихъ при учетѣ и въ роспись не вносятся.

государственныхъ доходовъ въ первый годъ войны уменьшилось по всѣмъ безъ исключенія кассамъ. Во второй годъ войны еще болѣе уменьшились доходы по губерніямъ Царства Польскаго (всего 1,1 милл. руб.) прибалтійскимъ и сѣверозападнымъ, по которымъ цифры уменьшенія достигли 71,8% и 67,4%. По остальнымъ мѣстностямъ поступленіе доходовъ усилилось. При этомъ, по сравненію съ мирнымъ періодомъ 1913—1914 года, увеличились доходы по кассамъ столичныхъ губерній—на 47,6%, по Гос. банку—на 39,8% и по губерніямъ и областямъ Средней Азіи—на 7,3% и Сибири — 0,5%. Далѣе, недоборъ по губерніямъ и областямъ югозападнымъ, малороссійскимъ и кавказскимъ сократился до 2,1%, 4,8% и 9,6%. По всѣмъ остальнымъ мѣстностямъ недоборъ въ доходахъ, хотя и сталъ меньше, но все-таки достигаетъ значительныхъ размѣровъ (отъ 31,7 до 50%). Изъ этихъ данныхъ, если не считать губерній Западной Россіи, всецѣло или отчасти занятыхъ непріятелемъ, слѣдуетъ, что наиболѣе тяжело ощущается война въ губерніяхъ: среднечерноземныхъ, средне промышленныхъ, сѣверныхъ, восточныхъ, т. е. преимущественно великорусскихъ.

Наконецъ, подсчетъ суммъ по кассамъ, по которымъ оказался недоборъ доходовъ въ теченіе второго года войны, по сравненію съ мирнымъ періодомъ, іюль 1913—іюль 1914 гг., даетъ цифру въ 737, 2 м. р. въ томъ числѣ по кассамъ таможеннымъ 112,9 милл. руб., заграничнымъ —18,0 и губерній Ц. Польскаго 158 милл. руб. Большая часть этого недобора, а именно 683 милл. руб., покрывается увеличеніемъ выручки кассъ столичныхъ и Гос. Банка, а также кассъ губерній и областей Средней Азіи и Сибири и, наконецъ, поступленіями по полевымъ казначействамъ. Всѣ эти данныя указываютъ на мѣста, гдѣ локализуется обогащеніе—отчасти отъ потока бумажныхъ денегъ, разливающагося по странѣ.

Вообще,— говоритъ министръ финансовъ, — за время войны наблюдается концентрація доходовъ въ кассахъ большихъ центровъ, которые пріобрѣтаютъ преобладающее значеніе. Такъ, поступленія по кассамъ столичнымъ, Государственнаго Банка и монетнаго двора составляли до войны 41,2% отъ общаго итога доходовъ; въ первый годъ войны эта доля повысилась до 56%, а во второй даже до 59.5%. Концентрація доходовъ въ кассахъ большихъ центровъ свидѣтельствуетъ и о томъ, что отъ войны обогащаются прежде всего представители финансоваго капитала.

Усиленное поступленіе доходовъ въ текущемъ году позволяетъ министру финансовъ надѣяться, что поступленія отъ усиленнаго обложенія составятъ до 725 м. р., а въ 1917 году выручка отъ новыхъ налоговъ и повышенія старыхъ исчисляется имъ приблизительно въ 1.075 милл. рублей.

Небезынтересно отвѣтить на вопросъ, почему, несмотря на отрицательное въ общемъ вліяніе войны на народное хозяйство, населеніе

имѣетъ возможность пополнять казну и тѣмъ способствовать росту доходнаго бюджета.

Одна причина общеизвѣстна, хотя дѣйствіе ея должно проявиться въ полной мѣрѣ лишь въ будущемъ году. Мы говоримъ о прекращеніи продажи водки. Валовой доходъ отъ казенной винной операціи падаетъ съ 899,3 м. р. въ 1913 г. до 49,6—въ 1917 г., а чистый—съ 664,3 до 9,9 м. р. Это сберегаетъ населенію, покупавшему водку, 850 м. р. и болѣе ежегодно [1]. Кромѣ того, пособія семьямъ призванныхъ на военную службу до 1 августа 1916 г. составили съ начала войны свыше 1.300 м. р. Это составляетъ въ среднемъ около 52 м. р. въ мѣсяцъ, почему эти продовольственные пайки составятъ въ будущемъ году не менѣе 600—700 м. р. Такимъ образомъ, уже по этимъ двумъ статьямъ населеніе будетъ имѣть въ 1917 г. больше, чѣмъ въ 1913 г. на 1,4—1.5 милліарда рублей. Кромѣ того, и, вообще, большая часть военныхъ расходовъ, питаемая усиленными выпусками бумажныхъ денегъ, производится внутри страны. А этихъ расходовъ произведено до 1 августа уже на 17,7 милліардовъ рублей.

Однако, для того, чтобы опять смобилизовать эти новыя средства населенія въ казну, нынѣшній годъ принесъ странѣ много новыхъ налоговъ и дальнѣйшее повышеніе старыхъ. «Финансовая гомеопатія», о которой мы говорили въ прошломъ году, продолжалась и въ нынѣшнемъ. Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія доходовъ, впервые вносимыхъ въ роспись 1917 г.

Названіе источника:	Время установленія.	Размѣръ новаго дохода.	Повышеніе въ %% къ прежнимъ ставкамъ.
Прямые налоги:			
Подоходный [2]	6/IX. 1616.	130 м. р.	[2]
На военныя прибыли [2]	13/V 1916	55 » »	[2]
Повышеніе акцизовъ:			
На табакъ	7/V 1916	90 » »	на 64,5% въ средн.
На сахаръ	16/IX 1916	58,8 »	на 40%
На нефтяные продукты	8/IX 1916	11,8 »	на 42,2% въ средн.
а) на спиртъ для лаковыхъ заводовъ;	7/IX 1916	16,0	на 300%
б) виноградныя и др. вина	16/IX 1916		на 200%
в) фруктово-виноградный спиртъ	8/I 1916		на 42,86%
г) на дрожжи	5/VIII 1916		отъ 25% до 33%
Новый акцизъ съ чаевъ	16/IX 1916	23,0	?
Временный налогъ на тотализаторъ	3/II 1916	9,0 м. р.	—
Повышеніе желѣзнодорожн. тарифовъ на грузы большой и малой скорости	1/I 1917	92,0 м. р.	?
	Итого	485,6 м. р.	

[1] За то доходъ сельскихъ хозяевъ, винокуровъ и прочихъ заинтересованныхъ въ этой статьѣ уменьшился на 150-200 м. р.

[2] О нихъ мы уже писали въ іюльской книгѣ «Лѣтописи».

Безъ повышенія жел.-дор. тарифовъ новый доходъ составитъ 393,6 м. руб., въ томъ числѣ: отъ прямыхъ налоговъ только — 185 м. р., отъ акцизовъ — 199,6 и отъ пошлинъ (налогъ на тотализаторъ) — 9 м. р. Отмѣняемый съ 1 янв. 1917 г. временный налогъ на грузы большой и малой скорости долженъ все-таки дать и въ 1917 г. по условіямъ уплаты ок. 34 м. р. Въ дальнѣйшемъ его съ лихвой будетъ замѣнять упомянутое повышеніе ж.-д. тарифовъ на эти грузы. Акцизъ на чай (байховый) вводится въ дополненіе къ таможеннымъ пошлинамъ на чай. Размѣръ этого акциза въ зависимости отъ цѣны фунта чая таковъ: съ черныхъ чаевъ — 20, 22, 26, 30 и 40 коп. съ фунта, съ зеленыхъ — 35, 40 и 45 коп. Кромѣ того, съ высшихъ сортовъ черныхъ и зеленыхъ чаевъ будетъ взиматься акцизъ по 1 руб. съ фунта, да акцизъ съ байховыхъ чаевъ отечественнаго производства составитъ отъ 5 до 25 коп. съ фунта. Акцизъ съ сахара повышается съ 2 рублей до 2 р. 80 коп. съ пуда. Акцизъ съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ повышается съ 90 коп. до 1 р. 20 коп. съ пуда, а съ прочихъ нефтяныхъ продуктовъ съ 90 коп. до 1 руб. 60 коп. съ пуда. Акцизъ на 1 градусъ безводнаго спирта для лаковыхъ заводовъ повышенъ съ 2 до 8 коп., на градусъ фруктово-виноградного спирта съ 14 до 20 коп.; на фунтъ дрожжей внутренняго приготовленія съ 32 до 40 коп. и съ дрожжей, привозимыхъ изъ-за границы, съ 36 до 48 коп. Акцизъ съ ведра тихаго виноградного, плодоваго и ягоднаго вина повышенъ съ 1 р. 60 к. до 4 р. 80 коп., а съ ведра игристыхъ и изюмныхъ винъ съ 4 р. 80 к. до 14 р. 40 к.

Таковы новыя ставки повышенныхъ налоговъ. На ближайшей очереди стоитъ также, по свидѣтельству министра финансовъ, введеніе акцизовъ на игральныя карты, электрическую энергію, крахмальный сахаръ, охотничій порохъ и ткани. Если эта финансовая гомеопатія будетъ продолжаться и дальше, то скоро мы очутимся въ такомъ положеніи, въ какомъ была Англія въ началѣ XIX вѣка, т. е. сто лѣтъ тому назадъ. . . . .

. . . .

Англичане поняли въ свое время весь вредъ такого изобилія косвенныхъ налоговъ, опутывающихъ все производство и потребленіе продуктовъ, и неуклонно шли все столѣтіе въ сторону перенесенія тяжести обложенія на два налога: прогрессивно-подоходный и прогрессивно-наслѣдственный. У насъ же черезъ сто лѣтъ министръ финансовъ, называющій почему-то указанную гомеопатію «налоговой рефор-

мой» и обѣщающій цѣлый рядъ новыхъ косвенныхъ налоговъ, даже не подозрѣваетъ, повидимому, насколько такая «реформа» задержитъ развитіе производительныхъ силъ. Мы уже показали выше, что съ 1918 г. потребуется увеличить государственные доходы еще на 2 милліарда рублей, т. е. довести 4-хъ милліардный бюджетъ до 6 милліарднаго. Это при условіи полной остановки прироста всякихъ другихъ обычныхъ государственныхъ расходовъ, кромѣ расхода на уплату процентовъ по военнымъ займамъ. Однако, остановить ростъ остальныхъ расходовъ будетъ невозможно; слѣдовательно, обыкновенный расходный бюджетъ, сильно задержанный въ своемъ ростѣ войною, сразу же перевалитъ за 6 милліардовъ и быстро дойдетъ до 7-ми. Это неизбѣжно даже при самой скудной программѣ развитія производительныхъ силъ, требующей прежде всего новыхъ и большихъ расходовъ изъ казны.

Уже на 1917 годъ расходы опредѣлены въ 4.077 м. р., при чемъ сюда не занесена сумма въ 165 м. р. на уплату процентовъ по 3-хъ милліардному займу конца текущаго года. Придется еще внести большія суммы на уплату процентовъ по другимъ займамъ; будутъ и сверхсмѣтные расходы. Минимальный дифицитъ опредѣляется министромъ финансовъ въ 238 м. р. Допустимъ, что умышленное преуменьшеніе доходовъ покроетъ его такъ же, какъ это случилось съ бюджетомъ текущаго года. Но, вѣдь, этотъ дефицитъ минималенъ. Дѣйствительный будетъ на нѣсколько сотъ милліоновъ болѣе. Допустимъ далѣе, что тѣ факторы, о которыхъ мы говорили выше, дадутъ населенію возможность уплатить казнѣ все, что она потребуетъ съ него въ будущемъ году. Но разъ война кончится, то кончится и расходованіе денегъ на войну внутри страны и въ частности кончатся и пособія семьямъ призванныхъ. Вотъ тогда то и возникнетъ вопросъ, откуда населенію брать средства, для усиленнаго обложенія. Что же сдѣлано министромъ финансовъ «*въ предвидѣніи того новаго и тяжелаго бремени, которое будетъ*,— по его словамъ, — *возложено на нашъ бюджетъ*» и на питающее его населеніе «послѣ войны»? Увы, пока ничего, кромѣ обѣщанія ряда упомянутыхъ выше косвенныхъ налоговъ и заявленія, что «задача преобразованія нашей налоговой системы», выдвинутая въ концѣ прошлогодней объяснительной записки къ росписи, «сохраняетъ все свое значеніе и въ настоящее время».

Между тѣмъ, вся суть финансово-экономической и въ частности бюджетной проблемы послѣ войны и заключается въ указаніи, изъ какихъ такихъ повышенныхъ доходовъ будутъ и смогутъ оплачивать возросшія требованія казны широкія массы населенія. Такого указанія у г. Барка нѣтъ. Если же справедливо, что доходы населенія послѣ войны уменьшатся, то является другой вопросъ: какими мѣрами экономической политики можно быстро увеличить доходы народныхъ массъ или, по крайней мѣрѣ, какими мѣрами финансовой политики щадить ихъ и облагать именно тѣхъ, кто отъ войны сталъ еще богаче, чѣмъ прежде, чья платеже- и налого-способность еще болѣе увели-

чилась? Конечно, на эти вопросы мы не находимъ никакого отвѣта и въ объяснительной запискѣ къ росписи на 1917 годъ.

Не будемъ останавливаться на детальномъ разборѣ доходнаго и расходнаго бюджета, такъ какъ пришлось бы повторять много уже сдѣланныхъ въ печати замѣчаній, а ограничимся лишь двумя сопоставленіями:

Первое касается значенія прямого и косвеннаго обложенія въ %% къ итогу налоговаго бюджета.

Налоги.	1913 г. м. р.	въ %	1915 г. м. р.	въ %	1916 г. м. р.	въ %	1917 г. м. р.	въ %
Прямые[1] . . .	295,6	13,5	427,8	20,3	391,9	20,0	612,1	22,7
Косвенные[2] . .	1.887,1	86,5	1.675,9	79,7	1,565,6	80,0	2.086,1	77,3
Итого . . .	2.172,7	100	2.103,7	100	1,957,5	100	2.698,2	100

Отсюда видно, какъ слабо растетъ прямое обложеніе.

Второе сопоставленіе характеризуетъ ростъ расходовъ.

	1913 г. м. р.	въ %	1917 г. м. р.	въ %	Въ 1917 г. болѣе чѣмъ въ 1913 г. на
I. Расходы общегосударственные и по обязательствамъ	**1.673,5**	**55,7**	**2.222,2**	**56.8**	**548,7** м. р
Въ т. ч. платежи по займамъ	402,8	13,4	885,8	22,8	483.0 » »
II. Культурно - производительные	**476,4**	**15,8**	**658,2**	**17,0**	**181,8** » »
Въ томъ числѣ: Просвѣщеніе	210,1	7,0	318,2	8,4	108,1 » »
Врачебная часть . .	35,2	1,2	42,3	1,0	7,1 » »
Сельск. хоз., землеустр., пересел. . .	90,8	3,0	91,6	2,4	0,8 » »
	10,4	0,3	5,8	0,1	—4,6 » »
Торговля и промышл.					
Пути сообщ., кромѣ жел. дор.	51,7	1,7	63,9	1,6	12,2 » »
Почта, телегр. и телефоны	77,9	2,6	136,8	3,5	58,9 » »
III. Казенныя операціи . .	**847,8**	**28,2**	**1.005,2**	**26,0**	**157,9** » »
IV. Непредвидѣн. расходы .	10	0,3	10,0	0,2	0,0 » »
Всего	3.007,3	100,0	3.895,7	100,0	888,4 м. р.

Изъ таблички слѣдуетъ, что болѣе чѣмъ половина увеличенія расходовъ 1917 г. — 483 изъ 888 милл. руб. приходится на ростъ платежей по займамъ, которые выросли по сравненію съ 1913 г. на 225%. Расходъ на народное образованіе увеличился въ полтора раза, а на почту телеграфъ и телефонъ — на 90%. Остальныя измѣненія и во времени и въ %% къ итогу значительно меньше, да и вообще

[1] Въ томъ числѣ пошлины съ переходящихъ имуществъ (46 м. р. для 1917 г).

[2] Въ томъ числѣ остальныя пошлины 612 м. р. для 1917 г). и чистый доходъ отъ казенныхъ имуществъ, капиталовъ, жел. дорогъ, операцій (591 м. р. для 1917 г).

незначительны. Задержка въ ростѣ культурно-производительныхъ расходовъ, особенно послѣднихъ, очевидна. При этомъ, вслѣдствіе обезцѣненія денегъ и связанной съ этимъ дороговизны, номинальному росту расходовъ не соотвѣтствуетъ часто ничего реальнаго: то же количество благъ покупается казной или то же количество услугъ производится ею по болѣе дорогой цѣнѣ.

А. Никитскій.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ КАМПАНІЯ.

Хозяйственная разруха застала наши муниципалитеты врасплохъ.

Городскія думы, «непредвидѣвшія» неминуемаго хозяйственнаго разстройства въ началѣ войны и непредпринимавшія *никакихъ* мѣръ для предотвращенія тяжелыхъ послѣдствій въ тылу, столь же мало отзывчивы оказались и въ тотъ моментъ, когда эти «послѣдствія» были налицо. Равнодушіе городскихъ думъ отмѣчалось въ печати въ разныхъ концахъ Россіи. Изъ Самары газетамъ сообщали, что «городская дума, состоящая изъ купцовъ, бездѣйствуетъ»; то же самое сообщалось объ иркутской думѣ. Въ Козловѣ «мѣръ борьбы съ дороговизной дума совершенно не принимала». Въ Тамбовѣ «городская дума и управа также не принимали никакихъ мѣръ для борьбы съ дороговизной». Изъ Ростова-Н.-Д. сообщали, что «равнодушной остается къ усиліямъ населенія только наша городская дума».

Въ концѣ концовъ, даже терпѣливый и ко всему привыкшій обыватель, наконецъ, не выдержалъ и возропталъ. Напримѣръ, въ Москвѣ обыватели Таганки рѣшили представить въ думу ходатайство объ урегулированіи цѣнъ на нѣкоторые предметы первой необходимости. Въ Астрахани, Вологдѣ и Петроградѣ рабочіе обращались въ городскія думы съ предложеніемъ привлечь представителей рабочихъ — въ двухъ первыхъ городахъ — въ продовольственную комиссію, а въ третьемъ — на засѣданія городской думы. А въ Ивановѣ-Вознесенскѣ дѣло дошло до того, что рабочіе объявили . . . .

. . . . требованіе, «чтобы городское самоуправленіе приняло мѣры къ пониженію цѣнъ» на предметы первой необходимости; и подъ давленіемъ . . . . . управа согласилась приступить къ закупочнымъ операціямъ для продажи предметовъ первой необходимости рабочимъ. Въ гор. Нарымѣ съ предложеніемъ продовольственнаго плана обратились въ городскую думу политическіе ссыльные; конечно, этотъ планъ былъ положенъ подъ сукно.

Подобныхъ примѣровъ прямого «нерадѣнія» городскихъ думъ можно было бы привести десятки и, можетъ быть, сотни.

Поведеніе многихъ отечественныхъ муниципалитетовъ было таково, что возмущало не только населеніе, на шеѣ котораго отзывалась подобная муниципальная политика, но и военное начальство и администрацію. Въ той или иной формѣ, но администрація сплошь да рядомъ принуждена была «побуждать» городскія думы приняться за продовольственныя дѣла. Характеръ и смыслъ этихъ побужденій зависѣли отъ вдумчивости и предпріимчивости администраторовъ. Бывало, что послѣдніе просто «предлагали» думамъ «обсудить» общія мѣры борьбы съ продовольственнымъ кризисомъ; такъ было въ Уфѣ, Ялтѣ, Тамбовѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Недавно губернаторы, по распоряженію предсѣдателя особаго комитета по борьбѣ съ дороговизной, предложили городскимъ управленіямъ подробно сообщать о предпринимаемыхъ ими мѣрахъ по продовольственному дѣлу. Чаще, однако, администраторы «предуказывали» городскимъ дѣятелямъ опредѣленныя мѣры. Такъ, въ Буѣ, Симбирскѣ, Судогдѣ, Сумахъ, Костромѣ и др. губернаторы предлагали думамъ установить таксы; но бывали примѣры, когда администраторы излагали въ своихъ предложеніяхъ болѣе сложные планы борьбы съ дороговизной. Въ Тифлисѣ полиціймейстеръ Здановичъ, произведя обслѣдованіе дороговизны, пришелъ къ выводу, что наступило время, когда «административными мѣрами бороться съ дороговизной невозможно», вслѣдствіе чего этотъ предпріимчивый администраторъ призывалъ общество къ активной борьбѣ съ продовольственнымъ кризисомъ и высказывалъ мнѣнія о необходимости «поддержки кооперативовъ и выступленія муниципалитета на рынкѣ». Въ Кіевѣ начальникъ снабженія юго-западнаго фронта «поручилъ» городской управѣ озаботиться немедленнымъ открытіемъ городскихъ общественныхъ лавокъ. Въ Рязани губернаторъ предложилъ срочно разсмотрѣть вопросъ объ организаціи городомъ закупки предметовъ продовольствія для продажи ихъ населенію по заготовительной цѣнѣ.

Но даже несмотря на административный «напоръ», многія городскія думы не обнаружили желанія вступать въ борьбу съ дороговизной и, что менѣе всего можно было ожидать, пошли даже на конфликтъ съ властью. Въ Сумахъ гласные уклонились отъ предлагаемаго имъ нормированія цѣнъ ссылкой на «сложность» установленія таксъ и передачей этого вопроса «для выясненія» въ комиссію; въ Судогдѣ дума рѣшила, что она никакъ не можетъ выяснить, какую таксу является необходимымъ установить и для «ознакомленія» съ этимъ дѣломъ отправила члена управы въ Иваново-Вознесенскъ, а костромская городская дума прямо «отклонила» предложеніе губернатора, заявивъ, что въ таксѣ «не ощущается необходимости». Дѣло кончилось тѣмъ, что городскимъ управленіямъ администрація уже не «предлагала», а просто «поручала» то или другое дѣло, ту или иную продовольственную функцію.

Дѣлались попытки побудить городскія думы принять мѣры борьбы

съ продовольственнымъ кризисомъ и со стороны наиболѣе интеллигентныхъ муниципальныхъ слоевъ, въ лицѣ верховъ городского союза. Весною 1915 года петроградскій областной комитетъ союза городовъ обратился въ городскія и земскія управы съ письмомъ, въ которомъ указывалось, что при общемъ вздорожаніи предметовъ первой необходимости, достигшемъ небывалыхъ размѣровъ, органы общественнаго самоуправленія не могутъ оставаться пассивными зрителями этого грознаго явленія. Городскія общественныя управленія, земства и правительство должны приступать къ борьбѣ съ дороговизной и къ организаціи правильнаго обмѣна продуктами между мѣстностями, гдѣ ощущается избытокъ, и городами и уѣздами, гдѣ наблюдается ихъ недостатокъ. Также и среди гласныхъ находились люди, пробовавшіе поднять въ думахъ въ томъ или иномъ отношеніи продовольственный вопросъ, но обыкновенно эти попытки ни къ чему не приводили.

Покуда муниципалитеты топтались на мѣстѣ или, въ лучшемъ случаѣ, «поспѣшали медленнымъ аллюромъ» впередъ, по пути различныхъ мѣропріятій въ области организаціи продовольствія, хозяйственная разруха росла съ прогрессирующей быстротой. Статистическій отдѣлъ петроградской городской управы сдѣлалъ подсчетъ размѣра вздорожанія жизни и получилъ такія цифры. Съ начала войны мучная пища вздорожала на 78 процентовъ; овощи и плоды — на 123 проц., мясо и мясные товары — на 108 проц., рыба — на 136 проц. Въ среднемъ выводѣ пища вздорожала на 125 проц. Ткани, бѣлье и обувь вздорожали на 192 проц., предметы домашняго обихода — на 169 проц. Топливо — на 128 проц. Въ общемъ, потребности въ предметахъ первой необходимости, которыя требовали для своего удовлетворенія до войны расхода въ 100 рубл., теперь требуютъ 221 руб.

Съ другой стороны, статистическій отдѣлъ московской городской управы организовалъ анкету съ цѣлью установить данныя о томъ, чѣмъ питаются въ Москвѣ. Анкета показала, что въ теченіе мая и іюня т. г. главнымъ предметомъ питанія былъ картофель. Чернаго хлѣба шло ¾ фунта въ день на человѣка. Бѣлаго — $^1/_8$ фунта, пшеничной муки—$^1/_6$, мяса—¼, причемъ ⅛—говядины и ⅛—свинины. Птицы на три семьи въ недѣлю—одна. Рыбы—$^1/_{10}$ фунта на человѣка, яицъ — $^9/_{10}$, молока менѣе полубутылки въ день на человѣка, сахару рафинаду — 7 золотниковъ, песку — 11 золотниковъ, такимъ образомъ, въ мѣсяцъ на человѣка — 5½ фунтовъ сахара. Норма питанія значительно понизилась. Еще до введенія мясопустныхъ дней на каждаго человѣка приходилось по 25 зол. мяса, тогда какъ въ прошломъ году потребленіе исчислялось въ 48 зол. на человѣка. Пользованіе ржанымъ хлѣбомъ съ 76 зол. сократилось до 72. Если въ первый годъ войны населеніе страдало экономически, то во второй годъ дѣло пошло уже объ уменьшеніи питанія... Недостатокъ продуктовъ началъ дѣ-

латься ощутителенъ не только для малоимущихъ классовъ, но, вообще, для всѣхъ слоевъ населенія.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Подъ напоромъ всѣхъ этихъ событій — недовольства населенія, ... понуканія администраціи, вмѣшательства союза городовъ и другихъ общественныхъ организацій, наконецъ, общаго недостатка продуктовъ, угрожающаго не только неимущимъ, но и достаточнымъ классамъ населенія, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ фактовъ муниципалитеты вынуждены были сойти съ мертвой точки и второй годъ войны въ муниципальной жизни отмѣченъ повсемѣстнымъ развитіемъ муниципальной инициативы въ области продовольствія населенія.

Въ настоящую минуту муниципальная практика успѣла вылиться въ нѣкоторыя опредѣленныя формы. Эпоха «юности» уже прошла, и для городскихъ управленій наступаетъ пора подведенія первыхъ итоговъ работы въ этой новой для нихъ сферѣ муниципальной политики.

Продовольственная кампанія городовъ можетъ быть разбита на нѣсколько основныхъ моментовъ.

Прежде всего, городскія управленія приступили къ организаціи спеціальныхъ органовъ для выясненія задачъ и для руководства дѣломъ продовольствія. Къ концу 1915 года такіе органы были зарегистрированы въ 50 городахъ. Обычно этими органами являлись городскія комиссіи, состоящія изъ гласныхъ или, во всякомъ случаѣ, изъ «цензовыхъ» элементовъ городского населенія. Но подъ напоромъ общественнаго мнѣнія и отчасти вслѣдствіе необходимости опираться на кооперативныя организаціи, въ нѣкоторыхъ городахъ создались органы иного типа и, во всякомъ случаѣ съ участіемъ цензовыхъ элементовъ. На тѣхъ или иныхъ основаніяхъ въ различныя продовольственныя организаціи были привлечены представители не цензовыхъ слоевъ населенія (главнымъ образомъ, потребительскихъ обществъ) въ Астрахани, Двинскѣ, Евпаторіи, Вологдѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Козловѣ, Красноярскѣ, Томскѣ, Орлѣ, Минскѣ, Мелитополѣ, Острожскѣ, Тулѣ и т. д. Иногда подъ давленіемъ администраціи и даже ея распоряженіемъ учреждались особыя смѣшанныя организаціи, вродѣ тамбовскаго «городского комитета», главнымъ образомъ состоящаго изъ членовъ не цензовиковъ, или ялтинской комиссіи, куда кромѣ представителей города, земства и. администраціи, вошли представители потребительныхъ обществъ, врачей и разныхъ отраслей торговли. Подобный же характеръ имѣетъ екатеринбургскій обывательскій комитетъ, въ составъ котораго, помимо города, земства и администраціи, были введены представители нѣкоторыхъ офиціальныхъ учрежденій, торговцевъ, потребительскихъ обществъ и кредитныхъ товариществъ, а также и «по-

лезныхъ дѣлу» обывателей. Аналогичные «обывательскіе комитеты» созданы были администраціей въ городахъ Кубанской области.

Помимо постоянно дѣйствующихъ «комиссій» и комитетовъ» учреждались повсюду временныя «совѣщанія», куда, какъ общее правило, приглашались мѣстные дѣятели по кооперацiи, а иногда и рабочіе. Подобныя совѣщанія устраивались въ Нижнемъ-Новгородѣ, Ростовѣ-на-Дону, Симферополѣ; Харьковѣ, Москвѣ, Барнаулѣ и т. д. Такимъ образомъ, уже на первой стадіи своей работы, въ еще подготовительномъ и организаціонномъ періодѣ, городскимъ управленіямъ, и притомъ иногда не только съ соизволенія, но даже и понужденія администраціи, приходилось привлекать къ работѣ новыя демократическія силы. Правда, въ нѣкоторыхъ городахъ администрація энергично протестовала противъ подобной «демократизаціи» учрежденій городскихъ управленій. Въ Петроградѣ было опротестовано постановленіе обновленческой городской думы о созданіи особыхъ торговыхъ попечительствъ изъ населенія; въ Москвѣ градоначальникъ пріостановилъ постановленіе московской городской думы о порученіи управѣ организовать комиссію изъ представителей правительственныхъ и общественныхъ установленій для выработки мѣръ по борьбѣ съ дороговизной; однако, присутствіе по городскимъ дѣламъ оставило рѣшеніе думы въ силѣ и отмѣнило протестъ градоначальника. А въ Барнаулѣ городской голова, созвавшій совѣщаніе съ привлеченіемъ демократическихъ элементовъ общества, получилъ отъ губернатора слѣдующее предложеніе: «Предлагаю пріостановить дѣйствіе организованнаго вами совѣщанія при участіи мѣщанъ и рабочихъ для обсужденія мѣръ борьбы съ дороговизной, и постановленіе городской думы объ образованіи продовольственной комиссіи, если таковое было, немедленно представить мнѣ».

Такъ, лавируя между Сциллой купеческаго состава гласныхъ и Харибдой администраціи, пытались осуществить города возложенную на нихъ неожиданно событіями продовольственную задачу.

Общіе размѣры продовольственной кампаніи городовъ видны отчасти по тому денежному содѣйствію, которое было оказано муниципалитетомъ къ веснѣ т. г. Особымъ Совѣщаніемъ по продовольственному дѣлу. Въ распоряженіе 197 городовъ было предоставлено ссудъ на сумму около 14.300.000 р., правительственной гарантіи по займамъ въ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ на сумму около 10.500.000 р. и авансомъ въ счетъ указанныхъ займовъ около 2.000.000 р. Эти цифры показываютъ, что въ данное время уже возможно серьезно говорить о муниципальной продовольственной политикѣ, ибо помимо суммъ, полученныхъ отъ Особаго совѣщанія, города ассигновали значительныя средства изъ наличныхъ суммъ.

Какихъ размѣровъ могутъ достигнуть продовольственныя мѣропріятія, — показываетъ продовольственный планъ Москвы на 1916—1917 г., составленный въ размѣрѣ 90.800.000 р.

Слѣдующей стадіей послѣ созданія продовольственныхъ органовъ, подчасъ занимавшихся лишь чисто теоретической работой по изученію причинъ мѣстной дороговизны (напримѣръ, продовольственная комиссія въ Петроградѣ въ теченіе первыхъ 6 мѣсяцевъ), явились таксы. Характеристикой муниципальныхъ дѣйствій въ отношеніи къ таксамъ служатъ отчасти примѣры въ городахъ Костромѣ и Сумахъ, гдѣ гласные отклонили установленіе таксъ. Такъ же рѣшили и ѳеодосійскіе гласные. Когда же уклониться было невозможно, то начали опредѣлять таксу по указаніямъ лишь однихъ торговцевъ. Въ тѣхъ же Костромѣ и Сумахъ, въ Двинскѣ, Витебскѣ, Кременчугѣ и т. д. таксы были установлены исключительно при участіи торговцевъ. Въ результатѣ населенію было воочію ясно, что такса составляется пристрастно. Въ Кременчугѣ жители подали жалобу губернатору съ просьбой не утверждать подобной «таксы». Въ Мценскѣ населеніе также принуждено было жаловаться на думу, исключившую изъ таксы такіе продукты, какъ мясо... Пристрастныя цѣны были установлены въ Сумахъ. Саратовскіе гласные рѣшили отмѣнить таксу, а тамбовскіе и костромскіе по жалобѣ купечества легко пошли на повышеніе прежнихъ установленныхъ цѣнъ и т. д. , и т. д. Въ результатѣ губернаторамъ приходилось выступать въ благородной роли «защитниковъ» населенія отъ мародеровъ и отъ городскихъ гласныхъ, и не утверждать муниципальныхъ таксъ, требуя ихъ пониженія. Такъ было въ Саратовѣ, въ Кременчугѣ, въ Двинскѣ и т. д. Бывало и такъ, что дума дѣлилась на два враждующихъ лагеря: одна сторона добивалась регулированія торговли, а другая всячески мирволила торговцамъ; напримѣръ, въ Ярославлѣ, несмотря на заявленіе группы гласныхъ о пониженіи цѣнъ на хлѣбъ, городской голова упорно не ставилъ этотъ вопросъ на повѣстку.

Однако, составить таксу, которая, къ слову сказать, очень часто городскими думами составлялась почти умышленно нелѣпо, не значило обезпечить населенію дешевый продуктъ. Надо было организовать надзоръ за выполненіемъ таксъ. Въ рукахъ городскихъ управленій имѣется орудіе такого надзора, въ видѣ выборныхъ участковыхъ попечителей. Но городскія думы упорно забывали о ст. 103 городового положенія, дающей имъ право публичной власти. И тутъ, къ стыду муниципальныхъ дѣятелей, часто съ иниціативой использованія общественныхъ правъ, выступала администрація. Въ Кишиневѣ и Петроградѣ было предложено думамъ «избрать» попечителей. Иногда попечители и избирались и по иниціативѣ самихъ думъ — въ Астрахани и Житомірѣ. Но и здѣсь думы умудрялись соблюсти всю видимость дѣла, а на самомъ дѣлѣ пустить мыльный пузырь. Институтъ выбирался безплатно и какъ почетный. Въ Ораніенбаумѣ дума попечителями избрала мѣстныхъ торговцевъ и подрядчиковъ, которые не только не пользуются довѣріемъ населенія и хорошей репутаціей, но изъ кото-

рыхъ одинъ отбывалъ уже арестъ за незаконный подъемъ цѣнъ; обыватели Ораніенбаума обратились съ протестомъ на выборы подобныхъ «попечителей» къ петроградскому губернатору. Въ Одессѣ же дума рѣшила надзоръ этотъ поручить мировымъ судьямъ, которые, какъ извѣстно, чрезвычайно чутко относятся къ интересамъ имущихъ, домовладѣльческихъ и торговыхъ круговъ населенія. Не удивительно ли, что попечители носили всѣ признаки попечителей, а торговцы за ихъ спиной дѣлали свои «военные» барыши. Лишь въ одномъ городѣ — Петроградѣ — обновленческая дума избрала попечителей, какъ платную должность. Но и здѣсь гласные торговцы и стародумцы, смѣнившіе обновленцевъ, пустили въ ходъ всѣ мѣры, дабы парализовать развитіе этого въ высшей степени важнаго института. Несмотря на то, что при нѣкоторомъ умѣньи» изъ надзора попечителей легко можно было сдѣлать ширму для торговцевъ, цензовыя думы все-таки избѣгали «принуждать» лавочниковъ къ выполненію думами же изданныхъ законовъ и предпочитали самое большее «убѣждать», подобно тому, какъ это сдѣлалъ кутаисскій городской голова, обратившійся съ воззваніемъ къ торговцамъ, въ которомъ взывалъ къ чувству человѣколюбія и гражданскаго долга и просилъ повышеніемъ цѣнъ не обрекать на голодъ семьи призванныхъ на войну, оставшіяся безъ кормильцевъ. Но путь просьбъ былъ, конечно, путемъ безнадежнымъ...

Но вотъ и «комиссіи», и «таксы» и «попечители» оказались городами пройдены, и пришлось брать быка за рога, — самимъ приступать къ закупкѣ товаровъ... Еще полтора года тому назадъ закупочныя операціи городовъ шли туго. Первая анкета союза городовъ показала, что изъ 35 губернскихъ городовъ къ закупкамъ прибѣгли лишь 4 — Рига, Ревель, Новгородъ и Петроградъ. Сейчасъ картина перемѣнилась и муниципальная заготовка товаровъ получила крайне широкое распространеніе. Одинъ городъ за другимъ стали закупать различные продукты: муку, крупы, мясо, масло, яйца, сахаръ, керосинъ и т. д. Закупленные товары передавались торговцамъ для продажи населенію. Но здѣсь выяснилось, что, съ одной стороны, торговцы были крайне недовольны оптовыми операціями городовъ и избѣгали прибѣгать къ ихъ содѣйствію, а съ другой, что, пріобрѣтая въ городѣ товары, торговцы все равно ими спекулировали и вздували цѣну. Такъ, сама собой и очень быстро намѣтилась четвертая стадія продовольственной кампаніи городовъ — открытіе продовольственныхъ муниципальныхъ складовъ и лавокъ для розничной продажи.

Начало въ муниципальной торговлѣ положили Архангельскъ, Ревель, Минскъ, Новгородъ и Петроградъ, а за ними быстро потянулась вся муниципальная Россія. Еще годъ назадъ, муниципальныя лавки были въ городахъ Вольскѣ, Кіевѣ, Екатеринбургѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Владикавказѣ, Царицынѣ, Астрахани, Екатеринославѣ, Ростовѣ, Новгородѣ, Петроградѣ, Москвѣ, Ревелѣ, Минскѣ, Архангельскѣ, Саратовѣ,

Вильнѣ, Житомірѣ, Тифлисѣ, Одессѣ, Воронежѣ, Рязани, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Вологдѣ, Тамбовѣ, Могилевѣ, Уфѣ, Ялтѣ и т. д. Въ Петроградѣ лавки организовали попечительства о бѣдныхъ. Въ настоящее время, помимо мяса, масла, яицъ, овса, крупы, муки, зелени и топлива — дровъ, угля и керосина, города прибѣгаютъ къ закупкамъ и продажѣ учебниковъ — въ Тамбовѣ, обуви — Москва, Константиноградъ и Нижній-Новгородъ, медикаментовъ и т. д.

Коготокъ увязъ — всей птичкѣ пропасть... Боялись городскія думы конкурировать съ частной торговлей, упирались, медлили. Но когда все же ихъ буржуазная невинность была потеряна и пришлось становиться поперекъ дороги торговцамъ, событія повлекли за собою городскія думы гораздо далѣе, чѣмъ тѣ этого хотѣли. Не только закупочныя операціи стали расти, а городскія лавки множиться, но городамъ пришлось отъ заготовительныхъ и распредѣлительныхъ операцій перейти къ слѣдующей стадіи продовольственнаго дѣла — къ производству. Сначала на сценѣ появились пекарни: въ Москвѣ, Казани, Ѳеодосіи, Новгородѣ, Гомелѣ, Петроградѣ, а затѣмъ былъ поднятъ вопросъ о муниципальныхъ мельницахъ. Въ Петроградѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ городахъ появились муниципальные огороды. Начинаютъ разрабатывать торфяники — Тамбовъ и Петроградъ. Болѣе того, за производствомъ появился вопросъ о транспортѣ, и въ цѣломъ рядѣ городовъ были организованы муниципальныя перевозочныя средства, а Москва взялась за оборудованіе городского автомобильнаго завода. Въ смыслѣ выясненія намѣчающихся путей развитія муниципальныхъ продовольственныхъ мѣропріятій интересна программа, созываемаго въ ноябрѣ городского съѣзда Западной Сибири, въ которой поставлены: организація муниципальныхъ мельницъ, дрожжевыхъ и мыловаренныхъ заводовъ, устройство молочныхъ фермъ, поощреніе кустарнаго производства и принудительное использованіе предпріятій, прекратившихъ работу...

Мы уже отмѣчали, что въ самомъ началѣ городамъ пришлось обращаться къ содѣйствію кооперативовъ и привлекать ихъ въ свои продовольственные органы. Въ дальнѣйшемъ, между городами и кооперативами завязались тѣсныя сношенія и образовалось сотрудничество. Въ Баку, Кіевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Минскѣ, Полтавѣ и другихъ городахъ, особенно въ сибирскихъ, городскія думы охотно отпускали товары потребительнымъ обществамъ. Во Владимірѣ поддержку кооперативамъ оказалъ даже губернаторъ, предложившій кооперативамъ суммы, взысканныя со спекулянтовъ въ видѣ штрафовъ. Но эта совмѣстная работа городскихъ думъ и кооперативовъ налаживалась крайне медленно и цѣлый рядъ городскихъ думъ такъ и не пожелалъ работать вмѣстѣ и помогать потребительнымъ обществамъ. Такъ было въ Омскѣ, Петроградѣ и Красноярскѣ.

Какъ города ни упирались, а шли таки «въ рай». Потребности

жизни были сильнѣе классового чувства, и ея потокъ увлекалъ наши цензовыя думы туда, куда бы онѣ съ холоднымъ сознаніемъ и свободной волей, конечно, не пошли. И въ настоящую минуту мы являемся свидѣтелями того, какъ города, не ограничиваясь уже индивидуальными закупками, вступаютъ въ единеніе для совмѣстныхъ заготовительныхъ операцій. Къ этому придти было совершенно естественно. Являясь крупными оптовыми покупателями на рынкахъ, города (и земства) конкурировали другъ съ другомъ. И вотъ московскій городской голова М. Челноковъ пробуетъ организовать совмѣстныя закупки съ Петроградомъ (при покойномъ графѣ И. И. Толстомъ). Въ Казани организуется областной муниципальный и земскій заготовочный аппаратъ волжско-камскаго района; наконецъ, недавно создается экономическій отдѣлъ союза городовъ, имѣющій цѣлью объединить закупочныя операціи городовъ. Но здѣсь союзъ столкнулся съ правительствомъ, не пожелавшимъ уступать муниципалитетамъ мѣсто рядомъ съ собой въ дѣлѣ заготовокъ предметовъ первой необходимости и начинаніе союза городовъ развитія пока не получило. Болѣе того, выдвигается иной планъ — полнаго устраненія муниципалитетовъ отъ заготовокъ и закупокъ, которыя всецѣло будутъ сосредоточены въ рукахъ государственной власти, а на городскія управленія будутъ возложены лишь функціи распредѣлительныя. Идея объединенія продовольственнаго дѣла въ общественныхъ рукахъ сейчасъ проникла въ муниципальную среду широко; сказывается это, между прочимъ, въ резолюціяхъ городскихъ думъ Саратова, Пензы, Симферополя, Екатеринбурга, Самары и Кіева о необходимости съѣзда по продовольствію; иногда думы заявляли, что въ съѣздѣ должны участвовать, кромѣ городовъ, и другія общественныя организаціи: торгово-промышленныя и рабочія!..

Тутъ мы подходимъ къ послѣднему моменту въ дѣятельности городскихъ управленій по продовольствію — къ распредѣленію продуктовъ. Ни таксы, ни закупки, ни «вольная» продажа подъ муниципальнымъ контролемъ и при содѣйствіи собственныхъ лавокъ, не спасали населеніе отъ недостатка продуктовъ, отъ спекуляціи торговцевъ, отъ потери времени и здоровья на дежурства въ лавочныхъ «хвостахъ». Приходилось прибѣгнуть къ столь нелюбимому нашей буржуазіей «нѣмецкому» способу распредѣленія: къ карточной системѣ. И огромное число городовъ, насчитывающееся многими десятками, ввели у себя карточки на разные продукты, главнымъ образомъ, на сахаръ. Но не ввели ихъ два города — обѣ столицы, которыя до того «робѣли» передъ этимъ нѣмецкимъ вымысломъ, что его осуществила полицейская власть, введшая карточки и установившая порядокъ помимо городскихъ управленій...

Параллельно съ карточной системой въ жизнь вошли и общественныя столовыя, которыя процессъ распредѣленія продуктовъ довели до момента потребленія. Въ Москвѣ, Петроградѣ, Тамбовѣ, Полтавѣ и въ ря-

дѣ другихъ городовъ стали открывать общественныя столовыя, сначала для бѣднѣйшихъ, а затѣмъ и для среднихъ классовъ населенія. Въ Кіевѣ городскія столовыя, по выработанному плану, должны кормить до 20.000 человѣкъ бѣднѣйшаго населенія.

Не все гладко идетъ въ работѣ городскихъ управленій въ области продовольствія. Какъ и въ началѣ продовольственной кампаніи, 2 года тому назадъ, такъ и теперь, правда, въ значительно меньшихъ размѣрахъ, но въ муниципалитетахъ подчасъ обнаруживается оппозиція развитію муниципализаціи и продовольственнаго дѣла. То въ Саратовѣ городская продовольственная комиссія, вопреки постановленію думы, рѣшаетъ «не открывать городскихъ продовольственныхъ складовъ», то самарская дума постановляетъ «не открывать» городскихъ лавокъ и хлѣбопекаренъ. Въ Петроградѣ стародумская продовольственная комиссія проваливаетъ продовольственную кампанію, причиняя городу милліонные убытки. Кое-гдѣ дѣло доходило чуть ли не до прямыхъ «выговоровъ» городскимъ думамъ со стороны администраціи. Напримѣръ, на докладѣ о реквизиціи частновладѣльческихъ дровъ и о положеніи дровяного вопроса въ Кіевѣ главный начальникъ кіевскаго военнаго округа положилъ слѣдующую резолюцію: «Реквизицію утверждаю. Ставлю на видъ кіевскому городскому управленію безучастное отношеніе и полную бездѣятльность го въ заготовкѣ дровъ для нуждъ города и населенія, несмотря на оказанную помощь со стороны военнаго вѣдомства, вплоть до полумилліонной ссуды». А въ Ялтѣ градоначальникъ на докладѣ городского головы о поставкѣ и стоимости угля въ муниципальной заготовкѣ начерталъ: «Такихъ цѣнъ не понимаю и подавно не разрѣшаю. Совѣтую городской управѣ переговорить съ лѣснымъ вѣдомствомъ и приступить къ заготовкѣ дровъ». Въ Кіевѣ, вслѣдствіе порчи огромнаго количества городской муки и рыбы, по распоряженію военныхъ властей, назначена ревизія продовольственнаго отдѣла городской управы. Въ Астрахани гор. управа запродаетъ спекулянту головы, ноги и внутренности битаго скота, а торговецъ перепродаетъ товаръ населенію по взтутой цѣнѣ. Въ Баку городъ отпускалъ муку для пекаренъ такъ неосторожно, что ее получали лица, не имѣвшія пекаренъ и перепродававшія муку въ тридорога.. Въ Вологдѣ населеніе открыто заявляло, что городская продовольственная комиссія занимается «не борьбою съ дороговизной, а наживой», а въ Иркутскѣ продовольственная комиссія изощрялась въ исходатайствованіи нарядовъ на вагоны, для видныхъ коммерсантовъ, продававшихъ полученные по этимъ нарядамъ товары по взвинченнымъ цѣнамъ. Поведеніе многихъ муниципальныхъ органовъ было такъ откровенно-пристрастно, что входившіе въ составъ ихъ иногда представители потребительскихъ и рабочихъ организацій демонстративно выходили изъ состава этихъ организацій. Такъ поступили кооперативные дѣятели въ Кіевѣ и Иркутскѣ.

И какъ было всѣмъ этимъ думамъ и управамъ не радѣть «роднымъ

человѣчкамъ», какъ отъ нихъ требовать любви къ дѣлу и энергіи въ борьбѣ съ дороговизной или, что то же, въ борьбѣ съ купцами, когда эти думы и управы мазаны съ купцами и спекулянтами однимъ миромъ? Разверните полицейскую хронику, посмотрите, кого штрафуетъ администрація за спекулятивное повышеніе цѣнъ и за незаконное сокрытіе товаровъ?

Въ Тамбовѣ попались «старѣйшій гласный» и членъ многихъ думскихъ комиссій С. Дѣдовъ, гласный Хренниковъ, членъ городской управы В. Андреевъ и тов. директора городского банка И. Мокрусовъ; въ Мценскѣ, — бывшій членъ городской управы; въ Омскѣ — членъ продовольственной комиссіи М. Мухачевъ; въ Петроградѣ — «извѣстный» благотворитель, стародумскій гластный Крестинъ (за подъемъ квартирныхъ цѣнъ); въ Балахнахъ — гласный думы Суслепаровъ; въ Севастополѣ — гласный Неофитъ; въ Мелекахъ — самъ городской голова; въ Кіевѣ — гласные Дембицкій, Буковинскій, Казанцевъ и Соболевъ; въ Казани — гласный Тихоновъ; въ Самарѣ — членъ комиссіи по борьбѣ съ дороговизной (?!?) Егоровъ; въ Моршанскѣ — членъ городской закупочной комиссіи (?!) Афремовъ, въ Шадринскѣ — городской голова Мокеевъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ — членъ продовольственной комиссіи (!!) Касатниковъ и т. д., и т. д. Здѣсь всѣ есть: и старѣйшіе гласные, и просто гласные, и члены управы, и городскіе головы, и даже члены «продовольственныхъ», «закупочныхъ» и «по борьбѣ съ дороговизной» комиссій!! Представьте себѣ, какъ боролись съ дороговизной эти козлы, пущенные въ огородъ?

Поведеніе какъ господъ муниципаловъ, такъ и болѣе широкихъ общественныхъ круговъ, было вкратцѣ охарактеризовано еще годъ тому назадъ въ сообщеніяхъ губернаторовъ, присланныхъ въ отвѣтъ на запросъ бывш. министра вн. дѣлъ Н. А. Маклакова о ходѣ продовольственнаго дѣла на мѣстахъ. Какъ сообщали газеты, губернаторы доносили, что къ нимъ обращались потребительскія рабочія общества съ ходатайствами, въ которыхъ отмѣчалось, что къ числу предметовъ, таксируемыхъ городскими общественными управленіями, по дѣйствующимъ узаконеніямъ, отнесены лишь хлѣбъ и масло; однако, толкованіе закона не можетъ явиться въ данномъ случаѣ ограничительнымъ, такъ какъ внѣ всякаго сомнѣнія, къ наиболѣе нужнымъ предметамъ продовольствія необходимо отнести и другіе продукты питанія, произвольное повышеніе на которые можетъ нанести населенію одинаковый или даже большій вредъ, нежели повышеніе цѣнъ на хлѣбъ и мясо. Эту точку зрѣнія рабочихъ мѣстная администрація считала вполнѣ справедливой. Нѣкоторые губернаторы, созывая особыя совѣщанія изъ представителей земствъ, городовъ, биржевыхъ комитетовъ и кооперативовъ, сочли полезнымъ пригласить къ участію въ совѣщаніи и представителей фабрикъ и заводовъ губерніи. Губернаторы въ своихъ сообщеніяхъ усматривали причины дороговизны преимущественно въ со-

крытіи торговцами товаровъ въ цѣляхъ спекуляціи и высказывались за открытіе земствами и городами своихъ складовъ товаровъ. Въ уѣздахъ и городахъ, *по требованію* губернаторовъ, городскія думы и земскія управы время отъ времени издавали таксы. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и городахъ къ организаціи складовъ привлечены кооперативы, а къ организаціи закупки биржевые комитеты. Въ фабричныхъ центрахъ власти охотно идутъ на разрѣшеніе новыхъ потребительскихъ кооперативовъ. Администрація высказывалась за предоставленіе земству руководящей роли по борьбѣ съ дороговизной, въ то же время не считала возможнымъ положиться на городскія думы, въ составѣ которыхъ есть много заинтересованныхъ въ дороговизнѣ лицъ.

Эта краткая выдержка изъ административныхъ донесеній сухо, безъ лишнихъ словъ, рисовала размѣры и характеръ муниципальной продовольственной работы и давала выразительную характеристику городскихъ управленій, въ началѣ продовольственнаго кризиса.

Теперь, черезъ два года, конечно, кое-что измѣнилось. Палка исторіи успѣла обработать нашихъ лавочниковъ и домовладѣльцевъ въ городскихъ думахъ, ибо для того, чтобы отъ таксы, да и то скрѣпя сердце, подойти черезъ случайныя закупки и продовольственные магазины къ центральной закупочной организаціи, карточной системѣ и къ общественнымъ столовымъ — надо многое пережить. Какъ ни оцѣнивать дѣятельность городскихъ думъ по продовольственному вопросу въ данное время, она выросла въ огромное дѣло, которое сейчасъ невозможно ни охарактеризовать въ точныхъ цифрахъ, ни описать, ни освѣтить. Несомнѣнно только, что мы присутствуемъ при рожденіи русскаго «муниципальнаго соціализма», и это зрѣлище тѣмъ поучительнѣе, что наши думы самыя буржуазныя во всей Европѣ и даже во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

Говорятъ, что если «зайца хорошенько бить», то онъ и на барабанѣ играть будетъ. Если хорошенько нажать на наши цензовыя думы, то и онѣ вспомнятъ объ интересахъ населенія. Это такъ. Но для страны, для народа нужно, чтобы объ интересахъ его «думали» не изъ-подъ палки, а по свободной волѣ. . . . .

. . . .

М. Петровъ.

КАКЪ СОЗДАТЬ У НАСЪ ЧИСТУЮ НЕЗАВИСИМУЮ НАРОДНУЮ ГАЗЕТУ?

I.

«Иллюзіи гибнутъ, факты остаются», — сказалъ когда-то Д. И. Писаревъ, одинъ изъ властителей думъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія... Да, это вѣрно: иллюзіи, конечно, гибнутъ, но гибнутъ онѣ не сразу... Порой имъ удается долго удерживать за собою свои позиціи и находить себѣ защитниковъ... Бываетъ и такъ, что вотъ, кажется, насталъ моментъ, когда уже можно сказать, что иллюзіи канули, наконецъ, навсегда и безповоротно въ Лету. Но вдругъ эти самыя иллюзіи, казалось, уже мертвецы, начинаютъ дѣлать всплески, подобно послѣднему всплеску утопающаго, съ намѣреніемъ вынырнуть изъ глубины безнадежности и, вынырнувъ, сдѣлать попытку заявить претензію на активное строительство въ общественной жизни... Подобный всплескъ иллюзій произошелъ недавно на столбцахъ «Русскихъ Вѣдомостей».

Въ № 207-мъ, отъ 7 сентября с. г., названной газеты г. Бѣлоруссовъ выступаетъ противъ «хозяйскаго» предпріятія, задуманнаго бывшимъ товарищемъ предсѣдателя Гос. Думы г. Протопоповымъ. Предвидя, что «дѣльцы новой газеты» (по выраженію этого сотрудника «Р. Вѣд.», «нанятые или купленные» «извѣстные литераторы» и «профессора») «ринутся теперь въ ряды нашей печати съ небывалой энергіей», г. Бѣлоруссовъ высказываетъ при этомъ мысль, что «этому напору надо противопоставить плотину, надо обезпечить народу чистую, независимую, ему преданную газету» и что это — очередная задача, очередной долгъ, лежащій на братьяхъ-писателяхъ». Авторъ обращается затѣмъ къ этимъ послѣднимъ и предлагаетъ имъ «подвергнуть общественному обсужденію» его планъ о томъ, «какимъ образомъ обезпечить народу чистую и независимую газету». «Думая о томъ, каковъ типъ газеты, отвѣчающій этому заданію», г. Бѣлоруссовъ пришелъ къ выводу, что «нуженъ новый типъ газеты, соотвѣтственный новому идущему читателю: серьезному, дѣловитому, ищущему въ газетѣ правды, знанія и заботы объ общихъ нуждахъ». «Такой типъ газеты, на взглядъ названнаго сотрудника «Р. В.», — уже намѣтился самъ собою въ русской жизни — въ видѣ земской газеты».

«Подобно тому, какъ мы создали и подняли на чрезвычайную высоту, пропитавъ ихъ общественнымъ идеализмъ, земскую медицину, земскую агрономію, земскую статистику, земскую школу, земскую заботу о раненыхъ, объ арміи, даже объ ея вооруженіи, — точно также

должны мы создать земскую печать, какъ одинъ изъ видовъ общественной службы». «*Любое* (курсивъ нашъ) губернское земство, — твердо надѣется г. Бѣлоруссовъ, — будетъ въ состояніи обезпечить свою газету нужнымъ персоналомъ образованныхъ, свѣдущихъ, часто талантливыхъ и всегда общественно-настроенныхъ сотрудниковъ. Почти во всѣхъ существующихъ земствахъ, — полагаетъ авторъ, — сложились традиціи, которыя удержатъ земскую печать на рельсахъ общественности». Г. Бѣлоруссовъ мечтаетъ, что намѣчаемая имъ «земская газета» читалась бы усердно... И тогда, «при наличности распространенной, общественно-организованной и поднятой на нужную высоту земской печати пусть приходятъ банкиры и суконные фабриканты и создаютъ свою сервильную, услужающую печать, пусть находятъ *свою* (курсивъ автора) публику. Г. Бѣлоруссовъ особенно надѣется на союзъ земствъ; послѣдній, говоритъ онъ, «вѣроятно, сохранится и для культурныхъ заботъ мирнаго времени и будетъ въ силахъ пріобрѣсти для «земской прессы» участіе не только «профессоровъ» и «извѣстныхъ литераторовъ», но и дѣйствительный цвѣтъ науки и литературы».

Вопросъ, поднятый сотрудникомъ вліятельнаго, либеральнаго органа — вопросъ крайне серьезнаго и крайне интереснаго свойства, и, какъ таковой, онъ заслуживаетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

Что можно сказать относительно вышеприведеннаго плана г. Бѣлоруссова о «новомъ типѣ» «чистой независимой газеты»? Прежде всего, приходится спросить: что это — просто sancta simplicitas, или же нѣчто другое, вродѣ, напримѣръ, былыхъ старыхъ народническихъ мечтаній и упованій на россійскія земства — на ихъ активную роль въ «борьбѣ съ капитализмомъ»??. Но, если 30—40 лѣтъ тому назадъ еще позволительно было мечтать объ этой роли земства, то теперь подобныя мечты совсѣмъ ужъ наивны. Нужно блистать элементарнымъ незнакомствомъ съ тѣмъ, *что такое* представляютъ собою современныя россійскія земства, — *какова* ихъ общественная структура, *кто* является въ теперешнихъ земствахъ хозяевами и распорядителями ихъ судебъ, *какіе* слои населенія представляютъ собою современные земскіе дѣятели и *чьи* интересы послѣдніе отстаиваютъ. Нужно *всего этого не знать,* чтобы сочинить планъ земской «народной газеты», подобный бѣлоруссовскому...

Г. Бѣлоруссовъ очень кстати не забылъ о союзѣ земствъ. Онъ особенно вѣритъ и надѣется, что именно этотъ союзъ лучше губернскихъ земствъ смогъ бы «обезпечить народу чистую, независимую, преданную ему газету»... Блаженъ, кто вѣруетъ... въ такую роль всероссійскаго земскаго союза... Но вотъ неумолимая россійская дѣйствительность, какъ бы нарочно, дала свѣжую, весьма выразительную иллюстрацію — отвѣтъ на вопросъ о томъ, *чего* можно ждать отъ современныхъ

земствъ въ дѣлѣ созданія «плотины» противъ «хозяйской», услужающей печати.

Мы говоримъ о томъ, какъ погибла весьма цѣнная и весьма нужная, — и теперь, и въ особенности, по окончаніи войны, — организація: всероссійское бюро труда, существовавшее при объединенныхъ московскихъ комитетахъ городского и земскаго союзовъ. Достаточно одного этого факта, *только одного этого*, чтобы увидѣть и уразумѣть, каковы были бы «чистота», «независимость» и «преданность народу» газеты, которую создалъ бы всероссійскій земскій союзъ въ лицѣ его руководителей и главныхъ представителей...

Исторія гибели всероссійскаго бюро труда настолько въ интересующемъ насъ сейчасъ вопросѣ показательна, что мы считаемъ крайне необходимымъ вкратцѣ повторить здѣсь эту «исторію», и это «повтореніе» будетъ тѣмъ болѣе нелишнимъ, что, къ сожалѣнію, печальный фактъ гибели бюро труда остался замолченнымъ наиболѣе вліятельными органами московской и петроградской прессы.

Въ «Кіевской Мысли» была приведена записка служащихъ всероссійскаго бюро труда, коллективно оставившихъ службу [1].

Въ этой своей запискѣ руководители бюро жалуются, что они въ своихъ «важнѣйшихъ» начинаніяхъ наталкивались на «систематическое» противодѣйствіе со стороны отдѣла, поддерживаемаго главными комитетами. Бюро приступило къ изданію сборника докладовъ и отчетовъ съ мѣстъ,—отдѣлъ распорядился разобрать наборъ. Бюро издало брошюры для проведенія сельско-хозяйственной кампаніи,—отдѣлъ наложилъ veto. Бюро просило разрѣшенія издавать «Извѣстія Бюро»,—было отказано. Бюро посылало матеріалы въ «Извѣстія главн. ком. всер. зем. союза»,—тамъ ихъ приспособляли къ своимъ политическимъ взглядамъ. Бюро просило помѣстить выработанный имъ законопроектъ о биржахъ труда въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ»,—редакція отказала и въ то же время напечатала правительственный законопроектъ съ примѣчаніями г. Струве. Бюро пыталось противодѣйствовать отдѣльнымъ фактамъ закрѣпощенія бѣженскаго труда въ экономіяхъ,—была пресѣчена и эта попытка. Четвертый съѣздъ земскаго и городского союзовъ призналъ, что всероссійское бюро труда должно быть выдѣлено въ самостоятельное учрежденіе. Въ виду этого, былъ выработанъ проектъ устава будущаго отдѣла, въ которомъ предусматривалась необходимость организаціи совѣта этого отдѣла на паритетныхъ началахъ изъ представителей предпринимателей и рабочихъ. Проектъ этотъ былъ отвергнутъ, а въ главномъ комитетѣ земскаго союза вопросъ о выдѣленіи бюро труда былъ совсѣмъ снятъ съ очереди.

Наконецъ, руководителямъ бюро, послѣ неимовѣрныхъ усилій, удалось созвать совѣщаніе представителей мѣстныхъ бюро. Совѣщаніе было весьма плодотворнымъ въ смыслѣ объединенія работы и провѣрки положенныхъ въ основу ея началъ. Резолюціи съѣзда должны были служить руководящимъ началомъ дальнѣйшей работы на мѣстахъ. И

[1]) См. «К. М.» № 203, а также и 204, отъ 22 и 28 іюля с. г.

вдругъ, когда бюро приступило къ разсылкѣ резолюцій, отъ главныхъ комитетовъ послѣдовалъ приказъ воздержаться отъ разсылки.

Такимъ образомъ, заключали свою записку служащіе бюро (записка была подана ими въ объединенный при союзахъ отдѣлъ помощи бѣженцамъ)—въ то время, когда дѣятельность всероссійскаго бюро труда привела къ тому, что въ цѣломъ рядѣ городовъ приступаютъ къ организаціи городскихъ биржъ труда и ассигнуются нужныя средства, когда выдвигается грандіозная задача устроить на работу милліоны людей, которые вернутся съ войны, всероссійское бюро труда оказалось лишеннымъ возможности руководить дѣятельностью этихъ новыхъ организацій и уже не въ правѣ брать на себя такія задачи.

Подобное отношеніе главныхъ комитетовъ всероссійскаго земскаго и городского союзовъ къ дѣятельности бюро труда заставило служащихъ бюро подать коллективное заявленіе объ уходѣ. Что же отвѣтили на это главные комитеты союзовъ? Приняты ли были послѣдними какія-либо мѣры къ улаженію конфликта, — къ дальнѣйшему функціонированію такого полезнѣйшаго учрежденія, какимъ было бюро труда, — сдѣлали ли комитеты какіе-либо шаги къ пересмотру и измѣненію своей «политики» въ отношеніи дѣятельности бюро? Ничего подобнаго... Объединенный комитетъ земскаго и городского союза, ничто же сумняшеся, прикрылъ «безпокойное учрежденіе», пытавшееся выйти въ своей работѣ изъ рамокъ сословно-цензовой общественности...

«Исторія эта, — справедливо говорилось по этому поводу въ «Кіевской Мысли» (см. номеръ отъ 23 іюля), — въ высшей степени характерна. Она весьма напоминаетъ тѣ конфликты между «вторымъ» и «третьимъ» элементами, которые нѣкогда имѣли мѣсто въ губернскихъ земствахъ. Тамъ и здѣсь одна и та же почва для конфликта: опасливое, а *иногда и враждебное отношеніе представителей сословно-бюрократическаго самоуправленія къ демократическимъ тенденціямъ «третьяго элемента»*.

Представители самоуправленія весьма основательно жалуются на стѣсненія, чинимыя бюрократіей, но они не замѣчаютъ, какъ они сами окрашиваются въ цвѣтъ бюрократіи, когда приходятъ въ соприкосновеніе съ элементами, стоящими на соціальной лѣстницѣ ниже ихъ. Они жалуются на ограниченія бюрократіей общественности, на слишкомъ бережливое отношеніе къ своимъ кастовымъ привилегіямъ. Между тѣмъ, сами спокойно налагаютъ руку на развитіе общественности въ сферѣ своей компетенціи и весьма рѣшительно оберегаютъ собственныя класовыя привилегіи... Исторія съ бюро труда показываетъ, какъ чутки представленные въ этихъ комитетахъ соціальные элементы къ тому, что въ малѣйшей мѣрѣ затрагиваетъ ихъ классовые интересы.

Бюро труда пыталось помогать не только предпринимателямъ, но и рабочимъ. Оно не считало допустимымъ для общественнаго учрежденія содѣйствіе закабаленію бѣженцевъ въ экономіяхъ. *Этого одного до-*

статочно, чтобы оно навлекло на себя немилость руководителей московскихъ комитетовъ».

Чтобы оцѣнить всю неотразимо-показательную силу фактовъ поведенія главнаго комитета земскаго союза въ отношеніи дѣятельности всероссійскаго бюро труда, нужно принять во вниманіе, что дѣятели названнаго комитета, это — цвѣтъ современнаго земства, его лучшіе люди, его идеологи и духовные представители... И, если и *такіе* земскіе элементы находили допустимымъ *такъ* поступать, что же сказать о *массѣ* земскихъ *дѣятелей*, подвизающихся тамъ, въ глубинѣ Россіи...

Вотъ теперь и представьте себѣ, *какую* «чистоту», *какую* «независимость», *какую* «преданность народу» проявила бы, въ концѣ концовъ, земская газета, руководимая въ центрѣ—главнымъ комитетомъ союза земствъ, а въ губерніяхъ — мѣстными земскими дѣятелями!

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: *такая* земская газета должна будетъ погибнуть, прекратить свое существованіе *или же...* или же перестать быть «чистой, независимой и преданной народу» газетой и превратиться *или* въ услужающую своимъ хозяевамъ газету, *или же* въ газету безцвѣтную, а, слѣдовательно, никому не нужную...

II.

До сихъ поръ мы были, такъ сказать, въ области теоріи. Обратимся теперь къ практикѣ.

Земскія печатныя періодическія изданія имѣются во всѣхъ губернскихъ земствахъ. Но лишь немногія изъ нихъ, лишь единицы, живутъ жизнью, сколько-нибудь напоминающей живой печатный органъ. Всѣ же остальныя не живутъ, что называется, прозябаютъ: онѣ скучны, однообразны, никто ихъ не читаетъ, даже сами гг. гласные.

«Возьмите любую земскую газету, любой земскій журналъ,—писалось недавно въ тѣхъ-же «Рус. Вѣд.» — невольно поражаешься скудостью даваемаго ими матеріала. Всѣ земскія изданія питаются, главнымъ образомъ, перепечатками. Нѣтъ въ этихъ изданіяхъ того, что дѣлаетъ всякую газету и всякій журналъ болѣе интереснымъ, что даетъ имъ общій тонъ,—нѣтъ политическаго отдѣла, нѣтъ статей по вопросамъ внутренней жизни. Земскія изданія держатся вдали отъ политики, и даже лучшія изъ нихъ совсѣмъ не даютъ руководящихъ статей на политическія темы. («Р. В.» отъ 30 августа).

Спрашивается: почему это имѣетъ мѣсто? Разныя тому есть причины: тутъ играетъ роль и равнодушіе современныхъ земствъ къ печатному слову вообще, и пониманіе земцами того обстоятельства, что земство не смогло бы поставить газету такъ, чтобы она нашла себѣ широкіе слои читателей, главный кадръ коихъ долженъ былъ бы рекрутироваться только, или по преимуществу, изъ среды крестьянства... И не потому современное узко-сословное земство не въ состояніи организовать газетнаго предпріятія, что не нашлось бы литературныхъ

силъ для земской газеты, — силы нашлись бы; а потому, что для достиженія успѣха земская газета должна не только «затрагивать общеполитическія темы» и, вообще, быть интересной и разнообразной, — она должна быть *вполнѣ независимымъ органомъ*. Современные земцы, при всемъ ихъ упрощенномъ, узко-сословномъ взглядѣ на вещи, достаточно понимаютъ, что *независимость газеты*, это — необходимое условіе ея успѣха. Но какъ разъ *этого-то* и не могутъ дать своей газетѣ современные хозяева земства. Пойти *на такой шагъ* — это значило бы для земцевъ выпрыгнуть изъ собственной кожи, — перестать быть тѣмъ, чѣмъ они теперь являются: изъ представителей помѣщичьихъ интересовъ превратиться въ представителей широкихъ слоевъ населенія, — главнымъ образомъ, крестьянства. А это возможно, лишь какъ счастливое исключеніе, но отнюдь не какъ *общее правило*...

Но не только въ соціальной сферѣ жизненныхъ отношеній земская газета не смогла бы преодолѣть преткновеній на пути своемъ: и въ области *чисто-политическихъ* вопросовъ земская газета тоже встрѣтила бы со стороны своихъ хозяевъ-издателей непреодолимыя затрудненія.

Г. Бѣлоруссовъ правильно отмѣчаетъ, что для своего успѣха земская газета должна вестись «въ стилѣ большихъ ежедневныхъ газетъ» съ передовыми статьями политическаго характера и т. п. Но вотъ не угодно ли послушать недавно разсказанную на страницахъ «Рус. Вѣд.» (отъ 30 августа) «исторію» съ періодическимъ изданіемъ одного губернскаго земства. Авторъ сообщенія былъ приглашенъ на должность секретаря этого изданія. Не безъ смущенія,—разсказываетъ про себя авторъ,—вступилъ онъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Авторъ имѣлъ литературную опытность и хорошо зналъ деревню, ея духовные запросы и т. п. (кстати сказать, по происхожденію онъ былъ крестьяниномъ). И вотъ онъ рѣшается попытаться, насколько можно, пойти навстрѣчу удовлетворенію этихъ запросовъ деревни. Но осуществить это ему не удалось: «съ одной стороны, — повѣствуетъ авторъ, —

стоялъ читатель,—**мужикъ, для котораго необходимы были статьи опредѣленнаго рода, а съ другой—управа, у которой свои взгляды, которая желала проводить въ журналѣ статьи только извѣстнаго характера и** могла возражать противъ тѣхъ изъ нихъ, которыя съ моей точки зрѣнія нужны и полезны. Приходилось предугадывать, какъ отнесется къ той или иной статьѣ управа».

Но вотъ авторъ рѣшается «поставить пошире отдѣлъ общій и вмѣстѣ со статьями о сельскомъ хозяйствѣ, о коопераціи, о народномъ образованіи, съ обзоромъ военныхъ дѣйствій, съ замѣтками о жизни Россіи и мѣстнаго края сталъ давать **статьи на общія темы, сталъ было знакомить мужика съ политическимъ положеніемъ страны.** Эти статьи мои вызвали неудовольствіе управы».

«И хотя,—продолжаетъ разсказывать авторъ,—то, что у насъ писалось, было **напечатано въ прогрессивныхъ газетахъ, хотя статья была написана въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ и не представляла ничего,**

опаснаго, однако, дѣлать было нечего, — пришлось замѣнять ее другимъ матеріаломъ. Въ другой разъ, сообщая о роспускѣ Государственной Думы и давая сводку сдѣланныхъ ею работъ, я вскользь упомянулъ было о рѣчахъ нѣкоторыхъ депутатовъ по поводу злоупотребленій, обнаруженныхъ въ дѣлѣ снабженія арміи, о тяжеломъ внутреннемъ положеніи, и хотя опять-таки статья была написана въ самомъ осторожномъ тонѣ, однако, «по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ» пришлось ее замѣнять замѣткой о добычѣ соли на Уралѣ. Подобныя исторіи повторялись безъ конца, пока, наконецъ, политическій отдѣлъ мнѣ не пришлось упразднить совершенно».

Только-что приведенная «исторія» не является исключительнымъ явленіемъ: во всѣхъ земскихъ періодическихъ изданіяхъ, за единичными, быть можетъ, исключеніями, нѣтъ вовсе политическаго отдѣла. Это молчаливо признается необходимымъ. Впрочемъ, нашлось одно земство,—Екатеринославское губернское, гдѣ какъ приводится въ тѣхъ-же «Рус. Вѣд.», «вопросъ о небытіи политическаго отдѣла въ газетѣ рѣшался (открыто) въ губ. земскомъ собраніи отдѣльной баллотировкой и былъ принятъ единогласно». Справедливость требуетъ добавить, что въ отсутствіи въ земскихъ газетахъ политическаго отдѣла помимо чисто внутреннихъ земскихъ причинъ, виноваты также и внѣшнія условія — наша современная политическая дѣйствительность: той же Екатеринославской газетѣ (ея завѣдующему и одному сотруднику) пришлось даже пострадать за статью по поводу 10 лѣтія 17 октября 1905 г.

Здѣсь будетъ умѣстнымъ припомнить одинъ примѣръ изъ сферы отношеній между печатью и современными сословно-цензовыми общественными учрежденіями, въ данномъ случаѣ городской думой. Въ одномъ крупномъ городѣ былъ предпринятъ выпускъ ежемѣсячнаго журнала по вопросамъ городской жизни, въ видѣ думскихъ извѣстій. Непосредственнымъ руководителямъ журнала удалось прекрасно его поставить, превратить думскія извѣстія въ изданіе съ весьма широкой программой, гдѣ трактовались темы не только мѣстныя, не только общерусскія (напримѣръ, по рабочему вопросу), но и за граничныя. И вотъ руководителямъ названнаго думскаго журнала приходилось предупреждать сотрудниковъ, чтобы они «не ставили точки надъ і», ибо, — поясняла редакція одному сотруднику,—«наша городская дума и такъ косится на журналъ за его «вольнодумство». «Вольнодумство» же это выражалось въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, всего на всего только въ томъ, что сотрудникъ имѣлъ въ виду въ статьѣ подчеркнуть узкую сословность городскихъ думъ одной губерніи.

Итакъ, одно изъ условій успѣха земской газеты — введеніе политическаго отдѣла — оказывается, *какъ общее явленіе*, неисполнимымъ. Но что-же, послѣ этого, останется отъ земской газеты? Независимости въ ней не будетъ, «политики» также не будетъ... Во что же превратится тогда земская газета? Отвѣтить на это не трудно: она превратится въ спеціально-земское изданіе, нужное развѣ только для дѣловыхъ, спра-

вочныхъ надобностей самого земства, но совершенно непригодное для руководящей роли «чистой, независимой и преданной народу газеты»...

Но вѣдь есть земскія газеты, — могутъ намъ замѣтить по этому поводу,—которыя и теперь имѣютъ читателей въ деревнѣ. Да, есть,— отвѣтимъ мы. Но это, въ своемъ родѣ, уники, случайныя исключенія. И, какъ таковыя, онѣ только подтверждаютъ «общее правило»...

Изъ этихъ исключеній лично намъ хорошо извѣстна газета «Черниговская Зем. Недѣля». Послѣдняя была преобразована изъ «Земскаго сборника Черниговской губ.», выходившаго разъ въ мѣсяцъ и рѣже. Положеніе этого «сборника» было самое печальное: у него не было ни одного платнаго подписчика и почти никто его не читалъ. Если сравнить съ судьбой этого земскаго «Сборника Черниговской губ» теперешнюю «Черн. Зем. Недѣлю» (она издается 4-й годъ), то необходимо будетъ признать, что газета завоевала себѣ относительный успѣхъ: теперь «Черн. Зем. Недѣля» имѣетъ свыше 900 однихъ *платныхъ* подписчиковъ, *изъ коихъ большинство — крестьяне*. Но, подуй у насъ сколько-нибудь свободный политическій вѣтерокъ, и... и «Чер. Зем. Недѣля» быстро потеряетъ своихъ читателей изъ крестьянъ: послѣдніе предпочтутъ, конечно, читать тогда болѣе интересныя газеты...

Уже и теперь, какъ то видно изъ анкеты, произведенной среди своихъ читателей самой редакціей «Ч. З. Н.» [1], крестьянскіе и другіе читатели послѣдней справедливо указываютъ на существенные дефекты въ ея постановкѣ. Какъ и всѣ земскія изданія, «Черн. Земская Недѣля» также не имѣетъ у себя *постояннаго* обще-политическаго отдѣла, и крестьяне-читатели въ своихъ анкетныхъ отвѣтахъ прямо требуютъ «побольше помѣщать въ газетѣ политическіе интересы». То же мы находимъ и въ другихъ мѣстахъ: такъ, въ отвѣтѣ одного священника, отражающаго въ данномъ случаѣ мнѣніе деревни, прямо говорится, что въ «Черн. Зем. Недѣлѣ» «недостаточно освѣщается политическій отдѣлъ»; въ третьемъ отвѣтѣ указывается, что въ земской газетѣ «очень мало освѣщается политическая жизнь Россіи и другихъ государствъ»; четвертый отвѣтъ упрекаетъ газету, что она «ничего не пишетъ о своихъ земскихъ грѣхахъ, а имя имъ легіонъ»; пятый отвѣтъ требуетъ больше писать о низахъ и о томъ, что низамъ нужно, и т. д. и т. д. Мы видимъ, что деревенскій читатель замѣтно выросъ умственно, что онъ рѣшается «напускать критику» даже на газеты... Тѣмъ труднѣе удовлетворить его запросамъ органу современнаго сословнаго земства.

Чистая, независимая народная газета можетъ быть создана только представителями самого народа; земско-помѣщичья среда такъ-же безнадежна въ этомъ отношеніи, какъ и банковско-промышленная.

І. Дроздовъ.

[1] См. нашу статью «Запросы деревни» въ «Сѣв. Запискахъ» (Апрѣль-Май за наст. годъ).

Статьи и обзоры.

ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ДѢТСКОЕ ЧТЕНIЕ ВЪ 1916 ГОДУ.

За послѣднiе годы въ Россiи наблюдалось одно чрезвычайно характерное явленiе: всѣ классы общества обратили особенное вниманiе на образованiе дѣтей. Одни вступили на этотъ путь въ надеждѣ укрѣпить тѣ формы общественно-политической жизни, съ которыми имъ и трудно и невыгодно было разставаться. Другiе лишь стремились къ тому, чтобы раскрѣпостить личность ребенка и создать болѣе нормальныя условiя для его развитiя.

Въ связи съ практической дѣятельностью тѣхъ и другихъ въ жизнь вошло очень много новыхъ начинанiй: общества, кружки, дѣтскiе клубы, колонiи, новыя школы, новыя дѣтскiя книги, журналы.

Въ распоряженiи первыхъ для проведенiя въ жизнь ихъ начинанiй было больше средствъ, по крайней мѣрѣ, матерiальныхъ, но благодаря тому, что ихъ дѣятельностью руководили не идейныя соображенiя, результаты ихъ усилiй сводились или къ нулю, или къ величинамъ съ отрицательными показателями.

Другая часть общества, стоявшая на стражѣ исключительно дѣтскихъ интересовъ, добилась иныхъ результатовъ: съ ея теорiями и принципами стали считаться. Такъ, изъ области дѣтской литературы стала изгоняться всякая фальшь. Авторы дѣтскихъ книгъ и ихъ издатели стали обращать вниманiе на то, чтобы дѣтская книга соотвѣтствовала уровню развитiя дѣтей того возраста, для котораго она предназначена. Красивая внѣшность книги, художественность иллюстрацiй и содержанiя, отсутствiе тенденцiозности и фальшиваго морализированiя становились болѣе или менѣе обязательными. Бережное отношенiе къ личности ребенка въ предлагаемой ему книгѣ, воспитанiе въ немъ активной любви къ людямъ, чистота, образность и красота языка, наконецъ, научность и серьезность въ книгахъ не-беллетристическаго содержанiя также прiобрѣтали права гражданства.

Такъ было до второй половины 1914 года. Но лишь только загрохотали пушки, какъ на сцену выплылъ обыватель, этотъ вѣчный переметчикъ, всегда и вездѣ вѣрный только своимъ мѣщанскимъ идеаламъ. Онъ объявилъ обанкротившимися многiя изъ мiросозерцанiй и освободилъ себя отъ всякихъ принциповъ, которыхъ, въ сущности, никогда и не признавалъ. Очень многiе изъ издателей дѣтскихъ книгъ шумъ обывателя приняли за общественное мнѣнiе, и книжный рынокъ наводнился такъ называемой «дѣтской» литературой.

Обыватель очень скоро умолкъ, потому что война, затянувшаяся на такое продолжительное время, потребовала отъ него болѣе суще-

ственныхъ жертвъ, чѣмъ его празднословіе, но зло, посѣянное имъ въ области дѣтской литературы, продолжаетъ жить и теперь. Вотъ нѣсколько примѣровъ для доказательства.

...«Страшный взрывъ потрясъ воздухъ...

Когда на слѣдующій день солдаты разбирали обломки сгорѣвшихъ аппаратовъ, то замѣтили нѣсколько обуглившихся костей.... Это было все, что осталось отъ нѣмецкихъ летчиковъ»... (Всходы, № 1, 1916 г.).

Такъ въ дѣтскомъ журналѣ **«Всходы»** проводятся принципъ бережнаго отношенія къ личности и внутреннему міру ребенка.

Къ сожалѣнію, это еще не все: «Ну и праздникъ: кругомъ усѣяно нѣмцами. Кидаются на насъ, какъ голодныя крысы, а мы что, — ихъ колемъ. Бьемъ навѣрняка»... («Всходы», № 1, 1916 г.).

Другой журналъ — «Проталинка» — далекъ отъ такой грубой проповѣди, но тѣмъ не менѣе война для чего-то и ему понадобилась. Въ разсказикѣ, занимающемъ страничку, описывается, какъ хрущъ отогрѣлся зимою въ землянкѣ и вылетѣлъ на дворъ. Такая трагедія могла произойти при постройкѣ моста, при заготовкѣ дровъ, словомъ, гдѣ угодно. Но авторъ не могъ обойтись безъ войны: у него фигурируетъ наблюдательный постъ, батарея и нелѣпое заглавіе: «Тоже жертва войны».

Съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія можно отмѣтить, что другіе изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ — **«Родникъ»**, **«Семья и Школа»**, **«Юная Россія»**, **«Солнышко»** къ вопросу о войнѣ подходили очень осторожно. **«Маякъ»** совсѣмъ не касался этой темы.

Изъ отдѣльныхъ изданій военной дѣтской литературы можно отмѣтить два разсказа г-жи К л а в д і и Л у к а ш е в и ч ъ. Оба они вышли въ изданіи Сытина и оба представляютъ типичные образчики этого рода литературы. Въ первомъ — «Убѣжалъ на войну» — авторъ описываетъ побѣгъ на фронтъ гимназиста, отчаяніе родителей, а затѣмъ возвращеніе бѣглеца мѣрами и попеченіемъ начальства обратно. Во второмъ разсказѣ — «Дружокъ-воинъ» — описана дружба собаки съ солдатомъ.

И въ томъ и другомъ разсказѣ никакого намека на художественность и правдивость — все надумано, банально и тошнотворно.

Шумомъ обывателя по своему дѣлу воспользовался и баронъ Э. П. М е й н д о р ф ъ, на 29 страницахъ въ изд. Вольфа разсказавшій трогательную исторію турчаночки Кэишъ. Турчаночку Кэишъ привезли послѣ турецкой кампаніи въ Россію. Турчаночку Кэишъ крестили. Воспитала турчаночку семья командира полка, привезшаго ее. И вышла турчаночка Кэишъ прелестнѣйшимъ созданіемъ. Она была настолько хороша, что даже отказывалась отъ удовольствій и, не разгибая спины, вышивала для того солдата, который спасъ ее отъ вѣрной гибели.

В. Н. К р е с т ь я н и н о в ъ при посредствѣ изд. Девріена другимъ способомъ содѣйствовалъ укрѣпленію обывательщины въ дѣтской литературѣ. Не считаясь съ какою бы то ни было логикой, онъ отправилъ пару несчастныхъ животныхъ — слоника и Мишука — въ путешествіе. И такъ какъ путешествіе сопровождается приключеніями, то слонику и Мишуку пришлось, по волѣ автора, пережить не мало

непріятныхъ минутъ. Бедуинъ забиралъ въ плѣнъ; самумъ хотѣлъ погубить, наконецъ, Мишукъ совсѣмъ погибъ: его проглотила акула. Спасла бѣднаго находчивость слоника:

«Распоровши брюхо ей, — слоникъ крикнулъ:

«Мишка, эй, ты живъ, дружище!»

«Живъ еще, ну и грязище, тьфу! — бранится Мишучокъ, вылѣзая на песокъ».

Грустнѣе всего то, что наряду съ Лукашевичами, Мейндорфами и Крестьяниновыми художественныхъ произведеній въ 1916 г. появилось очень мало. Большая часть издательствъ возобновляла лишь нѣкоторыя изъ прежнихъ изданій, или продолжала уже начатыя. Многія изъ хорошихъ дѣтскихъ книгъ, изданныхъ раньше, вышли изъ продажи и не возобновляются.

Вотъ перечень лучшихъ сказокъ и беллетристическихъ произведеній, вышедшихъ въ 1916 году:

Каррикъ, В. Сказки-картинки. Изд. Задруга. По 10 коп. Для мл. возр.
Андерсенъ. Сказки. Въ пересказѣ для дѣтей Саблина. Изд. Саблина. Для ср. и стар. возр.

Жирковъ, И. Сказки русскихъ писателей. Библіотека народной школы. Кн. I. Изд. Жиркова. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 15 коп. Для младш. и средн. возр.

Серебровскій. Медвѣжья лапа и мѣна. Изд. Задруга. Съ рис. 30 коп. Для младш. возр.

Бельгійскія народныя сказки. Перевелъ Палибинъ. Иллюстраціи Плошинскаго. Изд. Сув. Ц. 2 р. Для старш. возр.

Изъ разсказовъ на первомъ мѣстѣ необходимо поставить изданія Московскаго книгоиздательства писателей, продолжающаго свою культурную дѣятельность въ прежнемъ духѣ. Въ теченіе 1916 г. вышли:

Додэ, А. Джекъ и др. разсказы. Ц. 40 коп. Въ сборникъ вошли: отрывокъ изъ романа Джэкъ, «Послѣдній урокъ», «Тайна мельника Корнилля» и «Смерть дофина». Сборникъ можно рекомендовать для ст. возр.

Шмелевъ, И. «Догонимъ солнце». Ц. 60 коп. Сборникъ подходитъ для старшаго возраста.

Сенкевичъ, Г. Избранные разсказы для дѣтей школьнаго возраста. Ц. 60 коп. Переводъ Высоцкаго. Въ сборникѣ четыре разсказа: «Янко-Музыкантъ», «Старый слуга», «Фонарщикъ» и «Бартекъ-Побѣдитель». — Можно рекомендовать для старш. возр.

Дорогія мѣста. Подъ ред. И. А. Бѣлоусова. Ц. 1 р. 10 коп: Въ сборникъ вошли три статьи о Пушкинскихъ уголкахъ, четыре о Чеховскихъ, двѣ — Шевченко, одна о Гоголѣ, Лермонтовѣ, Тургеневѣ, Кольцовѣ, Никитинѣ, Некрасовѣ и Л. Толстомъ. Для старш. возр.

Далѣе необходимо отмѣтить изданія книгоиздательства «Жизнь и Знаніе». Въ 1916 году изданы:

Лермонтовъ. «Ашикъ-Керибъ». Съ рис. Гурьева. 4 коп.
» «Вѣтка Палестины». Ц. 6 коп.
» «Узникъ». 4 коп.
» «Демонъ». 8 коп.
» «Мцири». Съ рис. Гурьева. 4 коп.
» «Максимъ Максимычъ». Съ рис. Гурьева. 5 коп.
» «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Рис. Гурьева. Ц. 3 к.
» «Бэла». Рис. Гурьева. Цѣна 6 коп. Изданіе изящное. Печать крупная, рисунки безусловно хороши. Жаль только, что форматъ этой библіотеки маловатъ.

Гаршинъ, В. «Сигналъ». Рис. Гурьева. Ц. 8 коп.
» «Лягушка-путешественница». Ц. 5 коп.
» «Сказаніе о гордомъ Аггеѣ». Ц. 6 коп.

Альманахъ для юношества. Хрестоматія для домашняго чтенія. Подъ ред. А. Н. Анненской. Съ иллюстраціями художника М. Добужинскаго, Д. Кардовскаго, Б. Кустодіева и В. Чемберса. Цѣна 3 руб. Въ сборникъ-хрестоматію вошли: «Дружба»—отрывокъ изъ романа Достоевскаго — «Неточка Незванова»; Тургенева — «Стучитъ» и «Морское плаваніе» (отрывокъ); Л. Толстого—«Охота» (изъ «Войны и мира»); Станюковича — «Ужасный день»; Короленко — «Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ», «Послѣдній лучъ», «Морозъ»; Чехова — «Хемелеонъ»; «На страстной недѣлѣ» и «Пересолилъ»; Горькаго — «Дѣтство Ильи»; Куприна — «Трусъ»; Андреева — «Баргамотъ и Гараська», «Гостинецъ» и «Молодежь». Послѣдній разсказъ включенъ напрасно, такъ какъ онъ антихудожественъ. Сборникъ изданъ очень тщательно и пригоденъ для старшаго возраста.

Алтаевъ, Ал. «Внизъ по Волгѣ рѣкѣ». Историческая повѣсть изъ русской жизни XVII вѣка. Рисунки худ. Петровой. Повѣсть пригодна для дѣтей старш. возраста. Изданія Вятскаго Т-ва.

Новыхъ изданій нѣтъ. Переизданы:

Маминъ-Сибирякъ. «Летные». 25 коп. Старш. возр.
» «Зимовье на студеной». 8 коп. Ср. возр.

Волкова. «Несчастный женихъ». 30 коп. Для старш. возр.
» «Моровое повѣтріе». 30 коп. Для старш. возр.

Гадмеръ. «Князь Серебряный». 40 коп. Для ср. и ст. возр.

Сенкевичъ. «Камо грядеши?». Передѣлка Пименовой. Иллюстраціи польскаго художника Стахевича. Цѣна 85 коп. Для старш. возр.

Лучшія книги другихъ издательствъ:

Горбуновъ-Посадовъ. «Герои-рудокопы». По разнымъ иностраннымъ источникамъ. Изд. Горбунова-Посадова. Цѣна 35 коп. Для ст. возр:

Въ рождественскій сочельникъ. Б-ка Горбунова-Посадова. Ц. 55 коп. Въ книжку вошло три разсказа — Джонстона, Ли и Гибсона. Всѣ разсказы проникнуты праздничнымъ настроеніемъ и могутъ быть рекомендованы для мл. и ср. возр.

Уйда. «Нелло и Патрашъ». Пер. съ англ. Архангельской. **Изд.** 2-ое. Школьн. библ. В. Львова. 20 коп. Старш. возр:

Шмидтъ. «Галя». Изд. 6-ое. Ц. 50 коп. Ср. возр.

Толычева. Разсказы старушки о 12 годѣ. Изд. 12-ое Сыт. Ц. 30 коп.

Сельма Лагерлефъ. Легенды. Изд. 3-ье Универ. Библ. Старш. возр. Цѣна 12 коп.

Джеромъ, К. Джеромъ. «Трое въ одной лодкѣ (кромѣ собаки)». Изд. 4-ое. Универ. библ. Ц. 24 коп. Старш. возр.

Инфантьевъ. «Беркутъ Галея». Разсказъ изъ киргизской жизни. Изд. Школьн. библ. Ц. 10 коп.

Въ изданіи журнала **«Юная Россія»** выпущенъ рядъ повторныхъ изданій **Мамина-Сибиряка** — «Въ глуши». Ц. 8 коп. Старш. возр. «Дорогой камень». 12 коп. Старш. возр. «Дѣдушкино золото». 12 коп. Старш. возр. «На рѣкѣ Чусовой». Старш. возр. «Сѣрая шейка». 8 коп. Мл. возр. «Разсказы и сказки», 1 руб. Ср. возр.

Лагерлефъ, С. «Покрывало св. Вероники». Изд. Кнебеля. 30 коп. Ст. в.

Книги научнаго содержанія.

Въ этой области еще большая бѣдность, преобладаютъ повторныя изданія.

Анненская. «Фритіофъ Нансенъ и его путешествіе въ Гренландію и къ Сѣверному полюсу». Изд. Стасюлевича. 1 р. 50 к. Старш. возр.

Мечъ, Сергѣй. «Россія». Географическій сборникъ. Изд. Кутн. 1 р. 25 к. Старш. возр.

Пименова. «Сербія». Биб. Юн. Чит. Ц. 35 коп. Изд. 2-ое. Старш. возр.
» «Англичане и ихъ страна». Юн. Чит. Изд. 2-ое. Ц. 60 коп. Старш. возр.

Киплингъ. «Джунгли». Изд. Кнебеля. Старш. возр.
» «Котуко». Изд. Кнебеля. Ср. возр.
» «Могильщики». Изд. Кнебеля. Старш. возр.
» «Чудо Пуранъ Балата». Изд. Кнебеля. Старш. возр.

Кругловъ. «Геніальный поморъ» (біографія Ломоносова). Изд. Ефимова. Цѣна 30 коп.

Волкова. «Первая фабрика на Руси». 6-ое изд. К-ва Школа. Ц. 30 коп. Сред. возр.

Носиловъ. «Таня Логай». 7-ое изд. жур. «Юн. Рос.». Ц. 12 к. Ср. возр.
» «Въ горахъ Хингана». Изд. 3-ье. М. Ц. 10 коп. Ср. возр.

Вагнеръ, Германъ. «Финиковая роща». Переводъ В. Величкиной. Изд. «Жизнь и Знаніе». Ц. 5 коп. Ст. возр.

Вагнеръ, Германъ. «Самая большая трава». Переводъ В. Величкиной. Изд. «Жизнь и Знаніе». Ц. 5 оп. Ср. и старш. возр.

Вагнеръ, Ю. Разсказы о томъ, какъ устроены и живутъ растенія. 5-ое изд. Посред. Старш. возр.

Другъ черныхъ. «Давидъ Ливингстонъ». Изд. Школьн. библ. Ц. 70 коп. Старш. возр.

Анисимовъ. «Вѣчный снѣгъ и ледъ». Изд. Думнова. Ц. 10 коп. Ср. возр.

Нѣкоторые изъ дѣтскихъ журналовъ давали приложенія (здѣсь имѣются въ виду лишь лучшіе изъ журналовъ).

Львовъ. «Наши пернатыя птицы».

Тиличеева. «Сербія».

Обѣ книги даны приложеніемъ къ журналу «Семья и Школа».

Проталинка поставила себѣ благородную задачу — ознакомить дѣтей съ выдающимися людьми. Съ этой цѣлью журналъ далъ около 20 различныхъ приложеній, куда вошли, между прочимъ, Андерсенъ, Мицкевичъ, Волковъ, Вильсонъ, Диккенсъ и др. Къ сожалѣнію, обработка матеріала не всегда соотвѣтствуетъ замыслу и самый журналъ, какъ мы уже видѣли, тоже не выдержанъ: въ немъ наблюдается двойственность.

«Юная Россія» въ качествѣ приложеній дала три произведенія Л. Н. Толстого — «Кавказскій плѣнникъ», «Рубка лѣса» и «Набѣгъ». Журналъ, предназначающійся для юношества, не всегда ровнымъ былъ и раньше, со смертью же его создателя Д. И. Т и х о м і р о в а и съ уходомъ изъ состава редакціи С. О. С ѣ р о п о л к о начинаетъ блекнуть и хирѣть. Если исключить воспоминанія о Тихоміровѣ Шмелева, разсказъ Новинской «Грузиночка», еще одну-двѣ вещи, печатавшіяся въ теченіе 1916 г., отъ журнала остается сѣрое пятно.

«Всходы» (для юношества) въ качествѣ приложеній дали слѣдующія изданія:

Твенъ. «Новыя приключенія Тома Сойера». Старш. возр.

Коморская. «Застѣнчивый герой». Разсказъ изъ временъ войны Франціи съ Испаніей. Старш. возр.

Прессъ. «Зеленый Островъ». Повѣсть о Миклухѣ Маклаѣ. Ср. и ст. в.

Кормчій. «Къ лучшей жизни». Старш. возр.

Въ журналѣ много свѣжаго матеріала, напр., хорошій разсказъ Сурожскаго — «Дрохвы»; статья о Сервантесѣ, пріуроченная къ 300-лѣтію со дня его смерти; «Горе стараго звонаря» — Державиной; «Большія дѣти» — стихотв. Пожаровой. Но легкомысленное отношеніе къ вопросамъ войны наводитъ на размышленія и заставляетъ воздержаться отъ рекомендаціи названнаго журнала вниманію читателя.

«Родникъ» (для юношества) никакихъ приложеній не даетъ и поступаетъ, конечно, вполнѣ правильно. Журналъ ведется вдумчиво. Въ немъ необходимо отмѣтить прекрасные разсказы Сурожскаго, полные свѣжести и глубокаго отношенія къ ребенку. Хороши и вполнѣ закончены очерки Мезьеръ: «На водныхъ путяхъ къ столицѣ» и «Рельсовый путь въ край бездорожья». Заслуживаютъ вниманія «Матильда Вреде» — С. Лагерлефъ, «Второе путешествіе» — Ефименко, «Вомбатъ» — Чеглока.

Журналъ **«Солнышко»** (для дѣтей средняго возраста) за послѣдніе два года значительно освѣжился. Въ немъ мы находимъ рядъ хорошихъ очерковъ — «По Волгѣ», «Миклуха Маклай», «Какъ дѣлаютъ стекло», «Госпожинки и овсянины».

Разсказы Лебедевой и Карасковичъ (Скакалочка) лучше было не печатать — они искусственны. За этими изъятіями журналъ можно вполнѣ рекомендовать для дѣтей указаннаго возраста.

«Маякъ» (для дѣтей старшаго возраста) очень часто критика упрекаетъ за односторонность. Но этотъ упрекъ не вполнѣ заслуженный: своихъ идеаловъ никто не проводитъ такъ послѣдовательно и настойчиво, какъ «Маякъ». У него много ошибокъ, но на первомъ планѣ интересы ребенка. Изъ разсказовъ и очерковъ, помѣщенныхъ въ «Маякѣ» въ 1916 г., особенно выдѣляются — «Въ дебряхъ Кавказа», «Чудовище просыпается», «Герои бурь и огня»; изъ дѣтства Андерсена и Олькотъ, басни Демьяна Бѣднаго.

Таковы въ общихъ чертахъ результаты издательской дѣятельности въ области дѣтской литературы. По дѣтскому чтенію (теоретическая разработка вопросовъ) сдѣлано относительно больше. Обществу Библіотековѣдѣнія разрѣшенъ II Всерос. съѣздъ по библіотечному дѣлу, на которомъ будутъ разсматриваться и вопросы дѣтскаго чтенія.

Въ спеціальныхъ журналахъ — «Новости дѣтской литературы» и «Что и какъ читать дѣтямъ» за годъ напечатано довольно много статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія.

Изъ книгъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями, заслуживаютъ вниманія слѣдующія:

Сказки. Подъ ред. О. I. Капица. Указатель сказокъ. Изд. Подвижнаго Музея. Ц. 1 руб. 25 коп. Книга представляетъ результатъ 12-лѣтней коллективной работы и заслуживаетъ самаго широкаго распространенія, какъ единственное пособіе при выборѣ сказокъ для дѣтей.

Лебедевъ. Народная и дѣтская литература. Вып. II Нижн.-Новг. Ц. 1 р. Составитель этого указателя подобралъ для юношества такую литературу, которая можетъ оказать содѣйствіе общественному воспитанію.

Чеховъ. Введеніе въ изученіе дѣтской литературы. Изд. Сыт. Ц. 30 к.

Зеленко, В. Руководительство дѣтскимъ чтеніемъ. Изд. Энциклопедіи. Общест. и семейн. восп. Ц. 50 коп.

Зеленко, В. Дѣтскія библіотеки. Сборникъ статей по дѣтскому чтенію. Изд. Карбасникова. Ц. 2 руб.

Свентицкая. Разсказываніе К-во Практическія Знанія. Ц. 1 р. 80 коп. Книга, хотя и носитъ модное заглавіе, но на рѣдкость бездарна и безсодержательна.

Василій Зеленко.

Г. В. Плехановъ. История русской общественной мысли. Томы I и II. Москва. 1914—1915 гг. Изданіе Т-ва «Міръ».

Вышедшіе два тома «Исторіи русской общественной мысли» представляютъ начало обширнаго труда, надъ которымъ Г. В. Плехановъ работаетъ уже нѣсколько лѣтъ. Потребность въ такомъ трудѣ давно уже чувствовалась, но только въ послѣднее время общественно-политическая идеологія обратила на себя вниманіе историковъ, раньше же она находилась въ вѣдѣніи историковъ русской литературы, у которыхъ занимала подчиненное положеніе. Первую попытку написать исторію

«національнаго и общественнаго самосознанія» сдѣлалъ П. Н. Милюковъ, посвятившій ей третью часть своихъ «Очерковъ по исторіи русской культуры», но попытка эта страдаетъ большими недочетами и притомъ осталась незавершенной, оборвавшись на XVIII столѣтіи. Кромѣ того, мы имѣемъ рядъ спеціальныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ эпохамъ, но цѣльной и связной исторіи идеологіи у насъ до сихъ поръ нѣтъ. Вотъ почему появленіе обширнаго труда по исторіи русской общественной мысли слѣдуетъ признать вполнѣ своевременнымъ и можно только привѣтствовать, что за выполненіе этой задачи взялся Г. В. Плехановъ, столь много поработавшій для исторіи русской общественности.

Необходимо, однако, съ самаго начала предупредить читателей, склонныхъ искать въ этомъ трудѣ какихъ-либо откровеній по русской исторіи. Ничего новаго въ смыслѣ переоцѣнки господствующихъ теорій или выясненія темныхъ и спорныхъ вопросовъ этотъ трудъ не даетъ; основанъ онъ не на первоисточникахъ, а исключительно на литературѣ, причемъ авторъ въ общемъ не отступаетъ отъ традиціонныхъ взглядовъ на ходъ русской исторіи.

Г. В. Плехановъ снова ставитъ на очередь вопросъ объ основныхъ особенностяхъ русскаго историческаго процесса и притомъ въ старинной его формулировкѣ: «похожа-ли исторія Россіи на исторію Западной Европы?». Какъ извѣстно, послѣдній по времени отвѣтъ на этотъ вопросъ принадлежитъ Н. Г. Павлову-Сильванскому, который въ своихъ работахъ о феодализмѣ въ древней Руси отрицалъ прежній взглядъ о коренномъ несходствѣ древнерусскаго строя съ феодальнымъ, подготовляя этимъ почву и для дальнѣйшихъ сближеній русской исторіи съ западно-европейской.

По мнѣнію Г. В. Плеханова, такое рѣшеніе вопроса отнюдь не исключаетъ вопроса объ о т н о с и т е л ь н о м ъ своеобразіи русскаго историческаго процесса. «Въ этомъ процессѣ, — говоритъ онъ, — есть особенности, очень замѣтно отличающія его отъ историческаго процесса всѣхъ странъ европейскаго Запада». (Т. I, стр. 10).

Онъ тщательно отмѣчаетъ «европейскіе недочеты» русской исторіи и сближаетъ ихъ съ бытомъ и строемъ «великихъ восточныхъ деспотій». Въ числѣ этихъ недочетовъ онъ указываетъ на подневольное положеніе крестьянъ въ древней Руси, но еще болѣе характернымъ въ этомъ отношеніи считаетъ фактъ закрѣпощенія московской «вотчинной монархіи» всѣхъ сословій, причемъ, по мнѣнію Г. В. Плеханова, Москва пошла даже дальше Востока, положивъ гораздо болѣе тяжелое иго на свое закрѣпощенное населеніе.

Въ дальнѣйшемъ, вопросъ о восточномъ своеобразіи русской исторіи сводится къ другому вопросу: чѣмъ вызвано это своеобразіе? За отвѣтомъ авторъ обращается къ Соловьеву, Ключевскому и Келтуялѣ. Критика и сопоставленіе ихъ взглядовъ приводитъ къ выводу, что для Кіевской Руси основнымъ факторомъ, замедлившимъ ея экономическое развитіе и обусловившимъ ея упадокъ, былъ многовѣковой натискъ кочевниковъ, а для сѣверо-восточной Руси къ этому фактору присоединился и другой: неблагопріятныя географическія условія, въ результатѣ же «когда осѣдлая русская Европа получила возмож-

ность справиться съ кочевой Азіей, ея собственныя общественно-политическія отношенія оказались очень похожими на тѣ, которыя господствовали въ азіатскихъ деспотіяхъ. Стало быть, Европа побѣдила «азіатцевъ» лишь потому, что сдѣлалась Азіей» (т. I, стр. 98).

Г. В. Плехановъ при этомъ не разъ предупреждаетъ, что восточныя черты во внутреннемъ строѣ Московскаго Государства не слѣдуетъ объяснять непосредственнымъ воздѣйствіемъ азіатскаго Востока, потому что заимствованіе оттуда хотя и было, но осталось поверхностнымъ. «Не быту номадовъ, — подчеркиваетъ авторъ, — уподоблялся внутренній бытъ великорусскаго государства, а быту большихъ земледѣльческихъ деспотій Востока» (т. I, стр. 245—246, примѣчаніе 2).

Заслуга Г. В. Плеханова заключается въ самой постановкѣ вопроса о восточныхъ элементахъ русской исторіи, но отнюдь не въ томъ рѣшеніи, какое онъ предлагаетъ. Когда мы дѣлаемъ сопоставленіе русской исторіи съ западно-европейской, то всѣмъ понятно, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о народахъ, тѣсно связанныхъ между собою въ своей исторической жизни, и поэтому самыя широкія сближенія, допускаемыя въ современной исторіографіи, не встрѣчаютъ возраженій.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ Востокомъ въ томъ неопредѣленномъ его пониманіи, какого придерживается Г. В. Плехановъ. У него Востокъ — понятіе собирательное, въ одномъ случаѣ это Китай, въ другомъ — древній Египетъ, въ третьемъ — Персія, иногда это вообще Азія. Этому собирательному понятію авторъ приписываетъ нѣкоторыя общія черты, находя ихъ и въ русской исторіи, но онъ упускаетъ изъ виду, что такія сопоставленія при всемъ ихъ остроуміи еще ничего не доказываютъ и не разъясняютъ. Помимо того, и наши представленія о государствахъ древняго Востока еще слишкомъ недостаточны и при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій могутъ радикально измѣниться, но какъ разъ въ обратную сторону, а именно: въ сторону сближенія внутренняго строя этихъ государствъ съ западно-европейскимъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло съ вопросомъ о феодализмѣ. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ аналогіи теряютъ подъ собой почву, поскольку рѣчь идетъ о государствахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга и въ пространствѣ и во времени.

Для того, чтобы антитеза Востока и Запада получила опредѣленный смыслъ и научную цѣнность, необходимо приблизить Востокъ къ древней Руси географически и исторически и пересмотрѣть вопросъ о вліяніи татарщины на русскую жизнь. Вліяніе это не было такимъ поверхностнымъ, какъ полагаетъ Г. В. Плехановъ вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ. М. Н. Покровскій установилъ недавно вполнѣ опредѣленное наблюденіе, что татарская финансовая организація легла въ основу московскихъ податныхъ порядковъ. Татары были умными, разсчетливыми политиками, и московскимъ князьямъ «собирателямъ» Руси было чему у нихъ поучиться. Любопытно также отмѣтить, что татары первые расширили кругъ разрядовъ населенія, подлежащихъ обложенію, и въ то же время оказывали полное содѣйствіе князьямъ и боярамъ въ ихъ борьбѣ съ «меньшими» людьми. Самодержавные навыки московскаго царя-вотчинника, развиваясь въ силу внутреннихъ историческихъ

условiй, не обошлись; такимъ образомъ, безъ влiянiя Востока, въ лицѣ татаръ-кочевниковъ.

Только въ такомъ смыслѣ мы и имѣемъ право прилагать къ русскому историческому процессу проблему о Востокѣ, схему же Г. В. Плеханова нельзя не признать искусственной и во многихъ случаяхъ только затемняющей, а не разъясняющей своеобразiя русской исторiи. Въ качествѣ примѣра можно указать на разсужденiя Г. В. Плеханова о причинахъ упадка Кiевской Руси. Онъ склоненъ придавать натиску кочевниковъ преобладающую роль, забывая о томъ, что въ самомъ общественно-экономическомъ строѣ Кiевской Руси крылись причины ея слабости, а также и о томъ, что перемѣщенiе путей мiровой торговли сыграло въ этомъ процессѣ не послѣднюю роль.

Но еще болѣе упрощенное представленiе даетъ Г. В. Плехановъ о реформѣ Петра I. Въ своихъ разсужденiяхъ онъ всецѣло стоитъ на позицiи В. О. Ключевскаго и П. Н. Милюкова и, подобно имъ, движущимъ началомъ петровской реформы считаетъ военно-финансовую необходимость, въ причинной зависимости отъ которой, по его мнѣнiю, находился и «торговый капитализмъ» московскаго правительства. Возможность обратнаго толкованiя авторъ отвергаетъ, такъ какъ уже одно то, что «царь былъ первымъ купцомъ въ своемъ государствѣ, указываетъ на низкую ступень экономическаго развитiя страны и на близость ея общественныхъ отношенiй къ общественнымъ отношенiямъ восточныхъ деспотiй» (т. 1, стр. 257). Но показанiя иностранцевъ (въ особенности де Родеса и Кильбургера), а также новѣйшiя изслѣдованiя по финансовой исторiи Московскаго государства даютъ убѣдительныя доказательства, какъ интенсивности торговой жизни въ допетровской Руси, такъ и сильнаго влiянiя ея на внутреннюю и внѣшнюю политику Московскаго государства. Связь Москвы съ Западомъ была особенно тѣсна, именно въ XVII вѣкѣ, когда, по мнѣнiю Г. В.Плеханова, Востокъ получилъ преобладанiе въ ея внутреннемъ строѣ и базѣ.

Нельзя назвать удачными и тѣ главы, гдѣ авторъ разсматриваетъ движенiе общественной мысли въ эпоху смуты и послѣ нея, но особенно неубѣдительны и поверхностны разсужденiя Г. В. Плеханова о расколѣ. Правда, это наиболѣе темная область русской исторiя, но даже и при современномъ невысокомъ уровнѣ нашихъ знанiй о расколѣ, нельзя этого широкаго и сложнаго движенiя сводить къ старообрядчеству, готовому «умирать за азъ» и неспособному къ той смѣлой работѣ мысли, какую мы видимъ на Западѣ. По мнѣнiю Г. В. Плеханова, расколъ явился однимъ изъ выраженiй нацiоналистической реакцiи, которая, съ своей стороны, «вызвана была тѣмъ, что новыя условiя жизни, создаваемыя поворотомъ къ Западу, такъ или иначе нарушали болѣе или менѣе существенные интересы разныхъ классовъ народа» (т. II, стр. 50).

Но въ то время, какъ недовольные элементы Запада сосредоточивались въ городахъ, въ Московскомъ государствѣ они спасались въ прекрасную пустыню, гдѣ «не съ кѣмъ было не только разгуляться, но и обмѣняться мыслями, а это останавливало умственное развитiе бѣглецовъ» (тамъ же, стр. 51 — 52). Вотъ почему оппозицiонные элементы

Московскаго государства смотрѣли не впередъ, а назадъ и, вмѣсто того, чтобы задуматься о средствахъ улучшенія давившаго ихъ общественнаго порядка, приходили къ крайнему выводу, что надо «разбредаться розно» (тамъ же).

Обрядовыя разногласія и націоналистическій протестъ — это лишь отдѣльныя стороны раскольничьяго движенія, идейное же содержаніе, равно какъ соціальныя основы его, гораздо сложнѣй, чѣмъ это представляется Г. В. Плеханову, а оппозиціонная мысль по своей интенсивности нисколько не уступала таковой же въ реформаціонныхъ движеніяхъ Западной Европы. И то, что кажется автору безсмысленнымъ и фантастичнымъ, — бѣгство въ пустыню, ожиданіе Антихриста, равно, какъ и неотмѣченная имъ эпидемія самосожженій, все это отдѣльныя звенья цѣльной крестьянской идеологіи, по своему оригинальной и логичной.

Въ заключеніе приходится сказать, что выступленіе Г. В. Плеханова въ роли историка не оправдало всецѣло тѣхъ надеждъ, какія вправѣ былъ возлагать на автора «Монистическаго взгляда на исторію» требовательный читатель. Трудъ Г. В. Плеханова слишкомъ ясенъ въ своихъ построеніяхъ; онъ не столько возбуждаетъ мысль читателя, сколько усыпляетъ ее чрезмѣрно упрощеннымъ представленіемъ объ основныхъ особенностяхъ русскаго историческаго прогресса. Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что научная цѣнность работы Г. В. Плеханова возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ его изложеніе приближается къ тѣмъ періодамъ русской исторіи, когда западные элементы ея становятся преобладающими. Уже для XVIII вѣка, которому посвящена значительная часть II тома, авторъ дѣлаетъ крупный вкладъ въ нашу исторіографію. Характеристики «ученой дружины» Петра I (Прокоповича, Татищева и Кантеміра), а также Посошкова и Ломоносова написаны съ присущимъ автору блескомъ и талантомъ и заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ замѣчаній и остроумныхъ наблюденій, и можно только пожелать скорѣйшаго завершенія этого труда, который, несмотря на свои недочеты, является большимъ событіемъ для русской исторической науки.

А. Кудрявцевъ.

Рецензіи.

Гюлистанъ. Альманахъ. II. Москва 1916 г. Ц. 2 р. 10 к.

Второй сборникъ московскихъ символистовъ мало чѣмъ отличается отъ вышедшаго прошлой весною первой книги «Гюлистана». Тѣ же участники, тѣ же заданія, то же стремленіе быть изысканными въ языкѣ и чопорными въ чувствахъ и то же, роковое для писателей этой школы, отсутствіе сердцевины, живого нерва, отсутствіе у поэтовъ своего лица, своей индивидуальности, и вытекающее отсюда тяготѣніе къ чужому, къ маскѣ, къ стилизаціи.

На этотъ разъ въ сборникѣ съ особой ясностью чувствуется почему-то вѣяніе «духа» Пушкина. Наиболѣе интересное въ книгѣ—драматическія сцены А. Глобы — суть ничто иное, какъ просто варіаціи на темы пушкинскаго «Донъ Жуана» и «Фауста», —варіаціи, сдѣланныя съ большимъ умомъ и умѣньемъ, но все же, прочитавъ ихъ, невольно думаешь: а не принадлежитъ-ли авторъ къ разряду

тѣхъ художниковъ, которые могутъ «геніально» поддѣлать Рафаэля и Рембранта, но неспособны создать даже плохонькой **своей** картины? Да и надо-ли «поправлять» и «дополнять» Пушкина?

Стремленіе къ чужому, къ внѣшнему чувствуется также и въ звучныхъ стихахъ Б. Шманкевича и произведеніяхъ Петяева, Молдавскаго, Нѣмцева и др. И, очевидно, это заразительно, разъ даже такой «нутряной», неуравновѣшенный поэтъ, какъ Т. Чурилинъ, вмѣсто своихъ прежнихъ грубоватыхъ, но, во всякомъ случаѣ, оригинальныхъ выходокъ, занялся вдругъ «словесностью», и цѣлую главу своей поэмы «Изъ дѣтства далечайшаго» посвящаетъ довольно скучнымъ и неумѣлымъ упражненіямъ въ стилистикѣ

...«веселья весенняго вездѣ духи душноватые»...

...«Нѣчто увидѣло очами очаровательными, очаровывающими сѣрымъ цвѣтомъ, свѣтомъ своимъ прекраснымъ мертвыми, увы, очами»...

Впрочемъ, имѣется въ сборникѣ и попытка быть «самимъ собою», говорить «отъ себя», но это стремленіе къ самостоятельности даетъ у В. Шманкевича такіе, напримѣръ, результаты:

« — Я готовъ
Осмотрѣть — одинъ — оплоты заповѣдныхъ теремовъ.
Я учился у коровъ:
Какъ онѣ съѣдаютъ соты серебристыхъ мотыльковъ» (?)

и, въ концѣ концовъ, доводятъ его до... Кузьмы Пруткова.

«Любишь-ли ты незабудки? — Нѣтъ, уповаютъ онѣ,
Бархатно-черные лютики болѣе нравятся мнѣ.»

Сборникъ украшенъ превосходнымъ гекзаметромъ В. Брюсова «Тайна дѣда».

«И, вотъ сейчасъ, какъ съ тобой говорю я,—я знаю,
Сзади съ улыбкой стоитъ благосклонная Муза».

Этими его строками завершается книга и надо сказать правду: въ сборникѣ, при всѣхъ его недостаткахъ, все же, дѣйствительно, присутствуетъ Муза:—налицо въ немъ и умѣнье, и культурность, и талантливость авторовъ, но, увы, эта Муза—музейная, а не живая,—изъ книги, а не изъ сердца,—такая далекая и чужая!

...И **равнодушно** вижу я
Свой міръ отчаянья и боли...

какъ бы говоритъ она устами В. Шманкевича.

А можетъ-ли, смѣетъ-ли живой человѣкъ быть **теперь** равнодушнымъ?

А. Серебровъ.

Памятники міровой литературы. Персидскіе лирики X—XV вв. Съ персидскаго языка перевелъ акад. Ѳ. Коршъ, послѣ его смерти проредактировалъ и вступительною статьею снабдилъ проф. А. Крымскій. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Стр. 126. Ц. 1 р. 25 к.

Книга, разсматриваемая нами, какъ сказано въ предисловіи, «вовсе не притязаетъ исчерпать всю литературу персовъ, или хотя бы только лирическую ихъ поэзію». Ѳ. Коршъ выбиралъ матеріалъ для переводовъ, руководствуясь чисто случайными соображеніями, и отнюдь не стремясь къ полнотѣ и систематичности, ни даже къ тому, чтобъ перевести лучшее изъ какого-нибудь поэта. Но и съ этими оговорками нельзя не признать за книгой громаднаго значенія, и не только какъ историко-литературнаго факта, но и какъ подлиннаго художественнаго пріобрѣтенія. «Газели» Хафиза, «Касыды» Саадія, «робаіотъ» (четверостишія) Джелаледдина Румія, Омара Хейяма и другихъ—все это настолько цѣнно съ художественно-поэтической точки зрѣнія и настолько ново для русскихъ читателей, что способно заинтересовать не однихъ только спеціалистовъ. Правда, обиліе, напримѣръ, четверостишій Джелаледдина на первый

взглядъ кажется нѣсколько однообразнымъ, но это происходитъ потому только, что мы не привыкли къ восточному лаконизму. Стоитъ только нѣсколько внимательнѣе къ нимъ отнестись, чтобъ эта однообразная масса разсыпалась на множество самоцвѣтныхъ и совершенно непохожихъ другъ на друга камешковъ. Вотъ цѣлая философская система:

«Мѣняй хоть каждый мигъ жилище и сосѣда!
Будь, какъ текущая безъ устали вода!
Вчера прошло, — и съ нимъ — вчерашняя бесѣда;
Сегодня новой ужъ бесѣды череда.» (стр. 90)

Вотъ религіозное міровоззрѣніе:

«Возвышенъ славою съ Тобой самимъ общенья,
Я сотнямъ равенъ сталъ, Тебя лишь возлюбя.
Со мной неслитно, Ты мнѣ центромъ былъ вращенья;
Теперь я, ставъ Тобой, вращаюсь вокругъ себя» (стр. 80).

И все это въ четырехъ строкахъ, граненыхъ по опредѣленнымъ и весьма строгимъ законамъ.

Крупнѣйшій недостатокъ книги видится намъ въ недостаточно бережномъ отношеніи къ формамъ персидскаго стихосложенія. Кое-гдѣ погрѣшаетъ въ этомъ и Коршъ, но совершенно не считается съ формой оригинала г. Умовъ. «Робайіотъ» Хейяма, знаменитое «персидское четверостишіе» передано г. Умовымъ посредствомъ обычныхъ русскихъ **двухъ** строфъ. Оправданіе,—что «русскому переводчику слѣдуетъ передавать стихотвореніе такою стихотворною формою, какую долженъ **былъ бы** избрать самъ персидскій авторъ, если бъ онъ писалъ по-русски» (стр. 26)—является на нашъ взглядъ совсѣмъ неубѣдительнымъ. О томъ, что возможно было сохранить данную поэтомъ форму, убѣдительно говорятъ находящіеся рядомъ переводы Корша. Особенно обидно, что искалѣченнымъ оказался именно Хейямъ, четверостишія котораго считаются самыми образцовыми въ персидской поэзіи и вызвали въ свое время не мало подражаній въ Европѣ.

Д. Выгодскій.

Ал. Ширяевецъ. Запѣвка. Пѣсни и стихи. К-во «Коробейникъ». 1916. Стр. 16. Ц. 40 к.

Еще одна попытка творчества «подъ народъ».

«Краса въ хоромахъ», «суженый», «кудри въ кольцахъ—очи жгучи», «грудь лебяжья» и т. д., и т. д.—все это въ подлинномъ народномъ твореніи—на мѣстѣ, живо, но въ стилизаторскихъ попыткахъ, даже и удачныхъ — отдаетъ непріятной ложью... Къ сожалѣнію, книжечку Ал. Ширяевца—удачнымъ опытомъ стилизаціи назвать нельзя.

...Лишь только канутъ сумерки, ворчунъ сѣдой храпитъ,
А ключникъ съ пѣсней, съ гуслями, за полночь просидитъ...
Мудрено-ли, въ диковинку-ль: молодушка жена
Засонюшкѣ трухлявому сказалась невѣрна... (стр. 3) и т. д.

...Атаманушка—Степанушка
Ломитъ шапку на-бекрень:
— Разуважимъ басурманушку —
Будетъ помнить нашъ кистень!.. (стр. 11) и т. д.

Совершенно непонятно, за что портятъ такими стихами образы Ваньки-Ключника и Стеньки Разина, живые и безъ помощи этихъ quasi—народныхъ имитацій. Вмѣстѣ съ тѣмъ у. Ал. Ширяевца,—несомнѣнное дарованіе, несомнѣненъ темпераментъ, явствующій хотя бы уже изъ выбора народныхъ мотивовъ: его влечетъ къ стихійной волѣ, къ волжской шири, къ бродягамъ, чья

«... душа—не плѣнница,
Не дрожитъ у кошелька»...

И всетаки словъ своихъ—нѣтъ, какъ нѣтъ мужества разъ и навсегда отказаться отъ многихъ и очень многихъ поношенныхъ образовъ,

сильно похожихъ на пыльную бутафорію.

Н. Венгровъ.

Клементій Бутковскій. Кавалерійскія побѣды. Стихи. Книгоизд. «Омфалосъ». Петр. 917. Стр. 44. Ц. 80 к.

Бѣда не въ томъ ,что прибавилась еще одна книга ненужныхъ стихотворныхъ издѣлій. Гораздо хуже то, что эта книга глубоко цинична. Можетъ быть, можно по-разному относиться къ современной войнѣ, но допустимо ли отношеніе юмористическое? Можетъ быть, есть доля истины въ этой часто повторяющейся теперь мысли, что въ дни переживаемыхъ нами ужасовъ необходимо отдыхать на чемъ-нибудь веселомъ, беззаботномъ, но можно ли обращать въ фарсъ эти ужасы?

Вотъ вопросъ, который хотѣлось бы предложить автору книги, изъ которой не хочется процитировать ни одной строчки.

С. Н. Сергѣевъ-Ценскій. «Наклонная Елена». Разсказы. Т-во книгоиздательства писателей въ Москвѣ.

Мастерство — первое, что привлекаетъ читателя къ С. Ценскому. Повѣсть «Наклонная Елена» занимаетъ 114 страницъ; періодъ времени, охватываемый ею, длится всего лишь два дня,—но въ эти неширокіе предѣлы художникъ сумѣлъ втиснуть цѣлый міръ, темный и жуткій, съ жизнью, нервно бьющейся на каждой страницѣ. «Молодой инженеръ Матіецъ, завѣдующій шахтой «Наклонная Елена», рѣшилъ застрѣлиться въ воскресенье, 6-го мая, въ 11 часовъ вечера»,—такими словами начинаетъ авторъ повѣсть и приковываетъ ими вниманіе наше къ Матійцу, къ его судьбѣ, заставляетъ взглянуть на міръ его глазами,—и,—велика сила художническаго внушенія,—въ самомъ дѣлѣ встаетъ передъ нами міръ въ видѣ пугающаго гротеска, трагической карикатуры, способной внушить то чувство невыносимаго безобразія, которое толкаетъ Матійца къ смерти, заставляетъ его повернуться къ міру спиной и вынести ему осуждающій приговоръ.

Но произведенія С.-Ценскаго значительны не только мастерствомъ, съ какимъ они сдѣланы. Въ этомъ писателѣ, еще не развернувшемъ «во всю» своего дарованія, счастливо сочетались талантъ живописца съ пытливымъ умомъ, честнымъ и философски - острымъ. Творческій путь С.-Ценскаго заключенъ не только въ поискахъ формъ для воплощенія міра, но еще и въ попыткахъ познать этотъ міръ, разгадать его загадку, понять его смыслъ. Художникъ этотъ успѣлъ пройти черезъ отрицаніе міра, сквозь лабиринтъ сомнѣній, тревогъ и колебаній. «Наклонная Елена» является интереснымъ этапомъ на этомъ пути. Матіецъ шелъ къ смерти—пришелъ къ жизни. Вся повѣсть—предсмертная мука его, послѣдніе счеты съ жизнью, послѣднее прощаніе. И вотъ: когда готовъ былъ онъ совсѣмъ изъ міра уйти, между нимъ и пьянымъ шахтеромъ происходитъ безобразное столкновеніе, едва не стоившее Матійцу жизни. Матіецъ съ трудомъ оправился отъ послѣдствій этого столкновенія. И странно пережилъ опасность. Онъ заглянулъ въ глаза смерти, но какъ-будто для того, чтобы больше о ней не думать. Не потому, что она устрашила его. Попрежнему жизнь казалась болѣе страшной, чѣмъ смерть. Но онъ увидѣлъ въ жизни то, чего раньше не замѣчалъ. У него «появился какой-то неожиданный подъемъ...» было видно, что «онъ что-то нашелъ прочное...» Что именно,—художникъ не говоритъ, да это и не важно. На духовномъ перерожденіи Матійца обрывается повѣсть.

Остальныя произведенія книги—разсказъ «Лерикъ» и два этюда къ роману «Преображеніе»—только закрѣпляютъ за книгой значеніе одно-

го изъ отраднѣйшихъ явленій «сегодняшняго» нашего искусства.

Вяч. Полонскій.

С. Ауслендеръ. Сердце воина. П. 1916 г.

Разсказы Ауслендера, собранные подъ общимъ заголовкомъ «Сердце воина, чрезвычайно различны по литературнымъ пріемамъ. Первый разсказъ «Сердце воина» и послѣдній «Грозная вѣсть» — типичные военные разсказы, традиціонная «литературная медаль въ память великой міровой войны». «Первая любовь барона фонъ-Кирилова», «Желтая карета», «Русалочье зелье» —очередной стилистическій экспериментъ въ поддѣлкѣ подъ старинный юморъ. Остальные разсказы во главѣ съ повѣстью «Наташа», написанные обычнымъ газетно-журнальнымъ стилемъ, являются варіаціями на общую тему, обнаруженную авторомъ въ мечтахъ Наташи изъ разсказа «Дача на Островахъ».

«Она — принцесса, живетъ въ простой семьѣ, простая, какъ всѣ, никто не знаетъ, кто она... На охотѣ лошадь сбросила принца; его приносятъ блѣднаго, слабаго, со сломанной ногой. Какъ простая служанка, ухаживаетъ за нимъ таинственная принцесса. Потомъ медленное выздоровленіе, первыя прогулки по саду рука объ руку. Любовь. Наташа знала, что не можетъ быть пьесы безъ любви... Конца Наташа придумать не могла, да какъ-то и не ясно представляла, что должно было бы быть въ концѣ...»

І-ая варіація. «Въ монастырѣ». Принцесса—«простая, какъ всѣ» — послушница Маша, принцъ — богатый помѣщикъ. По дорогѣ въ городъ онъ внезапно заболѣваетъ, его привозятъ въ монастырь, Маша ходитъ за нимъ, возникаютъ взаимныя симпатіи, но принцъ быстро выздоравливаетъ и уѣзжаетъ.

2-ая варіація. «Розы принца». Она — продавщица цвѣтовъ въ курортѣ, онъ — настоящій принцъ, больной, пріѣхавшій лечиться. Взаимныя симпатіи, но принцъ умираетъ.

3-ья варіація. «Дача на Островахъ». Провинціальная барышня и чахоточный милліонеръ. Встрѣча въ курортѣ, взаимныя симпатіи... и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Обложка Д. Митрохина. Цѣна 2р. 60 коп.

Бринъ.

Шарль де-Костеръ. Уленшпигель. Романъ. Книгоиздательство «Современныя проблемы». Москва 1916.

Ученые давно спорятъ о Till'ѣ Eulenspiegel'ѣ, собираютъ слѣды его проказъ въ южной Германіи и Польшѣ, отъ Нидерландовъ и до Ломбардіи, и до сихъ поръ ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ придти не могутъ. XIV, XV, XVI и даже XVII вѣка оспариваютъ другъ у друга Уленшпигеля; Мельнъ и Люнебургъ гордятся его могилой, но не умолкаетъ робкій голосъ, летучее народное повѣріе: онъ живъ, живъ и до сихъ поръ.

Ш. де-Костеръ собралъ воедино всѣ пестрые лоскутки, составлявшіе нѣкогда шутовской кафтанъ Тиля, его злыя проказы связалъ нитью исторической фабулы, создалъ романъ, и романъ классическій, использовавъ всѣ преимущества избранной формы, строгой и обширной, какъ архитектурный замыселъ. Фундаментъ его покоится на прошломъ сильнаго народа, освободившаго себя и свою вѣру. Здѣсь все широко, прочно и озарено ровнымъ блескомъ сѣвернаго дня: вольныя мірскія дороги, кабачки и ярмарки, церковныя процессіи, торжественныя казни «съ усѣкновеніемъ шести тысячъ головъ», костры, могилы, неправые суды и толстые монахи. Народъ гнѣвается и народъ смѣется. Его платье двухцвѣтно: наполовину черное, въ знакъ печали, наполовину красное,

въ память безнаказанно пролитой крови. Вотъ изъ чего создаетъ де-Костеръ свой романъ.

Когда маленькаго Тильберта, сына угольщика Класа и его жены Сеткинъ, крестили въ Дамѣ и крестили шесть разъ вмѣсто одного: пивомъ, дождемъ и росой, то сама природа долила веселаго, хмельного духа въ его купель, чтобы онъ сталъ силенъ и молодъ, подобно ея другимъ плодамъ. Но недолго длится юность Уленшпигеля, слѣпая и счастливая.

Со всѣхъ сторонъ на добрый фламандскій народъ сыплются неизрѣченныя милости его Святѣйшаго Величества, правовѣрнаго короля Испаніи. Въ пылу благочестія его Величество превратилъ цвѣтущій край въ дымный костеръ, который и поджегъ собственноручно съ трехъ сторонъ «Во имя Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого». Счастливый городъ Гентъ, не разъ помогавшій своему монарху, носилъ гордое имя Его Матери. Но король, «полагая, что его Мать говорила черезчуръ громко», поразилъ его, отнялъ вольности, вывезъ вѣчевой колоколъ. Городъ умеръ, «ибо собственный сынъ желѣзными клещами вырвалъ языкъ его».

Отца Уленшпигеля судили, какъ еретика, и, не пытая, сожгли. А императоръ Карлъ наслѣдовалъ имущество: старинную колыбель, корзину угольщика и ветхую его утварь. Его Величество не брезгало ничѣмъ. Тамъ, гдѣ было сердце его народа,—стала дыра, выжженная огнемъ, и на лицѣ его, съ опаленными глазами и почернѣвшимъ ртомъ, Уленшпигель прочелъ приговоръ Его Величеству, Высокородному герцогу Альбѣ, ихъ наемникамъ и палачамъ.

Умерла Сеткинъ, мать Тиля, съ ногами обгорѣвшими въ «испанскихъ башмакахъ». Катлину, мать милой Нель, подружки Уленшпигеля, «палачъ привязалъ къ позорному столбу и положилъ ей на бритую голову всклокоченныя космы ея обрѣзанныхъ волосъ и поджегъ ихъ. И эти жалкіе волосы долго горѣли, а Катлина кричала и плакала».

Такъ шутъ Уленшпигель сталъ «міровымъ бродягой, превозносящимъ прекрасное и доброе, издѣвающимся безъ удержа надъ людской глупостью», «геральдической и владѣтельной спѣсью...» «Прахъ Класа бьется у него на сердцѣ...» Съ герцогомъ Оранскимъ и Молчаливымъ, съ ландскнехтами изъ Саксоніи и сѣверными наемниками, пѣшкомъ и на славномъ ослѣ Жефѣ, изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе странствуетъ Уленшпигель. Растерзаннымъ его видѣли подъ копытами герц. Анжуйскаго, повѣшеннымъ на многихъ придорожныхъ осинахъ, казненнымъ во всѣхъ городахъ, гдѣ Его св. Величество изволило отбирать вольности, писанныя и неписанныя, пило и ѣло на счетъ гражданъ и купалось въ ихъ крови. И, все-таки,—не кончались злыя продѣлки Уленшпигеля, монахи теряли въ вѣсѣ, слыша его бубенцы; высокіе господа, продавая свой народъ, находили кончикъ его шпаги у себя за спиной.

Умъ и сердце цѣлой націи, вскормленные весеннимъ хмелемъ земли,—не могли умереть Уленшпигель и его подружка Нель — звонкая флейта Нидерландовъ.

Они—«блуждающіе огни, воздаяніе за пролитыя слезы, за скорби народныя: воздаяніе за вельможъ, которые охотились на своихъ земляхъ за человѣческой дичью; воздаяніе за безплодныя битвы, пролитую въ тюрьмахъ кровь, за сожженныхъ мужчинъ, за женщинъ и дѣвушекъ, заживо погребенныхъ, воздаяніе за прошедшее, скованное и обливавшееся кровью...»

Пусть кричитъ Сова надъ новыми могилами, опьяненная запахомъ тлѣнія, и пророчитъ въ новомъ мірѣ старое зло. Уленшпигель не умеръ и никогда не умретъ.

Л. Рейснеръ.

Збірникъ памяти Т. Шевченка. Виданне Українського Наукового Товариства въ Киіві. 1—256. Ц. 2 р. 50 к.

Кіевское украинское научное общество посвятило очередной (15-й) томъ своего періодическаго органа памяти Т. Г. Шевченка по поводу исполнившагося въ 1914 г. столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта, —юбилея, который, по словамъ вступительной къ сборнику статьи, является вмѣстѣ съ тѣмъ юбилеемъ украинскаго возрожденія.

Всѣ статьи юбилейнаго сборника имѣютъ непосредственное отношеніе къ личности или къ творчеству Шевченка. Такъ, г. И. Стешенко даетъ характеристику творчества поэта; проф. Н. Сумцовъ говоритъ о его гуманизмѣ, указывая въ поэзіи суроваго поэта-гражданина тѣ струны, въ которыхъ звучала его горячая любовь къ человѣческой личности; С. Ефремовъ въ статьѣ «Шевченко и Котляревскій» проводитъ литературно - общественную параллель между отцомъ новой украинской литературы и наиболѣе геніальнымъ ея продолжателемъ; въ статьѣ А. Грушевскаго находимъ интересную страницу изъ біографіи Шевченка—картину отношеній его къ другу, украинскому писателю Я. Г. Кухаренко; И. Шпитковскій разсматриваетъ поэму Т. Г. Шевченка, «Гайдамаки», какъ историческій памятникъ кроваваго народнаго движенія; г. Т. С. дѣлаетъ попытку частичной характеристики стиля «Кобзаря», сопоставляя «Думу» Шевченка (въ поэмѣ «Невольникъ») съ народными думами; замѣтка К. Широцкаго «Турція въ картинахъ Шевченка» цѣнна для характеристики Шевченка, какъ художника.

Вторую и притомъ большую половину книги (болѣе полутораста страницъ) занимаютъ снабженные предисловіемъ проф. М. Грушевскаго и имъ редактированные для печати «Матеріалы для исторіи Кирилло - Мефодіевскаго братства». Здѣсь находимъ показанія кирилло-мефодіевцевъ, привлеченныхъ къ слѣдствію и административному суду. Отдѣльныя части этихъ показаній печатались раньше (допросы Шевченка и Костомарова—въ «Быломъ», допросъ Гулака и доносъ студента Петрова — въ «Кіевской Старинѣ»), въ настоящемъ же изданіи приведенъ полный и вполнѣ исправный текстъ слѣдственныхъ актовъ. Показанія кирилло-меѳодіевцевъ, несмотря на офиціальный и принудительный ихъ характеръ, представляютъ весьма цѣнный матеріалъ, какъ для исторіи данной политической организаціи, такъ и для характеристики тогдашнихъ настроеній украинскаго общества и, въ частности, участниковъ Кирилло - меѳодіевскаго братства.

А. Бѣлозенко.

Leopold Staff, siew Doli, **Charków**, Nakładem Księgarni Polskiej Warszawa. Gebethuer, Wolff. 1916.

Леопольдъ Стаффъ. Посѣвъ Судьбы.

Стаффъ—нѣжный лирическій поэтъ, влюбленный въ игру красокъ. Первое стихотвореніе въ вышедшемъ на-дняхъ его сборникѣ называется «Гимнъ краскамъ». Въ послѣднее время особенно плѣняла Стаффа задумчивая прелесть польской деревни, тихая поэзія пахоты, посѣва, умолота, дневныхъ трудовъ и вечернихъ отдохновеній. Но когда война обагрила кровью тихія «тропы полевыя» (названіе первой части сборника), въ стихѣ Стаффа зазвенѣли ноты «печали и гнѣва». Въ циклѣ, посвященномъ войнѣ («Радуга слезъ и крови»), чувствуется грозное дыханіе міровой катастрофы; здѣсь не бутафорія войны, а подлинный суровый ея ликъ.

Вотъ живые образы войны: войска покидаютъ селеніе «Снятый Колоколъ». И съ ветхой сельской колокольни снимаютъ мѣдный, тяжкій колоколъ, много вѣковъ господствовавшій надъ окрестностью, утѣшавшій живыхъ, хоронившій мертвыхъ, колоколъ—сердце маленькаго селенія, растоптаннаго войною.

Вотъ — толпа крестьянъ-выселенцевъ (стих. «Выходцы») уныло бредетъ большою дорогой. Идутъ молча, понуро, съ застывшими лицами; «каждый несетъ подъ тѣнью вѣкъ уголокъ земли—гдѣ-то тамъ, далеко... какую-нибудь избушку въ косахъ березъ, какой-нибудь колодецъ во дворѣ, какой-нибудь заборъ въ золотистой пыли»...

Пустынны, горестны теперь польскія поля. Не вернулись къ нимъ весной перелетныя птицы («Птицы въ пору войны»). Страшные пахари прошли здѣсь смертоносными стопами, разрыли землю грозными плугами... Борозды ихъ—окопы, зерна ихъ — картечь, а жатва — смерть, смерть...

Нѣжной, любовной стихіи души Стаффа враждебна губительная стихія войны. И онъ умѣетъ дать это почувствовать. Мастеръ чеканнаго сонета, страстный поклонникъ эллинской культуры, въ грозную годину народнаго бѣдствія Стаффъ сумѣлъ найти нужныя суровыя и скорбныя слова. Такія правдивыя слова, такіе мѣдные ритмы—плодъ шѣ поэта лишь тогда, когда измученная душа народа напрягается самой жизни: они рождаются въ дустремленіемъ къ лучшему строю жизни, къ свободному дѣланію своей судьбы.

С. Дубнова-Эрлихъ.

La Leda senza cigno. Racconto d Gabriele d'Annunzio. Seguito da una Liecenza. In tre tomi—P. 569. Lire 10. Milano 1916. Ed. Fratelli Treves.

(**Габріэль д'Аннунціо.** Леда безъ лебедя).

«Поэзія — божественная вещь. Божественная вещь — отечество. Но соедините ихъ вмѣстѣ, и получится бестіальность».

Эти слова одного изъ наиболѣе талантливыхъ представителей итальянскаго футуризма, Джованни Папини, невольно всплывали въ памяти, когда я «одолѣвалъ» три томика новѣйшей аннунціевской прозы.

Быть можетъ, «бестіальность» въ данномъ случаѣ опредѣленіе излишне-рѣзкое и преувеличенное, но полная невозможность соединить художественное слово съ тѣмъ, что принято называть патріотизмомъ, сказалась съ особой яркостью въ новомъ произведеніи короля современной итальянской литературы.

Разсказъ «Леда безъ лебедя» занимаетъ меньше одной трети всего произведенія и написанъ еще въ 1913 году. Большая же часть книги состоитъ изъ «Лиценцы», поэтическаго послѣсловія, посвященнаго войнѣ и ею навѣяннаго.

Но, какъ это ни странно, война — ни въ ея подготовительной стадіи, гдѣ поэтъ сыгралъ такую замѣтную роль, ни при непосредственномъ въ ней участіи, — ни на іоту не измѣнила душевнаго уклада автора, она оставила его по-прежнему равнодушнымъ къ живой жизни, людямъ, человѣчеству. Въ его книгѣ рѣчь какъ будто бы идетъ о войнѣ, но въ дѣйствительности война служитъ лишь фономъ для болѣе эффектной, болѣе картинной позы писателя. Онъ позируетъ своими воздушными полетами, повязкой на глазу, траншеями и подводными лодками, — и эта поза и самолюбованіе тамъ, гдѣ все требуетъ простыхъ и глубокихъ, какъ молчаніе, словъ, производитъ если не «бестіальное», чтобы не повторить Папини, то неизмѣримо гнетущее впечатлѣніе.

Какъ полуоффиціозный бардъ Италіи, претендующій на замѣстительство Джозуэ Кардуччи, д'Аннунціо не можетъ не «пѣть» величія войны.

По его мнѣнію, это не только война Италіи, не только война Франціи. Это верховная борьба латинянъ съ германцами. Это—усиліе Рима и всѣхъ его вѣковъ. «На всѣхъ другихъ фронтахъ битвы казались прекратившимися, какъ будто бы міръ желалъ молчаливо присутствовать при удивительномъ дѣяніи Италіи!» (324).

Такова поэтическая «публицисти-

ка» автора. А вотъ небольшой образчикъ его «философіи».

«Если-бы эта чудовищная война имѣла только одно послѣдствіе — привести человѣка къ фамильярности со смертью, уничтоживъ ту ложную границу, которая отдѣляетъ ее отъ жизни и свѣта, — и тогда мы должны были бы воздать ей хвалы и благословенія». (349).

Всѣ прочія восхваленія войны такого же сорта, всѣ выдержаны въ напыщенномъ, ложно-классическомъ тонѣ. Сильныхъ, яркихъ, страницъ очень мало. Недурна картина Парижа, ожидающаго нашествія врага, гибель подводной лодки «Jalia». Нѣсколько отдѣльныхъ удачныхъ штриховъ. Въ цѣломъ же, новинка д'Аннунціо настолько слаба и ненужна, что даже ревнивые къ своему «барду» итальянцы, и тѣ не рѣшаются ее хвалить.

Раф. Григорьевъ.

Benedetto Croce. Letteratura della nuova Italia.

Бенедетто Кроче. Литература новой Италіи.

До начала войны Бенедетто Кроче считался учителемъ всей итальянской молодежи и однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей новѣйшей итальянской культуры. Его большая система философіи, написанная въ неогегельянскомъ духѣ, переведена на большинство европейскихъ языковъ и пользуется не заурядным успѣхомъ. Эстетика считалась замѣтнѣйшимъ явленіемъ въ области новѣйшей философіи въ Италіи. Во время знаменитой борьбы, предшествовавшей объявленію войны, Бенедетто Кроче опредѣленно высказался противъ нея. Особенно же возмущенно протестовалъ онъ противъ попытокъ внезапнаго развѣнчанія всѣхъ корифеевъ германской культурной жизни. Это заставило кипучихъ итальянскихъ интервенціонистовъ обрушиться на недавняго кумира такимъ градомъ оскорбленій, что молодой французскій психіаторъ Дюмениль напечаталъ даже особый этюдъ, въ которомъ приводилъ именно эту полемику, какъ образецъ коллективнаго умоизступленія.

Столь непріязненное отношеніе къ нему широкой итальянской публики не помѣшало, однако, Кроче издать, наконецъ, давно ожидавшуюся «Исторію новой итальянской литературы».

Этотъ четырехтомный трудъ не является новостью для лицъ, слѣдившихъ за итальянской культурной жизнью. Всѣ многочисленныя монографіи, изъ которыхъ составились эти томы, печатались раньше въ замѣчательномъ журналѣ «La Critica», который Кроче издаетъ вмѣстѣ съ профессоромъ философіи Джентиле.

Въ новомъ произведеніи Кроче можно найти глубоко обдуманные, быть можетъ, болѣе систематическіе, чѣмъ нужно, порою нѣсколько безцвѣтнымъ стилемъ написанныя и все же всегда интересныя характеристики такихъ итальянскихъ писателей, ставшихъ европейски извѣстными, какъ: Де Амичисъ, Кардуччи, Ада Негри, Верга, Матильда Серао, Аннунціо, Пасколи, Фогаццаро и др. По правдѣ сказать, характеристики этихъ замѣтныхъ и, каждый по своему, интересныхъ писателей, теряется въ потокѣ характеристикъ литераторовъ, представляющихъ интересъ только для итальянцевъ, а зачастую не представляющихъ интереса ровно ни для кого. Чрезмѣрная обстоятельность и добросовѣстность Кроче вредитъ ему въ данномъ случаѣ и привела новое сочиненіе неаполитанскаго мыслителя къ размѣрамъ, способнымъ отпугнуть и неробкаго читателя.

Но для каждаго европейца представляетъ большую важность вновь приложенный къ четвертому тому общій и синтетическій этюдъ критика, озаглавленный: «Объ одной характеристикѣ наиновѣйшей итальянской литературы».

Кроче дѣлитъ всю новую итальянскую литературу на два періода, такъ сказать, на литературу вчерашняго дня—отъ 65-го до 85-го годовъ,

и литературу сегодняшняго дня отъ 85 года до нашихъ дней.

Первое двадцатилѣтіе проходило подъ величественнымъ знакомъ Джозуэ Кардуччи; царемъ послѣдняго періода является Габріэль Д'Аннунціо.

Что же за черта, по мнѣнію Кроче, рѣзко выдѣляетъ самоновѣйшую литературу по сравненію съ литературой предшествовавшаго періода? Кроче, не обинуясь, называетъ ее: это **отсутствіе правдивости**.

Не въ томъ дѣло, что на мѣсто позитивизма и реализма отцовъ становится мистицизмъ и эстетизмъ сыновей, а въ томъ дѣло, что отцовскій позитивизмъ былъ весь изъ одного куска: такъ вѣрили и такъ исповѣдывали. Новѣйшія же настроенія, по мнѣнію, Кроче, покоятся на какой-то пустотѣ, на какой-то фальши:

«Чего хотятъ эти люди?—спрашиваетъ Кроче—кто дастъ мнѣ отвѣтъ? Я вижу католиковъ, неокатоликовъ, францисканцевъ, аскетовъ. Но спросите-ка этого католика объ основныхъ догматахъ католической церкви. Вдругъ окажется, что онъ не вѣритъ въ божественность Іисуса, а не то не вѣритъ и въ самого Бога!»

Какъ не припомнить при этомъ параллельное явленіе во Франціи? Вѣдь Морасъ открыто заявляетъ, что онъ католикъ и въ самой полной мѣрѣ признаетъ папу, но... къ своему великому сожалѣнію, —не вѣритъ въ Бога! Кроче продолжаетъ: «Вотъ передо мной францисканецъ и аскетъ. Вы думаете, что онъ живетъ въ бѣдности, въ одиночествѣ, снискиваетъ хлѣбъ свой подаяніемъ? Ничуть не бывало! Видите-ли, онъ францисканецъ, но не въ смыслѣ Франциска Ассизскаго .Онъ аскетъ, но объ аскетизмѣ любитъ только читать. О! въ книгахъ онъ весьма презираетъ матеріальную жизнь. Но въ дѣйствительности склоненъ даже жаловаться что ея блага не отпущены ему въ достаточной мѣрѣ. Всѣ эти поэты — маленькіе имперіалисты, всѣмъ имъ хочется вести Италію навстрѣчу великимъ судьбамъ, всѣ они разглагольствуютъ о томъ, что надо, наконецъ, сокрушить «демократическаго звѣря» и грозятся пролить цѣлые потоки крови. Но спросите ихъ, чтобы они опредѣлили точно, противъ кого, собственно, подымаютъ весь этотъ шумъ? каковы ихъ цѣли? каковы методы? На вашъ вопросъ они только разозлятся и начнутъ стрѣлять въ васъ словами: они, видите-ли, чувствуютъ одно, что ихъ программа завоеваній и разрушеній —грандіозна, и что грандіозность эта будетъ нарушена, если начать ихъ слишкомъ точно опредѣлять».

«Или вотъ вамъ эстетъ. Онъ кокетничаетъ съ какимъ-то искусствомъ, которое не можетъ выражаться ни въ словахъ, ни въ тонахъ, ни въ линіяхъ, ни въ краскахъ. Его шедевръ еще не готовъ. Онъ еще въ мечтахъ. Повѣрьте: онъ тамъ и останется. Попробуйте побудить такого художника обратиться къ какой-нибудь ясной и простой работѣ, онъ отвѣтитъ, что вы недостойны даже вступить подъ сѣнь храма подлиннаго художества».

Повидимому, этотъ типъ является особенно частымъ въ Италіи, но развѣ характеристика Кроче не попадаетъ чрезвычайно мѣтко въ ультра модернистовъ всѣхъ народовъ?

Статья эта, какъ и нѣкоторые другіе отдѣльные этюды, весьма заслуживаетъ перевода на русскій языкъ.

А. Луначарскій.

К. Фолль. Опыты сравнительнаго изученія картинъ. М. 1916. Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. Ц. 4 р. 50 к.

Цѣль книги—научить неспеціалиста «глядѣть» на картины и «понимать» ихъ. Авторъ считаетъ, что для наслажденія художественнымъ произведеніемъ необходима нѣкоторая подготовка въ видѣ ряда позитивныхъ знаній; сообщая эти знанія, онъ надѣется уменьшить число профановъ.

Книга Фолля даетъ рядъ репродукцій картинъ, напечатанныхъ од-

на около другой, по двѣ на одномъ листѣ,—и текстъ, который, по мысли автора, служитъ только руководствомъ для сравненія. Въ качествѣ матерьяла для сравненія авторъ беретъ или оригиналъ и копію той же картины, сдѣланную въ нѣсколько болѣе позднее время, или картину и ея варіантъ, или двѣ картины разныхъ эпохъ, въ которыхъ сдѣланы попытки рѣшить однѣ и тѣ же художественныя задачи, (напр., перспективныя), или, наконецъ, двѣ картины, связанныя между собой единствомъ сюжета.

Наиболѣе интересны опыты сравненія. «Мадонна въ скалистомъ гротѣ» Леонардо-да-Винчи съ ея Лондонской копіей; «Мадонна» Гольбейна съ ея Дрезденской копіей (обѣ копіи позднѣйшія); и «Кумейская сивилла» Микель Анджело, съ рисункомъ, сдѣланнымъ съ нея Рубенсомъ. Авторъ въ первыхъ двухъ сравненіяхъ слѣдитъ, какъ въ работѣ копіистовъ сказался духъ ихъ времени: измѣнилась архитектура картины, рисовка фигуръ и складки драпировки. Но разборъ рисунка Рубенса указываетъ на «первичную ложь» въ позиціи Фолля. Фолль думаетъ, что эволюція искусства состоитъ въ томъ, что начинаютъ рисовать все лучше и лучше. Онъ такъ и говоритъ, что «готики» не «умѣли» рисовать въ перспективѣ. Это, несомнѣнно, ошибка. Картины великихъ мастеровъ представляютъ собой различныя рѣшенія задачи изображенія формы и перспективы; всѣ эти рѣшенія цѣнны сами по себѣ, а не по «правильности» ихъ. Въ частности, живописный подходъ Рубенса не хуже и не лучше, а просто иной, чѣмъ манера Микель Анджело рисовать форму внѣ зависимости отъ источника свѣта.

Такъ же элементарно неправильны замѣчанія Фолля о томъ, что Дюреръ, хотя и ставилъ себѣ колористическія задачи, но рѣшалъ ихъ, элементарно, пользуясь цѣлой краской.

Совершенно не затронуты въ книгѣ вопросы техники живописи, внѣ пониманія которой, однако, невозможны сужденія о картинѣ.

Въ цѣломъ книга, какъ попытка, еще весьма несовершенная, вынести сужденіе о картинѣ, не выходя изъ предѣловъ ея міра, не переходя, такъ сказать, границы рамы картины, можетъ быть полезна для неподготовленнаго, т. е. средняго интеллигентнаго читателя.

Викторъ Шкловскій.

Проф. Н. Н. Ѳирсовъ. Чтенія по исторіи Сибири. Выпускъ I. Изданіе Имп. Московскаго Археологическаго Института. Москва. 1915 г. Цѣна не обозначена.

За книгу проф. Н. Н. Ѳирсова берешься съ невольной надеждой, не заполняетъ-ли она, наконецъ, того зіяющаго пробѣла, какой до сихъ поръ представляетъ въ русской исторической наукѣ исторія Сибири.

Нельзя сказать, чтобы Сибирь совершенно ускользала отъ вниманія изслѣдователей; напротивъ, въ послѣднія десятилѣтія минувшаго вѣка, она служила предметомъ особаго вниманія, какъ со стороны ученыхъ, такъ въ особенности публицистовъ. Достаточно сослаться на работы Небольсина, Замысловскаго, Словцова, Щапова, Ядринцева и др., но работы эти или устарѣли, или представляютъ библіографическую рѣдкость. Научной-же исторіи Сибири мы не имѣемъ до сихъ поръ. Можно указать только одну серьезную и основанную на архивномъ изученіи работу Буцинскаго («Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ». Харьковъ, 1889 г.), но она касается только 2 четверти XVII ст., а послѣ этой работы и вплоть до настоящаго времени изученіе прошлаго Сибири подвигалось впередъ крайне медленно, причемъ все болѣе или менѣе цѣнное въ этой области разбросано въ мѣстныхъ или спеціальныхъ изданіяхъ, мало доступныхъ для рядового читателя. Отсюда ясно, насколько сильной должна быть потребность въ связной исторіи Сиби-

ри, которая давала бы сводку матеріала, добытаго предшествующимъ изученіемъ.

Проф. Н. Н. Өирсовъ какъ разъ и имѣетъ въ виду эту потребность, но и онъ спѣшитъ оговориться, что его книга, составленная по конспектамъ читаннаго имъ курса, «не преслѣдуетъ какихъ-либо изслѣдовательскихъ цѣлей и стремится только дать самое общее представленіе о предметѣ изложенія». Авторъ, кромѣ того, ограничиваетъ рамки своего разсказа и хронологически, начиная его прямо съ похода Ермака Тимоөеевича. Новгородскіе походы въ «Югру», равно какъ и вся предшествующая Ермаку исторія сношеній русскихъ съ Сибирью остались безъ всякаго разсмотрѣнія, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Сдѣлавъ краткій географическій и этнографическій обзоръ страны, проф. Өирсовъ излагаетъ въ первыхъ главахъ своей книжки исторію «завоеванія» Сибири, доводя ее до похода казака Атласова въ Камчатку въ концѣ XVII в., послѣ чего подробно останавливается на политикѣ московскаго правительства по отношенію къ своей колоніи и на отношеніяхъ между разными элементами пришлаго населенія и инородцами. Это основная и наиболѣе интересная часть разбираемой книги. «Къ своей колоніи,—говоритъ авторъ — чуждая странѣ государственная власть и ея представители отнеслись подобнымъ же образомъ, какъ раньше и позднѣе относились пришельцы-завоеватели въ колоніяхъ всего міра: съ необыкновенной алчностью... принялись эти пришлые элементы края истощать не только его зоологическія богатства, но и все туземное населеніе, завладѣвъ его землями и трудомъ, не думая о послѣдствіяхъ такого хищничества для самихъ эксплоатируемыхъ маленькихъ народовъ великой страны». (Стр. 56).

Авторъ вполнѣ справедливо сопоставляетъ эту политику московскаго «державства» съ яркими картинами процесса «первоначальнаго накопленія капитала», изображенными К. Марксомъ; между этими явленіями существуетъ не только внѣшнее сходство, но и несомнѣнная внутренняя связь. Основной фактъ сибирской исторіи по завоеваніи ея русскими,—это требованіе «ясака», или дани, опредѣлявшее и самый характеръ московскаго «державства» и повседневную практику носителей этого «державства»—сибирскихъ воеводъ. На-ряду съ нимъ авторъ отмѣчаетъ и другой фактъ, столь же характерный для поведенія всего пришлаго населенія Сибири — это насильственное добываніе женщинъ или «ясырь». Проф. Өирсовъ усматриваетъ причину послѣдняго явленія въ недостаткѣ женщинъ въ Сибири и въ чрезвычайной обостренности полового вопроса, но онъ ближе къ истинѣ, когда указываетъ, что «женскій ясырь являлся вмѣстѣ съ тѣмъ «доходной статьей», ибо онъ былъ товаромъ, имѣвшимъ весьма хорошій сбытъ и не только въ Сибири, но и на Руси, куда служилые люди пытались вывозить его» (стр. 74).

Значеніе торговаго капитала въ исторіи колонизаціи Сибири и управленія ею, хотя и отмѣчается авторомъ, но недостаточно подчеркивается, а это существенный факторъ не только въ исторіи Сибири, но и, вообще, въ исторіи Московскаго государства XVII в. Практика же торговаго капитала всегда и вездѣ одинакова, и всѣ мрачныя черты сибирской исторіи, столь живо изображенныхъ въ этой книгѣ,—самодурство воеводъ и служилыхъ людей, ясакъ и ясырь и даже миссіонерская дѣятельность сибирскаго духовенства, насильственно обращавшаго инородцевъ въ христіанство,—являются типичными чертами эпохи «первоначальнаго накопленія капиталовъ», на которую ссылается и самъ авторъ.

Въ заключеніе приходится сказать, что «Чтенія по исторіи Сибири», не заполняя собою отмѣченнаго выше пробѣла и страдая неполнотой и краткостью изложенія, все же да-

ютъ много матеріала, позволяющаго составить вполнѣ опредѣленное представленіе объ основныхъ особенностяхъ исторіи заселенія русскими Сибири въ эпоху Московскаго государства. Къ настоящему выпуску приложено 12 фототипическихъ таблицъ съ весьма любопытными рисунками, взятыми изъ «Краткой Сибирской Лѣтописи» («Кунгурской») и тѣмъ болѣе цѣнными, что послѣдняя представляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.

А. К—въ.

Comte de Fels. L'Imperialisme Français. Paris. Berger-Levrault. 1916. **(Графъ де-Фельсъ.** Французскій милитаризмъ. Парижъ. 1916. 83 стр. Цѣна 2 фр.).

Существуетъ-ли французскій имперіализмъ? «Конечно, да»,—отвѣчаетъ авторъ. «Начиная съ 1778 года, —пишетъ графъ де-Фельсъ,—французы ведутъ имперіалистскую политику, но люди, которые вели эту политику, никогда не имѣли мужества сказать это открыто. Современная французская имперія была создана парламентарной республикой, которая аннексировала или завоевала громадныя территоріи, подчинила своему господству силой оружія народы Туниса, Тонкина, Аннама, Индо-Китая, Мадагаскара, Судана, Конго, Мароко и пр. Міръ вообще переживаетъ эпоху имперіализма; Америка съ ея панамериканской доктриной, завоевавшая Кубу и Филлипины, Англія, господствующая надъ морями, Италія съ ея поспѣшными колоніальными вожделѣніями, требующая себѣ новыхъ земель во имя колоніальныхъ аппетитовъ, Японія, освятившая двумя побѣдоносными войнами свою имперіалистскую политику, Россія, отодвигающая все дальше и дальше свои границы,—однимъ словомъ,—куда бы мы ни обратили свои взоры, начиная съ 1877 года до настоящаго времени, исторія даетъ намъ рядъ войнъ, вызванныхъ конфликтомъ имперіалистскихъ политикъ великихъ державъ. Имперіализмъ — это воля народа распространить свое господство и свое вліяніе по ту сторону своихъ границъ (курсивъ автора), а это было и будетъ, и поэтому было бы смѣшнымъ лицемѣріемъ отрицать очевидность фактовъ» (стр. 9).

Установивъ ,что всѣ великія державы ведутъ имперіалистскую политику, графъ де-Фельсъ ставитъ передъ собой задачу высказать нѣсколько соображеній объ англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ имперіализмахъ, оставляя въ сторонѣ «славянскую цивилизацію, которая, судя по всему, не (!) претендуетъ на экспортъ изъ предѣловъ обширной московской имперіи» (стр. 10). Имперіализмъ бываетъ хорошій (англо-французскій) и плохой (германскій). Что германскій—самый худшій изъ имперіализмовъ—видно изъ того, что весь цивилизованный миръ предпочитаетъ Rule Britannia гимну Deutschland über Alles. Англійскій имперіализмъ—продуктъ чисто экспериментальный, это—зданіе, которое укрѣпляетъ каждое новое поколѣніе коммерсантовъ и государственныхъ дѣятелей вотъ ужъ въ теченіе 300 лѣтъ, и которое дѣлается все болѣе устойчивымъ и солиднымъ. Конечно, жестокость завоевателя не была чужда формированію этой обширной имперіи; конечно, высокомѣрная гордость изолированной на своемъ островѣ націи, не всегда была милосердна по отношенію къ порабощеннымъ народамъ; но все же морская гегемонія Англіи является въ глазахъ цивилизованнаго міра гарантіей свободы морей (стр. 12). «Превосходство французскаго имперіализма,—говоритъ графъ де-Фельсъ, —доказывается тѣмъ, что 170,000 солдатъ, принадлежащихъ къ различнымъ расамъ нашей имперіи (алжирцы, тунисцы, мароканцы, сенегальцы, суданцы, аннамиты, индокитайцы и т. д.), предложили въ жертву свою жизнь за свое новое отечество». (113).

«Многіе изъ французовъ,—продолжаетъ графъ,—будутъ, безъ сомнѣнія, изумлены, что можно подозрѣвать французскую политику въ имперіализмѣ, и, однако, мы должны признать, что если въ нашихъ глазахъ политика эта носитъ печать неувѣренности, робости и противорѣчія, то въ глазахъ иностранцевъ —и ихъ взглядъ не лишенъ основанія—эта политика разсматривается, какъ концепція мегаломановъ, безпокоющая нашихъ соперниковъ и приводящая въ отчаяніе нашихъ друзей» (стр. 16).

Было-бы странно, если бы Франція не использовала этой войны въ своихъ интересахъ. Лучшее средство для этого,—это создать хорошую границу. Мы не можемъ допустить, чтобы «исторія повѣдала нашимъ внукамъ, что Франція боролась только за торжество славянства и господство Англіи надъ морями; въ мирномъ договорѣ она должна найти **необходимыя гарантіи для своей безопасности»** (курсивъ автора). Графъ де-Фельсъ очень недоволенъ освободительной фразеологіей соціалистическихъ и радикалъ-соціалистическихъ политиковъ. Цитируя рѣчь лѣваго радикала Акамбрэя въ палатѣ о правѣ, справедливости и прочихъ высокихъ матеріяхъ, — графъ де-Фельсъ пишетъ: «на мѣстѣ избирателей Акамбрэя я потребовалъ бы нѣчто большее, я хотѣлъ бы, чтобы мнѣ объяснили, что значитъ справедливость и что значитъ освобожденіе народовъ, во имя которыхъ посылаютъ нашихъ дѣтей сражаться съ нѣмцами» (129). «Посмѣютъ-ли сторонники національнаго принципа на будущемъ мирномъ конгрессѣ потребовать возвращенія намъ валлоновъ Бельгіи, англо-нормандскихъ островов, французской Канады, предложатъ-ли они освободить весь арабскій міръ отъ французской, англійской и ирландской опеки, расположены-ли они отказать побѣдоносной Италіи въ Гинтерландѣ, Тріестѣ и восточныхъ берегахъ Адріатики, потому что области эти заселены славянами?» (31).

Графъ соглашается съ тѣмъ, что «великое слово—историческая миссія —является не болѣе, какъ пышнымъ покрываломъ».

Съ точки зрѣнія имперіалистской политики авторъ подходитъ также и къ «священному единенію». Отказъ отъ своихъ партійныхъ особенностей является, по его мнѣнію, необходимой предпосылкой хорошей имперіалистской политики. Нужно ли для священнаго единенія, чтобы всѣ партіи были представлены въ правительствѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Такой разнородный составъ исполнительной власти является, по мнѣнію графа, вызовомъ здравому смыслу и препятствіемъ къ единству дѣйствій. Хотя, съ другой стороны, привлеченіе оппозиціи (дѣло идетъ о соціалистахъ) къ правительственной власти... является шедевромъ современной политики, «ибо пріобщить, хотя бы въ слабой степени, къ правительственной отвѣтственности авторитетныхъ членовъ оппозиціи, является средствомъ парализовать навсегда критику этой оппозиціи и требованія, которыя она можетъ предъявить по окончаніи войны». (Стр. 43—44).

«Нѣтъ лучшаго названія для будущей политики Франціи, какъ имперіализмъ. Франція обладаетъ имперіей—**она должна вести имперскую политику** (курсивъ автора); причемъ базисомъ имперской политики является священное единеніе, которое должно обязательно пережить войну» (57). На этотъ счетъ у графа имѣются большія надежды, вызванныя поведеніемъ соціалистовъ. Графъ съ особымъ удовольствіемъ цитируетъ Эрвэ и смакуетъ, какъ этотъ «великій полемистъ злостно издѣвается (bafoue) надъ святымъ Карломъ Марксомъ».

Въ заключеніе графъ де-Фельсъ набрасываетъ широкими мазками программу обновленія Франціи, которая резюмируется въ слѣдующей фразѣ: побольше религіозной терпимости , съ одной стороны, и соціальной справедливости—съ другой. Графъ рекомендуетъ: примиреніе съ

Ватиканомъ, усиленное дѣторазведеніе, изданіе новаго Нантскаго эдикта окончательнаго примиренія, созданіе партіи труда, т.-е., пріобщеніе рабочихъ къ собственности посредствомъ трехмилліарднаго займа, который пойдетъ на помощь рабочимъ организаціямъ, и т. д. Хартія труда особенно занимаетъ автора. Раздача денегъ привяжетъ навсегда рабочихъ къ собственности и подрѣжетъ крылья всякой пропагандѣ классовой борьбы. Рента трехмилліарднаго капитала «будетъ приданымъ, заключеннаго между капиталомъ и трудомъ священнаго единенія. Нужно отбросить пацифизмъ и соціалистическій интернаціонализмъ, заняться реальной внѣшней и внутренней политикой... и безопасность Франціи будетъ основана на ея собственномъ величіи и непобѣдимой силѣ» (83).

Такова теорія и практика консерватора и реальнаго политика графа де-Фельса.

А. Лозовскій.

Selskabet for Social Forsken of Krigens Fölger. Bulletin № 2. Августъ, 1916 г. Копенгагенъ.

Учесть, хотя бы приблизительно, во сколько человѣческихъ жизней уже обошлась міровая война, въ настоящее время невозможно. Кромѣ непосредственныхъ потерь армій убитыми, ранеными и т. д., сюда входитъ повсемѣстное увеличеніе смертности и болѣзненности среди гражданскаго населенія воюющихъ странъ, въ особенности въ мѣстахъ, непосредственно прилегающихъ къ театрамъ военныхъ дѣйствій и среди бѣженцевъ, сокращеніе рождаемости, болѣзненность и смертность среди военноплѣнныхъ, вліяніе войны на движеніе населенія въ нейтральныхъ странахъ и т. д. Учесть все это возможно будетъ только черезъ много лѣтъ по заключеніи мира, когда появятся относящіеся сюда матеріалы...

Копенгагенское «Общество изученія соціальныхъ послѣдствій войны», посвятившее второй[1] свой бюллетень опредѣленію потери людьми въ настоящей войнѣ, рѣшило, поэтому, ограничиться подсчетомъ непосредственныхъ потерь армій. Точный подсчетъ и этихъ потерь пока что, конечно, невозможенъ. По понятнымъ причинамъ, воюющія страны скрываютъ, какъ размѣры своихъ армій, такъ и понесенныя ими уже потери. Степень конспираціи разныхъ странъ, впрочемъ, неодинакова. Англія, напримѣръ, опубликовала точный суммарный подсчетъ своимъ потерямъ на первое января 1916 г. Въ Германіи военное министерство издаетъ именные списки убитыхъ, раненыхъ, пропавшихъ безъ вѣсти и т. д. для свѣдѣнія родственниковъ, которые могутъ служить нѣкоторымъ болѣе или менѣе правильнымъ основаніемъ для подсчета. Въ Россіи можно найти кой-какія данныя въ отчетахъ Краснаго Креста, Городского и Земскаго Союзовъ. Австрія только въ началѣ войны публиковала списки потерь. Во Франціи нѣтъ никакихъ офиціальныхъ данныхъ, доступныхъ жителямъ за ея предѣлами, по крайней мѣрѣ. Копенгагенскому обществу пришлось, поэтому, прибѣгнуть къ различнымъ болѣе или менѣе искусственнымъ пріемамъ, и степень точности для различныхъ странъ поэтому далеко неодинакова.

Въ основу вычисленій германскихъ потерь были положены именные списки потерь, публикуемые германскимъ правительствомъ. Въ распоряженіи общества были 1032 номера этого изданія, обнимающіе 13178 страницъ. Путемъ подсчета количества фамилій на страницѣ каждаго десятаго выпуска таблицъ авторы бюллетеня опредѣлили, что въ среднемъ на страницу приходится 262,3 имени. Это число они нашли нужнымъ затѣмъ сократить до 225,8, въ виду

[1] № 1 бюллетеня посвященъ стоимости войны.

повтореній, исправленій и т. д. Пользуясь всюду выводомъ нѣкоторыхъ среднихъ, авторы бюллетеня опредѣляютъ нѣмецкія потери за два года войны въ 3.401.842 человѣка, изъ коихъ около 400.000 плѣнныхъ. Непосредственныя потери Германіи, такимъ образомъ, составляютъ: 885.500 убитыхъ и умершихъ, 1.602.900 легко раненыхъ, 513.400 тяжело раненыхъ. На основаніи среднихъ данныхъ о процентѣ выздоравливающихъ по разнымъ источникамъ, — число инвалидовъ опредѣляется бюллетенемъ въ 634.900 человѣкъ.

Подсчеты потерь Австро-Венгріи, Турціи и Болгаріи отличаются наименьшей точностью. Австро-венгерскія потери: умершихъ и убитыхъ 718.054, раненыхъ 1.776.940, инвалидовъ 533.082, плѣнныхъ 1.150.000. Таковы минимальныя цифры. Бюллетень приводитъ также и максимальныя цифры, которыя такъ же мало обоснованы, какъ и минимальныя: убитыхъ и умершихъ 913.512, инвалидовъ 1.020.000.

Турецкія потери заимствованы и подсчитаны на основаніи данныхъ американскаго генеральнаго штаба: убитыхъ и умершихъ 150.000, раненыхъ 350.000, инвалидовъ 105.000. Къ этимъ цифрамъ авторы бюллетеня сами относятся скептически.

Болгарскія потери подсчитаны на основаніи данныхъ о потеряхъ во время балканской войны 1912 — 1913 г. убитыхъ и умершихъ 25.500, раненыхъ 60.000, инвалидовъ 18.000.

Суммируя всѣ эти цифры — мы получаемъ слѣдующую цифру потерь людьми центральныхъ державъ за два года войны, не считая плѣнныхъ: убитыхъ и умершихъ 1.778.500, инвалидовъ 1.290.900, мертвыхъ и инвалидовъ вмѣстѣ 3.069.400; раненыхъ 4.296.300, раненыхъ и убитыхъ вмѣстѣ 6.064.800.

Подсчетъ англійскихъ потерь, вѣроятно, ближе всего къ дѣйствительности. По даннымъ бюллетеня, онѣ составляютъ: убитыхъ и умершихъ 205.000, инвалидовъ 154.300, раненыхъ 512.000.

Французскія потери вычислены довольно искусственными пріемами и составляютъ по бюллетеню: убитыхъ и умершихъ 870.000, раненыхъ 2.080.000, инвалидовъ 624.000, плѣнныхъ 400.000.

Въ основу итальянскихъ потерь положены данныя американскаго генеральнаго штаба и онѣ составляютъ по бюллетеню за 14 мѣсяцевъ войны: убитыхъ и умершихъ 105.000, раненыхъ 245.000, инвалидовъ 73.500, плѣнныхъ 55.000.

Бельгійскія потери опредѣлены въ слѣдующихъ цифрахъ: убитыхъ и умершихъ 50.000, раненыхъ 110.000, инвалидовъ 33.000, плѣнныхъ 40.000.

Сербскія потери: убитыхъ и умершихъ 110.000, раненыхъ 140.000, инвалидовъ 42.000, плѣнныхъ 200.000.

Потери Россіи подсчитаны довольно искусственно путемъ сложныхъ комбинацій надъ данными отчетовъ Краснаго Креста, городского и земскаго союзовъ и на основаніи случайныхъ свѣдѣній, попадающихся изрѣдка въ печати. Труда на подсчетъ затрачено, видимо, много, но пріемы вычисленій полнаго довѣрія не внушаютъ...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Непосредственныя потери армій всѣхъ воюющихъ странъ, несчитая плѣнныхъ, за два года войны: убитыхъ и умершихъ 4.631.500, инвалидовъ 3.373.700, убитыхъ и инвалидовъ вмѣстѣ 8.005.200; раненыхъ 11.245.300, раненыхъ и убитыхъ вмѣстѣ 15.876.800. Больные и умершіе въ плѣну сюда не вошли.

Бюллетень приводитъ отдѣльныя цифры потерь офицерскаго состава и сравнительныя данныя потерь отдѣльныхъ странъ въ настоящей войнѣ по отношенію къ прошлымъ войнамъ. Мы заимствуемъ еще только общую сводную таблицу для всѣхъ странъ объ относительныхъ потеряхъ людьми въ настоя-

щей войнѣ, сравнительно съ прошлыми войнами, начиная съ 1790 г. Табличка составлена по Леруа-Болье, Блоху, Британской энциклопедіи и другимъ источникамъ.

Годы войнъ.	Число дней.	Число убитыхъ.	Въ день.	Въ проц. къ наст. войнѣ.
1790—1815	9000	2100000	235	3,7
1854—1856	730	785000	1075	17,0
1859	41	45000	1100	17,4
1864	35	3500	26	0,4
1866	40	45000	1125	17,8
1870—1871	210	184000	875	13,9
1899—1902	995	9800	10	0,2
1904—1905	548	160000	292	5,0
1912—1913	238	462000	1950	30,9
1914—1916	731	4631600	6336	100,0

Н. Совскій.

В. Майскій, Энзисъ, Velox. Марксизмъ и вопросы войны и мира. Издательство «Книга». Петроградъ. Стремянная, 11. Москва, Б. Садовая, 10, кв. 33. Стр. 81. Цѣна 70 коп. 1916 г.

Въ сравнительно небольшой книгѣ лишь намѣчены контуры важнѣйшихъ вопросовъ современности. Болѣе полнаго и детальнаго выясненія этихъ вопросовъ размѣры книги не позволяли, къ тому-же это и не входило въ задачу ея составителей. Въ доступной и легко усвояемой формѣ авторы знакомятъ широкую публику съ нѣкоторыми вопросами демократическаго сознанія и демократической идеологіи.

Статья Velox: «Объ экономическомъ засильѣ и экономической кооперации» — посвящена вопросамъ экономическихъ взаимоотношеній и вытекающимъ изъ нихъ общественнымъ перспективамъ. Она разрушаетъ культивируемый патріотической печатью предразсудокъ объ экономическомъ засильѣ со стороны Германіи и заодно рисуетъ не особенно блестящія перспективы во взаимоотношеніяхъ Россіи съ союзниками. По мнѣнію автора, экономическое преобладаніе угрожаетъ теперь Россіи со стороны союзниковъ (Англіи или Франціи). По крайней мѣрѣ, заявленія экономистовъ и промышленниковъ этихъ странъ не оставляютъ мѣста большимъ сомнѣніямъ.

Статья Майскаго «Англійскій либерализмъ и война» посвящена тѣмъ измѣненіямъ, которыя пережила «величайшая демократія міра» въ періодъ войны. До сихъ поръ Англія была твердыней народовластія и либерализма въ политикѣ и фритрэдерства въ экономической жизни.

Правящая Англія какъ-то умѣла «ладить» съ демократіей. «Отсюда— классическая англійская «политика компромисса», отсюда предусмотрительная система «уступокъ сверху» требованіямъ народа, отсюда-же постоянная, шагъ за шагомъ слѣдующая, демократизація государственнаго режима (стр. 35).

Всѣ эти качества англійской демократіи были слѣдствіемъ, какъ ея островного положенія, такъ и власти промышленной и торговой буржуазіи, стремящейся къ «мирному завоеванію» внѣшнихъ рынковъ. Политическое положеніе Англіи можно было характеризовать слѣдующимъ: «Свобода торговли, политическая демократія, тѣсно связанная съ отсутствіемъ милитаризма, наконецъ, пацифизмъ,—таковы были краеугольные камни, на которыхъ покоилось все его величественное идейно-политическое зданіе» (стр. 39). Отъ этой характеристики сейчасъ осталось очень немного. Война уничтожила почти всѣ привилегіи демократіи, насадила цѣлую систему воздѣйствій, создала военную цензуру и пр. Одной изъ главныхъ гарантій демократіи съ очень отдаленнаго времени было волонтерство. Война сначала расшатала основную систему англійской военной службы, а затѣмъ волонтерство и совсѣмъ было замѣнено обязательной военной службой. «Отнынѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ и десятилѣтій ей (Англіи) придется влачить за собой по восходящимъ ступенямъ прогресса тяжелый мечъ

сухопутнаго милитаризма», (стр. 52).

Нарожденіе милитаризма въ будущемъ, несомнѣнно, нанесетъ тяжелые удары демократіи: «ея всемогущему парламенту будутъ нѣсколько подрѣзаны крылья, ея неограниченной политической свободѣ будутъ поставлены извѣстные предѣлы» (стр. 52).

Второй основой англійскаго либерализма была свобода торговли— отъ нея не осталось камня на камнѣ. Авторомъ приводятся отзывы и мнѣнія газетъ, экономистовъ, парламентаріевъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ (напр., Манчестерской торговой палаты), требующихъ таможенной защиты государства. Въ пользу этого приведены разнообразные аргументы. Дѣло однако, не въ нихъ, а въ томъ, что свобода торговли въ корнѣ уничтожена на многія и многія десятилѣтія, и ожидать возврата къ ней не приходится.

Безъ этихъ двухъ первыхъ условій англійскаго либерализма не можетъ существовать и пресловутый англійскій «пацифизмъ». Отъ него осталось еще меньше, чѣмъ отъ волонтерства и свободы торговли... И опять это положеніе подтверждается цѣлымъ рядомъ выступленій и мнѣній представителей самыхъ разнообразныхъ классовъ общества...

Однимъ словомъ, «старая Англія умерла, и на ея мѣстѣ можетъ родиться совершенно новая милитаристическая, протекціонистская и сугубо-имперіалистическая Англія».

Статья Энзиса «О патріотизмѣ, западничествѣ и германской соціалъ-демократіи» посвящена критикѣ взглядовъ Потресова, Кубика и другихъ «нео-патріотовъ», участниковъ сборника «Самозащита», доказывающая, что «въ Россіи все еще нѣтъ патріотизма, какъ массоваго явленія».

По существу говоря, нео-патріотизма совершенно нѣтъ, а есть лишь обыкновенный бюргерскій патріотизмъ, патріотизмъ «добраго нѣмца или француза» — такова основная мысль Энзиса, вытекающая изъ анализа двухъ направленій въ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Радикальное направленіе, представляемое Либкнехтомъ, Рюле, Мерингомъ, Розой Люксембургъ «мотивируетъ свое отрицательное отношеніе къ патріотизму» теоретическимъ отрицаніемъ заинтересованности пролетаріата въ современной государственной политикѣ и желаетъ совершенно особой классовой политики съ другимъ исходнымъ пунктомъ, чѣмъ дѣйствительность, и съ чрезвычайно далеко идущими цѣлями» (стр. 69). Авторъ отмежевывается отъ этого направленія, какъ слишкомъ «утопическаго», но все-же признаетъ за нимъ большія реальныя возможности въ будущемъ. Второе направленіе родилось изъ оппортунизма: оно не проявило какого-то новаго особеннаго патріотизма: оно слило его всецѣло съ патріотизмомъ обывателей — «нѣмецкіе націоналъ-соціалисты» не отмежевывались въ патріотизмѣ отъ бюргерства, напротивъ, подчеркивали, что не хотятъ въ этомъ отношеніи никакого отмежеванія» (стр. 73).

Чѣмъ же былъ и есть тотъ патріотизмъ, который охватилъ народы послѣ объявленія войны, и что такое вообще патріотизмъ? Понятіе патріотизма эволюціонизировало въ соотвѣтствіи съ измѣняющимися общественно-экономическими отношеніями. Такимъ образомъ, существовалъ патріотизмъ групповый, территоріальный, національный, религіозный и др. Въ настоящее время Европа вошла въ область имперіалистическаго патріотизма. Но разрѣшеніе вопросовъ будущаго лежитъ не въ нео-патріотическомъ имперіализмѣ, а въ чемъ-то другомъ, діаметрально ему противоположномъ.

Р. Арскій.

И. А. Михайловъ. Война и наше денежное обращеніе. Факты и цифры. Изд. всероссійскаго земскаго союза. Стр. 48. Цѣна 60 к.

Брошюра И. А. Михайлова, какъ уже видно изъ ея заглавія, является по содержанію сводкой тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣло на-

ше денежное обращеніе во время войны, а также измѣненій структуры кредита за то же время.

При огромномъ количествѣ различныхъ указовъ и законовъ, касающихся займовъ за-границей и внутри страны, введенія мораторія по различнаго рода обязательствамъ и, наконецъ, измѣненія эмиссіоннаго права Государственнаго банка и валюты, такого рода работа является, несомнѣнно, весьма полезной и желательной. Правда, въ ней мы напрасно стали бы искать общихъ теоретическихъ положеній, какихъ-либо широкихъ обобщеній и выводовъ. Но цифровой матеріалъ, довольно обширный и тщательно обработанный, а также и многочисленныя діаграммы значительно искупаютъ этотъ недостатокъ. Другимъ недостаткомъ брошюры, въ которомъ, впрочемъ, авторъ не виноватъ, слѣдуетъ считать извѣстную сухость изложенія. Но эта сухость въ значительной мѣрѣ оправдывается тѣмъ, что авторъ задался цѣлью дать хронику измѣненій, о которыхъ мы говорили выше.

Въ общемъ, нужно сказать, что разсматриваемая работа является весьма цѣннымъ справочникомъ для тѣхъ, кто интересуется валютными вопросами, и можно только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свою работу и въ дальнѣйшемъ, такъ какъ данныя доведены только до января 1916 г., а за истекающій годъ, какъ извѣстно, произошло немало весьма значительныхъ измѣненій въ области валюты, измѣненій, несомнѣнно, ведущихъ къ прочному и продолжительному воцаренію у насъ бумажной валюты.

Г.Ject Земанъ.

В. М. Хижняковъ. «Воспоминанія земскаго дѣятеля». Съ предисловіемъ В. Я. Богучарскаго. Изд. «Огни» Пгр. 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

Два года тому назадъ Россія праздновала 50-лѣтіе земской реформы. Сейчасъ готовится новая реформа мѣстнаго самоуправленія. Это обстоятельство придаетъ мемуарамъ виднаго, прогрессивнаго черниговскаго земца особый интересъ.

Мемуары В. М. Хижнякова являются какъ бы живой иллюстраціей къ работѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія за многіе годы, почти за все время Земскаго и Городского Положенія, какъ періода 70-хъ годовъ, такъ и послѣ реакціонныхъ реформъ 90-хъ годовъ. Авторъ на дѣлѣ могъ сравнить двѣ системы мѣстнаго самоуправленія: прежнюю и нынѣшнюю; выводы его совершенно опредѣленны. Положеніе 1892 года было причиной того, что вмѣсто хотя и умѣреннаго, но все-же прогрессивнаго большинства въ черниговской думѣ, «получило преобладаніе черносотенное направленіе» и поддерживать въ думѣ «ея достоинство и проводить въ ней постановленія, соотвѣтствующія истиннымъ интересамъ большинства населенія, сдѣлалось очень трудно» (стр. 79); то же самое произошло и съ земскимъ самоуправленіемъ: «Правильное пониманіе важнѣйшихъ нуждъ сельскаго населенія, — говоритъ В. М. Хижняковъ, — очень понизилось съ введеніемъ новаго (1890 года) Земскаго Положенія» (стр. 189). Любопытно, что губернаторъ, открывая въ 1890 году (послѣ реформы) земское собраніе, «поздравлялъ гласныхъ съ оказаніемъ земству особой милости» въ видѣ предоставленія возможности заботиться лишь о «чисто хозяйственныхъ нуждахъ населенія» и съ освобожденіемъ земства отъ заботъ о другихъ его (населенія) нуждахъ и отъ разрѣшенія разныхъ общихъ вопросовъ, какую обязанность «правительство принимаетъ на себя».

Въ общемъ, факты, сообщаемые авторомъ, не являются чѣмъ-либо новымъ и неизвѣстнымъ, но собранные вмѣстѣ, они особенно ярко говорятъ о двухъ сторонахъ городского и земскаго дѣла: во-пер-

выхъ, о крайней зависимости органовъ самоуправленія отъ администраціи, а во-вторыхъ, — о пристрастной политикѣ цензовыхъ хозяевъ городского и земскаго управленій, сплошь да рядомъ жертвующихъ общественной пользой во имя выгодъ своего класса.

Не мало треній было на пути прогрессивнаго общественнаго работника и, благодаря внутреннимъ причинамъ, — индиферентности и даже своекорыстію значительной части гласныхъ цензовиковъ, или избѣгающихъ посѣщать земскія собранія, или громящихъ различныя земскія начинанія (статистику, санитарную организацію, народное образованіе), или сразу проваливающихъ предложенія управы.

Тѣневая сторона земской работы настолько сильна, что авторъ въ концѣ книги пробуетъ оправдываться и говоритъ: «я не задавался цѣлью писать вообще исторію нашего земства. Я писалъ о томъ, что особенно наболѣло въ теченіе почти 40 лѣтъ моего участія въ земской работѣ». Напрасны эти извиненія, ибо въ этомъ «наболѣвшемъ» и есть корень земской исторіи, не офиціальная сторона земской жизни, но ея будни, показывающіе тѣ большія «возможности», которыя были передъ самоуправленіемъ, и разъясняющіе причины ихъ неосуществленія. Въ этомъ отношеніи книжка чрезвычайно поучительна... И, можетъ быть, она поможетъ нашимъ законодателямъ изъ того-же лагеря, въ которомъ находился В. Хижняковъ, почерпнуть изъ земскаго прошлаго побольше матеріала для энергичной борьбы за широкую земскую реформу, а не за «возвратъ къ 60-ымъ годамъ», о которомъ такъ часто говорили русскіе либералы начала нашего вѣка.

М. Петровъ.

Замѣтки.

Ф. М. Рощинскій-Пламадяла. Стихи юности. П. 1916. Стр. 152. Ц. 1 р. 50 коп.

Для характеристики книги приведемъ одно стихотвореніе полностью:

Встрѣча.

Наша встрѣча дорогая
Для меня была златая,
Когда чувственной порѣ
Мы отдавалися вполнѣ.

Думаемъ, что комментаріи излишни.

Л. Ф. Дмитренко. Смѣны души. Стихотворенія. Одесса 1916. Стр. 264. Ц. 2 р.

Роскошно отпечатанный на роскошной бумагѣ фоліантъ стихотворныхъ упражненій г-на Дмитренко наводитъ только на мысли о дороговизнѣ бумаги и о непродуктивномъ использованіи ея.

Александръ Туфановъ. Эолова арфа. Стихи и проза. Книга первая, съ предисловіемъ и портретомъ. П. 1917. Стр. 91. Ц. 1 р. 35 к.

Изысканный портретъ, въ высшей степени претенціозное предисловіе, щегольство не только «модными» вывертами и словообразованіями, но и метранпажнымъ искусствомъ, акростихи, месостихи и другіе фокусы — таково содержаніе этой книги.

Александръ Штихъ. Стихи. Москва. 1916. Стр. 44. Ц. 80 к.

Авторъ обладаетъ недурнымъ вкусомъ, умѣетъ пользоваться послѣдними завоеваніями техники, пишетъ даже иногда интересныя строфы, однако, всего этого мало для поэта.

Вл. Дитерихсъ ф.-Дитрихштейнъ. Тихая свирѣль. Собраніе стиховъ 1912—1916 гг. П. 1917. Стр. 93. Ц. 1 р.

Авторъ назвалъ половину своей книги «Блеклый вѣнецъ». Это названіе справедливѣе было бы при-

ложить ко всей книгѣ. Всѣ ея стихи именно блеклы, неярки, тусклы, хотя и написаны вполнѣ грамотно и порой даже умѣло.

Выгодскій.

А. Рославлевъ. «Ангелъ съ шарманкой». Разсказы. Изд. М. И. Семенова. П. 1916.

А. Гольдебаевъ. «Чужестранный цвѣтокъ». Разсказы. Изд. Семенова. П. 1916.

Л. Василевскій. «Земные обманы». Разсказы. Изд. Семенова. П. 1916.

Всѣ три книги — «книги для чтенья», книги, предназначенныя для чтенья въ вагонѣ, въ трамваѣ, въ пріемныхъ, вечеромъ передъ сномъ, т. е. въ случаяхъ, когда требуется занять умъ и тѣмъ обмануть время. Отсюда необходимое условіе ихъ читаемости — занимательность. Такія книги опредѣляются не тѣмъ, кто ихъ писалъ, а тѣми, кто ихъ будетъ читать.

Разсказы Рославлева разсчитаны на читателя, который любитъ, чтобы его занимали темами аллегорическими, символическими или просто фантастическими. Поэтому, дѣвушка съ шарманкой оказывается ангеломъ («Ангелъ съ шарманкой»), попугай въ чайной — олицетвореніемъ мѣшающей жить болтовни о возвышенныхъ предметахъ («Попугай»), моль, поѣдающая портьеры — неоправданнымъ въ міровой гармоніи зломъ («Богъ») и т. д., по общеизвѣстному символистическому шаблону.

Разсказы Гольдебаева требуютъ читателя, любящаго вздохнуть надъ зломъ соціальнаго неравенства; надъ судьбой бывшаго бѣдняка революціонера, нынѣ подневольнаго зятя богатаго эксплуататора («Зять Максимовичъ — Зарайскій»), надъ заброшеннымъ въ Сибири желѣзнодорожнымъ машинистомъ, спасшимъ отъ катастрофы сотню богатыхъ людей и умирающимъ отъ испытанныхъ при этомъ потрясеній («Исключается изъ списковъ»), надъ бѣдной портнихой, работающей безъ отдыха на образованнаго, но спившагося мужа («Чужестранный цвѣтокъ»), или же надъ безкорыстнымъ изобрѣтателемъ-самоучкой, который не можетъ выйти въ люди, потому что наши капиталисты предпочитаютъ заграничныя изобрѣтенья русскимъ («Крантъ»).

Трудно опредѣлить, для кого написаны пестрые разсказики Василевскаго. Ясно только, что для читателя, которому совершенно безразлично про что читать, было бы «чтиво». Что-жъ, такихъ читателей тоже не мало!

Бринъ.

КНИГИ, ПОСТУПИВШIЯ ВЪ РЕДАКЦIЮ.

Аксеновъ, И. А. *Елисаветинцы.* Вып. I. Изд. Центрифуга. М. DCCCCXVI. Стр. 299. Ц 4 р.

Армандъ, Лидiя. *Кооперацiя и народные дома.* Изд. Моск. Союза Потр. Общ. М. 1916. Стр. 16. Ц. 8 к.

Арсеньева, Клара. *Стихи о жизни.* Изд. автора. П. 1916. Стр. 76. Ц. 1 р.

Безсалько, П. *Алмазы востока.* Paris. 1916. Стр. 94. Ц. 1 р. 50 к.

Беловичъ-Бернадзиковска, Е. *Дѣтскiй театръ,* издаваемый подъ ред. Н. Новича № 16. *Свадьба гвоздички.* Сказка въ IV дѣйствiяхъ пер. съ сербск. Н. Новича. Скл. изд. въ кн. маг. М. Стасюлевича. П. 1916. Стр. 32. Ц. 30 к.

Бенавенте, Х. *Дѣтскiй театръ,* изд. подъ ред. Н. Новича № 13. *На порогѣ трудовой жизни.* Комедiя въ одномъ дѣйствiи. Пер. съ испанскаго. М. Стасюлевича. Скл. изд. въ кн. маг. П. 1916. Стр. 14. Ц. 20 к.

Бенавенте, Хасинто. *Дѣтскiй театръ,* изд. подъ ред. Н. Новича, № 17. *О. принцѣ, который всему научился изъ книгъ.* Сказка въ 5 д. Пер. съ исп. Скл. изд. въ кн. маг. М. Стасюлевича. П. 1916. Стр. 35+6. Ц. 60 к.

Бертенсонъ, Левъ. *Изъ воспоминанiй о Димитрiи Васильевичѣ Григоровичѣ.* Оттискъ изъ жур. «Русская Мысль», VI, 1916 г. М. 1916. Стр. 16.

Блиновскiй, П. Я. *Гимны кооперацiи.* Изд. Моск. Союза. Потреб. Общ. М. 1916. Стр. 102. Ц. 90 к.

Багрицкiй, Э.; Бобовичъ, П.; Горностаевъ, А.; Сторицынъ, П.; Третьяковъ, С.; Фiолетовъ, А.; Цагарели, Г.; Шершеневичъ, В. *Седьмое покрывало.* Стихи. Одесса. 1916. Стр. 62. Ц. 1 р. 25 к.

ольшаковъ, Константинъ. *«Солнце на излетѣ».* 2-ая книга стиховъ. 1613—1916 . Книгоиздат. «Центрофуга». М. 1916 г. Стр. 63. Ц. 1 р. 25 к.

Боканча, П. С. *Агрикультура и кооперацiя.* (Очерки, мысли и наблюденiя). Изд. жур. «Южный Кооператоръ». Одесса. 1915. Стр. 54. Цѣна 25 к.

Боканча, П. С. *Практическiя указанiя по воздѣлыванiю кукурузы и озими въ американскомъ пару.* Изд. 2-е, испр. Изд. Ферапонтiевскаго с.-х. общества. Бендеры. 1914. Стр. 68. Цѣна 15 к.

Бѣлорусское возрожденiе. Изд. «Украинской жизни». М. 1916. Стр. 24,

Валенбергъ, Анна. *Дѣтскiй театръ* изд. подъ ред. Н. Новича, № 18. *Новая шапочка Андерса.* Пьеса-сказка въ 3-хъ дѣйствiяхъ. Пер. со шведскаго. Скл. изд. въ кн. маг. М. Стасюлевича. П. 1916. Стр. 16. Ц. 40 к.

Ваксвейлеръ, Эмиль. *Бельгiя въ великой войнѣ, ея нейтралитетъ и лойяльность.* Пер. З. Кочетковой со вступ. статьей барона Б. Нольде. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1916. Стр. 180. Ц. 1 р. 75 к.

Вегнеръ, А. Ю. *Краткое пособiе къ лекцiямъ по политикѣ мѣстнаго самоуправленiя,* чит. въ 1915—16 акад. году. Вып. I, стр. 24. Вып. II, стр. 46. Харьковъ, 1916.

Вериго, Б. Ф., проф. *Роль бѣлковъ въ обмѣнѣ животнаго организма.* Изд. А. С. Панафидиной. П. 1913. Стр. 43. Ц. 20 к.

Верлэнъ, П. *Избранныя стихотворенiя въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Сост. П. Н. Петровскiй съ бiогр.* очеркомъ В. Брюсова. Изд. II Изд. Акц. О-во Универс. Библiотеки. М. 19 16. Стр. 83. Ц. 10 к.

Випперъ, Р., проф. *Исторiя Грецiи въ классическую эпоху.* IX—IV*вв. до Р. Х.* Скл. изд. въ кн. маг. В. С. Спиридонова. М. 1916. Стр. 575. Цѣна 3 р.

Волковъ, В. М. *Чтенiе, какъ основа*

развитія умственнаго и нравственнаго. Изд. автора. Н.-Новгородъ. 1916. Стр. 28. Ц. 15 к.

Временникъ. Вып. I. Изд. Сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. Вологда. 1916. Стр. 122.

В. В. *Производство и потребленіе въ капиталистическихъ обществахъ.* Изд. кн. маг. «Наша Жизнь». П. 1907. Стр. 55. Ц. 30 к.

Гессенъ, Юлій. *Исторія еврейскаго народа въ Россіи.* Въ 2-хъ томахъ. Т. I. Скл. изд. въ кн. маг. «Право». П. 1916. Стр. 472+VI. Ц. 4 р.

Гюлистанъ. *Альманахъ II.* Изд.«Гюлистанъ». М. 1916. Стр. 154. Ц. 2 р. 10 к.

Дворяшинъ, Николай. *Въ родномъ краю.* Стихотворенія. Изд. автора. Кашинъ. 1916. Стр. 10. Ц. 20 к.

Джекъ Лондонъ. *Смирительная рубашка.* Романъ, пер. съ англ.Н. Кранихфельдъи Е. Цедербаумъ. Изд. б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 300. Ц. 2 р. 25.

Дитерихсъ ф.-Дитрихштейнъ, Вл. *Тихая свирѣль.* Собр. стиховъ 1912-1916.г.г. Скл. изд. въ кн. маг. б. М. В. Попова П. 1916. Стр. 93. Ц. 1 р.

е-Волланъ, Григорій. *Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ Русскаго государства.* Ч. I, томъ II. Изд. М. О. Вольфъ. П. 1908 г. Стр. 300. Ц. 2 р. 25 к.

Ежегодникъ. *Московскаго Союза потребительныхъ обществъ.* Вып. IV. 1914 г. Изд. Моск. Союза П-ныхъ Общ. въ М. 1916. Стр. 199+96. Ц. 3 р.

Ерманскій, А. *Марксисты на распутьи.* (О сборникѣ «Самозащита). Изд. «Книга». П. 1916. Стр. 70. Ц. 60 к.

Жулавскій, Г. *Изъ дома отцовъ.* Пер. съ польск. Я. Домбровскаго и Е. Трутовской, подъ ред. Л. С. Козловскаго. Изд. Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 178. Ц. 1 р. 25 к.

Зайцевъ, Борисъ. *Тихія Зори.* Разсказы. Изд. 4-е книга I. Изд. Т-во «Книгоизд. Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 100. Ц. 75 к.

Зайцевъ, Борисъ. *Земная печаль.* Разсказы. т. VI. Изд. Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 223. Ц. 1 р. 50 к.

Закржевскій, Александръ. *Лермонтовъ и современность.* Изд. И. И. Самоненко. Кіевъ. 1915. Стр. 153. Ц. 1 р.

Закржевскій, Александръ. *Одинокій мыслитель.* (*Константинъ Леонтьевъ*). Къ 25-лѣтію со дня смерти. Изданіе журнала «Христіанская Мысль». Кіевъ. 1916 г. Стр. 35. Цѣна 50 коп.

Измайловъ, А. *А. П. Чеховъ.* **1860-1904** Біографическій набросокъ. Жизнь. Личность. Творчество. Изд. И. Д. Сытина. М. 1916. Стр. 592. Ц. 2 р. 50 к.

Извѣстія *Вологодскаго общества изученіе сѣвернаго края.* Выпускъ III. Вологда. 1916. Стр. 139.

Извѣстія *студенческихъ организацій М. С.-х. И.* (Петровской Академіи). Вып. II. Изд. студентовъ М. С.-х. И. М. 1916. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

Имберъ, Ш. I. *Въ еврейской странѣ.* Пер. съ евр. Е. Жирковой. Изд. С. Л. Быховскаго. М. 1916. Стр. 24. Ц. 30 к.

Каменевъ, Ю. *Объ А. И. Герценѣ и Н. Г. Чернышевскомъ.* Изд. «Жизнь и Знаніе», П. 1916. Стр. 142. Ц. 1 р.

Карточная система въ г. Ригѣ. Сост. д-ръ полит. эк. Е. Е. Штида. Изд. Рижской Город. Продов. Комиссіи. Рига. 1916. Стр. 45.

Каратыгина, Нина. *Кровь животворящая.* Сборникъ. Изд. автора. П. 1916. Ц. 1 р.

Каутскій, К. *Объединеніе средней Европы.* Пер. съ нѣм. под. ред. и съ пред. Энзиса. Изд. Т-во «Книгоизд. Писателей въ Москвѣ». М. 1916 г. Стр. 81. Ц. 7 р.

Каутскій, Карлъ. *Средняя Европа.* Пер. съ нѣм. К. Цедербаума и Б. Волосова, съ пред. А. Н. Потресова. Изд. «Дѣло». М. 1916. Стр. 75. Ц. 60 к.

Кистяковскій, Б. А. *Соціальныя науки и право. Очерки по методологіи соціальныхъ наукъ и общей теоріи права.* Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1916. Стр. 704. Ц. 5 р.

Костромская деревня въ *первое время войны.* Скл. изд.: Книжный складъ «Костромичъ». Кострома. 1916. Стр. 134.

Кононовъ, В. И. Николаевскій, М. Н. и Ягодовскій, К. П. *Практ. занятія по естествознанію* **Вып. I** Міръ неорганическій. Изд. 2-ое Тенишевскаго учил. П. 1916. Стр. 88. Ц. 65 коп.

Ковальская, Л. М. *Дороговизна жизни и борьба съ ней.* Вып. XIII семинаріи по полит. экономіи при Моск. Высшихъ Жен. Курсахъ и семинаріи по экономической политикѣ при Моск. Комм. Инст.-тѣ, подъ руководствомъ I. М. Гольдштейна. М. 1916. Стр. 352. Ц. 2 р.

Кооперативная пропаганда. (Знаніе—сила). 4-е изд., перер. и доп. № 9 Изд. Моск. Союза Потреб. Общ. М. 1916. Стр. 63. Ц. 15 к.

Кравковъ, С. П. *Жизнь почвы.* Изд. А. С. Панафидиной.П. 1913. Стр. 28 Ц. 20 к.

Краткія указанія *по организаціи союзовъ и объединеніи потребительныхъ обществъ.* Изд. Моск. Союза Потреб. Обществ. М. 1916. Стр. 32. Ц. 25 к.

Крестьянское хозяйство по переписи 1899—1911. Епифанскій уѣздъ. Ч. I. *Цифровая,* стр. 437. Ч. II. *Текстовая,* стр. 263. Изд. Тульскаго Губ. Земства. Тула. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Кульватенко,К. *Авель и Каинъ.* (Трагедія). Скл. изд.: Москва,Медынка, 28. М. 1916. Стр. 121. Ц. 75 к.

Лебедевъ,В. *Изъ рядовъ французской арміи.* Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Стр. 256. Ц. 2 р. 25 к.

Левинъ, Кирикъ. *Русская исторія въ простыхъ разсказахъ.* Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1916. Стр.318. Ц. 1 р.

Лыбровичъ, С. Ф. *На книжномъ посту.* Воспоминанія, записки, документы. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. П. и М. 1916. Стр. 496

Линдеманъ, К. Э. *Законы 2-го февраля и 13 дек.1915 г.* (*объ ограниченіи нѣмецкаго землевладѣнія въ Россіи*)*и ихъ вліяніе на экономическое состояніе южной Россіи.* М. 1916. Стр. 233.

Лозина-Лозинскій, А. *Троттуаръ.* Стихи. Изд. автора. П. 1916. Стр. 48. Ц. 1 р.

Лондонъ, Джекъ. *Хмельное. Алкогольныя воспоминанія,* т. XXII. Романъ. Авт. пер. съ англ. I. А. Маевскаго. Изд. I. А. Маевскаго. М. 1916. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к.

Майскій, В. Энэпсъ. Velox. *Марксизмъ и вопросы войны и мира.* Вып. I. Изд. «Книга». П. 1912.

«Мечта и Жизнь», стихи и проза.Сб. I. подъ ред. Петра Шевцова. Изд. «Бекатеша». П. MCMXVI. Стр.64. Ц. 50 к.

Мельгуновъ, С. *О современныхъ литературныхъ нравахъ.* Скл. изд.: Т-во «Задруга», Москва, М. Никитская, 29. М. 1916. 71. Ц. 60 к.

Морозовъ, Г. Ф., проф. *Лѣсъ какъ растительное сообщество.*Изд. А. С. Панафидовой. П. 1913. Стр. 44 Ц. 25 к.

Морозовъ,Николай. *Какъ прекратить вздорожаніе жизни?* (*Основные законы денежнаго хозяйства*). Изд. автора. М.1916. Стр. 128. Ц. 60 к.

Новичъ. Н. *Дѣтскій театръ.,* изд. подъ ред. Н. Новича, № 14. Три пьесы миніатюры для подростковъ. Скл. изд. въ кн. маг. М. Стасюлевича. П. 1916. Стр. 21. Ц. 30 к.

Павлова, М. А. *Практическое руководство къ изученію личности ребенка при помощи методовъ экспериментальнаго изслѣдованія.* Изд. А.А. Ивасенко. Одесса. 1916. Стр. 84. Ц. 1 р.

Плехановъ, Г. В. *Интернаціонализмъ и защита отечества.* Изд. 6. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 31. Ц. 40 к.

Полярный, Олегъ. *Зигзаги души.* Поэзы. Изд. автора. Кашинъ 1916. Стр. 10. Ц. 25 к.

Потресовъ, А. *Интернаціонализмъ и космополитизмъ. Двѣ линіи демократической политики.* Изд. «Книга» П. 1916. Стр. 90. Ц. 75 к.

Сборники *по теоріи поэтическаго языка.* Вып. I. Изд. О. М. Б. П. 1916. Стр. 71. Ц. 1 р.

Семеновъ - Тянь - Шанскій, Андрей. *Академикъ князь Борисъ Борисовичъ Голицынъ.* Біографическій очеркъ. (Отд. отт. изд. № 8 «Морск. Сборн.» 1916). П. 1916. Стр. 39.

Сергѣевъ-Ценскій, С. *Наклонная Елена.* Разсказы. Т. VII. Изд. Т-во «Книгоизд. Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 188. Ц. 1 р. 35 к.

Сибирскій пересмѣшникъ. Литературно-художественный и общественно-сатирическій повременникъ. Иркутскъ. 1916. Стр. 68. Ц. 40 к.

Скиталецъ. *Сквозь строй* и др. разсказы. Т. I. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 275. Ц. 1 р. 50 к.

Соловьевъ, Ив. *Олонецкіе крестьянскіе лѣса.* Изд. автора. Петроградъ. 1916. Стр. 39.

Со-вичъ, А. А. *Бояновы пѣсни славянамъ.* Изд. «Денница». М. 1916. Стр. 62. Ц. 60 к.

Стожъ, Днина. *Поѣздные волки.* Изд. «Ирисы». Иркутскъ. 1916. Стр. 38. Ц. 30 к.

Стожъ, М. Е. *Иркутскъ до перваго губернатора.* Очеркъ. Изд. 2-е. Изд. «Ирисы». Иркутскъ. 1916. Стр. 16.

Сургучевъ, Илья. *Сосѣдка.* Разсказы. Т. I. Изд. Т-во «Книгоизд. Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 224. Ц. 1 р. 50 к.

Тезисы *опубликованныхъ рѣшеній Гражд. и Уголовн. кассац—ыхъ Деп—овъ Правительствующаго сената за 1915 г.* Сост. П. А. Павловъ Скл. изд. въ кн. маг. «Одесскія Новости». Одесса. 1916. Стр. 48. Ц. 1. 50 к.

Тимковскій, Н. *Женихъ*. Разсказы. Кн. XI. Изд. Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 221. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, Алексѣй Н. гр. *Невѣрный шагъ*. Разсказы. Т. II. Изд. II. Изд. Т-во «Книгоизд. Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 224. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, Алексѣй, Н., гр. *Въ Англіи. На Кавказѣ. По Волыни и Галиціи*. Т. VI. Изд. II, доп. Изд. Т-во «Книгоизд. Писателей въ Москвѣ». М. 1916. Стр. 252. Ц. 2 р.

Трапезниковъ, Вл. *Первобытное населеніе сѣвера Россіи*. Вологда. 1916. Стр. 22.

Урмановъ, Ив. *Банковые служащіе*. Изд. автора. П. 1916. Стр. 44. Ц. 40 к.

Феррьеръ, Адольфъ. *Біогенетическій законъ и воспитаніе*. Пер. съ фр. Н.Н .Бахтина. Скл. изд. М. М. Стасюлевича. П. 1916. Стр. 27. Ц. 45 к.

Центрифуга. Сб. 2. Пятое турбоизданіе. М. Трейтъ. Турбогод. Стр. 111. Ц. 1 р. 75 к.

Шлихтеръ, А. Г. *Экономическое положеніе крестьянъ Туруханскаго края*. Ч. II. Вып. VIII. Изд. Упр. Земл. и Госуд. Имуществъ Енисейской губ. Красноярскъ. 1916. Стр. 197.

Щеголевъ, П. Е. *Дуэль и смерть Пушкина*. Изслѣдованіе и матеріалы. П. 1916. Стр. 376. Ц. 4 р. 50 к.

Элилловъ, Ф. *Еврейство и ассимиляція*. Изд. автора. П. 1917. Стр. 56. Ц. 75 к.

Издатель. **А. П. Тихоновъ.** Редакторъ **А. Ѳ. Радзишевскій.**